INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2022, Том 5, №7

Подписано к публикации: 15.10.2022

Главный редактор журнала

Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор*
Авакян Рубен Осипович *(Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор*
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Белоцеркович Денис Валерьевич *(РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент*
Бирюков Павел Николаевич *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Василевич Григорий Алексеевич *(Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Сергей Владимирович *(РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Федор Петрович *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Глебов Игорь Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Громов Владимир *Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор*
Джалилов Эльвис Алимович *(РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент*
Жамулдинов Виктор Николаевич *(Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент*
Захарова Светлана Александровна *(РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент*
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович *(Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор*
Кириллова Ирина Александровна *(РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент*
Коваленко Вадим Николаевич *(РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор*
Кожевников Олег Александрович *(РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент*
Коршунова Ольга Николаевна *(РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор*
Лазарева Лариса *Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор*
Машовец Асия Океановна *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент*
Мельников Николай Николаевич *(РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент*
Минязева Татьяна Федоровна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Миронов Анатолий Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Михайлова Екатерина Владимировна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник*
Мишина Наталья Вячеславовна *(РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент*
Мустафаева Айтен Инглаб *(Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор*
Небратенко Геннадий Геннадьевич *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Николайченко Виктор Викторович *(РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,*
Остапович Игорь Юрьевич *(РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент*
Пешкова Христина Вячеславовна *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Русинова Вера Николаевна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Сумачев Алексей Витальевич *(РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор*
Халифаева Анжела Курбановна *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Числов Александр Иванович *(РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор*
Файзиев Шохруд Фармонович *(Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент*
Флоря Евгений Константинович *(Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент*
Шатковская Татьяна Владимировна *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Шошин Сергей Владимирович *(РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент*

«International Law Journal» включен в список ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru
Сайт: http://ilj-journal.ru
© International Law Journal, 2022

Содержание

Гаврилов В.Н., Попов Д.С.
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛКИ, ОСЛОЖНЁННОЙ СМАРТ-КОНТРАКТОМ 9-12

Борлаков Р.Н.
ЗАЩИТА ПРАВ НА АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ 13-18

Савощикова Е.В.
МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 19-22

Слюсарева Т.Г., Токмаков Д.С.
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ 23-27

Шагов Е.М.
К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОЙ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И ЭЛЕКТРО-
ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЧИНЫ ПОЖАРА 28-33

Шарудилов А.С.
ПЕРЕВОД БИЗНЕСА: СПАСЕНИЕ КОМПАНИИ ИЛИ
СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ? 34-39

Емельянов И.В.
ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ОСНОВАНИЯ
И ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 210.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ 40-44

Карпеева Е.В.
К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «ДЕТИ,
ОСТАВШИЕСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ» 45-51

Коровин Е.С.
МЕЖГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ:
НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕГО РЫНКА СТРАН ЮЖНОГО КОНУСА 52-56

Краснов А.А.
ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ
ДЕЯНИЯ, В ИСТОЧНИКАХ РУССКОГО ПРАВА X-XIX ВВ. 57-62

Куртапов А.С.
ВОПРОСЫ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА БЕЗНАЛИЧНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ
СРЕДСТВА И «ТИПИЧНОСТИ» ПРИ ОСПАРИВАНИИ БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ
В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 63-68

Сорока Э.Ю., Ермаков А.В.
АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ
ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 69-76

Цветков В.А.
ПОСТКРИМИНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО ДИСТАНЦИОННОЕ ХИЩЕНИЕ 77-80

Агафонов А.В.
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СОГЛАСНО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 81-87

Завгороднева Е.В.
СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ И ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ 88-91

Лабазанова М.А.
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ДОЛГОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ 92-101

Калиниченко Д.В.
ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 102-106

Ляпчихина Н.В.
ДОГОВОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА ДРЕВНЕЙ РУСИ 107-112

Парёнкин А.А.
ПРАВОВОЙ СТАТУС АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО 113-120

Тимофеев Д.Ф.
НЕСОВЕРШЕНСТВО ПРОЦЕДУРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ 121-125

Занозина Ю.В.
К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ 126-130

Янике Е.А.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ДОБЫЧЕ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ В МОРСКОЙ ЗОНЕ 131-136

Джебраилов Лятиф Гурбанали оглы
СУДЕБНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ 137-142

Рустамов П.А.
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 143-146

Захарова А.П., Репейкова В.А., Стародубцева М.А., Печатнова Ю.В., Пинчук А.П.
ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ 147-156

Назаров М.Ю.
НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРА СМЕШАННОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 157-161

Янике Е.А.
ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РАЗРАБОТКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УГЛЕВОДОРОДНОГО СЫРЬЯ 162-167

Рудакова С.В.
ПРОКУРОР И ЕГО ПРАВО ОБЖАЛОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 168-173

Глоба В.В., Руденко А.В.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА С ЦЕЛЬЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С ДОПРАШИВАЕМЫМ: ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 174-177

Демичева Т.А.
КОНЦЕПЦИЯ VIZION ZERO КАК ОДНА ИЗ ФОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ТРУДА 178-184

Кремнев Р.Н.
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ 185-188

Леошкевич Е.В.
ЦЕЛЕВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАЙНЫ 189-191

Майкенов А.Р.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН КАК ОСОБЫЙ ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ 192-197

Поляков Д.Н.
SAAS-СОГЛАШЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В ТРАНСГРАНИЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 198-203

Реент Я.Ю.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОДИТЕЛЬСКИХ КОМИТЕТОВ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА С УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ 204-207

Назаренко Е.С., Махотенко М.А.
АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПОРЯДОК ОПИСАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ КАК ОБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК 208-214

Суходолов А.П., Ковальчук Л.Б., Суходолов Я.А., Колесникова А.В.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫМИ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ 215-222

Устинова А.В.
РАЗРАБОТКА ПОЛОЖЕНИЙ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ СЕТЕВОГО ВЕЩАНИЯ В РАМКАХ ПОСТОЯННОГО КОМИТЕТА ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ И СМЕЖНЫМ ПРАВАМ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 223-228

Алменбетова Г.Ж.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 229-235

Майкенов А.Р.
К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВАХ ПОСТУПЛЕНИЯ НА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 236-239

Contents

Gavrilov V.N., Popov D.S.
INVALIDITY OF A TRANSACTION COMPLICATED BY A SMART CONTRACT 9-12

Borlakov R.N.
PROTECTION OF RIGHTS TO AUDIOVISUAL WORKS ON THE INTERNET 13-18

Savoshikova E.V.
A MEDICAL PROFESSIONAL FROM THE POINT OF VIEW
OF PROFESSIONAL RESPONSIBILITY 19-22

Slusareva T.G., Tokmakov D.S.
PROSECUTOR'S SUPERVISION AS A SUBJECT OF ENSURING LEGALITY IN
THE ACTIVITIES OF EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE FIELD OF ECOLOGY 23-27

Shagov E.M.
ON THE ISSUE OF COMPREHENSIVE FIRE-TECHNICAL AND ELECTRICAL
EXPERTISE IN DETERMINING THE CAUSE OF A FIRE 28-33

Sharudilov A.S.
BUSINESS TRANSFER: COMPANY SAVE OR SUBSIDIARY LIABILITY? 34-39

Emelyanov I.V.
OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY:
GROUNDS AND POSSIBILITIES OF LAW ENFORCEMENT OF ARTICLE
210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION 40-44

Karpeeva E.V.
ON THE PROBLEM OF CATEGORY FORMATION
«CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE» 45-51

Korovin E.S.
INTERSTATE INTEGRATION IN THE POWER INDUSTRY:
EXAMPLE OF THE COMMON MARKET OF THE SOUTH 52-56

Krasnov A.A.
THE GENESIS OF THE INSTITUTE OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING
CRIMINALITY IN THE SOURCES OF RUSSIAN LAW OF THE X-XIX CENTURIES 57-62

Kurtapov A.S.
QUESTIONS ABOUT THE RIGHT OF OWNERSHIP OF NON-CASH MONEY
AND “TYPICAL” BANK OPERATIONS IN THE FRAMEWORK OF
A BANKRUPTCY CASE OF A CREDIT ORGANIZATION 63-68

Soroka E.Yu., Ermakov A.V.
CURRENT PROSPECTS FOR THE TURNOVER OF DIGITAL
FINANCIAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION 69-76

Tsvetkov V.A.
POST-CRIMINAL ACTIVITY OF A PERSON WHO COMMITTED REMOTE THEFT 77-80

Agafonov A.V.
THE CONCEPT AND SIGNS OF NARCOTIC DRUGS ACCORDING TO THE
LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND REPUBLIC OF BELARUS 81-87

Zavgorodneva E.V.
CORRELATION OF PROCEDURAL IMMUNITY OF CERTAIN CATEGORIES OF PERSONS AND THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW AND THE COURT 88-91

Labazanova M.A.
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION OF THE PROCEDURE OF DEBT RESTRUCTURING OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR 92-101

Kalinichenko D.V.
PRINCIPLES OF RECRUITMENT OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION 102-106

Lyapchikhina N.V.
CONTRACTUAL SOURCES OF THE LAW OF ANCIENT RUSSIA 107-112

Parenkin A.A.
LEGAL STATUS OF THE ARBITRATION GOVERNOR 113-120

Timofeev D.F.
IMPERFECTION OF THE PROCEDURE FOR THE FORMATION OF A JURY 121-125

Zanozina Yu.V.
ON THE ISSUE OF IMPROVING COMPREHENSION EFFICIENCY OF LEGAL DOCUMENTATION 123-130

Yanike E.A.
INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN THE EXTRACTION OF MINERALS IN THE MARINE ZONE 131-136

Dzhebrailov Lyatif Gurbanali ogly
JUDICIAL LEGAL POSITIONS ON CERTAIN ISSUES OF THE APPLICATION OF A SPECIAL PROCEDURE FOR THE TRIAL OF CRIMINAL CASES WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT 137-142

Rustamov P.A.
PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL CURRENCIES IN THE RUSSIAN FEDERATION 143-146

Zakharova A.P., Repeikova V.A., Starodubtseva M.A., Pechatnova Yu.V., Pinchuk A.P.
EFFECTIVENESS OF MEASURES AIMED AT PREVENTING TERRORIST AND EXTREMIST SENTIMENTS IN THE FIELD OF EDUCATION 147-156

Nazarov M.Yu.
BREACH OF THE CONTRACT FOR THE MULTIMODAL CARRIAGE OF GOODS: ECONOMIC AND LEGAL ANALYSIS 157-161

Yanike E.A.
ECOLOGICAL AND LEGAL REGIME FOR THE DEVELOPMENT OF HYDROCARBON DEPOSITS 162-167

Rudakova S.V.
THE PROSECUTOR AND HIS RIGHT OF APPEAL IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS 168-173

Globa V.V., Rudenko A.V.
SOME FEATURES OF THE INDIVIDUALIZATION OF TACTICS IN THE PRODUCTION OF INTERROGATION IN ORDER TO ESTABLISH PSYCHOLOGICAL CONTACT WITH THE INTERROGATED: PSYCHOLOGICAL AND FORENSIC ANALYSIS 174-177

Demicheva T.A.
THE CONCEPT OF VIZION ZERO AS ONE OF THE FORMS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF LABOR PROTECTION 178-184

Kremnev R.N.
ORGANIZATION OF INTERACTION OF THE OPERATIONAL DIVISIONS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES WITH OTHER SUBJECTS OF COUNTERING ILLEGAL MIGRATION 185-188

Leoshkevich E.V.
PURPOSE OF THE LEGAL REGIME OF PROFESSIONAL SECRET 189-191

Maikenov A.R.
LAW ENFORCEMENT SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AS A SPECIAL TYPE OF PUBLIC SERVICE 192-197

Polyakov D.N.
SAAS-AGREEMENT: SPECIFIC RULES FOR USE IN CROSS-BORDER COMMERCIAL BUSINESS 198-203

Reent Ya.Yu.
ACTIVITIES OF PARENTS COMMITTEES IN EDUCATIONAL COLONIES AS A FORM OF INTERACTION OF CIVIL SOCIETY WITH THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM 204-207

Nazarenko E.S., Makhotenko M.A.
ANALYSIS OF LEGISLATION REGULATING THE PROCEDURE FOR DESCRIBING MEDICINES AS OBJECTS OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT 208-214

Sukhodolov A.P., Kovalchuk L.B., Sukhodolov Ya.A., Kolesnikova A.V.
PUBLIC ADMINISTRATION CROSS-BORDER NATURAL RESOURCES 215-222

Ustinova A.V.
DEVELOPMENT OF PROVISIONS ON CIVIL LAW PROTECTION OF NETWORK BROADCASTING WITHIN THE FRAMEWORK OF THE STANDING COMMITTEE ON COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS OF THE WORLD INTELLECTUAL PROPERTY ORGANIZATION 223-228

Almenbetova G.Zh.
SOME ASPECTS OF THE EVOLUTION OF THE PERSONEL POLICY OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION OF THE REPUBLIC OF RAZAKSTAN 229-235

Maykenov A.R.
ON THE CONSTITUTIONAL BASIS OF ADMISSION TO THE LAW ENFORCEMENT SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN 236-239

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛКИ, ОСЛОЖНЁННОЙ СМАРТ-КОНТРАКТОМ

Гаврилов В.Н., кандидат юридическиих наук, доцент,
Попов Д.С.,
Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы недействительности сделки, осложнённой смарт-контрактом. необходимо понимать, как смарт-контракты будут сопрягаться с другими категориями, которые уже давно являются неотъемлемой частью права. Речь в нашем случае идет о недействительности сделок.*

Исследуется специфика регламентации и определения «смарт-контрактов», что помогает в решении поставленной цели работы. Опираясь на исследование Н.В. Мамаевой, выделены основные объекты смарт-контактов, такие, как подписанты, предмет договора и условия. Анализируя зарубежный опыт, автор приводит заключение о содержании Закона об электронных подписях в международной и национальной торговле, а в отечественной практике рассматривает ст. 309 ГК РФ.

В связи с тем, что исполнение смарт-контрактов происходит автоматизировано (то есть в автоматическом режиме), то повышается риск того, что подобный контракт будет заключен в отношении объектов, ограниченных в обороте и с недееспособными, малолетними или неуправомоченными лицами.

В статье обосновывается предоставление доступа компьютерному алгоритму к сведениям о таком имуществе, что позволит наложить на программу дополнительные гарантии по недопущению совершения подобных сделок. В качестве сложностей для предотвращения недействительности является заключение сделки со смарт-контрактом юридическим лицом, которая совершается в противоречии с целями его деятельности, или же сделки, которые совершатся с целью противоположной основам правопорядка или нравственности, противоречащей закону и т.п.

В результате реализации указанного направления предлагаются пути решения обозначенных в статье проблем, касающиеся недействительности сделок, осложненных смарт-контрактом, в контексте заключения и исполнения.

Ключевые слова: *смарт-контракт, недействительность сделок, заключение договора, исполнение договора*

INVALIDITY OF A TRANSACTION COMPLICATED BY A SMART CONTRACT

Gavrilov V.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Popov D.S.,
Saratov State Law Academy

Abstract*: the article discusses the problems of invalidity of a transaction complicated by a smart contract. It is necessary to understand how smart contracts will be interfaced with other categories that have long been an integral part of the law. In our case, we are talking about the invalidity of transactions.*

The specifics of the regulation and definition of "smart contracts" are investigated, which helps in solving the set work goal. Based on the research of N.V. Mamayeva, the main objects of smart contacts are identified, such as signatories, the subject of the contract and conditions. Analyzing foreign experience, the author gives a conclusion about the content of the Law on Electronic Signatures in International and National trade, and in domestic practice considers Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation.

Due to the fact that the execution of smart contracts is automated (that is, in automatic mode), there is an increased risk that such a contract will be concluded with respect to objects that are limited in circulation and with incapacitated, minors or unauthorized persons.

The article substantiates the provision of access to information about such property to a computer algorithm, which will allow additional guarantees to be imposed on the program to prevent the commission of such transactions. As difficulties to prevent invalidity is the conclusion of a transaction with a smart contract by a legal entity, which is made in contradiction with the goals of its activities, or transactions that are made with the purpose of opposing the foundations of law and order or morality, contrary to the law, etc.

As a result of the implementation of this direction, ways are proposed to solve the problems identified in the article concerning the invalidity of transactions complicated by a smart contract in the context of conclusion and execution.

Keywords: *smart contract, invalidity of transactions, conclusion of the contract, execution of the contract*

В последнее время огромную популярность стали иметь различные новшества, являющиеся результатом развития информационных технологий. Блокчейн, криптовалюта и другие понятия стали внедряться в нашу жизнь, постепенно становясь предметом правового регулирования. Одним из таковых новшеств является и смарт-контракт. Естественно, законодатель уже приступил к рассмотрению возможности полного становления данного явления в качестве составляющей правового оборота. В связи с этим необходимо понимать, как смарт-контракты будут сопрягаться с другими категориями, которые уже давно являются неотъемлемой частью права. Речь в нашем случае идет о недействительности сделок. Каковы особенности и проблемы недействительности сделки, осложненной смарт-контрактом?

Смарт-контракты, являясь результатом цифровизации, были разработаны в 1994 г. ученым Ником Сабо. Главной задачей создания данного продукта является самоисполняемость, которая дает возможность уменьшить зависимость исполнения договора от воли сторон. Смарт-контракт, будучи компьютерным алгоритмом, который основывается на технологии блокчейн, автоматизирует процесс исполнения договора и наблюдает за его исполнением [1, с. 154]. Н.В. Мамаева отмечает что смарт-контракты в своем составе имеют основные объекты, такие как:

- Подписанты – все стороны договора, которые являются участниками подписания контракта. Данные лица, используя электронную подпись, принимают или отказываются от условий, которые закрепляются в смарт-контракте.
- Предмет договора – содержание контракта. К этому объекту программа имеет свободный и полный доступ без участия человека.
- Условия – математический алгоритм исполнения обязанностей, которые предусматриваются в договоре. Состоит из четкой последовательности и логики [2, с. 6].

Обратимся к зарубежному опыту. Федеральное законодательство США предусматривает возможность заключения смарт-контрактов. К данному выводу можно прийти проанализировав содержание Закона об электронных подписях в международной и национальной торговле (Electronic Signatures in Global and National Commerce Act), так как подписание, заключение договора или иного документа, которое взаимосвязано с торговой деятельностью, не может быть признано незаконным, недействительным или ничтожным исключительно по причине фиксации в электронной форме [4]. В странах романо-германской правовой семьи данный контракт рассматривают как вид договоров, что по мнению ряда авторов является нецелесообразным и спорным, отмечая необходимость характеризовать смарт-контракт как *исполнение* договора [5, с. 80].

Исходя из содержания ст. 309 ГК РФ следует, что если исполнение сделки было совершено с использованием компьютерной программы, то этот факт оспариваться сторонами не может (исключением являются случаи, когда происходит вмешательства в действие программы). В данном случае после входа субъектов сделки в систему программы (например, смарт-контракта) последующие их действия совершаются в соответствии с прописанным на языке программирования математическому алгоритму [6, с. 44].

Сразу необходимо отметить тот факт, что договор, который подтверждает совершение сделки, не может быть признан недействительным, то есть не имеющим юридической силы или не влекущим последствий, основываясь только на том, что такой договор включает в себя смарт-контракт [3, с. 112].

В связи с тем, что исполнение смарт-контрактов происходит автоматизировано (то есть в автоматическом режиме), то повышается риск того, что подобный контракт будет заключен:

- в отношении объектов, ограниченных в обороте;
- с недееспособными, малолетними или неуправомоченными лицами.

В связи с этим, как отмечает Д.О. Налимов, законодательство должно содержать конкретный перечень возможных субъектов и предметов договоров в форме смарт-контракта [6, с. 263].

Стороны могут добросовестно заблуждаться о том, что программа работы контракта работает вне правового поля, не подозревая о его скрытых проявлениях.

В рамках создания точного правового механизма заключения договора, осложненного смарт-контрактом, на наш взгляд, необходимо предусмотреть распределение рисков подписантов за те ошибки, которые совершены во время работы компьютерного алгоритма, в том числе и во время хакерских атак, защиту от обмана, форс-мажора (в том числе по решению суда), угроз и иных действий, влекущих недействительность сделки и ее последствий.

Принципы гражданского права распространяются также и на смарт-контракты. Однако сложность состоит в том, что компьютерный алгоритм не «понимает» и в принципе не может на данный момент понимать и осознавать основополагающие начала отрасли права. Вследствие этого стороны при

применении смарт-контракта должны учитывать положения гражданского законодательства, касающиеся недействительности сделок. Одним из оснований недействительности является совершение сделки под влиянием существенного заблуждения. В данном вопросе не понятно, как будет признаваться сделка недействительной в том случае, когда компьютерный алгоритм смарт-контракта ввиду различных причин независимо от воздействия каких-либо субъектов ввел в заблуждение одну из сторон. В таком случае, в соответствии со ст. 178 ГК РФ, необходимо признать факт существенности заблуждения. Является ли сбой в работе смарт-контракта таковым? На наш взгляд, это может подпадать под существенное заблуждение. Как отмечает А.А. Малофеев, юридически значимое заблуждение происходит, когда внутренняя воля стороны соответствует ее волеизъявлению, но ее формирование происходит не только из-за действий контрагентов, но и своих же неправильных представлений [7, с. 75].

В части предотвращения последствий совершения сделки, осложненной смарт-контрактом касательно имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено, на наш взгляд, необходимо предоставить доступ компьютерному алгоритму к сведениям о таком имуществе. Это позволит наложить на программу дополнительные гарантии по недопущению совершения подобных сделок.

Еще одной сложностью для предотвращения недействительности является заключение сделки со смарт-контрактом юридическим лицом, которая совершается в противоречии с целями его деятельности, или же сделки, которые совершатся с целью противоположной основам правопорядка или нравственности, противоречащей закону и т.п. В этом случае необходимо понимать, что компьютерный алгоритм должен не просто «читать» закон и информацию, но и анализировать. На данный момент такой возможности у смарт-контракта нет, ввиду его слабой информационно-технической оснащенности, хотя вполне вероятно, что такое может быть в будущем.

Исходя из всего вышеизложенного, стоит отметить, что дискуссии о недействительности сделок, осложненных смарт-контрактом, остаются открытыми так же, как и споры о самой природе и правовой регламентации смарт-контрактов. Отдельные аспекты недействительности сделки компьютерный алгоритм способен понимать и, безусловно, предотвращать заключение данных сделок. Но ряд других аспектов, которые обозначены в данной работе, необходимо учитывать при разработке программ, предусматривающих новые возможности для смарт-контракта в вопросах заключения и исполнения договоров. Убеждены, что смарт-контракты способны изменить право так, как когда-то его изменил интернет и компьютер.

Литература

1. Нагорная А.И. Смарт-контракты в условиях цифровой экономики // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: сбор. материа. XIII Всерос. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых, посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. 2020. С. 154-155.

2. Мамаева Н.В. Смарт-контракты и их особенности // Наука и образование сегодня. 2018. № 1. С. 6 – 7.

3. Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex Russica. 2019. № 7. С. 108 – 118.

4. Electronic Signatures in Global and National Commerce Act [Электронный ресурс]. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ229/pdf/PLAW-106publ229.pdf (дата обращения: 15.12.2021)

5. Сомова Е.В. Смарт-контракт в договорном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 79 – 86.

6. Налимов Д.О. Смарт-контракт как предмет правового регулирования в России // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 258 – 266.

7. Гаврилов В.Н., Прохоров Н.А., Шахнавазов А.А. Анализ смарт-контрактов как объектов гражданских прав в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации // Научные стремления. Сборник научных статей. Продолжающееся издание. Минск, 2020. № 27. С. 41 – 45. DOI: 10.31882/2311-4711

References

1. Nagornaja A.I. Smart-kontrakty v uslovijah cifrovoj jekonomiki. Rossija v XXI veke: strategija i taktika social'no-jekonomicheskih, politicheskih i pravovyh reform: sbor. materia. XIII Vseros. nauch.-prakt. konf. studentov i molodyh uchenyh, posvjashhennoj 75-j godovshhine Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 godov. 2020. S. 154-155.

2. Mamaeva N.V. Smart-kontrakty i ih osobennosti. Nauka i obrazovanie segodnja. 2018. № 1. S. 6 – 7.

3. Bogdanova E.E. Problemy primenenija smart-kontraktov v sdelkah s virtual'nym imushhestvom. Lex Russica. 2019. № 7. S. 108 – 118.

4. Electronic Signatures in Global and National Commerce Act [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ229/pdf/PLAW-106publ229.pdf (data obrashhenija: 15.12.2021)

5. Somova E.V. Smart-kontrakt v dogovornom prave. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2019. № 2. S. 79 –-86.

6. Nalimov D.O. Smart-kontrakt kak predmet pravovogo regulirovanija v Rossii. Voprosy rossijskoj justicii. 2020. № 7. S. 258 – 266.

7. Gavrilov V.N., Prohorov N.A., Shahnavazov A.A. Analiz smart-kontraktov kak ob#ektov grazhdanskih prav v zakonodatel'stve Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii. Nauchnye stremle-nija. Sbornik nauchnyh statej. Prodolzhajushheesja izdanie. Minsk, 2020. № 27. S. 41 – 45. DOI: 10.31882/2311-4711

ЗАЩИТА ПРАВ НА АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Борлаков Р.Н., аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: *сеть Интернет стала привычным явлением настоящего, ведь с помощью ее служб соединяются миллиарда аппаратных устройств (компьютеры, телефоны, планшеты, «интернет вещей» и тому подобное), а следовательно, возникают, изменяются и прекращаются множество правоотношений, что, в свою очередь, порождает ряд правовых проблем, которые остаются актуальными для России: обеспечение информационной безопасности государства; обеспечение прав и свобод человека, в частности свободы придерживаться своих взглядов, получать и передавать информацию (блоги, мессенджеры); отношений по поводу электронной коммерции; использование Big Data; обращения Bitcoin и других криптовалют; использование доменных имен; охраны и защиты прав интеллектуальной собственности и тому подобное. В рамках этой работы будет уделено внимание последней группе правоотношений, а именно, охране и защите авторского права. Авторское право всегда находилось в состоянии необъявленной войны с использованием технологий в противоправных целях. До того, как был изобретен первый печатный станок, не было и особой необходимости охраны авторских прав, поскольку воспроизведения произведений было слишком дорогим и длительным. Как только стоимость воспроизведение произведений постепенно уменьшалась, а распространение технологий, используемых при таком воспроизведении, росло, рос и уровень угрозы нарушений авторского права.*

Ключевые слова: *защита прав, интернет, исследование, произведения*

PROTECTION OF RIGHTS TO AUDIOVISUAL WORKS ON THE INTERNET

Borlakov R.N., Postraduate,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Abstract: *the Internet has become a familiar phenomenon of the present, because with the help of its services, billions of hardware devices (computers, phones, tablets, the Internet of things, etc.) are connected, and consequently, many legal relationships arise, change and terminate, which, in turn, generates a number of legal problems that remain relevant for Russia: ensuring the information security of the state; ensuring human rights and freedoms, in particular the freedom to adhere to one's views, receive and transmit information (blogs, messengers); relations regarding e-commerce; use of Big Data; circulation of Bitcoin and other cryptocurrencies; use of domain names; protection and protection of intellectual property rights and the like. As part of this work, attention will be paid to the last group of legal relations, namely, the protection and protection of copyright. Copyright has always been in a state of undeclared war with the use of technology for illegal purposes. Before the first printing press was invented, there was no special need for copyright protection, since reproducing works was too expensive and time-consuming. As soon as the cost of reproducing works gradually decreased, and the spread of technologies used in such reproduction grew, the level of threat of copyright infringement also grew.*

Keywords: *protection of rights, Internet, research, works*

Интернет – это глобальная информационная телекоммуникационная сеть общего пользования, реализует информационную техническую, компьютерно-программной и кибернетико-логическую системную интеграцию в единое информационное пространство и единую архитектуру совокупности самостоятельных структурных сетевых и отдельных информационных ресурсов (Интернет-сайтов) и позволяет их идентифицировать доменными адресами и размещенных на программно-технически подключенных к сети серверах и других компьютерных технических устройствах, с помощью их логического и программного соединения на основе специальных программных протоколов связей между этими ресурсами (включая протоколы управления передачей/получением данных) в рамках единого системно-логически взаимосвязанного доменно-адресного пространства, для обеспечения непосредственного или опосредованного (через провайдера) доступа к информационным ресурсам с помощью гипертекстовых (гипермедиа) технологий, технологий поиска информации и технологий доменных имен, а также обеспечение обмена информацией с помощью электронно-почтовых, чатовых и других компьютерно-программных служб [4].

Специфика сети Интернет заключается в ее дуалистической природе: "с одной стороны, интернет – это телекоммуникационная сеть и иерархическая структура, включающая единые стандарты обмена информации и единую систему адресации. А с другой, интернет – это глобальное (Всемирное) и общедоступное информационное пространство, не имеющее единого централизованного управления, единого собственника и обособленного имущества» [6].

Предлагаем под Интернетом понимать «глобальную телекоммуникационную сеть общего пользования, предназначенная для передачи данных между пользователями и состоит из отдельных локальных фрагментов сети Интернет и сетей доступа, все элементы которых логически связаны в рамках глобального адресного пространства и взаимодействие которых базируется на интернет-протоколе, определенном международными стандартами» [7]. Приведенное определение представляется наиболее полно отражает сущность сети Интернет, поскольку Интернет не является ни субъектом, ни объектом правоотношений, а являются лишь технологическим инструментарием (аппаратно-программными системами), которым пользуются субъекты правоотношений для реализации своих прав и обязанностей.

В иностранной литературе внимание обращается на разное количество уровней регулирования интернета [9]. Например, И. Бенклер выделяет следующие иерархические уровни регулирования (от высшего к низшему):

1) уровень контента (информация, которой может обмениваться пользователь),
2) логический уровень (регулирование программным обеспечением, интернет-протоколами) и
3) физический уровень (аппаратные средства как пользователей, так и интернет-сервис провайдеров) [9].

Отметим, что нормативно-правовое регулирование авторско-правовых отношений, включая защиту авторских прав на произведения, размещенные в сети Интернет, осуществляется на уровне контента; в то же время технологические мероприятия, информация об управлении правами, идентификация конечных пользователей происходят на логическом уровне интернета [9].

В России вопросы, связанные с правовыми аспектами функционирования сети Интернет, исследовали представители различных отраслей права, а именно информационного права и гражданского права.

При этом в юридической доктрине вопрос места возникновения правоотношений, связаны с функционированием сети Интернет, остается острым и дискуссионным. Условно существующие подходы можно разделить на два течения - "киберправо «(англ. Cyberspace law) и» реальное" право.

Представители течения "киберправа" считают, что правоотношения могут возникать и осуществляться непосредственно в киберпространстве (которое, по мнению Ш. Шольберга, можно рассматривать как пятую сферу жизни лиц рядом с землей, водой, воздухом и космосом [10]), а для их регулирования возникает необходимость формулировать «кибер-законы» [11].

И. М. Рассолов определяет интернет-отношения как часть отношений в виртуальном пространстве (включая моральные, этические и иные отношения), участники которых выступают как носители субъективных прав и обязанностей в Интернете» [12]. Такой подход к пониманию правоотношений в сети Интернет в полной мере нашел отражение и с позиций авторского права. Ведь значительное количество ученых в своих исследованиях акцентирует внимание именно на защите авторских прав в сети Интернет; реализации авторских прав в Интернете.

Однако нельзя согласиться с представителями концепции «интернет-отношений» («киберправа»), исходя из следующих соображений.

Во-первых, ни физические, ни юридические лица, ни правоотношения между ними не могут объективно существовать в аппаратно-программных системах. В них могут размещаться только объекты гражданских прав, в частности, объекты авторского права, которые могут быть представлены в цифровой форме. Сеть Интернет – только техническое средство связи, с помощью которого возникают и осуществляются, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности между участниками гражданских отношений, так же как и телефонная, телетайпный или другое техническое средство связи.

Во-вторых, согласно ч. 1 ст. 11 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают из действий лиц, предусмотренных актами гражданского законодательства, а также из действий лиц, которые не предусмотрены этими актами, но по аналогии порождают гражданские права и обязанности. Действия правонарушителя совершаются не в сети Интернет, а в реальном «аналоговом» мире путем манипуляций с устройством ввода информации (например, с помощью кликов компьютерного манипулятора). Так же и действия правообладателя (или его представителя) по защите права совершаются в реальном мире – подача иска, направление жалобы правонарушителю и тому подобное.

В связи с этим дельным усматривается мнение А.А. Баранова, считающего, что «использование терминов, свидетельствующих о наличии представлений о том, что возможно существование еще

некоторой другой реальности (например, виртуальной), отличной от объективной, и в которой становится возможна реализация правоотношений, является ошибочным». Итак, методологически и юридически верным усматривается употребление конструкции «защита авторских прав на произведения, размещенные в сети Интернет» [8].

При рассмотрении вопроса об особенностях использования произведений, размещенных в сети Интернет, подчеркнем, что сеть Интернет (как и любое другое проявление цифровой среды) никоим образом не меняет основ парадигмы современного авторского права, не меняет сути авторских правоотношений. Права на произведения, подлежащие правовой охране в аналоговом среде, так же охраняются и защищаются и в среде цифровом, в том числе и при размещении произведений в сети Интернет. Авторское право имеет вполне достаточное сочетание правового инструментария, которое "характеризуется наличием определенных условий, определенностью общественных отношений, относительностью к определенному объекту-правовой режим" [9], который необходимо лишь надлежащим образом применить к относительно новым условиям цифровой среды, в том числе и относительно размещенных в сети Интернет произведений.

В законодательстве России по авторскому праву отсутствует нормативное определение понятия «произведение» или «объект авторского права», однако содержится неисчерпаемый перечень объектов, которые могут получить правовую охрану авторским правом, а следовательно – и подлежат авторско-правовой защите.

По мнению В.И. Серебровского, «произведение – это совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [11].

Произведение рассматривается "как имеющее нематериальную сущность, а форма его воплощения является материальным носителем" [5]. Существуют также другие доктринальные определения понятия произведения, которые в той или иной степени раскрывают содержание этого понятия. При этом целесообразно согласиться с о. Штефан, что понятие «объект авторского права» и «произведение» не являются тождественными, поскольку произведение законодатель определяет как родовое понятие, в которое могут воплощаться произведения науки, литературы, искусства, а значит «произведение» по своей сути является более широким понятием, чем «объект авторского права» [9].

В доктрине выделяют следующие признаки произведения: признак творческого характера произведения; признак объективности формы произведения; признак содержания произведения (независимость правовой охраны от жанра, объема, цели и назначения произведения); признак обнародования произведения.

Каждый из этих признаков правовой охраны в полной мере касается и произведений, размещенных в сети Интернет. В литературе также выделяют также такие признаки произведения как воспроизводимость [10], общественная полезность [7], признак завершенности произведения [9], критерий восприятия произведения органами чувств человека [8] и неповторимость (невозможность параллельного творчества).

В иностранных государствах возможно найти также другие специфические требования по охраноспособности произведений. Например, как отмечает Уильям Фишер, в Китае есть требование о законности содержания произведения [9].

До 1991 г. в США существовала правовая доктрина «в поте лица» (англ. sweat of the brow), согласно которой правовую охрану авторским правом получали даже оригинальные произведения, но на создание которых были потрачены значительные усилия [6].

Рассмотрим эти признаки более подробно. Признак воспроизводимости произведения (возможность изготовления копий произведения произведения) с учетом особенностей цифровой среды, которые будут описаны ниже, бесспорно является характерным для произведений, размещенных в сети Интернет; однако она не является обязательным признаком произведения как такового, поскольку существование произведения в объективной форме уже предполагает потенциальную способность к его дальнейшему воспроизведению. Впрочем, как справедливо отмечается в литературе, результат такого воспроизведения может не совпадать с объективной формой выражения произведения (например, обнародование научного доклада осуществлялось в устной форме, а ее воспроизведение – в цифровой) [10].

В общем виде критерий творчества означает, что произведение охраняется авторским правом, если он является результатом творческого труда автора (поскольку авторское право охраняет именно результаты такой деятельности, а не сам процесс создания). Однако понятие творчества не определяется в законодательстве, поскольку творчество – это общечеловеческая категория [14]; в законе только употребляются отдельные термины: «творческий труд», «творчество». Вместе с тем в Законе используется критерий оригинальности произведения – относительно названия произведения как самостоятельного произведения и конкретизации объектов, не охраняемых авторским правом: «расписания движения

транспортных средств, расписания теле - и радиопередач, телефонные справочники и другие аналогичные базы данных, которые не соответствуют критериям оригинальности» (п. «е» ст. 10 ФЗ [7]).

Заметим, что требование оригинальности как необходимое условие охраны произведения существует в праве США и стран-членов ЕС.

Впрочем, между ними существует определенное различие. В деле Feist Publications, Inc. против Rural Telephone Service Co., 499 U.S. 340 (1991) Верховный суд США пришел к выводу, что термин «оригинальность» означает, что произведение было создано автором самостоятельно и что оно содержит хотя бы минимальный уровень творчества [9].

Для сравнения оригинальность произведения в странах le droit d'auteur возможно определить как элемент личного участия, что отражает собственную интеллектуальную творчество автора [7].

Так, по делу C-145/10 (Eva-Maria Painer v Standard Verlags GmbH and Others, 2011) CJEU указал, что произведение признается оригинальным, если он отражает личность автора и выражает его свободные и творческие выборы в его создании (например, для фотографических произведений такими выборами могут быть подбор фона, угла и позы съемки, выбор освещения, прочее) [9].

При этом минимальный порог оригинальности в европейских странах является разным. Россия относится к странам le droit d'auteur с установленной презумцией оригинальности произведения (пока не доказано другого, результат интеллектуальной деятельности считается созданным творческим трудом), а определение минимального порога оригинальности произведения возложено на судебную практику.

Не вызывает сомнение тот факт, что эти термины характеризуют деятельность физических лиц – авторов. Ни юридические лица, ни особые объекты гражданских прав, на которые распространяется правовой режим вещи, в связи с континентальным подходом le droit d'auteur, не могут признаваться авторами.

Указанная парадигма, по нашему мнению, потребует в ближайшие годы существенного изменения в силу постепенного появления и дальнейшего распространения (в т.ч. в сети Интернет) объектов, выпущенных в свет искусственным интеллектом/ обо нейронными сетями без творческого труда физического лица как такового (англ. computergeneratedworks). Пока такие объекты, согласно действующему законодательству, не могут быть признаны объектами авторского права.

Наряду с этим некоторые ученые выделяют также новизну произведения как самостоятельный его признак [11] – неизвестность полученного результата как автору, так и другим лицам. А.А. Кулинич при исследовании условия творческого характера произведения приходит к выводу, что это условие раскрывается через синонимы: «новизна», «оригинальность», «индивидуальность» [7].

По нашему же мнению, критерий творчества одновременно предполагает элементы оригинальности (произведение должно отражать личность автора и выражать его свободные и творческие выборы в его создании) и новизны как вспомогательного критерия, поскольку новизна – объективный, а не субъективный критерий [15]; «новые творческие результаты, даже качественно новые, но не оригинальные, авторское право не охраняет и не защищает» [4].

При этом правовую охрану авторским правом приобретают произведения независимо от того, насколько существенным является проявление признака творчества в них.

"Вышесказанное в полной мере касается и произведений, размещенных в сети Интернет. Даже более простые из них, такие как сообщения электронной почты, легко удовлетворяют законодательное требование оригинальности» [16]. Признание произведения объектом авторского права не зависит от его назначения, ценности и завершенности.

В то же время, «появление новых, более утилитарных объектов авторского права дало повод говорить о том, что уровень творчества в указанных объектах может быть несколько ниже, чем в обычных литературных и художественных произведениях, что обусловлено их природой» [3].

Однако мы не можем с этим полностью согласиться, поскольку возможна ситуация, при которой доступ для публики к определенному веб-сайту (а значит, и к произведению, размещенному на определенном сервере) будет не общемировым, а ограниченным с помощью технических средств для отдельных стран (которые могут и не быть членами многосторонних конвенций). Конечно, это ограничение можно обойти с помощью других технических средств (PROXY, VPN), но, по нашему мнению, в таком случае ссылки на опубликование произведения на территории России или его нахождения в объективной форме на территории России будет нарушением принципов добросовестности и разумности.

Поэтому для определения вопроса опубликования произведения в сети Интернет как способа его обнародования на территории России необходимо выяснить, будет ли возможным доступ для публики к такому произведению без применения дополнительных технических средств [9, 14].

Требование объективности формы означает, что произведение считается созданным с момента первичного придания ему какой-либо объективной формы с учетом сути произведения. Под объективным понимают такую форму, что делает любое внешнее выражение идей, мыслей, образов автора доступным для человеческого восприятия [11]; является отделенной от лица автора и придает произведению самостоятельное бытие [10]; обеспечивает истинное, безусловное существование произведения вне и независимо от сознания человека [9].

В ГК и АК не указываются виды объективных форм существования произведений. Исходя из общих основ гражданского права, а именно – принципа свободы участников гражданского оборота, – автор может выбирать по своему усмотрению объективную форму существования своего произведения. В правовой же доктрине такими формами признаются письменная, устная, звуко-и видеозапись, изображение, объемно-пространственная формы [10].

Есть мнение, согласно которому «произведение, воплощенное через цифровую среду, является нетипичным объектом гражданского права, которому присущи такие природные «свойства-признаки», которые гражданскому праву неизвестны. Основанием для этого служат особенности восприятия такого произведения, что происходит по схеме «человек-машина-произведение»» [5].

Однако подчеркнем, что определяющим отличием между произведением в аналоговом среде и произведением в цифровой среде (в частности, в сети Интернет) является именно объективная форма его существования, которая в случае цифровой среды есть цифровой (для целей настоящего исследования цифровая форма приравнивается к электронной). При таком размещении происходит существенное изменение условий использования произведения, однако сама природа произведения, содержание, объем авторских прав на него остаются неизменными [11]. Указанная точка зрения является доминантной и в доктрине [12].

Поэтому объекты авторского права, представленные в цифровой форме, наделены признаком объективности формы, а затем охраняются авторским правом [9].

Литература

1. Афанасьева Ю. Новые информационные технологии: интеллектуальная собственность в Интернете // Интеллектуальная Собственность. Авторское право и смежные права. 2005. № 2. С. 33 – 34.

2. Серго А. Признаки доменного имени // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2005. № 1. С. 54.

3. Ересько П.В. Создание и модификация шаблонов типовых юридических документов компьютерными программными средствами // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2008. № 6 (64). С. 135 – 139.

4. Абрамова Е.Н., Аверченко Н.Н. Правоведение: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Сергеева А.П. М.: Юрайт, 2017. С. 1675.

5 Конин Н.М. Право России в вопросах и ответах: учебник. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. Н.М. Конина. М.: Проспект, 2017. С. 476.

6. Сагитова А.А. Проблемы защиты авторских прав в сети Интернет // Молодой ученый. 2018. № 5. С. 133 – 137. URL https://moluch.ru/archive/191/48204/

7. Ростовщикова О.В. Правовое регулирование // Гражданин и право. 2012. № 14. С. 14 – 17.

8. Шафоростова К.И. Защита интеллектуальной собственности в сети Интернет на национальном и международно-правовом уровнях // Концепт. 2019. № 8. С. 221.

9. Гайсин Ф.Ф. Проблема нарушения авторских прав в сети Интернет // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 2. С. 50 – 54.

10. Слюсарев А.В. Некоторые проблемы гражданско-правовой ответственности при нарушении интеллектуального права в сети Интернет // Гражданское законодательство. 2019. № 1. С. 180.

11. Мингалева Ж.А., Мирских И.Ю. Вопросы охраны и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и защиты авторских прав в сети Интернет // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2014.

12. Мирских, И.Ю. Перспективы охраны авторских права в Сети Интернет. Режим доступа https://cyberleninka.ru

13. Федорцова А.С. Объекты интеллектуальной собственности // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 2. С. 287 – 290.

14. Журавлев А.С., Кожин Д.А. Возможности использования объектов авторских и смежных прав в глобальной телекоммуникационной сети интернет // International Law Journal. 2021. Т. 4. № 3. С. 45 – 49.

15. Михайликов В.Л. Формы защиты авторских прав // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. Т. 11. № 2 (73). С. 136 – 139.

16. Смирнов С.А. О некоторых способах совершения преступлений в сфере авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 191 – 194.

References

1. Afanas'eva Ju. Novye informacionnye tehnologii: intellektual'naja sobstvennost' v Internete. Intellektual'naja Sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2005. № 2. S. 33 – 34.

2. Sergo A. Priznaki domennogo imeni. Intellektual'naja sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2005. № 1. S. 54.

3. Eres'ko P.V. Sozdanie i modifikacija shablonov tipovyh juridicheskih dokumentov komp'juternymi programmnymi sredstvami. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2008. № 6 (64). S. 135 – 139.

4. Abramova E.N., Averchenko N.N. Pravovedenie: uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop. pod red. Sergeeva A.P. M.: Jurajt, 2017. S. 1675.

5 Konin N.M. Pravo Rossii v voprosah i otvetah: uchebnik. 3-e izd., ispr. i dop. pod red. N.M. Konina. M.: Prospekt, 2017. S. 476.

6. Sagitova A.A. Problemy zashhity avtorskih prav v seti Internet. Molodoj uchenyj. 2018. № 5. S. 133 – 137. URL https://moluch.ru/archive/191/48204/

7. Rostovshhikova O.V. Pravovoe regulirovanie. Grazhdanin i pravo. 2012. № 14. S. 14 – 17.

8. Shaforostova K.I. Zashhita intellektual'noj sobstvennosti v seti Internet na nacional'nom i mezhdunarodno-pravovom urovnjah. Koncept. 2019. № 8. S. 221.

9. Gajsin F.F. Problema narushenija avtorskih prav v seti Internet. Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 2. S. 50 – 54.

10. Sljusarev A.V. Nekotorye problemy grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti pri narushenii intellektual'nogo prava v seti Internet. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo. 2019. № 1. S. 180.

11. Mingaleva Zh.A., Mirskih I.Ju. Voprosy ohrany i kommercializacii rezul'tatov intellektual'noj dejatel'nosti i zashhity avtorskih prav v seti Internet. Aktual'nye teoreticheskie i prakticheskie voprosy razvitija juridicheskoj nauki: obshhegosudarstvennyj i regional'nyj aspekty. 2014.

12. Mirskih, I.Ju. Perspektivy ohrany avtorskih prava v Seti Internet. Rezhim dostupa https://cyberleninka.ru

13. Fedorcova A.S. Ob''ekty intellektual'noj sobstvennosti. Russian Economic Bulletin. 2021. T. 4. № 2. S. 287 – 290.

14. ZHuravlev A.S., Kozhin D.A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya ob''ektov avtorskih i smezhnyh prav v global'noj telekommunikacionnoj seti internet. International Law Journal. 2021. T. 4. № 3. S. 45 – 49.

15. Mihajlikov V.L. Formy zashhity avtorskih prav. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2011. T. 11. № 2 (73). S. 136 – 139.

16. Smirnov S.A. O nekotoryh sposobah sovershenija prestuplenij v sfere avtorskih i smezhnyh prav v seti «Internet». Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 3 (35). S. 191 – 194.

МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Савощикова Е.В., кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению лишь отдельных аспектов статуса медицинского работника, связанного с совершением им профессиональных действий и возможностью привлечения его к уголовной ответственности. В работе ставиться вопрос о форме вины и особенностях данного элемента состава преступления в исследовании действий медицинского работника. В статье анализируются положения уголовного закона в вопросах ответственности за причинение смерти по неосторожности, вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Приводиться практика рассмотрения дел, связанных с установлением виновных действий врача. Указывается необходимость дальнейших исследований и ставиться вопрос о возможном отграничении причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей в отдельный вид преступления УК РФ. Дается сводный материал по статьям уголовного кодекса, где усматривается возможность установления медицинского работника, как специального субъекта преступления.*

Ключевые слова: *медицинский работник, субъект преступления, уголовное преследование, состав преступления, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей*

A MEDICAL PROFESSIONAL FROM THE POINT OF VIEW OF PROFESSIONAL RESPONSIBILITY

Savoshikova E.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow State University for the Humanities and Economics

Abstract: *the article is devoted to the consideration of only certain aspects of the status of a medical worker associated with the commission of professional actions and the possibility of bringing him to criminal responsibility. The paper raises the question of the form of guilt and the features of this element of the corpus delicti in the study of the actions of a medical worker. The article analyzes the provisions of the criminal law in matters of liability for causing death by negligence, as a result of improper performance by a person of his professional duties. The practice of considering cases related to the establishment of guilty actions of a doctor is given. The need for further research is indicated and the question is raised about the possible delineation of causing death by negligence due to improper performance of professional duties into a separate type of crime of the Criminal Code of the Russian Federation. A summary of the articles of the Criminal Code is given, where the possibility of establishing a medical worker as a special subject of a crime is seen.*

Keywords: *medical worker, subject of crime, criminal prosecution, corpus delicti, improper performance of professional duties*

Анализируя составы преступлений, где субъектом может выступать медицинский работник, нужно обратиться к составу, рассмотренному нами и приводимому в качестве примера исследования неосторожной формы вины, п. 2 ст. 109 УК РФ, где речь идет о причинении смерти по неосторожности в связи с профессиональной деятельностью. Признаками, дифференцирующими ответственность, в ч. 2 выступает ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей.

Практика показывает, что как правило, причинение смерти пациенту по средствам медицинских действий происходит или скорее является результатом небрежности медицинского работника и в первую очередь врача.

В делах, касаемых преступлений, где субъектом является или может являться медицинский работник , как и в любых других требуется при вынесении приговора учитывать наличие отягчающих либо смягчающих обстоятельств согласно ст. 61 и 63 УК РФ, однако практика показывает, что в большинстве случаев у врачей есть желание избежать ответственности независимо от вины, определенный снобизм и высокомерное отношение к пациентам, что корреспондирует к тому, чтобы набрать как можно больше смягчающих обстоятельств или вообще уйти от ответственности.

Как правило, комментируя положения п. 2 ст. 109 УК РФ, практики подразумевают в качестве субъектов только врачей, однако стоит возразить, что это не совсем верно и в статье говориться не о медицинской, а о профессиональной деятельности, что имеет важное значение. Существует множество видов

профессиональной деятельности, например, электромонтаж, которые связанны с действиями, опасными для жизни человека.

Возвращаясь к форме вины, являющейся определяющей в данном параграфе отметим. Объективный критерий небрежности предполагает поверхностное отношение к предвидению. На сегодняшний день для медицинских работников и для врачей характерно такое отношение. Для научного исследования важна статистическая информация, опрос пациентов или потенциальных пациентов по вопросу осознанности и ответственности медицинского персонала. Однако, на сегодняшний день, личный опыт изобилует примерами того, когда в ближнем Подмосковье, буквально 10 км до Москвы распространена практика того, что диспетчер рекомендует самостоятельно доехать до больницы, поскольку, не понятно приедет ли машина скорой помощи вообще. Любые цифры и обоснования прекрасных реформ здравоохранения разбиваются о такой многочисленный и печальный опыт реальности и откровенно низкого уровня субъективного отношения к своей профессии со стороны медицинских работников. Хотя обязанность медицинских работников предвидеть общественно опасные последствия своих противоправных деяний, корреспондирует к обязанности оказывать медицинскую помощь, своевременно и в соответствующих случаях. Более того, предполагается обязанность оказывать такую помощь надлежащим образом.

Составы преступлений, где медицинский работник выступает или может выступать в качестве субъекта, среди всего предполагает состав, предусмотренный п. 2 ст. 109 УК РФ и является квалифицированным видом причинения смерти по неосторожности по отношению к ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Преступление предусмотренное п. 2 ст. 109 УК РФ относится к преступлениям средней тяжести, предусматривает альтернативное наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на тот же срок, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Возможно субъективной и критикуемой со стороны медицинского сообщества, однако вполне обоснованной с точки зрения пациентов, будет точка зрения о том, что такое наказание является достаточно мягким. Последствием данного преступления является смерть человека, а ограничения свободы предполагает срок три года, практически, как срок декретного отпуска, против которого идет смерть человека и трагедия близких и родственников. На наш взгляд, меры предусмотренные санкциями этой статьи нарушают права граждан, ставших жертвами преступления.

Приведем пример из практики иллюстрирующий достаточно ярко ситуацию с осознанностью и ответственностью медицинских работников:

Областной суд Пензенской области, рассмотрев в своем заседании дело по апелляционной жалобе врача Б., которому показалось не соразмерным наказание, хотя результат его действий это смерть человека, причем сами обстоятельства дела заставляют ужаснуться. Областной суд оставил без изменений постановление нижестоящего городского суда от 1 июля 2016 г. Врач ГБУЗ «Сердобская межрайонная больница им. А.И. Настина» признан виновным в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ).

Судом было установлены все обстоятельства дела, по которым в августе 2015 года с острой болью в животе был доставлен Ш. в данное медицинское учреждение. Осмотр привел к выводу принимающего врача о диагнозе «ущемлённая паховая грыжа справа». Уровень квалификации принимающего врача, который был и оперирующим оставляет много вопросов. Однако, проведение операции показала отношение врача к своей работе, выраженное в причиненных телесных повреждений, являющихся дефектом оказания медицинской помощи и квалифицированных, как тяжкий вред здоровью, что несомненно свидетельствует и об уровне профессиональной осознанности врача, и о его квалификации, что несомненно «цепляет проблему формализма повышения квалификации и аттестации врачей». Результат всех событий – смерть пациента от кровопотери, развившейся вследствие ранения артерии правого семявыносящего протока, правой запирательной артерии, правой нижней надчревной артерии. Врач утверждал, что раны большого сальника, разрыв брыжейки подвздошной кишки, рану серозной оболочки подвздошной кишки он не причинял. Количество повреждений при достаточно стандартной операции повергает в ужас. Наказание врачу, в виде ограничения свободы на 2 года 6 месяцев, лишения права заниматься медицинской врачебной деятельностью на 2 года 4 месяца, показалось данному субъекту медицинской деятельности слишком серьезны за его безответственность и халатное отношение к послеоперационному наблюдению за больным. С ГБУЗ «Сердобская межрайонная больница имени А.И. Настина» в пользу потерпевшей – сестры покойного, постановлено взыскать компенсацию морального вреда в размере 200000 рублей» [5]. Сумма морального вреда в пользу сестры потерпевшего, так же вызывает вопросы, с моей точки зрения, поскольку назначение таких незначительных сумм еще и еще

снижает уровень ответственности больниц и медицинского персонала. Представляется, что суммы морального ущерба, хотя и субъективна, но должна отражать соразмерность содеянному и последствиям преступления. Вопрос требует отдельного внимания ученых и практиков и дополнительных дискуссий, нужна выработанная методика учитывающая уровень экономики и цен, если мы привязываем моральные страдания к финансовой составляющей.

Анализируя положения уголовного закона в вопросах ответственности за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей можно прийти к выводу о необходимости ужесточения санкции п. 2 ст. 109 УК РФ. Подобное предложение обоснованно объектом нарушаемых отношений по поводу жизни человека и обязанностью выполнения должностных функций и полномочий, возложенных на виновное лицо, в связи с исполнением им своих профессиональных обязанностей, предполагающих наличие специальных знаний опыта и умений, подтвержденных образованием и квалификацией.

Представляется возможным отграничить причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей в отдельный вид преступления УК РФ. Ввести запрет заниматься медицинской деятельностью пожизненно, поскольку нарушения в сфере медицинской деятельности могут стоить человеческой жизни, являющейся высшей ценностью в соответствии с положениями главы 1 Конституции РФ.

В общем и целом можно представить состав преступлений, где медицинский работник будет являться специальным субъектом преступления. На наш взгляд профессиональные преступления медицинских работников давно требуют отдельной главы УК РФ.

Таблица 1

Составы профессиональных преступлений медицинских работников против жизни и здоровья по УК РФ

№ п/п	Норма УК РФ		Характер деяния	Форма деяния	Характер вредных последствий
1	ч. 2 ст. 109	причинение смерти по неосторожности	ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей	действие либо смешанное бездействие	смерть
2	ч. 2 ст. 118	причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности	ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей	действие либо смешанное бездействие	тяжкий вред здоровью
3	ч. 4 ст. 122	заражение ВИЧ-инфекцией	ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей	смешанное бездействие	заражение другого лица ВИЧ-инфекцией
4	ч. 1 ст. 124	неоказание помощи больному	неисполнение профессиональных обязанностей	чистое либо смешанное бездействие	вред здоровью средней тяжести
5	ч. 2 ст. 124	неоказание помощи больному	неисполнение профессиональных обязанностей	чистое либо смешанное бездействие	смерть либо тяжкий вред здоровью
6	ст. 235 УК РФ	Незаконное осуществление медицинской и фармакологической деятельностью	Занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензии на эти виды деятельности	действие	причинение вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 235 УК) или смерть человека (ч. 2 ст. 235 УК).

Литература

1. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994. 204 с.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан: общая и особенная части / под общ. ред. Борчашвили Исидора Шамиловича. 2-е изд., испр. и доп. Алматы: Жеті жарғы, 2007. 989с.

3. Вермель И.Г. Судебно-медицинская экспертиза лечебной деятельности: (вопросы теории и практики). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 111 с.

4. Возняк О.А., Калжанова А. Ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, 16-17 апреля 2016 года. Тамбов, 2016. С. 131 – 137.

5. «Пензенский областной суд оставил без изменения приговор Сердобского городского суда от 1 июля 2016 г., которым врач ГБУЗ «Сердобская межрайонная больница им. А.И. Настина» www.oblsud.penza.ru/item/1249

References

1. Borodin S.V. Otvetstvennost' za ubijstvo: kvalifikaciya i nakazanie po rossijskomu pravu. M.: YUrist, 1994. 204 s.

2. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Kazahstan: obshchaya i osobennaya chasti. pod obshch. red. Borchashvili Isidora SHamilovicha. 2-e izd., ispr. i dop. Almaty: ZHeti zharғy, 2007. 989s.

3. Vermel' I.G. Sudebno-medicinskaya ekspertiza lechebnoj deyatel'nosti: (voprosy teorii i praktiki). Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1988. 111 s.

4. Voznyak O.A., Kalzhanova A. Nenadlezhashchee vypolnenie professional'nyh obyazannostej medicinskim ili farmacevticheskim rabotnikom. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii, ugolovnogo processa i ugolovno-ispolnitel'nogo prava: teoriya i praktika: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 16-17 aprelya 2016 goda. Tambov, 2016. S. 131 – 137.

5. «Penzenskij oblastnoj sud ostavil bez izmeneniya prigovor Serdobskogo gorodskogo suda ot 1 iyulya 2016 g., kotorym vrach GBUZ «Serdobskaya mezhrajonnaya bol'nica im. A.I. Nastina» www.oblsud.penza.ru/item/1249

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ

Слюсарева Т.Г., кандидат юридических наук, доцент,
Токмаков Д.С., старший преподаватель,
Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт

Аннотация: *в статье раскрываются основные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов, регулирующих охрану окружающей среды, как одного из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. Вопросы обеспечения экологической безопасности всегда обладали и обладают чрезвычайной актуальностью.*

Каждый человек обладает конституционным правом на охрану здоровья и правом на благоприятную окружающую среду. Одной из важнейших гарантий реализации этих прав является надлежащий государственный экологический и санитарно-эпидемиологический контроль, подкрепленный системой санкций за нарушение экологических требований и совокупностью экономических способов устранения причиненного вреда.

По результатам проведенного исследования сделан вывод о том, что Прокуратуре РФ отводится важное место в решении задач, связанных с охраной окружающей среды. Прокурорский надзор является необходимой государственной деятельностью, направленной на устранение нарушений законов и реальное укрепление законности.

Ключевые слова: *территориальные природоохранные органы, организация прокурорского надзора, экология, законность, органы исполнительной власти, право на благоприятную окружающую среду, профилактика нарушений экологического законодательства, экологическая преступность, экологическая культура*

PROSECUTOR'S SUPERVISION AS A SUBJECT OF ENSURING LEGALITY IN THE ACTIVITIES OF EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE FIELD OF ECOLOGY

Slusareva T.G., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tokmakov D.S., Senior Lecturer,
Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Abstract: *the article reveals the main issues of prosecutorial supervision over the implementation of laws regulating environmental protection as one of the priority areas of activity of the prosecutor's office. The issues of ensuring environmental safety have always been and are extremely relevant.*

Everyone has the constitutional right to health protection and the right to a favorable environment. One of the most important guarantees for the realization of these rights is proper state environmental and sanitary-epidemiological control, supported by a system of sanctions for violation of environmental requirements and a set of economic ways to eliminate the harm caused.

According to the results of the study, it was concluded that the Prosecutor's Office of the Russian Federation has an important place in solving problems related to environmental protection. Prosecutor's supervision is a necessary State activity aimed at eliminating violations of laws and the real strengthening of the rule of law.

Keywords: *territorial environmental authorities, organization of prosecutorial supervision, ecology, legality, executive authorities, the right to a favorable environment, prevention of violations of environmental legislation, environmental crime, environmental culture*

Российская Федерация занимает огромную территорию, на которой при одном и том же правительстве собраны уникальные экосистемы, которые охраняются одними и теми же законами. Природа России нуждается в особой защите, так как гибель какой-то части природного ареала повлечет за собой негативное изменение окружающей среды в других частях мира.

Правительством РФ и общественными организациями разрабатываются программы и реализуются мероприятия, направленные на защиту окружающей среды, но состояние окружающей среды продолжает ухудшаться под действием антропогенного фактора или природных катастроф. Для экологической безопасности возникают все новые угрозы, из-за которых происходят необратимые негативные изменения, такие как опустынивание, изменение климата, смещение географических зон. Атмосферный воздух, вода, почва считаются возобновляемыми ресурсами, но в современных масштабах загрязнения эти ресурсы пере-

стали быть возобновляемыми, так как не успевают восстанавливать свое прежнее состояние. Что касается животного мира, в нем наметилась тенденция исчезновения биологических видов, например, амурских тигров, осетровых рыб, что приводит к невосполнимым потерям генофонда. Чрезмерная активность человека приводит к тому, что моря утрачивают сове рыбопромысловое и рекреационное значение. Уже долгое время в регионах остро стоит проблема об утилизации промышленных и бытовых отходов, потому что субъекты предпринимательства не стремятся связываться с перерабатывающим производством [13].

Указом Президента РФ 2013 год был объявлен Годом охраны окружающей среды. Это не говорит о том, что в другие годы охране окружающей среды не уделяется внимания, но в 2013 году Правительством РФ был разработан комплекс мероприятий различного формата. Общественные организации были привлечены к разработке проектов по восстановлению окружающей среды по предотвращению загрязнения природы [5].

Правительством РФ на 2013 год был разработан комплекс мероприятий с определением органов исполнительной власти, ответственных за исполнение плана мероприятий. В образовательных организациях были запланированы форумы, конкурсы, научно-практические конференции, круглые столы, семинары и другие научные мероприятия, посвященные самым злободневным экологическим проблемам. По завершении Года охраны окружающей среды был проведен Всероссийский съезд, на котором были заслушаны доклады, оценивающие эффективность экологического законодательства [9].

Актуальность прокурорского надзора за законностью деятельности органов исполнительной власти объясняется тем, что ежегодно разрабатываются новые источники правового регулирования, но они практически не влияют на состояние окружающей среды. В качестве примера можно рассмотреть деятельность Правительственной комиссии по обеспечению устойчивого функционирования водохозяйственного комплекса отдельных регионов, среди которых районы, пострадавшие от крупномасштабных наводнений (Амурская область, Хабаровский край и др.) [6].

Во исполнение Указа Президента РФ №693 была создана Правительственная комиссия для координации деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по созданию устойчивой системы водохозяйствования в Сибири и на Дальнем Востоке. Одна из задач Правительственной комиссии заключалась в разработке мер, предотвращающих негативное воздействие вод на инфраструктуру. Главной заслугой Правительственной комиссии стала эффективная организация работы органов исполнительной власти по ликвидации последствий наводнения, но устойчивой системы водохозяйствования организовано не было. Реки в указанных регионах продолжали бесконтрольно разливаться и в 2014 году, и в 2015 году [11].

Правительственная комиссия должна была разработать комплекс мер, направленных на предотвращение негативного воздействия водохозяйствования на инфраструктуру жилых районов и на сельское хозяйство. Те предложения, которые выдвигались членами Правительственной комиссии, оставались нереализованными либо не приводили к нужному результату. В 2015 году было принято решение о прекращении деятельности Правительственной комиссии [7].

Прокуратура России осуществляет надзор за деятельностью государственных органов, органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций и иных юридических лиц, в компетенцию которых входит деятельность по охране окружающей среды. Необходимо отметить, что Прокуратура России в соответствии с Законом «Об охране окружающей среды» не осуществляет экологического надзора и контроля. В соответствии с законодательством на экологический надзор уполномочивается специальный федеральный орган исполнительной власти [3].

В соответствии с Законом о Прокуратуре РФ в предмет надзора прокуроров входит исполнение Конституции РФ, федеральных законов и подзаконных нормативных актов государственными органами исполнительной власти, Следственным комитетом, законодательными и исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами [2].

В соответствии с ведомственным приказом Генеральный прокурор, прокуроры субъектов РФ, прокуроры городов и районов осуществляют надзор за исполнением государственными органами законодательства, регулирующего экологическую сферу. Задачей надзора прокуратуры за соблюдением законности в деятельности органов исполнительной власти при исполнении экологического законодательства является обеспечение гарантий реализации права человека на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [10].

Экология является не исключаемым объектом общественной и государственной жизни, поэтому надзор за законностью деятельности органов исполнительной власти считается одним из важнейших направлением деятельности прокуратуры.

В Экологической доктрине РФ надзорная деятельность прокуратуры называется эффективным инструментом обеспечения достойного уровня качества окружающей среды, поскольку прокуратура РФ контролирует, насколько точно государственные органы исполнительной власти исполняют экологическое законодательство, обеспечивая безопасность природных объектов и рациональное природопользование. Прокуроры в надзорной деятельности наделены полномочиями применять к субъектам экологического правоприменения средства прокурорского реагирования. В экологической доктрине России прокурорский надзор называется обязательным и необходимым элементом правоприменения [8].

По статистическим данным 2020 года, представленным Генеральной прокуратурой РФ, за девять месяцев 2020 года (январь – сентябрь) выявлено 222200 нарушений законодательства в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Прокуроры принесли 8941 протест на действия субъектов исполнения экологического законодательства, направили в суд 19495 исков и заявлений, вынесли 61596 представлений. За девять месяцев 2020 года к административной ответственности за нарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования привлечены18816 человек. Это говорит о том, что нарушения законодательства еще достаточно многочисленны [7].

Так, в 2019 году Александровским районным судом Ставропольского края было рассмотрено исковое заявление прокурора к администрации муниципального образования Новокавказского сельсовета, поданное в интересах неопределенного круга лиц. Прокурором выявлены три несанкционированные свалки бытовых отходов, что стало причиной обращения в суд с требованием о признании незаконным бездействия органа местного самоуправления и об обязании должностных лиц совершить определенные действия. Судом было принято решение об удовлетворении искового заявления прокурора, на администрацию сельсовета возложено обязательство в течение шести месяцев принять меры по ликвидации несанкционированных свалок отходов потребления [14].

В сфере исполнения экологического законодательства типология экологических правонарушений разработана подробно. Правоприменители и теоретики природоохранного права считают, что большое количество экологических правонарушений обусловлено, прежде всего, низкими штрафными санкциями, предусмотренными статьями, вошедшими в Главу 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Физическим лицам назначается наказание в виде штрафа до 3000 рублей [1].

В июле 2022 года в Главу 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях внесены изменения, в соответствии с которыми штрафные санкции за отдельные природоохранные правонарушения штрафные санкции были увеличены в 5 раз. На данный момент нельзя судить об эффективности этой меры, но совершенно точно, что распространенность экологических правонарушений обусловлена не только низкими штрафами, но и другими причинами [4].

Кроме увеличения штрафных санкций для повышения эффективности прокурорского надзора за законностью деятельности органов исполнительной власти при применении экологического законодательства стоило бы принять следующие меры:

– практика показывает, что очень мало уделяется внимания предупреждению и профилактике правонарушений в сфере экологии. Прокуроры реагируют на уже совершенные правонарушения, а для эффективности прокурорского надзора было бы правильным разработать единую концепцию взаимодействия с уполномоченными федеральными органами исполнительной власти и разработать эффективные меры противодействия экологическим деликтам;

– оптимизировать систему информирования прокуроров и обмена информацией между прокуратурой и государственными органами исполнительной власти. Прокуроры должны обладать полной, достоверной и своевременной информацией о состоянии окружающей среды в регионе, об экологических проблемах. Необходимо обязать органы исполнительной власти регулярно направлять информацию в органы прокуратуры для аналитической обработки. В органах исполнительной власти, несущих ответственность за рациональное использование лесов, водных объектов, земель сельскохозяйственного назначения и других природных объектов необходимо создать систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям природоохранного законодательства (природоохранный комплаенс), чтобы предпринимать все меры, чтобы предотвратить экологическое правонарушение;

– организовать методическое обеспечение прокуроров в осуществлении прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства, что позволило бы прокурорам своевременно вносить предложения по совершенствованию деятельности органов исполнительной власти в природоохранной сфере.

Таким образом, прокурорский надзор за законностью деятельности органов исполнительной власти является важным инструментом в удовлетворении населения благоприятной окружающей средой и в обеспечении экологической безопасности государства.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (в ред. Федеральных законов РФ от 14.07.2022 г. №№ 259-ФЗ, 287-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. №1 (часть I). ст. 1.
2. Закон Российской Федерации от 17 января 1992 года № 2202-1 «О Прокуратуре Российской Федерации» (в ред. Федерального закона РФ от 11.06.2022 г. № 183-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. №47. ст. 4472.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. Федерального закона РФ от 26.03.2022 г. № 71-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. №2. ст. 133.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 14 июля 2022 года № 287-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. https://docs.cntd.ru. (дата обращения 22.07 2022 г.).
5. Указ Президента Российской Федерации от 10 августа 2012 года №1157 «О проведении в Российской Федерации Года охраны окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 13.08.2012. №33. ст. 4634.
6. Указ Президента Российской Федерации от 31 августа 2013 года №693 «О мерах по ликвидации последствий крупномасштабного наводнения на территориях Республики Саха (Якутия), Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Магаданской областей, Еврейской автономной области» (в ред. Указа Президента РФ от 23.06.2014 г. №432) // Собрание законодательства РФ. 02.09.2013. №35. ст. 4504.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 марта 2015 года №224 «Об упразднении Правительственной комиссии по обеспечению устойчивого функционирования водохозяйственного комплекса Сибири и Дальнего Востока» // Собрание законодательства РФ. 23.03.2015. №12. ст. 1760.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 года № 1225-р «Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.09.2002. №36.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2012 года № 2189-р «О проведении в 2013 году в Российской Федерации Года охраны окружающей среды» (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 16.10.2013 г. № 1880-р) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2012. №49. ст. 6908.
10. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 апреля 2021 года №198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru. (дата обращения 22.07.2022 г.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2013 года №786 «О Правительственной комиссии по обеспечению устойчивого функционирования водохозяйственного комплекса Сибири и Дальнего Востока» (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. 16.09.2013. №37. ст. 4705.
12. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды и природопользования за период с 2016 по октябрь 2020 года [Электронный ресурс] // https://genproc.gov.ru/stat/data. (дата обращения: 22.07.2022 г.)
13. Пономарев М.В., Патракова Е.А. Экологическая политика: векторы сбалансированного развития. М.: Изд-во ИП Чистяков Владислав Юрьевич // Черные дыры в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 46 – 54.
14. Решение Александровского районного суда Ставропольского края от 5 августа 2019 года по делу № 2а-406/2019 [Электронный ресурс]. https://sudact.ru. (дата обращения: 22.07.2022 г.)

References

1. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 goda № 195-FZ (v red. Federal'nyh zakonov RF ot 14.07.2022 g. №№ 259-FZ, 287-FZ). Sobranie zakonodatel'stva RF. 07.01.2002. №1 (chast' I). st. 1.
2. Zakon Rossijskoj Federacii ot 17 yanvarya 1992 goda № 2202-1 «O Prokurature Rossijskoj Federacii» (v red. Federal'nogo zakona RF ot 11.06.2022 g. № 183-FZ). Sobranie zakonodatel'stva RF. 20.11.1995. №47. st. 4472.
3. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 10 yanvarya 2002 goda № 7-FZ «Ob ohrane okruzhayushchej sredy» (v red. Federal'nogo zakona RF ot 26.03.2022 g. № 71-FZ). Sobranie zakonodatel'stva RF. 14.01.2002. №2. st. 133.
4. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 14 iyulya 2022 goda № 287-FZ «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» [Elektronnyj resurs]. https://docs.cntd.ru. (data obrashcheniya 22.07 2022 g.).
5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 avgusta 2012 goda №1157 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda ohrany okruzhayushchej sredy». Sobranie zakonodatel'stva RF. 13.08.2012. №33. st. 4634.

6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 avgusta 2013 goda №693 «O merah po likvidacii posledstvij krupnomasshtabnogo navodneniya na territoriyah Respubliki Saha (YAkutiya), Primorskogo i Habarovskogo kraev, Amurskoj i Magadanskoj oblastej, Evrejskoj avtonomnoj oblasti» (v red. Ukaza Prezidenta RF ot 23.06.2014 g. №432). Sobranie zakonodatel'stva RF. 02.09.2013. №35. st. 4504.

7. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 13 marta 2015 goda №224 «Ob uprazdnenii Pravitel'stvennoj komissii po obespecheniyu ustojchivogo funkcionirovaniya vodohozyajstvennogo kompleksa Sibiri i Dal'nego Vostoka». Sobranie zakonodatel'stva RF. 23.03.2015. №12. st. 1760.

8. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 31 avgusta 2002 goda № 1225-r «Ob odobrenii Ekologicheskoj doktriny Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 09.09.2002. №36.

9. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 noyabrya 2012 goda № 2189-r «O provedenii v 2013 godu v Rossijskoj Federacii Goda ohrany okruzhayushchej sredy» (v red. Rasporyazheniya Pravitel'stva RF ot 16.10.2013 g. № 1880-r). Sobranie zakonodatel'stva RF. 03.12.2012. №49. st. 6908.

10. Prikaz General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii ot 15 aprelya 2021 goda №198 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva v ekologicheskoj sfere» [Elektronnyj resurs]. http://www.consultant.ru. (data obrashcheniya 22.07.2022 g.

11. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 6 sentyabrya 2013 goda №786 «O Pravitel'stvennoj komissii po obespecheniyu ustojchivogo funkcionirovaniya vodohozyajstvennogo kompleksa Sibiri i Dal'nego Vostoka» (utratilo silu). Sobranie zakonodatel'stva RF. 16.09.2013. №37. st. 4705.

12. Osnovnye statisticheskie dannye o deyatel'nosti organov prokuratury Rossijskoj Federacii v sfere ohrany okruzhayushchej sredy i prirodopol'zovaniya za period s 2016 po oktyabr' 2020 goda [Elektronnyj resurs]. https://genproc.gov.ru/stat/data. (data obrashcheniya: 22.07.2022 g.)

13. Ponomarev M.V., Patrakova E.A. Ekologicheskaya politika: vektory sbalansirovannogo razvitiya. M.: Izd-vo IP CHistyakov Vladislav YUr'evich. CHernye dyry v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 2. S. 46 – 54.

14. Reshenie Aleksandrovskogo rajonnogo suda Stavropol'skogo kraya ot 5 avgusta 2019 goda po delu № 2a-406/2019 [Elektronnyj resurs]. https://sudact.ru. (data obrashcheniya: 22.07.2022 g.)

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОЙ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЧИНЫ ПОЖАРА

Шагов Е.М., аспирант,
Российский государственный университет правосудия

Аннотация: *исследование по установлению причины возникновения пожара является неотъемлемым, но при этом одним из самых сложных в рамках судебной-пожарно-технической экспертизы. Экспертиза по определению причины пожара во многих случаях носит комплексный характер, как в гносеологическом смысле, так и в процессуальном. Для производства данного исследования помимо пожарно-технических экспертов часто привлекаются и такие специалисты как автотехники, взрывотехники, судебно-медицинские эксперты, строительно-технические эксперты, специалисты комплексной экспертизы веществ изделий и материалов (КЭМВИ) и др. Настоящая статья посвящена комплексной пожарно-технической и электро-технической экспертизе при установлении причины пожара. В настоящей статье проведен краткий анализ современного положения электротехнической экспертизы в рамках судебной экспертологии. Рассмотрена актуальная практика ее назначения и проведения в рамках расследования дел связанных с пожарами. Ввиду объективной ограниченности компетенции пожарно-технического эксперта и отсутствия необходимого количества методик в самой пожарно-технической экспертизе для точного установления причинно-следственной связи между аварийным режимом работы электросети и возникшим пожаром к производству экспертизы предлагается привлекать эксперта электротехнического профиля.*

В дальнейшем описаны несколько возможных вариантов участия пожарно-технического и электротехнического эксперта в производстве экспертизы по делу о пожаре, а именно: последовательно проводимые экспертизы и комплексная экспертиза. В статье объясняются особенности дифференциации этих вариантов проведения экспертизы по делам о пожарах.

В случае с последовательно проводимыми экспертизами рассмотрены наиболее часто задаваемые вопросы для разрешения эксперту электро-технического профиля. При анализе второго варианта, а именно комплексной экспертизы, объясняется почему при выборе ведущего эксперта стоит отдавать предпочтение эксперту пожарно-технического профиля. Обосновывается мнение о том, что наиболее целесообразной формой проведения комплексной экспертизы с участием пожарно-технического и электротехнического эксперта является так называемая последовательная комплексная экспертиза.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, пожар, пожарно-техническая экспертиза, электротехническая экспертиза, аварийный режим работы, комплексная экспертиза, комплекс экспертиз, компетенции экспертов, ведущий эксперт, последовательные комплексные экспертизы*

ON THE ISSUE OF COMPREHENSIVE FIRE-TECHNICAL AND ELECTRICAL EXPERTISE IN DETERMINING THE CAUSE OF A FIRE

Shagov E.M., Postgraduate,
Russian State University of Justice

Abstract: *the investigation to establish the cause of the fire is integral, but at the same time one of the most difficult in the framework of forensic fire-technical expertise. Examination to determine the cause of a fire in many cases is complex, both in the epistemological sense and in the procedural. For the production of this study, in addition to fire and technical experts, such specialists as automotive technicians, explosives experts, forensic experts, construction and technical experts, specialists in complex examination of substances of products and materials (SCESPM) etc. are often involved. This article is devoted to a comprehensive fire-technical and electro-technical expertise in determining the cause of a fire.*

In this article, a brief analysis of the current situation of electrotechnical expertise within the framework of forensic expertise is carried out. The current practice of its appointment and conduct in the framework of the investigation of cases related to fires is considered. Due to the objective limitations of the competence of the fire-technical expert and the lack of the necessary number of techniques in the fire-technical expertise itself to accurately establish a causal relationship between the emergency mode of operation of the power grid and the resulting fire, it is proposed to involve an electrotechnical expert in the examination. In the following, several possible options for the participation of a fire-technical and electrical expert in the examination of a fire case are described, namely: consistently conducted examinations and a comprehensive examination. The article explains the peculiarities of differ-

entiation of these options for conducting expertise in cases of fires. In the case of successive examinations, the most frequently asked questions for the resolution of the expert of the electro-technical profile are considered. When analyzing the second option, namely a comprehensive examination, it is explained why, when choosing a leading expert, it is worth giving preference to a fire-technical expert. The opinion is substantiated that the most appropriate form of conducting a comprehensive examination with the participation of a fire-technical and electrical expert is the so-called sequential comprehensive examination.

Keywords: *forensic examination, fire, fire-technical expertise, electro-technical expertise, emergency mode of operation, complex examination, complex of examinations, competence of experts, leading expert, consecutive complex examinations*

Исследование по установлению причины возникновения пожара является неотъемлемым, но при этом одним из самых сложных в рамках пожарно-технической экспертизы (ПТЭ). По мнению автора, наиболее точное определение причине пожара дал И.С. Таубкин: “Техническая причина пожара – возгорание пожароопасной среды под действием источника зажигания или ее самовозгорание под действием источника самонагревания – теплового, химического или микро-биологического импульса”. Для обоснования версии о причине пожара в ходе проведения исследования эксперту необходимо установить: источник зажигания; горючую среду; окислитель; возможность предполагаемого источника зажигания воспламенить имеющуюся/имевшуюся горючую среду.

Экспертиза по определению причины пожара во многих случаях носит комплексный характер, как в гносеологическом смысле, так и в процессуальном. Для производства данного исследования помимо пожарно-технических экспертов часто привлекаются и такие специалисты как автотехники, взрывотехники, судебно-медицинские эксперты, строительно-технические эксперты, специалисты комплексной экспертизы веществ изделий и материалов (КЭМВИ) и др. Настоящая статья посвящена комплексной пожарно-технической и электро-технической экспертизе при установлении причины пожара.

Комплексной экспертизой является такая экспертиза, при производстве которой решение поставленных вопросов невозможно без синтеза знаний из различных областей экспертологии на синтезирующей стадии и при формулировании вывода. Предпосылками для такого вывода служат частные исследования каждого из задействованных специалистов, по вопросам входящих в их компетенцию. Каждое из этих исследований должно непременно подводить к решению общего вопроса и к совместному заключению экспертов.

Прежде чем перейти к основной мысли настоящей статьи следует обратить внимание надо сих пор юридически незакрепленный статус электротехнической экспертизы как отдельного вида судебно-экспертных исследований. В настоящее время ни в одном нормативно-правом акте, касающемся перечня родов/видов судебных экспертиз, электротехнической экспертизы не содержится.[1] Касаясь аспекта практики судебно-экспертных учреждений, отметим, что в большинстве случаев органом, назначающим экспертизу, вопросы электротехнической экспертизы ставятся на разрешение экспертам пожарно-технического профиля, поскольку сложилось мнение, что именно эти специалисты компетентны в обеих областях знания. Однако это не всегда так и достаточно часто экспертами дается мотивированный ответ о невозможности дачи заключения по данным вопросам [2]. Не вызывает сомнений, для проведения объективного, всестороннего и полного пожарно-технического исследования эксперт обязан обладать определенным набором теоретических знаний и практических умений в области проектирования, монтажа и эксплуатации электрооборудования. Несмотря на это, по мнению автора, эти знания, все-таки, зачастую ограничены спецификой пожарно-технической экспертизы как таковой и не могут заменить всей глубины специальных знаний профильного специалиста по электротехническому оборудованию. О выделении электротехнической экспертизы в самостоятельный вид судебно-экспертных исследований говорится уже давно. Так в работе Е.Р. Россинской электротехническая экспертиза включена в род инженерно-технических экспертиз, имеет свой предмет, объекты, задачи и решаемые вопросы. Стоит отметить, что в негосударственном судебно-экспертном секторе уже существует большой опыт проведения как судебных, так и несудебных электротехнических экспертиз, в том числе, в случаях происшествий связанных с пожарами.

На практике нередко приходится сталкиваться со случаями, когда эксперты как пожарно-технического так электро-технического профиля выходят за рамки своей компетенции. Пожарно-технический эксперт начинает оценивать качество монтажа электросети объекта, исследовать электрические подстанции на предмет ошибок в подключении отдельных контактных соединений, сравнивать заявленные технические условия эксплуатации электрических сетей с фактическими и т.д. Электротехнический эксперт, в свою очередь, берется определять очаг и причину возгорания.

Исходя из статистики, представленной Всероссийским научно исследовательским институтом противопожарной обороны (ВНИИПО), второй по распространенности, после неосторожного обращения с огнем,

причиной пожара, как в городах, так и в сельской местности, явилось, так называемое, нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования [4]. За 2020 год в Российской Федерации было зафиксировано 51930 пожаров причинами, которых стали нарушения правил устройства и эксплуатации электрооборудования, погибло 1942 человека, прямой материальный ущерб составил более 13,2 млрд. рублей. Различные нарушения правил устройства и эксплуатации электрооборудования приводят к возникновению в нем так называемых аварийных режимов работы.

Под аварийными режимами работы электросети в специальной литературе понимается ненормальный режим работы электросети, при котором значения силы тока и напряжения превышают расчетные и предусмотренные технической документацией значения. Такое явление неминуемо сопровождается интенсивным нагревом проводника электрического тока и контактирующей с ним поверхности, что часто становится причиной пожара. К аварийным режимам, приводящим к пожарам, принято относить: Металлические и неметаллические короткие замыкания, перегрузку по току, перенапряжение и большие переходные сопротивления.

В большинстве случаев после вывода пожарно-технического эксперта об аварийном режиме работы электросети как причине пожара суд и следствие интересует, какой именно аварийный режим послужил причиной пожара и почему он возник? Методик пожарно-технической экспертизы порой бывает недостаточно, чтобы с необходимой точностью дифференцировать один аварийный режим работы от другого.

В дальнейшем рассмотрим несколько возможных вариантов участия пожарно-технического и электротехнического эксперта в производстве экспертизы по делу о пожаре.

Вариант № 1: Последовательно проводимые экспертизы

В ходе первоочередного пожарно-технического исследования путем последовательного исключения иных версий о происхождении источника зажигания было достоверно установлено, что непосредственной причиной пожара стал аварийный режим работы электросети или электрооборудования, но для вынесения решения по делу, определения виновности лица, существует необходимость определить причину возникновения этого режима. Наиболее часто подобные пожары случаются в закрытых объемах различного рода электрооборудовании, например вводно-распределительных устройствах, распределительных щитах, панелях управления, электроосветительные приборы. Ради достижения данной цели наиболее тактически правильным выглядит назначение электро-технической экспертизы.

В таком случае на разрешение электро-техническому эксперту наиболее часто ставятся следующие вопросы:

1. Каковы причины несрабатывания системы защиты электросети (плавких вставок предохранителей, автоматов защиты, устройств защитного отключения и т.д.)?
2. Какова причина возникновения аварийного режима работы электросети?
3. Верно ли подобрано сечение проводки исходя из потребляемой мощности?
4. Правильно ли выполнен монтаж электросети объекта?
5. Возникли ли неисправности электроустановки, электроприбора в результате конструкционных, заводских, эксплуатационных или других дефектов?
6. Соответствует ли монтаж электропроводки на объекте, требованиям Правил устройства электроустановок (ПУЭ) и Правил техники безопасности при эксплуатации электроустановок потребителей?

Как можно заметить, в рассмотренной ситуации нет совместно решаемой, интеграционной задачи, требующей для своего решения комплексного участия двух специалистов. Наоборот, здесь имеет место быть строго последовательный комплекс экспертиз, в ходе которого сначала для определения очага и причины пожара должна быть назначена пожарно-техническая экспертиза и только после, при наличии необходимости определения причины возникновения аварийного режима работы электросети и/или электрооборудования – электро-техническая экспертиза.

Вариант № 2: Комплексная экспертиза

Зачастую орган или лицо, назначившее судебную экспертизу, не может с должной точностью определить будет ли исследование носить комплексный характер и потому в документе о назначении экспертизы ставятся вопросы, для ответа на которые требуются специальные знания из различных областей экспертологии. В таком случае решение о целесообразности проведения именно комплексной экспертизы следует принять руководителю судебно-экспертного учреждения.

В экспертной практике имеют место случаи, когда тот факт, что исследование носит комплексный характер, выясняется позднее, а именно на подготовительной стадии экспертного исследования. В таких случаях ст. 17 ФЗ 73 о ГСЭД, разрешает эксперту инициировать привлечение другого специалиста. Приведем наглядный пример, при проведении пожарно-технического исследования по установлению очага и причи-

ны эксперт не может установить точную причину пожара ввиду специфических особенностей устройства электросети/электрооборудования объекта**,** возникает необходимость в специальных познаниях электротехнического эксперта знакомого с применяемой технологией монтажа и/или оборудованием. В таком случае эксперт пожарно-технического профиля ходатайствует о привлечении соответствующего специалиста, поскольку один или несколько поставленных вопросов не могут быть решены применением исключительно пожарно-технических методик исследования. Теоретические знания и практические умения электротехнического эксперта помогают уточнить механизм возникновения и развития аварийного режима работы электросети/электрооборудования. Потому только ходе комплексного исследования в результате интеграции специальных знаний каждого из участвующих экспертов возникает картина произошедшего.

В данной статье на примере реального происшествия рассмотрим самый распространенный случай, когда комплексная пожарно-техническая и электротехническая экспертиза принесла бы максимальный результат [3].

В одном из деревенских домов, расположенных в Кировской области Приволжского федерального округа, произошел пожар. В результате происшествия полностью сгорел жилой дом и баня. Истец, являющийся владельцем дома, обратился к электроснабжающей организации с требованиями о взыскании материального ущерба и морального вреда. Исходя из показаний пострадавшего, электроснабжение дома в день происшествия осуществлялось ненадлежащим образом. По результатам первичной пожарно-технической экспертизы было дано заключение с выводом о технической причине пожара. По мнению эксперта, причиной пожара явился аварийный режим работы электрооборудования бани, при этом в тексте заключения отмечается, что электропроводка в доме и бане истца выполнена надлежащим образом с соблюдением требований пожарной безопасности. В обосновании этой версии в тексте заключения указывалось, что длительное время существовали проблемы в электроснабжении не только дома истца, но и в соседних домах, а в день пожара самопроизвольно выключался и включался свет. Как известно, данные явления есть косвенные признаки такого аварийного режима работы электросети как перенапряжение, стоит отметить, что перенапряжение как причина пожара это отнюдь не редкий случай в сельских районах.

Для подтверждения данной гипотезы о причине возгорания пожарно-техническим экспертом, в ходе осмотра места происшествия, помимо сгоревшего дома и бани, была исследована трансформаторная подстанция. В результате данного мероприятия был оценен монтаж основных узлов подстанции, обнаружены и зафиксированы следы копоти, термические повреждения изоляции жил на фазе фидера, перегорания нескольких плавких вставок и т.д. По мнению эксперта, эти обстоятельства подтверждали его вывод, данный в категоричной форме, о том, что причиной пожара явилось перенапряжение на трансформаторной подстанции, питающей сгоревший дом и баню. Суд первой инстанции полученные выводы удовлетворили, однако ответчик подал жалобу в апелляционный суд с целью уточнения выводов касающихся электротехнических вопросов, содержащихся в заключение эксперта. По его мнению, которое было изложено в апелляционной жалобе, они не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, являются необоснованными и противоречащими основам электротехники. Апелляционный суд для достижения истины решил назначить экспертизы по электротехническим вопросам [4].

Для проведения электротехнических экспертиз были привлечены две негосударственные экспертные организации. В ходе их исследований было установлено, что причиной возникновения аварийного режима работы электрооборудования и электросети, принадлежащих истцу является превышение им разрешённой мощности, замена автомата защиты, а также нарушение иных нормативно-технических требований; причиной термических повреждений на трансформаторной подстанции является короткое замыкание в кабеле на опоре, вызванного длительным протеканием тока повышенного значения вследствие перегрузки от дома истца, на который данный кабель не был рассчитан; устройство и работа трансформаторной подстанции соответствует правилам устройства электроустановок. Из текста заключений следует, что возникновение пожара никак не связано с воздействием из внешней электросети. Таким образом, основываясь на выводах электротехнических экспертиз, суд апелляционной инстанции вынес решение в пользу ответчика о том, что причиной пожара в доме и бане истца явился аварийный режим работы электрооборудования во внутренней электросети бани, принадлежащей истцу.

На наш взгляд, в тот момент, когда специалист пожарно-технического профиля начал исследовать трансформаторную подстанцию, оценивать качество монтажа, степень влияния отдельных выявленных повреждений на вероятность возникновения перегрузки у потребителя электроэнергии, он вышел за переделы своей компетенции. В данном случае, ему стоило остановиться на версии об аварийном режиме работы электросети как причине пожара. Вопросы электротехнического толка о том, какой именно аварийный режим послужил причиной возгорания, где он произошел, какова причинно-следственная связь между данным режимом и пожаром следовало в соответствии со ст. 16. Федерального закона №73 оставить без отве-

та, ссылаясь на то, что они находятся за пределами специальных знаний пожарно-технического эксперта или, в соответствии со ст. 17 того же ФЗ, привлечь к производству исследования эксперта по электротехнике. Во втором случае экспертиза бы стала иметь характер комплексной. По нашему мнению, интеграционным вопросом, требующим для своего решения комплексного подхода, мог бы стать следующий: Какова причинно-следственная связь между нарушениями правил монтажа электропроводки на объекте, требований правил устройства электроустановок (ПУЭ) и правил техники безопасности при эксплуатации электроустановок потребителей и возникновением пожара?

Опыт различных экспертных учреждений свидетельствует о том, что в любой экспертной комиссии необходимо выделение ведущего эксперта для организации самого процесса исследования. Такой эксперт не должен обладать никакими процессуальными преимуществами над другими участниками комиссии, но, несмотря на это, может пользоваться служебными правомочиями организатора комплексного исследования и в свою очередь полностью или частично проводить комплексные исследования. Как показывает опыт практической деятельности, эксперт-организатор определяется строго после формирования всей комиссии, происходит это по причине того, что только на этом этапе представленные на исследование объекты уже предварительно изучены членами комиссии и вследствие чего становится ясно, какой из специалистов может быть максимально эффективен при решении интеграционной задачи. Не вызывает сомнения, что приоритет следует отдавать самым опытным экспертам, которые уже имеют опыт производства комплексных экспертиз по схожим обстоятельствам и вопросам. По нашему мнению в случае производства экспертизы связанной с исследованием пожара, в частности, по определению его причины экспертом организатором всегда должен назначаться эксперт пожарно-технического профиля т.к. конечной целью таких исследований является именно определение причины произошедшего возгорания. Эксперт электротехник участвует только в анализе одной из возможных версий.

Говоря о порядке проведения комплексной экспертизы нельзя не затронуть вопрос последовательности исследования объектов. В данном вопросе трудно не согласиться с мнением Ю.Г. Гамаюновой, «определять последовательность исследования объектов предпочтительнее не ведущему эксперту, а комиссии в полном составе, что бы были учтены мнения всех членов комиссии, основанные на специальных знаниях каждого из них» [5].

Возвращаясь к рассматриваемому случаю комплексной пожарно-технической и электро-технической экспертизы наиболее целесообразным, по нашему мнению, выглядит проведение так называемой последовательной комплексной экспертизы. Производство последовательной комплексной экспертизы осуществляется после того как создана цепочка экспертов, и объект исследования передается от одного эксперта к другому в строго оговоренной последовательности. Данный термин и его понятие впервые даны в статье написанной коллективом автором ФГБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ. «В ходе такой экспертизы эксперты решают промежуточные задачи, формируют промежуточные выводы, а последний решает конечную задачу и формирует конечный вывод» [6]. Как мы упоминали ранее, эксперт электротехнического профиля, в ходе проведения комплексной экспертизы по факту пожара, компетентен в анализе одной из версий случившегося, а именно в оценке вероятности и установлении причины возникновения аварийного режима работы электросети или электрооборудования. Не вызывает сомнений, что данное исследование окажет прямое влияние на выводы комплексной экспертизы, однако приведет только к промежуточным выводам о причинах произошедшего возгорания, потому конечный вывод должен формироваться пожарно-техническим экспертом.

В завершении хотелось бы отметить, что использование комплексного подхода к решению вопроса о причине пожара является наиболее эффективным т.к. в данном случае синергия знаний отдельных экспертов всегда больше суммы их знаний по отдельности.

Литература

1. Приказ МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 27.06.2019) "Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации" (вместе с "Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации", "Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации") (Зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 N 6931);

2. Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 17.05.2021) Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России.

3. Россинская Е.Р., “Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе”, Норма, 2006 г., 281с.

4. Статистика пожаров за 2020 год. Статистический сборник: Пожары и пожарная безопасность в 2020 году / Под общей ред. Гордиенко Д.М. М.: ВНИИПО, 2021

5. Гамаюнова Ю.Г. Комплексная трасолого-волокноведческая экспертиза. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 65.

6. Усов А.И., Микляева О.В., Карпухина Е.С., Эджубов Л.Г. О трех версиях теории комплексной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 133 – 134.

References

1. Prikaz MVD Rossii ot 29.06.2005 N 511 (red. ot 27.06.2019) "Voprosy organizacii proizvodstva sudebnyh ekspertiz v ekspertno-kriminalisticheskih podrazdeleniyah organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii" (vmeste s "Instrukciej po organizacii proizvodstva sudebnyh ekspertiz v ekspertno-kriminalisticheskih podrazdeleniyah organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii", "Perechnem rodov (vidov) sudebnyh ekspertiz, proizvodimyh v ekspertno-kriminalisticheskih podrazdeleniyah organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii") (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 23.08.2005 N 6931);

2. Prikaz Minyusta Rossii ot 27.12.2012 № 237 (red. ot 17.05.2021) Ob utverzhdenii Perechnya rodov (vidov) sudebnyh ekspertiz, vypolnyaemyh v federal'nyh byudzhetnyh sudebno-ekspertnyh uchrezhdeniyah Minyusta Rossii, i Perechnya ekspertnyh special'nostej, po kotorym predstavlyaetsya pravo samostoyatel'nogo proizvodstva sudebnyh ekspertiz v federal'nyh byudzhetnyh sudebno-ekspertnyh uchrezhdeniyah Minyusta Rossii.

3. Rossinskaya E.R., “Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe”, Norma, 2006 g., 281s.

4. Statistika pozharov za 2020 god. Statisticheskij sbornik: Pozhary i pozharnaya bezopasnost' v 2020 godu. Pod obshchej red. Gordienko D.M. M.: VNIIPO, 2021

5. Gamayunova YU.G. Kompleksnaya trasologo-voloknovedcheskaya ekspertiza. M.: YUrlitinform, 2006. S. 65.

6. Usov A.I., Miklyaeva O.V., Karpuhina E.S., Edzhubov L.G. O trekh versiyah teorii kompleksnoj ekspertizy. Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2015. № 1 (37). S. 133 – 134.

ПЕРЕВОД БИЗНЕСА: СПАСЕНИЕ КОМПАНИИ ИЛИ СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

Шарудилов А.С., аспирант,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: *в указанной статье автор исследует способы и пути создания «параллельного» бизнеса в целях ухода контролирующих должника лиц от субсидиарной ответственности. Недобросовестные руководители, понимая, что компания находится в предбанкротном состоянии, могут вывести активы компании на новую фирму. Однако вышеуказанные действия можно осуществить как законными, так и незаконными способами. Автор в данной статье анализирует различные способы защиты бизнеса от неблагоприятных последствий. Рассмотрен такой способ защиты бизнеса и восстановления платежеспособности компании как замещение активов. Проанализирована судебная практика по указанной проблематике. Целью исследования является установление соотношения перевода бизнеса во взаимосвязи с возможностью привлечения за указанные действия к субсидиарной ответственности. Автор приходит к выводу, о том что спасение бизнеса возможно через законные способы – такие как замещение активов, реструктуризация, покупка компании сторонним инвестором. В таких случаях риск наступления оснований для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности минимален. При этом обязательно необходимо соблюсти баланс интересов сторон, злоупотребление правом не допускается. В противном случае имеются риски наступления неблагоприятных последствий. Данная статья посвящена указанной тематике, предложены пути решения существующих в данной сфере проблем.*

Ключевые слова: *банкротство, субсидиарная ответственность, замещение активов, контролирующее должника лицо*

BUSINESS TRANSFER: COMPANY SAVE OR SUBSIDIARY LIABILITY?

Sharudilov A.S., Postgraduate,
Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: *in this article, the author explores the ways and means of creating a "parallel" business in order to avoid subsidiary liability of persons controlling the debtor. Unscrupulous managers, realizing that the company is in a pre-bankrupt state, can transfer the company's assets to a new company. However, the above actions could be carried out both legally and illegally. The author in this article analyzes various ways to protect a business from adverse consequences. Such way of protecting the business and restoring the solvency of the company as the replacement of assets is considered. Judicial practice on this issue is analyzed. The purpose of the research is to establish the ratio of business transfer in conjunction with the possibility of bringing for these actions to subsidiary liability. The author concludes that it is possible to save a business through legal means, such as asset substitution, restructuring, and the purchase of a company by an outside investor. In such cases, the risk of occurrence of grounds for bringing the persons controlling the debtor to subsidiary liability is minimal. At the same time, it is imperative to maintain a balance of interests of the parties; abuse of the right is not allowed. Otherwise, there are risks of adverse consequences. This article is devoted to stated topic, the ways of solving the problems existing in this area are proposed.*

In this article, the author explores the ways and means of creating a "parallel" business in order to avoid subsidiary liability of persons controlling the debtor. This way of protecting the business and restoring the solvency of the company as the replacement of assets is considered. Judicial practice on this issue is analyzed. The purpose of the study is to establish the ratio of business transfer in conjunction with the possibility of bringing for these actions to subsidiary liability.

Keywords: *bankruptcy, subsidiary liability, replacement of assets, controlling person of the debtor*

Введение

Сложившаяся экономическая обстановка свидетельствует о том, что ведение бизнеса в новых реалиях становится весьма затруднительно. Ковидные ограничения, а также ужесточение требований к ведению бизнеса приводят к тому, что кредитная нагрузка растет, компания не справляется с имеющимися обязательствами и как следствие уходит в банкротство.

Однако, как показывает практика, бизнес можно спасти при создании так называемого «параллельного бизнеса». Недобросовестные руководители, понимая, что компания находится в предбанкротном состоянии, могут вывезти активы компании на новую фирму.

При этом практика привлечения к ответственности за создание «параллельного» бизнеса весьма обширна. Для того, чтобы привлечь к субсидиарной ответственности необходимо доказать, что именно вывод активов компании в подконтрольную организацию стал объективной причиной банкротства, а действия руководителя являлись недобросовестными.

Рассмотрим пример из судебной практики.

Клиент стоматологической клиники обратился в суд с исковым заявлением, в котором просил расторгнуть договор оказания услуг, а также взыскать уплаченные им по договору суммы за оказываемые ему услуги. По имеющимся документам клиент сначала лечился в одной клинике, затем в другой. При этом у клиник было одинаковое наименование. Суд с учетом имеющихся в материалах дела доказательств, взыскал с одной клиники несколько миллионов, с другой клиники небольшую сумму, учитывая незначительный объем оказанных клиенту услуг. После чего «основная» компания обратилась в суд с заявлением о признании ее банкротом.

Клиент в рамках дела о банкротстве клиники обратился в суд с заявлением о привлечении руководителя организации к субсидиарной ответственности по обязательствам общества, указав, что бенефициарами компании была создана организация с аналогичным наименованием, куда и были выведены все основные активы компании.

Ответчик, опровергая заявленные требования, указывал на то, что вторая компания была создана задолго до возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) в отношении первой компании, до момента появления признаков банкротства в отношении указанного общества.

Суды трех инстанции удовлетворили требование заявителя, указав на то, что действия руководителя должника были недобросовестными, по факту вторая компания являлась правопреемником первой компании, на которую были выведены активы первой компании [1].

Итак, судами были сделаны следующие выводы:

1) действия руководителя должника были признаны недобросовестными поскольку им была создана ситуация, при которой активы должника были выведены на новую компанию. Последствием указанных действий явилось невозможность получения заявителем возмещения причиненных ему убытков;

2) Суд кассационной инстанции отметил, что суды нижестоящих инстанций применили новую редакцию закона о банкротстве, однако необходимо было руководствоваться действием закона в прежней редакции, поскольку неправомерные действия руководителя были совершены в то время, когда действовала предыдущая редакция. Между тем, применение судами закона в новой редакции не является основанием для отмены судебного акта, поскольку положения закона как в старой, так и в новой редакции имеют сходное правовое регулирование;

3) суды установили, что, по сути, руководителем должника была создана «зеркальная» компания, деятельность должника по факту не была прекращена, компания продолжала оказывать стоматологические услуги, получать прибыль;

4) доводы заявителя о том, что все активы компании были выведены на новое общество не были опровергнуты ответчиком.

Анализ судебной практики показывает, что о переводе бизнеса, как правило, свидетельствуют следующие обстоятельства:

1) общие акционеры и участники;

2) общий IP-адрес и счет в одном банке;

3) в пользовании находится одно имущество, например, автотранспортные средства, оборудование и прочее;

4) совпадают все или отдельные виды деятельности, перечень контрагентов;

5) совпадают или похожи товарные знаки [2-4].

Рассмотрим пример из судебной практики.

Общество было признано банкротом как отсутствующий должник. При этом анализ банковских выписок показал, что на счетах должника осталось небольшое количество денежных средств, иного имущества у должника не было. Единственный участник общества умер, его имущество перешло его наследникам.

Конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о привлечении наследников руководителя должника к субсидиарной ответственности ввиду невозможности удовлетворения требований кредиторов. При этом размер наследственной массы значительно превышал размер реестра требований кредиторов.

Суд первой инстанции удовлетворил заявление в полном объеме, указав на то, что наследники продолжали осуществлять предпринимательскую деятельность от имени другого юридического лица, участником которой был также умерший руководитель должника. Ввиду изложенного, должник не имел доходов и

имущества, которое могло бы быть направлено на погашение реестра требований кредиторов. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Ответчик (супруга бывшего директора) привлеченная к субсидиарной ответственности, не согласившись с принятыми по делу судебными актами, обратилась в суд с кассационной жалобой, в которой указала на то, что суды ошибочно сделали вывод о переводе активов должника на новую компанию. Суд кассационной инстанции не принял доводы ответчика во внимание и оставил без изменения судебные акты [5].

Основные выводы, которые сделали суды при вынесении судебного акта:

1) Общество было зарегистрировано в период брака бывшего руководителя с супругой, которая была привлечена к субсидиарной ответственности, отсюда можно сделать вывод, что общество являлось общей совместной собственностью супругов. Соответственно, супруга бывшего директора должника являлась контролирующим должника лицом, оказывала влияние на управление компанией;

2) для зашиты прав кредитора не имеет правового значения, когда было подано заявление о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, до смерти или после смерти бывшего директора. В последнем случае иск будет предъявлен или к наследникам, или к наследственной массе;

3) факт аффилированности компаний подтверждает, что супруга управляла организацией, участвовала в управлении общества, имеет предпринимательский опыт;

4) у вновь созданной компании были аналогичные виды деятельности, что и у должника.

Анализируя указанную ситуацию, можно сделать вывод о том, что создание «параллельного» бизнеса не приведет к необходимому экономическому эффекту, поскольку привлечение к субсидиарной ответственности в таком случае не исключено.

Субсидиарная ответственность будет преследовать Общество и его контролирующих лиц, но при условии, что заявитель докажет, что именно действия бывшего руководителя должника являются недобросовестными, в результате таких действий юридическое лицо не смогло отвечать перед кредиторами по имеющимся обязательствам.

Однако, на практике встречаются случаи, когда суды исходя из того, что, если какие-то процессы переходят в другую компанию, это не обязательно является переводом бизнеса. Вполне законным механизмом в данном случае выступает именно – замещение активов.

Рассмотрим указанную процедуру.

Ее сущность состоит в том, что компания, которая не может осуществлять предпринимательскую деятельность учреждает новое общество, передает в его уставный капитал имущество, переводит сотрудников, передает дебиторский портфель, перечень контрагентов. После проведения необходимых мероприятий пакет акций компании подлежит открытой продаже.

По сути, результат такой же, что и при переводе бизнеса – имущество передано, активы отчуждены, сотрудники переведены/переоформлены, предпринимательская деятельность осуществляется в рамках новой структуры, при этом такая процедура предусмотрена действующим законодательством.

Замещение активов возможно в процедуре внешнего управления и конкурсного производства.

Согласно пункту 1 статьи 141 Закона о банкротстве решение о замещении активов принимается большинством голосов конкурсных кредиторов, требования которых включены в реестр требований кредиторов должника.

При этом важным условием при принятии такого решения, является, условие о том, что все конкурсные кредиторы, требования которых обеспечены залогом имущества должника одобрят такое решение.

Также важно отметить, что согласные на принятие решение о замещении активов кредиторы не должны быть аффилированы с должником [6].

Замещение активов по сравнению с переводом бизнеса является законной мерой, направленной на восстановление платежеспособности должника.

Безусловным преимуществом указанной процедуры является то, что инвестор покупает готовый бизнес с лицензиями и разрешениями на осуществление конкретных видов деятельности, проектной документацией, сотрудниками и деловой репутацией.

Соответственно, указанное по своей сути позволяет сохранить бизнес, при этом лишь меняется его собственник.

Такая процедура направлена на удовлетворение требований кредиторов, при этом достижение положительного эффекта наиболее вероятно.

Гурьянов А.В. отмечал, что замещение активов является достаточно эффективной процедурой в мировой практике как реабилитационная процедура [7].

Рассмотрим пример из судебной практики.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ЗАО "Домостроительный комбинат N 3" была успешно проведена процедура замещение активов. Компания специализировалась на строительстве жилых домов. На базе имеющегося имущества было создано новое общество, в качестве вклада в уставный капитал было внесено имущество общества, в частности объекты недвижимого имущества и земельные участки. Акции указанной компании были приобретены по выгодной цене. Осуществлен расчет с кредиторами [8-9].

Рассмотрим еще один пример.

Так, в деле о банкротстве крупного завода планировалась также процедура замещения активов. Новому обществу должны были быть переданы земельный участок и дебиторская задолженность. Суд первой инстанции посчитал, сто указанных активов будет достаточно для замещения активов. Суды вышестоящих инстанций поддержали суд первой инстанции.

При этом, Верховный суд Российской Федерации отменил судебные акты, указав на то, что проведение процедуры замещения активов на базе конкретного имущества представляется весьма сложным, поскольку покупатель должен иметь возможность приступить к ведению бизнеса без каких-либо сложностей. Суд указал на то, что нет вероятности полагать, что на базе земельного участка и дебиторской задолженности будет возможность полноценно осуществлять предпринимательскую деятельность [10].

Есть и негативный опыт проведения процедуры замещения активов.

Так, есть мнение о том, что создание нового общества в порядке замещения активов и передачей имущества должника в уставный капитал данной компании является следствием недобросовестного осуществления гражданских прав, поскольку основная цель института банкротства – удовлетворение требований кредиторов за счет имущественной массы должника. При этом, денежные средства, полученные от реализации акций новой компании, могут быть значительно меньше, чем рыночная стоимость имущества. Соответственно, реализация по заниженной стоимости может свидетельствовать о недобросовестном поведении, и невозможностью удовлетворения требований кредиторов в полном объеме.

При этом суды как правило не принимают указанные доводы, указывая на то, что, как правило кредиторами не представлено реальных доказательств того, что в случае реализации активов компании в рамках процедуры банкротства, указанное позволит удовлетворить требования кредиторов в наибольшем объеме, чем после реализации акций при замещении активов компании. Важным обстоятельством при оспаривании процедуры замещения активов, является также то, что решение о применении процедуры замещения активов не признано судом недействительным, соответственно конкурсный управляющий обязан провести такие мероприятия [11].

Как правило при применении такой процедуры необходимо оценить именно эффективность такой процедуры для самого должника и кредиторов, поскольку при применении данной процедуры должник не ликвидируется, его платежеспособность восстанавливается. При этом бизнес также остается существовать, хоть и под управлением новой компании.

Однако имеется и противоположная судебная практика, согласно которой суды признают неэффективность указанной процедуры, суды указывают на отсутствие:

- доказательств, что деятельность нового предприятия будет безубыточной;
- реального экономического эффекта от указанной процедуры;
- обоснованности размера выручки нового предприятия;
- доказательств того, что процедура замещения активов является максимально эффективной для всех участников процесса (кредиторов. Должника) [12].

Итак, процедура замещения активов может быть проведена и со злоупотреблением права, недобросовестные лица могут провести мероприятия, которые будут направлены на вывод активов предприятия.

Рассмотрим пример из судебной практики.

Между двумя участниками возник корпоративный конфликт по вопросу отчуждения единственного актива предприятия (недвижимого имущества). Один из участников был не согласен с условиями сделки и принял решение о выходе из общества. Соответственно, ему полагалась выплата действительной стоимости доли или выдача в натуре имущества, по стоимости эквивалентной стоимости его доли. При этом общество такую обязанность не исполнило, в связи с чем бывший участник обратился в суд и взыскал с общества денежные средства, которые должны были быть ему выплачены. Общество обязанность по выплате не исполнило даже после вынесения судебного акта.

После взыскания с общества действительной стоимости доли второй участник обратился в суд с заявлением, в котором просил признать общество банкротом и возбудить дело о его несостоятельности. При этом в реестр требований кредиторов были включены требования аффилированных с должником кредиторов. Такими кредиторами было принято решение о применении процедуры замещения активов. За счет денежных средств, которые были выручены от реализации акций были погашены требования аффилированных

кредиторов, остаток денежных средств был направлен на выплату действительной стоимости доли участника. Однако в полном объеме требование бывшего участника погашено не было.

Учитывая, что требование бывшего участника не было удовлетворено в полном объёме, он повторно инициировал процедуру банкротства общества. Бывший участник общества обратился в суд с заявлением о привлечении участника общества к субсидиарной ответственности, однако суды трех инстанций отказали в удовлетворении заявления.

В последующем вне рамок дела о банкротстве бывший участник обратился в суд с заявлением о взыскании непогашенной суммы требований с учредителя, арбитражного управляющего и покупателей акций. Судом было удовлетворено указанное заявление [13].

Можно сказать, что допустимым механизмом ухода от субсидиарной ответственности можно назвать процедуру замещения активов предприятия. Также достойным альтернативным вариантом можно назвать реорганизацию, обращение к иностранному инвестору.

При этом важно отметить, что ни один из указанных способов не должен нарушать права кредиторов, должен быть соблюден баланс интересов сторон.

При квалификации деяния в качестве добросовестного важно наличие волеизъявления о сохранении бизнеса с минимальными потерями, а также возможности удовлетворения требований кредиторов.

Итак, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1) На практике довольно часто встречаются случаи создания «параллельного бизнеса» в целях ухода от субсидиарной ответственности, однако в случае наличия соответствующей доказательственной базы для бывшего руководителя существуют риски привлечения к субсидиарной ответственности;

2) Спасение бизнеса возможно через законные способы – замещение активов, реструктуризация, покупка компании иностранным инвестором;

Необходимо отметить, что во всех предусмотренных вариантах не допустимо злоупотребление правом, необходимо соблюсти баланс интересов сторон.

Литература

1. Постановление арбитражного суда Московского округа от 22.12.2020 г. по делу № А40-63572/2019.

2. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2018 г. по делу № А03-21450/2017

3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.08.2018 г. по делу № А65-35008/2017

4. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2018 г. по делу № А76-12205/2018

5. Постановление Арбитражного Суда Уральского Округа от 03.03.21 по делу № А60-32466/2019

6. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2018 г. по делу № А76-12205/2018

7. Гурьянов А.В. "Механизм секьюритизации как мера восстановления платежеспособности должника" // Правовое регулирование экономических отношений. Несостоятельность (банкротство) / под ред. Е.П. Губина, С.А. Карелиной. М.: Статут, 2018. 256 с.

8. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2018 N 19АП-4937/2013 по делу N А35-1943/2013

9. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.03.2016 N 19АП-6614/2010 по делу N А14-19973/2009

10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.02.2018 г. № 305-ЭС15-3068(3) по делу № А40-65282/2014

11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11.08.2014 по делу N А23-4309/2013

12. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2014 по делу N А56-61267/2010

13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.01.2019 N Ф09-8116/18 по делу N А76-12205/2018

References

1. Postanovlenie arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 22.12.2020 g. po delu № A40-63572/2019.

2. Postanovlenie Sed'mogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 26.12.2018 g. po delu № A03-21450/2017

3. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 29.08.2018 g. po delu № A65-35008/2017

4. Postanovlenie Vosemnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 11.10.2018 g. po delu № A76-12205/2018

5. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Ural'skogo Okruga ot 03.03.21 po delu № A60-32466/2019
6. Postanovlenie Vosemnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 11.10.2018 g. po delu № A76-12205/2018
7. Gur'yanov A.V. "Mekhanizm sek'yuritizacii kak mera vosstanovleniya platezhesposobnosti dolzhnika". Pravovoe regulirovanie ekonomicheskih otnoshenij. Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo). pod red. E.P. Gubina, S.A. Karelinoj. M.: Statut, 2018. 256 s.
8. Postanovlenie Devyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 29.05.2018 N 19AP-4937/2013 po delu N A35-1943/2013
9. Postanovlenie Devyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 31.03.2016 N 19AP-6614/2010 po delu N A14-19973/2009
10. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 14.02.2018 g. № 305-ES15-3068(3) po delu № A40-65282/2014
11. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 11.08.2014 po delu N A23-4309/2013
12. Postanovlenie Trinadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 10.10.2014 po delu N A56-61267/2010
13. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 17.01.2019 N F09-8116/18 po delu N A76-12205/2018

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ОСНОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 210.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

Емельянов И.В., аспирант,
Кубанский государственный университет

Аннотация: *настоящее исследование посвящено такой тематике как членам преступного мира, относящиеся к его элите и пользующиеся в криминальном мире значительным авторитетом. Это специфическое для России явление, образовавшееся в 1930-х годах и характеризующееся наличием жёсткого кодекса криминальных традиций, а также исключительным уровнем закрытости и конспиративности. Поэтому нами в настоящей статье поднимаются проблемные вопросы легализованной уголовно – правовой нормы и дальнейшее ее правовое применение, а именно статьи 210.1 Уголовного кодекса РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Нами рассматриваются некоторые наиболее актуальные на наш взгляд вопросы, которые касаются относительно квалификации и специфики уголовно-правовой конструкции исследуемой нормы. Изучив специфику и модификацию легализованной законодательной инициативы, мы постарались теоретически предположить и соответственно раскрыть такие механизмы, реализация которых позволит усовершенствовать действующий процесс уголовно-правового регулирования в данной сфере, а также улучшит, по нашему мнению, инкриминирование виновным существующей ст. 210.1 УК РФ. Без внимания мы не оставили и следственно – судебную практику, на которую мы безусловно опирались, и которая свидетельствует о том, что механизмы привлечения к уголовной ответственности по исследуемой уголовно – правовой норме до конца не разработаны, а соответственно правоохранительные органы вынуждены освобождать от уголовной ответственности за данные действия привлекаемых лиц «авторитетов» и «воров в законе». По нашему мнению, необходимо конструктивно изменить описываемые в статье признаки преступления, как это раскрыто во многих государствах ближнего зарубежья, что мы и постарались продемонстрировать в настоящем исследовании.*

Ключевые слова: *криминальный авторитет, уголовный закон, преступное сообщество, организованная преступность, лицо, занимающее высшее место в преступной иерархии*

OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: GROUNDS AND POSSIBILITIES OF LAW ENFORCEMENT OF ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Emelyanov I.V., Postgraduate,
Kuban State University

Abstract: *this study is devoted to such topics as members of the criminal world belonging to its elite and enjoying considerable authority in the criminal world. This is a phenomenon specific to Russia, formed in the 1930s and characterized by the presence of a strict code of criminal traditions, as well as an exceptional level of secrecy and secrecy. Therefore, in this article we raise problematic issues of the legalized criminal law norm and its further legal application, namely Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Occupying the highest position in the criminal hierarchy". We consider some of the most relevant issues in our opinion, which relate to the qualifications and specifics of the criminal law structure of the norm under study. Having studied the specifics and modification of the legalized legislative initiative, we tried to theoretically assume and, accordingly, disclose such mechanisms, the implementation of which will improve the current process of criminal law regulation in this area, and also, in our opinion, will improve the incrimination of the perpetrators of the existing Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. We did not ignore the investigative and judicial practice, which we certainly relied on, and which indicates that the mechanisms for bringing to criminal responsibility under the criminal law norm under study have not been fully developed, and accordingly, law enforcement agencies are forced to exempt "authorities" and "thieves" from criminal liability for these actions of the persons involved in the law." In our opinion, it is necessary to constructively change the signs of the crime described in the article, as it is disclosed in many neighboring countries, which we have tried to demonstrate in this study.*

Keywords: *criminal authority, criminal law, criminal community, organized crime, a person occupying the highest place in the criminal hierarchy*

Организованная преступность – это достаточно распространенное антисоциальное и антигосударственным явлением. Проблема противодействия организованной преступности в нашей стране существовала долгие годы. В уголовном законодательстве Российской империи и Советского Союза были закреплены нормы, предусматривающие особую, повышенную уголовную ответственность за организованную преступную деятельность. При этом советское уголовное законодательство определяло преступность как архаическое вымирающее явление, причины которого в целом понятны и устраняются советским политическим строем. Однако, как показал исторический опыт, преступность, как явление невозможно устранить полностью, ее можно лишь снизить, путем применения комплекса политических, экономических и социальных механизмов.

Как отмечают ученые, впервые законодатель в истории отечественного права сформулировал и стал применять понятие «преступного сообщества» в 1649 г. в Соборном Уложении [1]. Спустя некоторое время уже в Уставе благочиния или полицейском, принятом в 1782 году было расширено и обновлено понятие преступного сообщества «…м неутвержденное общество, товарищество, братство и иное подобное собрание (под каким бы названием ни состояло) … буде же такое общество, товарищество, братство или иное подобное собрание общему добру вред, ущерб или убыток наносить либо бесполезно, то подлежит уничтожению и запрещению…» [2]. Дополнительно появляется новый вид преступление – создание преступного сообщества или покушение на создание преступного сообщества, что также предусматривает привлечение к уголовной ответственности.

Впервые о лицах, которые занимают высшее место в преступной иерархии законодатель заговорил в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. (Ст. 348). Более того настоящие положения предусматривали дифференциацию видов и размера наказания для лиц в зависимости от их специального преступного статуса в обществе, а также знание и понимание целей деятельности общества [3].

В дальнейшем институт преступного сообщества в российском имперском уголовном праве получил свое развитие в профильном законе «О борьбе с противоправительственными сообществами» 1867 года, в законе 1874 года и Уголовном уложении 1903 года. Ключевой особенностью понимания законодателем сущности преступных обществ того времени заключается в их политическом характере и террористической направленности, как способа борьбы с действующим тогда режимом. Так, оценивая уровень уголовно-правового регулирования противодействия деятельности преступных сообществ и лиц, занимающих высшее место в преступной иерархии следует констатировать, что законодатель боролся преимущественно против экстремистских и радикальных сообществ и объединений. В 1906 году был издан Указ Правительствующего Сената, который установил понятие преступного сообщества: «…сообщества, преследующие цели, противные общественной нравственности или воспрещению уголовным законом, или же угрожающие общественному спокойствию и безопасности» [4].

В Советском уголовно-правовом законодательстве, а именно в УК РСФСР 1926 года в ст. 58 предусмотрено также понятие преступного сообщества, как организации, деятельность которой направлена на организацию, подготовку и проведение преступлений на территории РСФСР, что наказывалось различными вида наказаний, предусмотренных УК РСФСР 1926 г [5].

Таким образом, преступная организованная деятельность не является чем-то новым в настоящей российской действительности. Это явление возникло давно, представляя собой различные бандитские формирования и организации, воровские сообщества, которые имели различную структуру и иерархию, своих лидеров и организаторов. Событие 1917 года, в рамках которых был существенно изменен общественно-политический строй привел также к трансформации и преступности как явления. Сформировались особенные воровские сообщества со своей нравственно-этической криминальной системой и субкультурой.

Следствием развития организованной преступности как определенного явления, формирования преступного криминального сообщества, возникновения воровских понятий и систем «воров в законе» становится закономерная реакция со стороны государства. Так, Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. №46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 210.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Так согласно заявлению Министра внутренних дел генерала полиции В.А. Колокольцева, на заседании коллегии МВД за 2020 год порядка 45 представителей организованного преступного мира (криминальных авторитетов) были привлечены к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии [6].

Первым судебным решением, которое можно интерпретировать, как своеобразный судебный прецедент является приговор Московского городского суда 7.10. 2020 г. в отношении Шалвы Османова. Было доказано, что лицо в действительности занимало высшее положение в преступной иерархии, что и инкриминировалось ему в качестве совершенного преступления. Особенностью квалификации в данной уголовной правовой норме является отсутствие необходимости доказывания конкретного преступного сообщества, которое возглавляет или которым управляет и осуществляет организационные действия обвиняемый. Достаточным для формирования доказательственной базы является факт занятия лицом лидерства в преступной среде.

Однако важно отметить, что не все представители юридической уголовно-правовой науки положительно относятся к введению и применению данной нормы. Так, например, В.И. Гладких отмечает, что статья 210.1 УК РФ противоречит ст. 8 УК РФ в части отсутствия всех признаков состава преступления. Речь идет о том, что норма не содержит в себе обязательного признака объективной стороны – общественно-опасного деяния. Ученый отнюдь не безосновательно полагает, что привлечение к уголовной ответственности за отсутствие ярко-выраженного деяния просто за обладание определенным неформальным социальным статусом, который к тому же не имеет никакого официально-правового законодательного закрепления противоречит одному из главных принципов уголовного права и законодательства – принципу законности [7].

В приведенной теоретико-правовой позицией можно соглашаться, можно спорить, однако трудно отрицать дискуссионный характер этого обстоятельства. При этом в настоящий момент в российском законодательстве нет четких определений понятий «преступного авторитета», «криминального лидера», «положенца» и других, используемых в практике определений из-за несовершенства механизма нормативно-правового регулирования. Более того отсутствует четкий механизм, позволяющий определить правовое положение лица в преступном мире [8].

Согласно формальной логике для квалификации содеянного по ст. 210.1 УК РФ в ходе реализации процесса доказывания следует установить реальные события и факты, имевшие место быть, а не показания и субъективные суждения лиц. Важно, что в таком случае следует учитывать обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 73 УПК РФ – характеризующие личность обвиняемого, что направлено на индивидуализацию наказания, в том случае, если обвиняемое лицо будет призвано виновным. С точки зрения криминологии при описании обвиняемого лица, который предположительно занимает высшее место в преступной иерархии характерно наличие одной/нескольких судимостей, специальные татуировки, принадлежность и уважение криминальной субкультуры и т.д. Однако, все это на данный момент носит исключительно теоретико-правовой характер и требует конкретного нормативно-правового закрепления и практической проработки [9].

В качестве предмета доказывания, позволяющего раскрыть объективную сторону состава преступления предполагается доказательство несколько отдельных, но последовательных обстоятельств, относительного обвиняемого лица, а именно:

1. Подтверждение факта выдвижения кандидатуры обвиняемого лица, который претендует на приобретение статуса лидера в преступной криминальной среде;
2. Подтверждение факта принятия положительного решения относительно присвоения лицу статуса лидера в преступной криминальной среде;
3. Подтверждение факта оповещения широкого круга членов преступного сообщества относительно присвоения указанному лицу статуса лидера в преступной криминальной среде;
4. Подтверждение факта руководящих действий обвиняемого в конкретном преступном сообществе;

Исходя из этого подтверждение наличия всех указанных четырех пунктов формирует оконченный состав преступления, предусмотренный ст. 210.1 УК РФ.

Дополнительно в качестве еще одного обстоятельства, позволяющего оценить предполагаемого субъекта преступления следует оценить такие признаки, как непосредственное отношение субъекта к указанному «преступному статусу», характеристику других лиц, занимающих место в преступной иерархии относительно роли подозреваемого лица, дополнительная оценка его «преступных распорядительных» действий и полномочий, а также самих «воровских понятий». При этом многие ученые высказывают обеспокоенность относительно субъективности и неформальности, указанных «преступных статусов и положений», которые в некотором роде весьма затруднительно определить, подходя к данной проблеме системно. Важно, что определение преступного положения в иерархии, в том числе при квалификации преступности деяния требует глубокого и предметного криминалистического и криминологического анализа, учитывая специфику конкретной ситуации. В данном случае возрастает роль криминологических научных исследований, относительно криминальных субкультур и преступных сообществ.

На еще одну проблему толкования положений статьи 201.1 УК РФ обращает внимание В.Г. Степанов-Егиянц, отмечая, что закрепленное в диспозиции слово «занятие» может быть истолковано двояко. При первом варианте толкования ответственность наступает за то, что лицо заняло высшее положение в преступной иерархии. Во втором – наказанию подлежит лицо, уже занимающее такого положение. Следовательно, в первом случае имеет место однократное событие, а во втором – длящееся деяние [10].

С данной теоретико-правовой позицией трудно не согласиться, возникает закономерный вопрос относительно обратной силой уголовного закона. Лицо заняло высшее положение в преступной иерархии до вступление данной уголовно-правовой нормы в силу и продолжает занимать в процессе течения времени. Будет ли считаться само занятие, то есть его пассивные действия преступным деянием, несмотря на то, что само событие произошло до вступления Закона в силу. В результате видится перспективным и необходимым конкретизация конструкции уголовно-правовой нормы и ее пояснение относительно слова «занятие».

Исходя из вышесказанного, выходом из сложившейся ситуации, видится возможность разработки и последующего принятия профильного специального Федерального Закона «О противодействии организованной преступной деятельности», по аналогии с уже действующими законами «О противодействии …терроризму…экстремизму…коррупции» и т.д. Подобный закон позволил бы четко сформулировать ряд понятий, таких как «криминальный авторитет», «преступная иерархия», «преступная среда» и т.д. Это позволило бы правоохранительным органам успешней осуществлять уголовное преследования по указанной статье. Принимая это во внимание еще раз отмечается проблематика описания и формирования всех признаков состава преступления, особенно – объективной стороны преступления. Также в законе предлагает более предметно рассмотреть особенности социального статуса преступного лидера, пусть и в декларативной форме.

Важно также учитывать, что позитивную роль в процессе квалификации преступного деяния по данной статье, а также специфике расследования может быть принятие и опубликование соответствующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ, который позволил бы определить правовую позицию судебной системы и судебной власти относительно данного состава преступления.

Литература

1. Гладких В.И. Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. 2019. № 5. С. 52 – 56.

2. Кириенко Н.А. Краткий исторический экскурс в законодательном определении организованной преступности в России XVII-XXI вв. // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 4. С. 129 – 136.

3. Степаное-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57 – 61.

4. Краснов А., Васильев А. Экстремизм и его основные проявления в контексте социальных явлений // Annali d'Italia. 2022. № 28-2. С. 46 – 48.

5. Петренко А.А., Васильев А.М. Совершенное общественно опасное деяние в состоянии невменяемости: особенности правоприменения // Новые вызовы новой науки: опыт теоретического и эмпирического анализа: Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 69 – 76.

6. Сидорова Е.З., Васильев А.М. Уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде: ведомственный уровень // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195). С. 262 – 265.

7. Васюкова И.Ф., Васильев А.М. Несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ): проблемы квалификации и пути выхода из них // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 70-6. С. 17 – 20.

8. Сапожников Н.А., Сильченко Е.В., Васильев А.М. Юридическая природа объекта и предмета преступлений, предусмотренных статьями 200.4, 200.5 УК РФ // International Law Journal. 2021. Т. 4. № 3. С. 151 – 154.

9. МВД: 45 человек привлекли по статье о «высшем положении в преступной иерархии» // Российская газета. URL: https://rg.ru/2021/03/03/mvd-45-chelovek-privlekli-po-state-o-vysshem-polozhenii-v-prestupnoj-ierarhii.html (дата обращения: 27.05.2022)

10. Скоян С.М., Васильев А.М. Противоречия и необходимость в квалификации нормы ст. 207.1 УК РФ // Право и образование. 2020. № 8. С. 78 – 85.

References

1. Gladkih V.I. Odoleet li novyj zakon vorov v zakone? Rossijskij sledovatel'. 2019. № 5. S. 52 – 56.

2. Kirienko N.A. Kratkij istoricheskij jekskurs v zakonodatel'nom opredelenii organizovannoj prestupnosti v Rossii XVII-XXI vv. Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2012. № 4. S. 129 – 136.

3. Stepanoe-Egijanc V.G. K voprosu o kriminalizacii zanjatija licom vysshego polozhenija v prestupnoj ierarhii. Rossijskij sledovatel'. 2019. № 5. S. 57 – 61.

4. Krasnov A., Vasil'ev A. Jekstremizm i ego osnovnye projavlenija v kontekste social'nyh javlenij. Annali d'Italia. 2022. № 28-2. S. 46 – 48.

5. Petrenko A.A., Vasil'ev A.M. Sovershennoe obshhestvenno opasnoe dejanie v sostojanii nevmenjaemosti: osobennosti pravoprimenenija. Novye vyzovy novoj nauki: opyt teoreticheskogo i jempiricheskogo analiza: Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Petrozavodsk, 2021. S. 69 – 76.

6. Sidorova E.Z., Vasil'ev A.M. Ugolovnaja politika v sfere preduprezhdenija prestupnosti v obrazovatel'noj srede: vedomstvennyj uroven'. Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2021. № 3 (195). S. 262 – 265.

7. Vasjukova I.F., Vasil'ev A.M. Nesoobshhenie o prestuplenii (st. 205.6 UK RF): problemy kvalifikacii i puti vyhoda iz nih. Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. 2021. № 70-6. S. 17 – 20.

8. Sapozhnikov N.A., Sil'chenko E.V., Vasil'ev A.M. Juridicheskaja priroda ob#ekta i predmeta prestuplenij, predusmotrennyh stat'jami 200.4, 200.5 UK RF. International Law Journal. 2021. T. 4. № 3. S. 151 – 154.

9. MVD: 45 chelovek privlekli po stat'e o «vysshem polozhenii v prestupnoj ierarhii». Rossijskaja gazeta. URL: https://rg.ru/2021/03/03/mvd-45-chelovek-privlekli-po-state-o-vysshem-polozhenii-v-prestupnoj-ierarhii.html (data obrashhenija: 27.05.2022)

10. Skojan S.M., Vasil'ev A.M. Protivorechija i neobhodimost' v kvalifikacii normy st. 207.1 UK RF. Pravo i obrazovanie. 2020. № 8. S. 78 – 85.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «ДЕТИ, ОСТАВШИЕСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ»

Карпеева Е.В., преподаватель,
Иркутский государственный университет

Аннотация: *автор обращает внимание на положения Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг., посвященные необходимости уточнения и упорядочения содержания понятия «дети, оставшиеся без попечения родителей», а также на дату действующей редакции данного понятия. Придя к выводу о том, что проблематика формирования категории детей «оставшихся без родительского попечения» законодателем осознана, но не проработана, автор обращается к имеющимся доктринальным исследованиям понятия «дети, оставшиеся без попечения родителей» и приводит сравнительный анализ двух существующих перечней оснований отнесения несовершеннолетних к исследуемой категории. В заключении автором предлагается выделять такие основания отнесения несовершеннолетних к категории детей, оставшихся без попечения родителей, как: 1) лишение родителей родительских прав; 2) ограничение в родительских правах; 3) признание родителей недееспособными (ограниченно дееспособными) в связи с обстоятельствами, не являющимися основаниями для ограничения в родительских правах или лишения родительских прав; 4) отбывание наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не являющихся в силу абз. 7 ст. 69 СК РФ основанием для лишения родительских прав, при отсутствии заявления единственного родителя или обоих родителей о назначении ребенку опекуна на период нахождения под стражей или в местах лишения свободы; 5) единственный родитель или оба родителя неизвестны; 6) установление судом факта утраты лицом попечения родителей при наличии иных обстоятельств.*

Ключевые слова: *дети, оставшиеся без попечения родителей, утрата родительского попечения, установление факта утраты несовершеннолетним попечения родителей, длительное отсутствие родителей, опека, попечительство*

ON THE PROBLEM OF CATEGORY FORMATION «CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE»

Karpeeva E.V., Lecturer,
Irkutsk State University

Abstract: *the author draws attention to the provisions of the National Strategy of Actions in the Interests of Children for 2012-2017, devoted to the need to clarify and streamline the content of the concept of «children left without parental care», as well as to the date of the current edition of this concept. Having come to the conclusion that the problems of the formation of the category of children «left without parental care» by the legislator are known, but not worked out, the author turns to the available doctrinal studies of the concept of «children left without parental care» and conducts a comparative analysis of the two existing lists of grounds for assigning minors to the category under study. In conclusion, the author proposes to single out such grounds for classifying minors as children left without parental care, as: 1) deprivation of parental rights by parents; 2) restriction in parental rights; 3) recognition of parents as incapacitated (with limited legal capacity) due to circumstances that are not grounds for restriction in parental rights or deprivation of parental rights; 4) being punished in institutions executing the punishment in the form of deprivation of liberty by being in places of detention of suspects and accused of committing crimes that are not, by virtue of paragraph 7 of Article 69 of the RF IC, grounds for deprivation of parental rights, in the absence of a single parent's statement or both parents about the appointment of an ope-kun to the child for the period of detention or in places of deprivation of liberty; 5) the only parent or both parents are unknown; 6) the establishment by the court of the fact of the loss of parental care by the person in the presence of other circumstances.*

Keywords: *children left without parental care, loss of parental care, establishment of the fact of loss of parental care by minors, prolonged absence of parents, guardianship, guardianship*

В соответствии с указом Президента РФ В.В. Путина от 01.06.2012 №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» была утверждена, а впоследствии и реализована одноименная стратегия (далее по тексту – Национальная стратегия), а в соответствии с указом от 29.05.2017 №240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» период с 2018 по 2027 год насыщен мероприятиями, посвященными защите детей. До 2025 г. в Российской Федерации также действуют Концепция государственной семейной политики, утв. Распоряжением Правительства РФ от 04.09.2014 №1726-р, и Стратегия развития воспитания в Российской Федерации, утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 №996-р.

Политический курс на защищенное во всех сферах детство не мог остаться незамеченным научным юридическим сообществом. Всё чаще внимание правоведов обращено к проблематике защиты прав и интересов несовершеннолетних в целом и несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, как особо уязвимой категории детей.На страницах юридической периодики опубликованы труды, посвященные анализу причин принятия Национальной стратегии и ожиданиям от ее реализации, например, А.М Нечаевой [7]. Труды, отмечающие достоинства и недостатки ее реализации, например, И.Е. Калабихина, О.В. Кучмаева отмечают, что, приступив к реализации национальной стратегии была допущена фатальная ошибка – не проработана система показателей эффективности и результативности реализации стратегии [4, с. 215]. В.В. Рубцов, Г.В. Семья, А.А. Шведовская проводят анализ результатов реализации Национальной стратегии по каждому стратегическому направлению отдельно [11]. Нельзя не отметить работы, посвященные еще только планируемым реформам, например, Л.Ю. Михеевой [5], Н.В. Тригубович, О.А. Хазовой, С.Ю. Чашковой, Е.А. Чефрановой [8] и др.

Как отмечает Е.В. Буянова Национальная стратегия стала новаторским документом [1, с. 62], поскольку обобщила в себе если не все, то многие существующие ко дню ее утверждения проблемы детства. Так в тексте Национальной стратегии указывалось, например, на необходимость уточнения и упорядочения содержания понятий: дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации; дети и семьи, находящиеся в социально опасном положении; дети, нуждающиеся в помощи государства; дети, оставшиеся без попечения родителей; жестокое обращение с ребенком (раздел II. «Семейная политика детствосбережения» ст. 3 «Первоочередные меры» Национальной стратегии). Перечислять все проблемные вопросы означало бы пересказывать положения Национальной стратегии, но в этом нет необходимости.

Переходя непосредственно к исследованию проблематики понятий, отметим, что в рамках данной статьи будем исследовать только одно – «дети, оставшиеся без попечения родителей».

В толковых словарях попечение определяется через заботу, оказание помощи, связанные с ответственностью за кого-то [9]. Быть на попечении согласно словарям синонимов, означает быть на содержании, под крылышком, под присмотром. И соответственно отложить попечение означает оставить на произвол судьбы.

В доктрине не существует единого подхода к пониманию родительского попечения. С.В. Доржиевой был проведен этимологический анализ термина «попечение», на основании которого она отмечает, что исчерпывающим образом в законе трудно раскрыть понятия «забота», «покровительство», «защита», отражающие в себе всю полноту действий со стороны каких-либо лиц по отношению к ребенку [3, с. 44]. С.В. Доржиевой предлагается под родительским попечением о ребенке понимать заботу родителей о физическом, психическом состоянии ребенка, создание в семье условий, способствующих его полноценному, гармоничному развитию, добросовестную охрану и защиту его прав и законных интересов [3, с. 44].

По мнению А.М. Нечаевой отсутствие родительского попечения заключается в «отсутствии элементарной, жизненно необходимой растущему организму, развивающейся личности несовершеннолетнего заботы, внешним выражением которой обычно служат пребывание ребенка в голоде, в антисанитарной обстановке, без всякого (прямого или косвенного) надзора… Утрата родительского попечения имеет место, когда налицо полное пренебрежение своими родительскими обязанностями, предельно высокая степень беззаботности по отношению к детям» [6, с. 82].

Понятие – это концептуальное отражение действительности. Понятие должно быть общим и одновременно функционально гибким [12, с. 46].

Таким образом, становится очевидным, что при попытке раскрыть содержание понятия «дети, оставшиеся без попечения родителей» так или иначе приходится ссылаться на жизненные обстоятельства и оценочные категории, что делает попытку разработки понятия бессмысленным. Будет ли оценочное понятие функциональным? В силу оценочных категорий оно будет подвергнуто бесконечному множеству интерпретаций и в конечном счете станет основой злоупотреблений. Потому полагаем, что значимо не сформировать понятие, а определиться с перечнем жизненных обстоятельств, которые позволяют отнести ребенка к категории «дети, оставшиеся без попечения родителей».

На законодательном уровне существует два перечня таких обстоятельств. В ст. 121 СК РФ и в ст. 1 Федерального закона от 21.12.1996 №159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее по тексту – ФЗ №159).

Если верить сведениям, представленным в СПС «КонсультантПлюс» изменения в указанные нормы не вносились. Ст. 121 СК РФ существует в редакции Федерального закона от 24.04.2008 №49-ФЗ, а ст. 1 ФЗ №159 в редакции Федерального закона от 02.07.2013 №185-ФЗ, что позволяет сделать вывод о не достижении заявленной в Национальной стратегии цели по уточнению и упорядочению содержания понятий. Представим свой вариант.

Если сравнить тексты указанных статей, то обнаруживается ряд противоречий:

1) в силу ст. 121 СК РФ к детям, оставшимся без попечения родителей, отнесены и дети-сироты поскольку первым среди обстоятельств, свидетельствующих об утрате родительского попечения в комментируемой статье указана смерть родителей. В ст. 1 ФЗ №159 указаны иные обстоятельства – признание родителей безвестно отсутствующими, объявление их умершими. Данная норма подвергалась критике со стороны научного юридического сообщества. Например, Ю.Ф. Беспалов справедливо отмечал, что, во-первых, совершенно не понятно, почему дети, чьи родители объявлены умершими, относятся к категории детей, оставшихся без попечения родителей, а не к категории дети-сироты при том, что в силу ст. 45, 1113 ГК РФ решение суда о признании гражданина умершим влечет те же самые правовые последствия, что и смерть гражданина, и, во-вторых, остался не урегулирован статус детей, в отношении родителей которых судом установлен факт смерти в определенное время и при определенных обстоятельствах (п. 8 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ), и детей, в отношении родителей которых судом установлен факт регистрации смерти (п. 3 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ) [10, с. 1].

Мнение о том, что ребенок-сирота и ребенок, оставшийся без попечения родителей, - разные юридические понятия поддерживает Л.Ю. Михеева [13, с. 227].

Возможно, законодатель исходил из посылки о том, что при объявлении умершими остается вероятность, что родитель все-таки жив. Полагаем, что для стабильности и гражданского оборота и семейно-правовых отношений, предпочтительнее вариант правового регулирования, предложенный Ю.Ф. Беспаловым. Что до признания родителя безвестно отсутствующим, то следует отметить, что это основание также вступает в противоречие с положениями п. 1 ст. 121 СК РФ;

2) ст. 121 СК РФ предусмотрено такое основание как длительное отсутствие родителей, в ст. 1 ФЗ №159 предусмотрено более конкретные основания отсутствия: а) признание родителя безвестно отсутствующим; б) отбывание родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождение в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Противоречие заключается в том, что само по себе длительное отсутствие родителей, например, в силу длительной командировки, не является основанием для признания ребенка оставшимся без попечения родителей поскольку родители вправе по своему волеизъявлению передать ребенка под временную опеку, к примеру, бабушек и дедушек (п. 1 ст. 13 Федерального закона от 24.04.2008 №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве») и это, по нашему мнению, тоже вариант заботы о благополучии ребенка. Следует признать, что родители зачастую не обращаются в органы опеки и попечительства для назначения временного опекуна, а выдают нотариально удостоверенную доверенность на право представлять интересы ребенка. И это тоже вариант родительской заботы. Более того физическое отсутствие не всегда исключает поддержание связи ребенок-родитель посредством телефонии и прочих средств общения, как не исключает и предоставления содержания несовершеннолетнему. В случае же, если родители (единственный родитель) как предусмотрено ст. 42 ГК РФ пропали, не выходят на связь и не известно их местонахождения, можно говорить о том, что ребенок остался без попечения родителей. В связи с чем, полагаем, что такое основание как отбывание родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождение в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений также не всегда может свидетельствовать об утрате родительского попечения. Например, статус подозреваемого может быть в скором времени снят и родитель и ребенок вернутся к нормальной жизни;

3) в текстах комментируемых статей имеются и практически дословно одинаковые основания признания ребенка, оставшимся без попечения родителей, – уклонение родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов; отказ родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, или аналогичных организаций. Однако, данное положение также может быть подвергнуто критике поскольку вступает в противоречие с абз. 2, 3 ст. 69 СК РФ. В комментируемых статьях лишение родительских прав единственного родителя или обоих родителей указано как самостоятельное основание отнесения несовершеннолетнего к категории оставшихся без попе-

чения родителей и при этом зачем-то отдельно продублированы два основания для лишения родительских прав;

4) ст. 121 СК РФ содержит указание на такое основание как болезнь родителей. Не совсем понятно, что имел ввиду законодатель, обычное простудное заболевание является основанием признания несовершеннолетнего оставшимся на 5-7 дней без попечения родителей? Если же речь о более серьезных заболеваниях, то следует четче отграничивать это основание от абз. 6 ст. 69 СК РФ и абз. 1 п. 2 ст. 73 СК РФ;

5) создание действиями или бездействием родителей условий, представляющих угрозу жизни или здоровью детей, либо препятствующих их нормальному воспитанию и развитию как основание отнесения к категории детей, оставшихся без попечения родителей предусмотрено в п. 1 ст. 121 СК РФ. Указанное основание также едва ли может претендовать на роль самостоятельного поскольку с учетом конкретных обстоятельств дела поглощается такими институтами как отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью (ст. 77 СК РФ), лишение родительских прав (абз. 4,5,6 ст. 69 СК РФ), ограничение в родительских правах (абз. 2 п. 2 ст. 73 СК РФ);

6) по мнению диссертанта, также небесспорной представляется позиция законодателя, выраженная в ст. 1 ФЗ № 159 относительно целесообразности закрепления возможности установления судом факта утраты лицом попечения родителей. Утрата родительского попечения происходит не в связи с установлением судом данного факта, а до обращения в суд и в связи с совершенно иными обстоятельствами. Безусловно, данный факт имеет юридическое значение [6, с. 82], поскольку порождает достаточно разнообразные правовые последствия, например, порождает ряд обязанностей со стороны органов опеки и попечительства (ст. 121, 122 СК РФ, ст. 34 ГК РФ, пп. 1 п. 1 ст. 8, 11 ФЗ «Об опеке и попечительстве»). Но признание судом факта утраты лицом родительского попечения несколько выбивается из в целом стройного ряда жизненных обстоятельств, в связи с которыми дети могут остаться без родительского попечения.

Для иллюстрации обратимся к Определению Верховного Суда РФ от 10.09.2019 №74-КГ19-8, которым вопрос о возможности или невозможности установления судом данного факта разрешен, по нашему мнению, небесспорно. Исходя из фабулы дела, несовершеннолетняя девочка Ф. находилась под опекой своей тети П. на основании постановления местной районной администрации, поскольку утратила родительское попечение, следовательно, органы опеки и попечительства должны были учесть ее как ребенка, оставшегося без попечения единственного родителя – матери, а в отношении матери органы опеки и попечительства или опекун должны были обратиться в суд с исками о лишении родительских прав, взыскании алиментов. Однако Верховный Суд РФ занял иную позицию, сославшись на законодательно предусмотренную возможность установления факта утраты родительского попечения в особом производстве. По мнению диссертанта, такой подход прерывает цепь последовательно совершаемых действий в интересах ребенка. Если имеются основания для применения ст. 69, 73, 77 СК РФ они должны быть применены и именно в результате их применения ребенок может получить статус оставшегося без попечения родителей поскольку и в ст. 121 СК РФ и в ст. 1 ФЗ №159 указаны такие основания признания ребенка оставшимся без попечения родителей.

Обращаясь к юридической литературе, находим, что, рассматривая основания для обращения в суд в порядке гл. 28 ГПК РФ В.В. Аргунов отмечает, что к установлению юридических фактов в судебном порядке можно прибегнуть только в исключительных случаях [2, с. 563]. Если исключительность подразумевает отрицательный ответ на вопрос можно ли иным способом и более эффективно защитить права, то в данном случае ответ положительный, да, можно. Следовательно, это не исключительный случай. В обоснование своей позиции отметим, что и родители, ограниченные в родительских правах, и родители, лишенные родительских прав, утрачивают право на личное воспитание ребенка, а также утрачивают права на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей. Но если для определения дальнейшей судьбы ребенка вопрос о лишении родителя льгот значения не имеет, то правовая определенность в статусе родителей (ограниченных или лишенных родительских прав) имеет весомое значение. Например, в силу п. 6 ст. 71 СК РФ ребенка, в отношении которого единственный или оба родителя лишены родительских прав, можно усыновить уже по прошествии 6 месяцев со дня вынесения решения суда о лишении родительских прав.

Полагаем, что в приведенном примере из судебной практики оснований для обращения в суд в порядке гл. 28 ГПК РФ не имелось, нет «исключительности» в виде установления факта как единственно возможного способа защиты прав ребенка. Безусловно, искомый статус необходим для получения льгот, предусмотренных законодательством, но интересы ребенка, по нашему мнению, не сводятся только к получению льгот, они прежде всего в правовой определенности, в стимулировании родителя через меры семейно-правовой ответственности изменить отношение к воспитанию ребенка, в возможности претендовать на усыновление (удочерение), на воспитание в приемной семье, в своевременном взыскании алиментов.

По нашему мнению, если подход отраженный в Определении Верховного Суда РФ от 10.09.2019 №74-КГ19-8 получит широкое распространение в правоприменительной практике, то возникнет возможность освобождения родителей от всякого рода ответственности за неисполнение их непосредственных родительских обязанностей по содержанию, воспитанию своих несовершеннолетних детей. Также это приведет к игнорированию неисполнения органами опеки и попечительства их должностных обязанностей по своевременному выявлению, учету, устройству несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, и своевременной всесторонней защите их прав и законных интересов. Полагаем, что развитие правоприменительной практики в таком ключе не соответствует целям гражданского судопроизводства (укрепление законности, формирование правопорядка, предупреждение совершения правонарушений) и усложняет понимание оснований признания несовершеннолетних оставшимися без родительского попечения.

Вместе с тем, представляется, что такое основание, как установление судом факта утраты несовершеннолетним попечения родителей, обоснованно закреплено в законе, поскольку закон не может предусмотреть всех вариаций развития общественных отношений, но для целей формирования единообразного применения законодательства и недопущения нарушений прав несовершеннолетних следует четко определить исключительные случаи, когда можно защитить права ребенка только через установление судом указанного факта.

По мнению автора, основанием для обращения в суд с заявлением об установлении факта утраты ребенком попечения родителей может послужить уклонение от исполнения родительских обязанностей родителями, добровольно передавшими ребенка под временную опеку. Например, когда на период длительной командировки единственного родителя несовершеннолетнего передают под опеку бабушек и (или) дедушек и пропадают (не поддерживают контакта с ребенком, не предоставляют ему содержания, не участвуют в воспитании, решении вопросов об обучении и так далее). Как известно, само по себе установление такой опеки не является основанием для взыскания алиментов или признания несовершеннолетнего оставшимся без попечения родителей, поскольку родители фактически продолжают исполнять свои обязанности.

Таким образом, приходим к выводу о том, что ситуации, как в выше приведенной фабуле дела, в случае совершения родителем(-лями) в отношении несовершеннолетнего правонарушений, необходимо обращаться с иском о лишении родительских прав и в административном порядке разрешать вопрос об установлении статуса ребенка, оставшегося без попечения родителей. Полагаем, что последствия лишения родительских прав, предусмотренные ст. 72 СК РФ, в большей степени отвечают интересам несовершеннолетнего, так как родители теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в частности право на получение алиментов на свое содержание от несовершеннолетнего в будущем, а также ребенок может быть передан на усыновление (удочерение), что позволит обеспечить наиболее приоритетную форму семейного воспитания, а равно наилучшее обеспечение интересов ребенка. Нельзя не отметить, что лишение родительских прав отвечает и интересам государства, поскольку родители теряют права на льготы и государственные пособия для граждан, имеющих детей. Ограничение в родительских правах в случае, если основаниями явилось поведение родителей, также наибольшим образом соответствует интересам детей.

На основании изложенного, автором предлагается выделять такие основания отнесения несовершеннолетних к категории детей, оставшихся без попечения родителей, как: 1) лишение родителей родительских прав; 2) ограничение в родительских правах; 3) признание родителей недееспособными (ограниченно дееспособными) в связи с обстоятельствами, не являющимися основаниями для ограничения в родительских правах или лишения родительских прав; 4) отбывание наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не являющихся в силу абз. 7 ст. 69 СК РФ основанием для лишения родительских прав, при отсутствии заявления единственного родителя или родителей о назначении ребенку опекуна на период нахождения под стражей или в местах лишения свободы; 5) единственный родитель или оба родителя неизвестны; 6) установление судом факта утраты лицом попечения родителей при наличии иных обстоятельств. Из сказанного следует, что в большинстве случаев приобретение статуса ребенка, оставшегося без попечения, будет зависеть не только от деятельности органов опеки и попечительства, но и от принятия соответствующего решения судом.

Сформулированный подход можно рассматривать как прообраз последовательного, внутренне непротиворечивого алгоритма сопровождения ребенка, оставшегося без попечения родителей, с момента его выявления и до исполнения решения суда о защите его нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Литература

1. Буянова Е.В. Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии в системе гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2018. № 37. С. 61 – 68.
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд. перераб. М.: Издательский Дом «Городец», 2020. 992 с.
3. Доржиева С.В. Правовое регулирование устройства и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, в приемной семье: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 271 с.
4. Калабихина И.Е., Кучмаева О.В. Невидимый статистикой раздел национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг. // Всероссийская научно-практическая конференция «Статистика и вызовы современности»: Сборник материалов конференции «День работника статистики», Москва, 25-26 июня 2015 года / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). Москва: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ), 2015. С. 214 – 218.
5. Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3 – 5.
6. Нечаева А.М. Охрана прав детей-сирот в России (История и современность). М.: Дом, 1994. 169 с.
7. Нечаева А.М. Национальная стратегия действий в интересах детей и семейное законодательство // Государство и право. 2013. № 2. С. 72 – 77.
8. Тригубович Н.В., Хазова О.А., Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. О концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28 – 38.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. Москва: Азъ Ltd, 1992. 960 с. [Электронный ресурс]. http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 25.08.2022)
10. Путеводитель по законодательству РФ о правах детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Всероссийский государственный университет юстиции: [офиц. сайт]. 2022. URL: https://rpa-mu.ru/akademicheskaya-zhizn/yuridicheskaya-klinika/putevoditel-po-zakonodatelstvu (дата обращения: 05.02.2022)
11. Рубцов В.В., Семья Г.В., Шведовская А.А. Вызовы современного детства: ключевые результаты реализации Национальной стратегии действий в интересах детей // Психологическая наука и образование. – 2017. Т. 22. № 6. С. 5 – 24.
12. Рябова М.Э. Формирование системы категорий в современной социальной философии: методологический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (22). С. 44 – 53.
13. Семейное право: учебник / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2008. 302 с.

References

1. Bujanova E.V. Druzhestvennoe k rebenku pravosudie i vosstanovitel'nye tehnologii v sisteme grazhdanskogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy. Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2018. № 37. S. 61 – 68.
2. Grazhdanskij process: uchebnik.pod red. M.K. Treushnikova. 7-e izd. pererab. M.: Izdatel'skij Dom «Gorodec», 2020. 992 c.
3. Dorzhieva S. V. Pravovoe regulirovanie ustrojstva i vospitanija detej, ostavshihsja bez popechenija roditelej, v priemnoj sem'e: dis. … kand. jurid. nauk. M., 2017. 271 s.
4. Kalabihina I.E., Kuchmaeva O.V. Nevidimyj statistikoj razdel nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012-2017 gg. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Statistika i vyzovy sovremennosti»: Sbornik materialov konferencii «Den' rabotnika statistiki», Moskva, 25-26 ijunja 2015 goda.Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii, Moskovskij gosudarstvennyj universitet jekonomiki, statistiki i informatiki (MJeSI). Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj universitet jekonomiki, statistiki i informatiki (MJeSI), 2015. S. 214 – 218.
5. Miheeva L.Ju. Perspektivy razvitija semejnogo prava na rubezhe desjatiletij. Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2020. № 3. S. 3 – 5.
6. Nechaeva A.M. Ohrana prav detej-sirot v Rossii (Istorija i sovremennost'). M.: Dom, 1994. 169 s.
7. Nechaeva A.M. Nacional'naja strategija dejstvij v interesah detej i semejnoe zakonodatel'stvo. Gosudarstvo i pravo. 2013. № 2. S. 72 – 77.

8. Trigubovich N.V., Hazova O.A., Chashkova S.Ju., Chefranova E.A. O koncepcii sovershenstvovanija zakonodatel'stva, regulirujushhego otnoshenija detej i roditelej. Zakon. 2022. № 1. S. 28 – 38.

9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 72 500 slov i 7500 frazeologicheskih vyrazhenij. Moskva: Az# Ltd, 1992. 960 s. [Jelektronnyj resurs]. http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (data obrashhenija: 25.08.2022)

10. Putevoditel' po zakonodatel'stvu RF o pravah detej-sirot i detej, ostavshihsja bez popechenija roditelej. Vserossijskij gosudarstvennyj universitet justicii: [ofic. sajt]. 2022. URL: https://rpa-mu.ru/akademicheskaya-zhizn/yuridicheskaya-klinika/putevoditel-po-zakonodatelstvu (data obrashhenija: 05.02.2022.

11. Rubcov V.V., Sem'ja G.V., Shvedovskaja A.A. Vyzovy sovremennogo detstva: kljuchevye rezul'taty realizacii Nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2017. T. 22. № 6. S. 5 – 24.

12. Rjabova M.Je. Formirovanie sistemy kategorij v sovremennoj social'noj filosofii: metodologicheskij aspect. Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2012. № 2 (22). S. 44 – 53.

13. Semejnoe pravo: uchebnik. pod red. P.V. Krasheninnikova. M.: Statut, 2008. 302 s.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ: НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕГО РЫНКА СТРАН ЮЖНОГО КОНУСА

Коровин Е.С., аспирант,
Российский государственный университет правосудия

Аннотация: *статья посвящена исследованию правовых особенностей построения общего рынка стран Южного Конуса (МЕРКОСУР) в сфере электроэнергетики. Особое внимание уделяется нормативной правовой базе указанной международной организации, направленной на формирование общего электроэнергетического рынка, а также предпосылкам формирования и начала функционирования соответствующего межгосударственного электроэнергетического объединения. Кроме того, в статье проанализирован текущий статус общего электроэнергетического рынка МЕРКОСУР, а также правовые «лакуны», с которыми сталкиваются государства-члены МЕРКОСУР при реализации концепции общего рынка. На основе анализа соответствующих международных правовых актов сделан вывод о степени и качественном наполнении интеграционных процессов, проистекающих в МЕРКОСУР, а также о правовых особенностях, с которыми сталкиваются субъекты международного права в процессе имплементации концепции общего рынка. На основе международно-правовых особенностей экономической интеграции в сфере энергетики в исследовании дана классификация общего электроэнергетического рынка МЕРКОСУР. Настоящее исследование может быть полезным при учете иностранного и международного опыта формирования общих рынков электрической энергии, в том числе в процессе интеграции в формате общего электроэнергетического рынка в рамках Евразийского экономического союза.*

Ключевые слова: *общий электроэнергетический рынок, интеграция, наднационализм, международные организации, электроэнергетика, принципы общего рынка, МЕРКОСУР*

INTERSTATE INTEGRATION IN THE POWER INDUSTRY: EXAMPLE OF THE COMMON MARKET OF THE SOUTH

Korovin E.S., Postgraduate,
Russian State University of Justice

Abstract*: the article is devoted to the study of the legal features of the formation of the Common Market of the South (MERCOSUR) in the field of electric power. Particular attention is paid to the regulatory legal framework of this international organization aimed at the formation of a common electric power market, as well as the prerequisites for the formation and start of functioning of the relevant interstate electric power association. In addition, the article analyzes the current status of the MERCOSUR common electricity market, as well as the legal "gaps" that MERCOSUR member states face when implementing the concept of a common market. Based on the analysis of the relevant international legal acts, the conclusion is made about the degree and quality of the integration processes occurring in MERCOSUR, as well as about the legal features faced by subjects of international law in the process of implementing the concept of a common market. Based on the international legal features of economic integration in the energy sector, the study provides a classification of the common MERCOSUR electricity market. This study can be useful when taking into account foreign and international experience in the formation of common electric energy markets, including in the process of integration in the format of a common electric power market within the framework of the Eurasian Economic Union.*

Keywords*: common electric power market, integration, supranationalism, international organizations, electric power industry, principles of the common market, MERCOSUR*

Во второй половине XX в. – начале XXI в. структура внутренних электроэнергетических рынков государств-членов интеграционных объединений и международных организаций постепенно начала претерпевать существенные изменения. Результатом политических дискуссий между представителями государств стала пролиферация межгосударственных электроэнергетических объединений (далее – МГЭО), составными элементами которых выступали национальные рынки энергоносителей государств.

На современном этапе развития глобального индустриального сообщества энергия является его фундаментом, составной частью его жизнедеятельности [1]. В этой связи, в общемировой практике в последнее время наблюдается активный рост потребления энергоресурсов и, в частности, электроэнергии. В данной связи государствам важно выработать стратегию взаимодействия по управлению ограниченными энергоре-

сурсами и с этой целью выбрать наиболее оптимальную модель интеграции в формате в сфере электроэнергетики.

Межгосударственные электроэнергетические объединения способны удовлетворить запросы как потребителей, так и экспортеров электрической энергии. Главная цель формирования любого общего энергетического рынка (далее – ОЭР) – создание платформы для интеграции производственных и индустриальных мощностей в единое экономическое пространство [2]. С одной стороны, МГЭО, будучи выражением воли группы первичных субъектов международного права, формируются на основе международно-правовых норм, а с другой стороны, начало функционирования таких объединений требует гармонизации национального законодательства и принятия рядя внутригосударственных законодательных актов с целью соответствия императивам того или иного рынка, что, как показывает международная практика формирования электроэнергетических объединений, неосуществимо без явно выраженного «государственного заказа» на интеграцию.

Обеспечение энергетической безопасности сегодня стало достаточно сложной задачей для большинства государств, так как многие страны сталкиваются с дефицитом надежных источников поставок энергоресурсов, что не позволяет полностью покрыть внутренний спрос на энергоносители и стимулировать внутренний рост экономики. Особая ценность МГЭО заключается в том, что путем рационального распределения энергоресурсов обеспечивается энергетическая безопасность в рамках интеграционного объединения, а также происходит накопление резервов энергоресурсов, таким образом стимулируется экономический рост интегрированных в ОЭР экономических систем государств-членов. В целом такое взаимовыгодное сотрудничество зиждется на том, что первая группа субъектов получает доступ к трансграничным поставкам электроэнергии, а вторая группа находит новые рынки сбыта.

В Южной Америке продолжает активно развиваться общий рынок стран Южного Конуса (далее – МЕРКОСУР). Нормативно-правовая основа МЕРКОСУР содержится в Асунсьонском договоре 1991 г. [3] (далее – Договор 1991 г.). В 1994 г. в развитие положений Договора 1991 г. был принят Протокол Оуро-Прето [4], который, наделял МЕРКОСУР международной правосубъектностью (ст. 34).

Договором 1991 г. предусматривалось создание общего рынка, датой его создания устанавливалось 31 декабря 1994 г. Хотя Договор и не предполагал интеграции в энергетической сфере, в целях координации макроэкономик и отраслевой политики государств была создана Группа общего рынка, в состав которой входит подгруппа по энергетической политике (Приложение V к Договору 1991 г.). Подгруппа по энергетической политике функционирует с 2005 г. в формате совещаний, проводимых два-три раза в год, и является механизмом обсуждения программы энергетической интеграции в регионе [5]. Совет общего рынка является высшим органом политического руководства, который уполномочен принимать нормативно-правовые акты (в форме решений) по различным вопросам общего рынка, выступая неким подобием Европейского совета, однако с узкоспециализированными задачами и целями, ограниченными исключительно сферой общего рынка. Вместе с тем, внутренний электроэнергетический рынок Европейского союза до сих пор остается эталоном по степени правового регулирования [6].

Следуя глобальной тенденции объединения национальных рынков энергоресурсов, в странах Южного Конуса проводились попытки начать процесс интеграции в электроэнергетической сфере. Так, в 1998 г. Группа общего рынка предоставила проект решения №10/98 «Меморандум о взаимопонимании, касающийся обмена электроэнергией и интеграции в сфере электроэнергетики в МЕРКОСУР» в целях его последующего принятия Советом общего рынка. Совет общего рынка рассмотрел внесенный Рабочей группой проект решения и принял его [7].

Принятый документ подтверждает важность развития регионального процесса интеграции в электроэнергетической сфере, закрепляет свободу договоров купли-продажи электрической энергией между компаниями государств-участников, которые, в свою очередь, обязуются соблюдать внутригосударственное законодательство государств-членов ОЭР. Нормы коммерческого оборота электроэнергии должны основываться на принципах свободной торговли электроэнергией, взаимности конкуренции и открытости рынка. Источниками в сфере электроэнергии являются действующее законодательство государств-членов, а также международные договоры между государствами-членами.

Решением №10/98 также устанавливаются принципы «минимальной симметрии» для государств-членов МЕРКОСУР, которые, исходя из международно-правовой практики, являются «классическими» для такой категории общих электроэнергетических рынков. На основе анализа данных мер представляется необходимым классифицировать их по сферам регулирования.

Первый блок данных мер направлен на создание условий, обеспечивающих конкуренцию: устанавливается недопустимость наложения каких-либо ограничительных мер, способных изменить конкурентную среду, закрепляется недопущение дискриминационной политики по отношению к субъектам спроса и

предложения других государств-членов. Наряду с этим, внутренние правила национальных рынков государств-членов не должны ограничивать экспорт электроэнергии в рамках МЕРКОСУР.

Второй блок принятых мер регулирует свободу участников данного рынка в части заключения договоров купли-поставки электроэнергии. Так, поставщикам, юридическим лицам и крупным потребителям электроэнергии разрешается свободно заключать контракты с поставщиками электроэнергии, которые могут находиться в любом из государств-участников МЕРКОСУР. Устанавливается недопустимость дискриминации производителей и потребителей по географическому признаку.

Третий блок направлен на защиту национального законодательства государства-члена МЕРКОСУР. Отмечается, что договоры купли-продажи заключаются в соответствии с законодательством, действующим в каждом государстве-участнике.

Четвертый блок мер ставит цель развития информационной инфраструктуры, систем обмена информацией в режиме «реального времени», а также обеспечения доступа к информации об электрических системах, рынках и сделках с электроэнергией.

Примечательно, что в рассматриваемом решении установлено, что специальные учреждения должны провести ряд исследований на предмет возможности совместной работы рынков государств-членов, а также проработать вопрос проведения электроэнергетической интеграции. Таким образом, согласно решению, не недосмотрено создание каких-либо наднациональных органов-регуляторов общего рынка электроэнергии МЕРКОСУР. Кроме того, данное Решение устанавливает лишь наиболее общие, минимальные принципы взаимодействия государств в сфере электроэнергетики.

Положения решения Совета общего рынка №10/98 основываются на руководящих принципах энергетической политики МЕРКОСУР, установленных в решении Группы общего рынка 1993 года №57/93 «О руководящих принципах энергетической политики в МЕРКОСУР» [8].

Положения Решения №57/93 подтверждают значимость энергии в качестве основного фактора социально-экономического развития стран в процессе интеграции МЕРКОСУР. При этом в документе закреплена особая диалектика процесса интеграции в энергетической сфере: с одной стороны, отправной точкой интеграционного процесса является национальный уровень, с приоритетностью поставок энергоресурсов для внутригосударственных нужд; с другой стороны, учитывая выгоды, получаемые от энергетической интеграции, а также более рациональное использование ресурсов, целесообразным является движение от двустороннего трансграничного энергообмена между государствами в сторону многостороннего рынка МЕРКОСУР. Документ закрепляет возможность заключения двусторонних или многосторонних энергетических соглашений в рамках или вне региона действия решения, поощряет координацию стран-членов в сфере электроэнергетики. Кроме того, закрепляется свобода торгового оборота купли-продажи энергоресурсов между юридическими лицами государств-членов МЕРКОСУР. Уделяется особое внимание гармонизации природоохранного законодательства, содействию рациональному использованию энергии, возобновляемых источников энергии. При этом отмечается, что цены на энергоносители устанавливаются каждым государством отдельно государства.

В одном из исследований [9] отмечается, что в МЕРКОСУР опорами создания общего энергетического рынка являются:

– программы в области энергетики: совместные исследования, обмен информацией об энергетических программах, представляющих интерес для региона.
– нормативно-правовая база энергетического сектора МЕРКОСУР;
– цены, тарифы и налоговый режим энергетического сектора;
– рационализация, качество и производительность энергии.

Констатируем, что в сфере ОЭР МЕРКОСУР до сих пор не создано каких-либо специализированных международных органов, сам рынок находится в «зачаточном» состоянии, имея лишь минимальный набор правового регулирования, и, вне сомнения, не является проектом высокой степени интеграции. Правовые нормы в области энергетической интеграции в рамках МЕРКОСУР еще не достигли необходимого прогресса. Исследователи отмечают, что МЕРКОСУР является региональной организацией развивающихся стран, неким «концептуальным гибридом» с «примитивным» типом организации, адаптируя свое правовое регулирование и институциональную структуру под конкретные нужды [10]. Отметим, что электроэнергетический рынок МЕРКОСУР не является приоритетом в повестке дня государств-участников данной организации, так как в развитие проекта общего электроэнергетического рынка были приняты лишь минимальные правовые стандарты, которые, тем не менее, могут быть учтены при взятии МЕРКОСУР курса на интеграцию в электроэнергетической сфере внутренних рынков. Особенностью данного рынка является принятие решений внутригосударственными органами, без образования структур регулирования на наднацио-

нальном уровне. Это не отменяет возможность создания международных органов в рамках такого объединения, решения которых, при отсутствии у них наднационального статуса, не обладают юридически-обязательной силой.

Таким образом, исходя из организационно-правовой формы общего рынка электроэнергии МЕРКОСУР, его теоретически можно классифицировать как межгосударственный электроэнергетический рынок, формируемый на базе международной организации, где помимо электроэнергетики интеграционные процессы проистекают и в других отраслях При этом, в МЕРКОСУР в рамках общего электроэнергетического рынка каких-либо наднациональных органов по вопросам развития интеграции в сфере электроэнергетики не создано.

Объединение электроэнергетических рынков становится общемировым трендом в эпоху движения от индустриального к постиндустриальному обществу, однако без прочных структур управления и обеспечения функционирования любое МГЭО, в том числе и МЕРКОСУР, обречено на провал. При этом стоит отметить, что при делегировании полномочий наднациональным органам того или иного международного электроэнергетического рынка государства имплицитно выражают согласие на императивность правовых актов таких органов, аргументируя утрату части своих суверенных полномочий ожидаемыми экономическими выгодами от создания рынка. Наднациональные органы, в свою очередь, путем принятия необходимых правовых актов сокращают количество возможных правовых «лазеек», позволяющих государствам-учредителям уклониться от создания международного электроэнергетического рынка. Из чего можно заключить, что государства вынуждены делегировать часть своих внутригосударственных полномочий, отказавшись от монополии на регулирование рынка или существенно ее сократив, для создания наднациональных органов и наделения их соответствующей компетенцией в целях достижения более совершенного типа интеграции.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что центральную роль в процветании экономики и социальном благосостоянии играет энергетическая промышленность, и, в частности, электроэнергетика, которая должным образом обеспечивается посредством реализации концепции энергетической безопасности [11]. Наличие надежных поставок электроэнергии имеет важное значение как для экономического развития государства, так и для качества жизни. Развитие электроэнергетики, цель которой сосредоточена на внутренних потребностях, неразрывно связано с глобальным потоком капитала, оборудования, топлива и услуг. В результате национальный регулирующий режим, призванный удовлетворять потребности внутреннего рынка, неизбежно вынужден взаимодействовать с международной торговлей и правилами, ее регулирующими.

Литература

1. Лахно П.Г. Энергетическое право в XXI в.: опыт России и зарубежных стран // Предпринимательское право. 2012. № 2. С. 15 – 20.

2. Седова Ж.И. Правовые основы общего энергетического рынка: учебное пособие. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2019. С. 49.

3. Treaty Establishing a Common Market between the Argentine Republic, the Federal Republic of Brazil, the Republic of Paraguay and the Eastern Republic of Uruguay/ Foreign Trade Information System. URL: http://www.sice.oas.org/trade/mrcsr/TreatyAsun_e.asp#CHAPTER_I (дата обращения: 07.09.2015)

4. Additional Protocol to the Treaty of Asunción on the Institutional Structure of MERCOSUR / Foreign Trade Information System. URL: http://www.sice.oas.org/trade/mrcsr/ourop/ourop_e.asp (дата обращения: 07.09.2015)

5. Freier, Alexander; Aproximación a la importancia de la integración energética en Mercosur; Universidad Católica de Córdoba. Facultad de Ciencia Política y Relaciones Internacionales // Studia Politicae. 2013. № 28. P. 37 – 46.6

6. Коровин Е.С. Международно-правовое регулирование создания и функционирования внутреннего электроэнергетического рынка Европейского союза // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9 (160). С. 23 – 26.

7. Memorandum de Eentendimiento relativo a los intercambios eléctricos e integración eléctrica en el MERCOSUR / Foreign Trade Information System. URL: http://www.sice.oas.org/Trade/MRCSRS/Decisions/DEC1098.asp (дата обращения: 07.09.2022)

8. Directrices de Políticas Energéticas en el MERCOSUR / Foreign Trade Information System. URL:http://www.sice.oas.org/trade/mrcsrs/resolutions/Res5793.asp (дата обращения 07.09.2022)

9. Garnelo Vicente (1998): Evolución Institucional y jurídica del MERCOSUR. Documento de Divulgación. No. 3, Buenos Aires: Departamento de Integración y Programas Regionales, Instituto para la Integración de América Latina y el Caribe, Banco Interamericano de Desarollo / Inter-American Development Bank. URL: https://publications.iadb.org/publications/spanish/document/EvoluciCB3n-institucional-y-jurC3ADdica-del-MERCOSUR.pdf (дата обращения 07.09.2022)

10. Kasmi Jamel. La nature juridique du MERCOSUR: contribution à la théorie de l'intégration à travers l'étude d'une organisation d'intégration non communautaire / Système Universitaire de Documentation. URL: http://www.sudoc.abes.fr/xslt/DB=2.1//SRCH?IKT=12&TRM=168546922&COOKIE=U10178,Klecteurweb,I250,B341720009+,SY,NLECTEUR+WEBOPC,D2.1,Ed8ef8c34-1042,A,H,R93.177.75.254,FY (дата обращения: 07.09.2022)

11. Коровин Е.С. Система коллективной энергобезопасности: международно-правовое измерение // Журнал Минэнерго России «Энергетическая политика». 2021. № 12 (166). С. 60 – 69.

References

1. Lahno P.G. Jenergeticheskoe pravo v XXI v.: opyt Rossii i zarubezhnyh stran. Predprinimatel'skoe pravo. 2012. № 2. S. 15 – 20.

2. Sedova Zh.I. Pravovye osnovy obshhego jenergeticheskogo rynka: uchebnoe posobie. Moskva: Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudija, 2019. S. 49.

3. Treaty Establishing a Common Market between the Argentine Republic, the Federal Republic of Brazil, the Republic of Paraguay and the Eastern Republic of Uruguay/ Foreign Trade Information System. URL: http://www.sice.oas.org/trade/mrcsr/TreatyAsun_e.asp#CHAPTER_I (data obrashhenija: 07.09.2015)

4. Additional Protocol to the Treaty of Asunción on the Institutional Structure of MERCOSUR. Foreign Trade Information System. URL: http://www.sice.oas.org/trade/mrcsr/ourop/ourop_e.asp (data obrashhenija: 07.09.2015)

5. Freier, Alexander; Aproximación a la importancia de la integración energética en Mercosur; Universidad Católica de Córdoba. Facultad de Ciencia Política y Relaciones Internacionales. Studia Politicae. 2013. № 28. P. 37 – 46.6

6. Korovin E.S. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie sozdanija i funkcionirovanija vnutrennego jelektro-jenergeticheskogo rynka Evropejskogo sojuza. Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2021. № 9 (160). S. 23 – 26.

7. Memorandum de Eentendimiento relativo a los intercambios eléctricos e integración eléctrica en el MERCOSUR. Foreign Trade Information System. URL: http://www.sice.oas.org/Trade/MRCSRS/Decisions/DEC1098.asp (data obrashhenija: 07.09.2022)

8. Directrices de Políticas Energéticas en el MERCOSUR. Foreign Trade Information System. URL:http://www.sice.oas.org/trade/mrcsrs/resolutions/Res5793.asp (data obrashhenija 07.09.2022)

9. Garnelo Vicente (1998): Evolución Institucional y jurídica del MERCOSUR. Documento de Divulgación. No. 3, Buenos Aires: Departamento de Integración y Programas Regionales, Instituto para la Integración de América Latina y el Caribe, Banco Interamericano de Desarollo. Inter-American Development Bank. URL: https://publications.iadb.org/publications/spanish/document/EvoluciCB3n-institucional-y-jurC3ADdica-del-MERCOSUR.pdf (data obrashhenija 07.09.2022)

10. Kasmi Jamel. La nature juridique du MERCOSUR: contribution à la théorie de l'intégration à travers l'étude d'une organisation d'intégration non communautaire. Système Universitaire de Documentation. URL: http://www.sudoc.abes.fr/xslt/DB=2.1//SRCH?IKT=12&TRM=168546922&COOKIE=U10178,Klecteurweb,I250,B341720009+,SY,NLECTEUR+WEBOPC,D2.1,Ed8ef8c34-1042,A,H,R93.177.75.254,FY (data obrashhenija: 07.09.2022)

11. Korovin E.S. Sistema kollektivnoj jenergobezopasnosti: mezhdunarodno-pravovoe izmerenie. Zhurnal Minjenergo Rossii «Jenergeticheskaja politika». 2021. № 12 (166). S. 60 – 69.

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В ИСТОЧНИКАХ РУССКОГО ПРАВА X-XIX ВВ.

Краснов А.А., аспирант,
Кубанский государственный университет

Аннотация: *на основе компаративистского метода в статье осуществлено исследование основных этапов становления норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в источниках отечественного права в период X-XIX вв. В основу изучения были положены такие памятники российского права как: Русская Правда (пространная редакция), Белозерская уставная грамота 1488 г., Псковская Судная грамота 1471 г., Судебник 1497 г., Судебник 1550 г.,Соборное Уложение 1649 г. Артикул Воинский 1716 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уложение 1903 г. Комплексный анализ нормативных установлений указанных источников права позволил автору определить сложный переход от казуистической регламентации института обстоятельств, исключающих преступность деяния в источниках X-XVI вв. к формально-правовой в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уложение 1903 г. Кроме того, автор сформулировал вывод об истоках необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, лежащих в обычном праве кровной мести и самозащиты. В статье так же сделан вывод о тесной взаимосвязи между регламентацией указанных обстоятельств и реализацией государством правоохранительной функции и укреплением государственной власти, равно как и правового суверенитета. По итогам осуществленного историко-правового исследования сформулирован вывод о поступательном развитии института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в нормах отечественного права дореволюционного периода.*

Ключевые слова: *обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, исполнение приказа, крайняя необходимость, исполнение закона, пределы правомерности, правовой субинститут*

THE GENESIS OF THE INSTITUTE OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINALITY IN THE SOURCES OF RUSSIAN LAW OF THE X-XIX CENTURIES

Krasnov A.A., Postgraduate,
Kuban State University

Abstract: *on the basis of the comparative method, the article studies the main stages in the formation of norms on circumstances excluding the criminality of an act in the sources of domestic law in the period of the 10th-19th centuries. The study was based on such monuments of Russian law as: Russian Pravda (lengthy edition), Belozerskaya Charter of 1488, Pskov Judicial Charter of 1471, Code of Laws of 1497, Code of Laws of 1550, Cathedral Code of 1649. Article Military 1716 Code of Penal and Correctional Punishments of 1845, Code of 1903. A comprehensive analysis of the normative provisions of these sources of law allowed the author to determine a complex transition from the casuistic regulation of the institution of circumstances precluding the crime of an act in the sources of the 10th-16th centuries. to the formal legal one in the norms of the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 and the Code of 1903. In addition, the author formulated a conclusion about the origins of the necessary defense and detention of a person who committed a crime, lying in the customary law of blood feud and self-defense. The article also concluded that there is a close relationship between the regulation of these circumstances and the implementation of the law enforcement function by the state and the strengthening of state power, as well as legal sovereignty. Based on the results of the historical and legal research carried out, a conclusion was formulated about the progressive development of the institution of circumstances excluding the criminality of an act in the norms of domestic law in the pre-revolutionary period.*

Keywords: *circumstances excluding the criminality of the act, necessary defense, detention of a person who committed a crime, execution of an order, emergency, enforcement of the law, limits of legality, legal subinstitution*

Исторический опыт регламентации того или иного правового института современного уголовного права играет важную роль в понимании не только его правовой природы, но и определении перспектив развития, равно как и значимость в регламентации правовых отношений. Говоря об институте обстоятельств, исключающих преступность деяния, нельзя не отметить, что своими корнями он уходит в нормы обычного права, сформировавшиеся уже на первых этапах становления первобытно общинного строя. Постепенно, по мере

укрепления российской государственности нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния расширяли свое присутствие в источниках права, получая все большую формализацию и систематизацию. К концу XX в. это привело к формированию самостоятельного уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Центральное звено рассматриваемого института – необходимая оборона, нашла закрепление уже в Русской Правде, что свидетельствует о важном значении, которое ей придавало общество и государство в X в. Право на необходимую оборону традиционно коррелирует с абсолютным правом на неприкосновенность жизни, здоровья и имущества. Изначально указанное право было связано с неотъемлемым и естественным правом свободного человека обеспечить свое выживание, формирующим его правовой статус в обществе. У истоков закрепления в норме права на необходимую оборону лежит первобытный обычай кровной мести и самозащиты. Вместе с тем, нормативные установления о необходимой оборону в Русской Правде олицетворяют собой переход общества от первобытно общинного строя к ранней государственности и стремление государства вытеснить родовой обычай нормами писанного права, закрепив тем самым свой суверенитет над проживающим на его территории населением. Обращает на себя внимание тот факт, что указанный процесс проявился в значительном ограничении права на самозащиту в нормах Русской правды про сравнению с нормами обычного права. Так, в рассматриваемом источнике право необходимой обороны предполагалось достаточно узко – только от посягательств на имущество, поскольку в Русской Правде (пространная редакция) закреплялось право убить вора, застигнутого на месте преступления (ст. 40) [1]. Кроме того, вытеснение обычного права проявляется так же и в положениях о том, что если вор не был убит незамедлительно, а был связан, удерживался лицами, его уличившими, то убить его уже было нельзя, поскольку возникала ситуация самосуда (ст. 40) [2]. Указанное положение нашло развитие в ст. 77 [3]. Русской Правды, обязывающей под угрозой привлечения к ответственности вместо действительного преступника – не укрывать вора. В данном случае его необходимо было привести на суд князя. В этом проявляется тонкое понимание уже в рассматриваемый период грани между необходимой обороной – деянием совершенным сиюминутно, под влиянием сильных эмоций и продуманного самосуда, который был поставлен под запрет. Таким образом, государство стремилось упорядочить поведение граждан, распространить свою власть и установить ее приоритет над все большими сферами жизнедеятельности общества. Тем не менее нельзя не отметить сохранявшийся казуистический концепт указанных нормативных положений, поскольку в приведенных нормах не были определены пределы правомерности необходимой обороны. По справедливому утверждению Е.А. Евтушенко нормы об обороне в тот период представляли собой в первую очередь законодательно закрепленный способ мести, самораспрaвы за причиненный вред; это подтверждает и тот факт, что в правовых актах того периода отсутствовали указания на соразмерность причиненного вреда, пределы его причинения [4].

Следует констатировать, что рассматриваемый памятник древнерусского права иных, известных современному головному праву обстоятельств, исключающих преступность деяния, не содержал. В то же время, нельзя не отметить, что в Русской Правде происходит зарождение правовой регламентации такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как превышение мер необходимых для задержания преступника. Безусловно, указанные нормы лишь отдалено напоминают положения о задержании, лица, совершившего преступление, закрепленные в УК РФ, но они являют собой важную веху в понимании необходимости отграничения указанного обстоятельства, исключающего преступность деяния, от необходимой обороны как таковой.

Постепенно, по мере укрепления государственной власти в законодательстве происходит ограничение права на самосуд и полный запрет на архаичную кровную месть. Трансформация права на самозащиту происходит посредством закрепления обязательного поведения в отношении выявленного преступника задержать и доставить к уполномоченным государственным лицам для отправления правосудия. Так, в ст. 13 Белозерской уставной грамоты 1488 г. [5] устанавливается императивный запрет на самосуд, равно как и обязанность задержать вора, пойманного с поличным. Впервые закреплены положения о наказуемости отпуска всякого вора, а не только давшего задержавшему посул [6]. Следовательно, происходит окончательный переход реализации правоохранительной функции от частных лиц к государству, что требовало четкой регламентации по субъектному составу процедуры привлечения виновных в совершении преступления к ответственности. Государство все более укрепляло свою власть. В этой связи особого внимания заслуживают правовые установления Псковской Судной грамоты (1471 г.) закреплявшие положение о праве на внегосударственный розыск преступника и его частное задержание (ст. 34-35) [7]. Однако, в данном источнике древнерусского права так же четко устанавливалось, что судебная функция принадлежит исключительно государству, поскольку задержанный в обязательном порядке подлежал передаче органам власти для отправления правосудия.

Положения обозначенного порядка были закреплены и в Судебнике 1497 г., устанавливавшего обязанность по задержанию преступника (обидчика), под страхом наступления ответственности за ее неисполнение – штраф как для бояр и дьяков, так и окольничьих, так и недельщиков (ст. 5 Судебника 1497 г.) [8].

Постепенно регламентация права на задержание преступника и самооборону стали консолидироваться и уже в ст. 20 Судебника 1550 г. закреплялось право на поиск и задержание преступника, через процедуру выдачи бессрочной грамоты, при этом допускалось применение физической силы, кроме убийства. Однако и в данном памятнике права устанавливалось безукоснительное требование о том, что судебная власть осуществлялась исключительно должностными лицами государства и более никем.

Таким образом, развитие правовых положений о необходимой обороне и задержании преступника, появившиеся ранее иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, отражало собой основные этапы развития и укрепления российской государственности. Отграничение указанных обстоятельств происходит на основе потребности государства распространить свою власть над всеми поданными и закрепить приоритет правоохранительной функции государства. Анализ источников российского права дает основание для вывода о том, что в период с XIII по XVI вв. под влиянием указанных тенденций право на необходимую оборону значительно ограничивалось государством.

Ренессанс права на самозащиту приходится на середину XVII в. Вместе с тем, в основе него были не нормы древних славян о праве самозащиты и кровной мести, а зарождающаяся в Европе новая философия понимания сущности человека (Декарт, Спиноза, Гоббс) не могла не оказать влияние и на законодательные идеи России. Наиболее ярко это проявилось в изменении подходов к регламентации необходимой обороны. Русский правовед А.А. Берлин писал, что «только в Уложении 1649 г., а позже – в Воинских артикулах и Морском уставе мы находим уже довольно подробное регулирование необходимой обороны».

Дальнейшее развитие права необходимой обороны получило в Соборном Уложении 1649 г. Так, в ст. 200 и 201 Соборного Уложения 1649 г. закреплялось право на самозащиту от преступных посягательств, направленных как на имущество, так и на жизнь и здоровье. В частности в них закреплялось право хозяина дома, на который осуществлялось нападение, применять самооборону, и в отличие от Судебника 1550 г., вплоть до причинения смерти или ранения. Однако, нельзя не отметить, что в указанный период формируется концепт пределов правомерности необходимой обороны, который проявился в положениях о том, что лишение жизни вора не должно иметь признаки самосуда. Убийство допустимо лишь тогда, когда он «изымати себя не дает», следовательно, оказывает силовое сопротивление или есть вероятность, что он скроется от задержания. Еще одно основание лишения жизни преступника установлено в ст. ст. 8, 88-91 гл. XXI Уложения «О разбойных и татийных делах» – при задержании вора, нападающего на жилище «а кого он убьет, и ему то убийство учинится от себя: не приезжай в чужой дом насильством» [9].

Расширение границ необходимой обороны происходит и за счет закрепления права на защиту от преступления как себя, так и своего имущества, но и чужих прав, что не только дозволялась, но и входило в обязанность соседей и слуг (Уложение, гл. XXII. Ст. ст. 16, 22). В указанной норме устанавливается не право, а именно обязанность холопов и крестьян защищать господина от нападения на него и членов его семьи. В нормах рассматриваемого источника отчетливо прослеживается закрепление публично-правового характера отношений в сфере пресечения преступлений. Так, впервые появляется положение, согласно которого: «кто догонит изменника и убьёт его, получит награду» (Уложение, гл. II. Ст. 15).

Показательно так же, что в рассматриваемых нормах впервые появляются требования правомерности необходимой обороны – обязанность оборонявшегося заявить о случившемся в приказ или окольным людям. К самообороне так же приравнивалась защита, примененная холопами в защиту своего хозяина. Вместе с тем, положений о соразмерности нападения и защиты в рассматриваемы период нормы права не содержали, что говорит о сохранившем свое влияние казуальном подходе к пониманию правовой природы необходимой обороны. Постепенно из глубины правовых установлений о необходимой обороне начинает формироваться новое обстоятельство, исключающее преступность деяния – превышение мер, необходимых для задержания преступника. Об этом свидетельствует тот факт, что право на необходимую оборону было распространено и на случаи, когда вор был убит или ранен при попытке к бегству с места преступления, когда преступник был задержан и оказывал сопротивление.

Значительный прогресс в развитии правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, получили в Артикуле воинском 1716 г. [10] и в Морском уставе 1720 г., где они были поименованы как «Нужное оборонение», понимаемое как право убийства нападающего. Воинские Артикулы признавали необходимую оборону при посягательстве на жизнь.

Так, устанавливалось право убийства вора, вошедшего в дом ночью, лишь для защиты жизни: «вора, который в ночи в дом ворвётся, без страха наказания умертвить, ежели его без своего опасения преодолеть было невозможно, ибо надлежит рассудить, что вор не для единой кражи, но чтобы и умертвить в дом но-

чью врывается». Расширяет рамки необходимой обороны Морской устав указывая на ее возможность и при посягательстве на здоровье человека. Революционными являются положения указанных источников, указывающих на условия правомерности необходимой обороны. Во-первых, убийство можно было причинять, если иным способом защитить себя не представлялось возможным. Во-вторых, устанавливался запрет на убийство убегающего вора. В-третьих, закреплялся запретна применение самообороны в отношении воинского начальника. В четвертых, арт. 154 относит к смертоубийству только такие случаи, когда лишение жизни было сделано «без нужды и без смертного страха».

Обращает на себя внимание четко обозначенное в Морском Уставе 1720 г. положение о привлечении к уголовной ответственности на общих основаниях при несоблюдении условий ее правомерности. Наказанию подлежали и лица не выполнившие обязанности по задержанию и пресечению действий «злодея». Вместе с тем, данное положение следует рассматривать сквозь призму того, что Артикул Воинский не охватывал своим действием гражданских лиц, а только тех, кто находился на воинской государевой службе. Нельзя не обратить внимание на то, что рассматриваемые источники не проводили водораздела между необходимой обороной и задержанием преступника. Так, в ч. 2 ст. 157 гл. 19 Артикулов «О смертном убийстве», убийство, совершенное при преследовании лица, совершившего нападение, рассматривалось по правилам необходимой обороны [11]. В Артикулах получили свое законодательное закрепление положения о крайней необходимости. Так, в арт. 195, указывалось на освобождение от уголовной ответственности, если воровство или «истребление» имущества было вызвано крайней голодной нуждой (которую он доказать имеет) съестное или питейное».

Важным этапом в формировании правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния явился Указ Екатерины I «О подметных письмах» 1726 г. В нем государство впервые четко определяла поощрительный характер правовой оценки действий, направленных на задержание злоумышленников. В частности, распространителей «подметных писем» (ст. 5 и 6 Указа). «А кто увидит такого человека, кто такие письма, где будет подкидывать или прибивать, и, поймав его, приведет, и такие из офицеров и солдат награждены будут чинами, а гражданских и прочих чинов люди немалою суммой денег» [12].

Значительный прогресс в правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, был достигнут в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Прежде всего, можно с уверенностью констатировать создание самостоятельного правового комплексного субинститута уголовного права, поскольку положения о нем были помещены как в Общей, так и Особенной частях Уложения. Однако правовая природа необходимой обороны была еще законодателем нечетко определена. Об этом свидетельствует помещение установлений о ней в общем перечне обстоятельств «при коих содеянное не вменяется в вину». К таковым, согласно ст. 98-109 отд. 2 гл. III Уложения 1845 г. впервые в уголовном законодательстве России были отнесены: невинность, малолетство, безумие, ошибка, принуждение от превосходящей непреодолимой силы; необходимая оборона и др. Колосальный прогресс рассматриваемого источника права проявляется в том,что в его Общей части были впервые прописаны условия правомерности необходимой обороны (ст. 107 и ст. 109 Уложения), к коим были отнесены: вынужденный характер; необходимость обороны; обстановка нападения; опасность для жизни в момент нападения. Так, применение оружия для самообороны не влекло ответственности лишь при условии, что нападающий так же вооружен, либо безоружен, но совершает нападение либо наедине, либо при явном физическом превосходстве. В целом, следует констатировать, что в Уложении 1845 г. закреплена правомерность пассивной обороны. Обращает на себя внимание и сохранившиеся с середины XVII в. широкие границы необходимой обороны, определяющиеся не только посягательствами на жизнь, здоровье и имущество, но и половую неприкосновенность «целомудрие и честь» женщины.

Важным указанием закона выступает то, что правомерность необходимой обороны помимо вышеназванных условий определялась и невозможностью получения защиты со стороны государства, в лице местных органов власти. Причем, о любом факте применения необоходимой обороны вменялось в обязанность сообщение представителям государственной власти на местах. В Особенной части Уложения 1845 г. закреплялись условия ответственности за превышение пределов необходимой обороны. В частности, устанавливалась уголовная ответственность за убийство, причинение увечья или ран при выходе за условия правомерности необходимой обороны (ст. 1467 и 1493 Уложения). Отдельные положения Уложения 1845 г. были посвящены условиям правомерности причинения вреда при задержании преступника. Так, правомерными признавались действия полиции по причинению вреда здоровью преступника с целью воспрепятствования его бегству, сокрытию или уничтожению им следов преступления и т.п. В ст. 1471 Уложения 1845 г. отмечалось, что «не отвечали за «смертоубийство» и нанесение ран, «изувечий» при исполнении обязанностей … стражи при покушении заключенного к побегу из тюрьмы или из-под стражи».

Значительный вклад в становление института обстоятельств, исключающих преступность деяния был внесен нормами Уложения 1903 г. В указанном источнике права значительно расширен круг регламентированных законом, обстоятельств, исключающих преступность деяния. К таковым помимо традиционно выделяемой необходимой обороны законодатель отнес: исполнение приказа, крайнюю необходимость и исполнение закона. Показательно, что в данном источнике необходимая оборона понималась крайне широко, поскольку закреплялось право на самозащиту без каких либо ограничений (ст. 45 Уложения). Согласно же ст. 44 Уложения определялось, что лицо, исполнившее приказ, при условии, что последний не имел явно преступного характера, не подлежит наказанию. Положения ст. 46 Уложения содержат указание на такие обстоятельства как неотвратимость угрозы, незаконность принуждения, меньший вред, нежели предотвращенный, которые употребляются при регламентации крайней необходимости.

Представители уголовно-правовой доктрины отмечали, что именно Уложению 1903 г. удалось в полной мере преодолеть казуистичность в регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния. Ярким примером чего служит ст. 459 Уложения, устанавливающая наказание за превышение пределов необходимой обороны.

Анализ источников российского уголовного права периода X-XIX вв. дает основание для вывода о том, что на всем протяжении формирования уголовно-правовых норм законодатель уделял пристальное внимание положениям об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Правовая природа указанных обстоятельств основывается на естественном праве противодействия преступному посягательству и невиновности причинения вреда под давлением вынужденных обстоятельств. Изначально, в развитие положений обычного права законодатель закреплял нормы о праве на необходимую оборону, пределы правомерности которой на заре российской государственности значительно ограничивались законодателем и по мере ее укрепления расширялись. В первую очередь это было связано со стремлением государства усилить свою власть, закрепить суверенитет норм писанного права, вытеснив правовой обычай и установить приоритет правоохранительной функции государства на подвластной территории. По мере укрепления государственной власти регламентация необходимой обороны стали приобретать все более широкие очертания (XVII в.). Большую роль придавало государство и регламентации в законе положений о задержании лица, совершившего преступление. Долгое время в законодательстве закреплялся императив подобного поведения в отношении всего населения. Значительный период нормативные установления об обстоятельствах, исключающих преступность деяния носили явно выраженный казуальный характер, преодолеть который удалось лишь Уложению 1845 г. и Уложению 1903 г. Именно в Уложении 1903 г. система рассматриваемых норм приобрела черты самостоятельного правового института и получила свое формализованное закрепление. Можно констатировать, что история развития правовых положений об обстоятельствах исключающих преступность деяния шла по пути их поступательного развития, отражала необходимость общества и государства найти баланс между естественным правом человека на самозащиту и обязанностью государства обеспечивать охрану правопорядка и защищать от преступных посягательств население.

Литература

1. Артикул воинский 1716 г. URL: Режим доступа: http://hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения 31 августа 2022 г.)

2. Белозерская уставная грамота 1488 г. URL: Режим доступа: https://lektsii.org/8-36028.html (дата обращения 31 августа 2022 г.)

3. Берлин А.А. О необходимой обороне. Ярославль, 2011 (по изданию 1911 года)

4. Евтушенко Е.А. О развитии института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве России // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 1. С. 254 – 262.

5. Псковской Судной грамоты (1471 г.) URL: Режим доступа: https://studfile.net/preview/2094477/ (дата обращения: 31 августа 2022 г.)

6. Краснов А.А., Чичагов М.Т., Васильев А.М. Крайняя необходимость и возможные способы ее совершенствования // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-8. С. 66 – 68.

7. Попрядухина И.В. Ужесточение уголовной ответственности по Судебнику 1497 года // Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов: Изд-во СГАП, 2011. № 2 (78). С. 158 – 161.

8. Русская Правда (пространная редакция) URL: Режим доступа: http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm (дата обращения: 31 августа 2022 г.)

9. Соборное Уложение 1649 г.URL6 Режим доступа: http://okpravo.ru/pravovye-pamiatniki/sobornoe-ulozhenie-1649-g-chitat-ili-skachat.html (дата обращения: 31 августа 2022 г.)

10. Судебник 1497 г. URL: Режим доступа: https://studfile.net/preview/6267304/page:2/ (дата обращения: 31 августа 2022 г.)

11. Судебник 1550 г. URL: Режим доступа https://studfile.net/preview/2439267/ (дата обращения: 31 августа 2022 г.)

12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. 15 августа. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 6. М., 1988.

References

1. Artikul voinskij 1716 g. URL: Rezhim dostupa: http://hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (data obrashhenija 31 avgusta 2022 g.)

2. Belozerskaja ustavnaja gramota 1488 g. URL: Rezhim dostupa: https://lektsii.org/8-36028.html (data obrashhenija 31 avgusta 2022 g.)

3. Berlin A.A. O neobhodimoj oborone. Jaroslavl', 2011 (po izdaniju 1911 goda)

4. Evtushenko E.A. O razvitii instituta obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejanija, v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii. Jelektronnyj vestnik Rostovskogo social'no-jekonomicheskogo instituta. 2016. № 1. S. 254 – 262.

5. Pskovskoj Sudnoj gramoty (1471 g.) URL: Rezhim dostupa: https://studfile.net/preview/2094477/ (data obrashhenija: 31 avgusta 2022 g.)

6. Krasnov A.A., Chichagov M.T., Vasil'ev A.M. Krajnjaja neobhodimost' i vozmozhnye sposoby ee sovershenstvovanija. Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. 2022. № 85-8. S. 66 – 68.

7. Poprjaduhina I.V. Uzhestochenie ugolovnoj otvetstvennosti po Sudebniku 1497 goda Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava. Saratov: Izd-vo SGAP, 2011. № 2 (78). S. 158 – 161.

8. Russkaja Pravda (prostrannaja redakcija) URL: Rezhim dostupa: http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm (data obrashhenija: 31 avgusta 2022 g.)

9. Sobornoe Ulozhenie 1649 g.URL6 Rezhim dostupa: http://okpravo.ru/pravovye-pamiatniki/sobornoe-ulozhenie-1649-g-chitat-ili-skachat.html (data obrashhenija: 31 avgusta 2022 g.)

10. Sudebnik 1497 g. URL: Rezhim dostupa: https://studfile.net/preview/6267304/page:2/ (data obrashhenija: 31 avgusta 2022 g.)

11. Sudebnik 1550 g. URL: Rezhim dostupa https://studfile.net/preview/2439267/ (data obrashhenija: 31 avgusta 2022 g.)

12. Ulozhenie o nakazanijah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1845 g. 15 avgusta. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. T. 6. M., 1988.

ВОПРОСЫ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА БЕЗНАЛИЧНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА И «ТИПИЧНОСТИ» ПРИ ОСПАРИВАНИИ БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Куртапов А.С., аспирант, управляющий партнер,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
ООО «ИМПЕРИУС» (Империус Lawyer Moscow)

Аннотация: *цель исследования: в статье проведен анализ действующего законодательства в части оспаривания сделок, совершенных с предпочтительным удовлетворением требований отдельного кредитора перед иными кредиторами, при банкротстве кредитной организации. Целью настоящей статьи является проведение комплексного теоретически-правового анализа действующего законодательства о несостоятельности (банкротстве) и соотношения его с нормами общегражданского права применительно к оспариванию банковских операций при несостоятельности кредитной организации. Для достижения поставленной цели в статье поставлен ряд задач: 1) раскрыть правовую природу недействительности банковских операций по основаниям, предусмотренным статьей 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ; 2) проанализировать актуальный правовой подход высших судебных инстанций к оспариванию банковских операций.*

Выводы: По итогам проведенного анализа действующих норм, а также судебной практики сформирован ряд вопросов, которые подлежит разрешить законодателю в ближайшее время. Проанализированы различные взгляды и подходы на правовую природу безналичных денежных средств. Проанализирован новый правовой подход к положениям статьи 61.3, 61.4 189.40 Закона о банкротстве.

Ключевые слова: *оспаривание банковских операций, как сделок, совершенных с предпочтительным удовлетворением требований кредиторов, сделки с предпочтением в банкротстве*

QUESTIONS ABOUT THE RIGHT OF OWNERSHIP OF NON-CASH MONEY AND “TYPICAL” BANK OPERATIONS IN THE FRAMEWORK OF A BANKRUPTCY CASE OF A CREDIT ORGANIZATION

Kurtapov A.S., Postgraduate, Managing Partner,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
IMPERIUS LLC (Imperius Lawyer Moscow)

Abstract: *the purpose of the study: the article analyzes the current legislation in terms of contesting transactions made with the preferential satisfaction of the requirements of an individual creditor over other creditors, in the event of bankruptcy of a credit institution. The purpose of this article is to conduct a comprehensive theoretical and legal analysis of the current legislation on insolvency (bankruptcy) and its correlation with the norms of general civil law in relation to challenging banking operations in the event of the insolvency of a credit institution. To achieve this goal, the article sets a number of tasks: 1) to reveal the legal nature of the invalidity of banking operations on the grounds provided for in Article 61.3 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 No. 127-FZ; 2) to analyze the current legal approach of the highest judicial instances to challenging banking operations.*

Conclusions: Based on the results of the analysis of the existing norms, as well as judicial practice, a number of issues have been formed that should be resolved by the legislator in the near future. Various views and approaches to the legal nature of non-cash funds are analyzed. A new legal approach to the provisions of Articles 61.3, 61.4 189.40 of the Bankruptcy Law is analyzed.

Keywords: *contesting banking operations as transactions made with preferential satisfaction of creditors' claims, transactions with preference in bankruptcy*

Введение

Действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве) предусматривает возможность оспаривания сделок, совершенных клиентами кредитной организации незадолго до отзыва у неё Центральным Банком Российской Федерации лицензии на осуществление банковских операций на основании главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве).

В рамках настоящей работы будет рассмотрено оспаривание банковских операций, как совершенных с предпочтительным удовлетворением требований отдельного кредитора (клиента Банка) по отношению к иным кредиторам кредитной организации на основании положений статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Наибольшую актуальность, применительно к моменту написания настоящей статьи (2022 год), представляется интересным рассмотрение соотношения положений статей 61.3 и 189.40 Закона о банкротстве (особенности оспаривания сделок при банкротстве кредитных организаций) с позициями, изложенными высшими судебными инстанциями, а именно:

- Определение Верховного суда Российской Федерации от 10.03.2022 305-ЭС20-5289 (8) по делу №А40-15546/2019 (разграничение обычных и транзитных операций, совершенных клиентом кредитной организации);
- Определение Верховного суда Российской Федерации от 12.08.2022 305-ЭС21-25831 (14) по делу №А40-5070/2020 (необходимость изучения как входящих, так и исходящих платежей при рассмотрении вопроса о предпочтительности удовлетворения требований).

Основная часть

Банкротство кредитных организаций стало достаточно рядовым событием начиная с 2010 года, когда Центральным Банком Российской Федерации был взял курс на «расчистку» банковского сектора от неблагонадежных субъектов. При этом, клиенты кредитных организаций зачастую не задумываются о рисках, связанных с банкротством самой кредитной организации.

Наиболее распространённым риском при банкротстве Банка в данном ключе является – оспаривание банковских операций, совершенных юридическими или физическими лицами, через кредитную организацию у которой отозвана лицензия Центрального Банка Российской Федерации на осуществление банковских операций. После отзыва данной лицензии самым распространённым итогом является – признание кредитной организации несостоятельной (банкротом) и введении процедуры конкурсного производства. Конкурсным управляющим в процедурах банкротства кредитных организаций всегда выступает Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (далее – ГК «АСВ», Конкурсный управляющий).

Банковские операции, совершенные с предпочтительным удовлетворением требований отдельного кредитора перед иными кредиторами, оспариваются Конкурсным управляющим регулярно по основаниям, предусмотренными статьей 61.3 Закона о банкротстве, т.е. как сделки совершенные с предпочтительным удовлетворением требований отдельного кредитора перед иными кредиторами.

Для цели квалификации недействительности такой банковской операции, необходимо установить следующие обстоятельства:

1) оказание предпочтения ответчику (клиенту Банка) по сравнению с иными кредиторами Банка;
2) факт выхода сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности;

Вышеуказанные обстоятельства, подлежащие доказыванию, установлены для сделок, совершенных в течение 1 месяца до отзыва у кредитной организации лицензии.

Факт осведомленности ответчика (клиента Банка) о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества Должника на дату совершения банковской операции подлежит установлению если рассматриваются банковские операции, совершенные в течение 2 - 6 месяцев до отзыва у Банка лицензии.

Из анализа положений пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве следует, что в соответствии с общей нормой права нельзя оспорить сделки, которые совершены в пределах обычной хозяйственной деятельности, если цена сделки не превышает 1% от балансовой стоимости активов несостоятельности должника.

Пункт 5 статьи 189.40 Закона о банкротстве является специальной нормой права и устанавливает презумпции, при наличии которых, предполагает, что оспариваемая банковская операция вышла за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Анализируя вышеуказанные нормы права наиболее интересным представляется их соотношение с позицией, изложенной в Определении Верховного суда Российской Федерации от 10.03.2022 305-ЭС20-5289 (8) по делу №А40-15546/2019.

В рамках вышеуказанного обособленного спора рассматривалось оспаривание банковской операции, совершенной клиентом АО КБ «Златкомбанк» (далее – Банк) в течение 1 месяца до отзыва у Банка лицензии, на сумму 18 млн. руб., по перечислению денежных средств на счет Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации с целью погашения задолженности по ранее возбужденному исполнительному производству.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанции удовлетворили заявление Конкурсного управляющего. Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) обжалуемые судебные акты отменил, направил спор на новое рассмотрение.

Важно отметить, что в рамках вышеуказанного обособленного спора не было сформировано ни одной презумпции выхода сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности, которые установлены статьей 189.40 Закона о банкротстве. Суды нижестоящих инстанций посчитали, что раз размер оспариваемой банковской операции превышает 1% от балансовой стоимости активов кредитной организации, положения пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве о необходимости анализировать оспариваемые платежи на «типичность» не применимы.

Мотивируя свою позицию, ВС РФ отметил, что Конкурсный управляющий в первую очередь обязан был доказать, что требование ответчика было погашено с нарушением очередности за счет имущества банка.

ВС РФ отмечает: «Как следует из материалов дела и установлено судами, 19.11.2018 физическим лицом на свой счет в банке была внесена сумма в размере 18 000 000 руб. и в этот же день дано платежное поручение о перечислении денежных средств. Таким образом, платеж, по сути, был совершен не за счет имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, а за счет личных средств ответчика, что исключает наличие признака предпочтения. Фактически банк в данной ситуации выступал в качестве платежного агента, исполнившего расчетно-кассовую операцию, через счет банка денежные средства транзитно поступили от Петракова Н.Н. в пользу Тропарево-Никулинского ОСП» [1].

ВС РФ перевел в практическое русло теоретически спорный вопрос права собственности безналичных денежных средств, находящихся на счете в кредитной организации. Часть научного сообщества считает, что с момента зачисления денежных средств на счет в кредитной организации они становятся собственностью данной кредитной организации [2], а клиенты Банка – приобретают имущественное право требования. Другой концепции придерживается Ефимова Л.Г. в своей работе, полагая, что клиент кредитной организации не утрачивает право собственности на денежные средства, которые зачисляются на счет [3].

А.В. Мазаева отмечает, что договор банковского вклада по своей правовой природе аналогичен договору займа [4]. Субъект (клиент Банка) теряет право собственности на денежные средства, в момент внесения их на банковский счет, и приобретает право требования к кредитной организации процентов и основного долга (размера вклада). С.В. Овсейко, в свою очередь, указывает на двойственный характер денежных средства, так как с одной точки зрения они являются правом собственности, а с другой – правом требования к третьему лицу (кредитной организации) [5].

Наличные денежные средства признаются объектами гражданского права и квалифицируются в качестве движимого имущества в силу положений статьи 130 ГК РФ. При этом действующее законодательство относит безналичные денежные средства к обязательственным правам, а не вещам (статья 128 ГК РФ). Конституционный суд Российской Федерации также придерживается вышеуказанной позиции отмечая, что безналичные денежные средства, будучи разновидностью имущества, не относятся к вещам, а потому не могут являться объектом вещных прав в гражданско-правовом смысле [6].

Можно предположить, что ВС РФ, при вынесении судебного акта от 10.03.2022, руководствовался тем, что денежные средства по оспариваемой банковской операции поступили в кредитную организацию с целью совершения транзитной операции в органы ФССП. Однако, оспариваемая банковская операция носила всё же безналичный характер, а соответственно, применение к ней положений о вещных права (деньги) некорректно, с точки зрения правовой природы.

Следует считать, что в рассматриваемом примере конвертация вещных прав в имущественные произошла в момент передачи денежных средств клиентом кредитной организации в кассу кредитной организации для совершения оспариваемой банковской операции. Безусловно, судебный акт ВС РФ в части отмены ранее вынесенных решений судов нижестоящей инстанции, законен и обоснован, как минимум с точки зрения «типичности» оспариваемой банковской операции для кредитной организации. При этом, спорная квалификация ВС РФ природы правоотношений, возникших между клиентом и кредитной организацией, может породить неправомерные решения в иных обособленных спорах, которые будут рассматриваться судами на территории Российской Федерации.

Представляется наиболее вероятным, что в будущих судебных актах Верховный суд Российской Федерации уточнит свою позицию по данному вопросу, которая изложена в определении от 10.03.2022 305-ЭС20-5289 (8) по делу №А40-15546/2019, или воспользуется своим правом законодательной инициативы для внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Возвращаясь к правовой конструкции положений об оспаривании банковских операций на основании статей 61.3, 61.4 и 189.40 Закона о банкротстве и понятия «типичности» сделки, необходимо отметить, что ВС РФ своим судебным актом попробовал несколько изменить современный правоприменительный подход к данным нормам.

Как указывалось ранее, положения пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве в качестве специальной нормы указывает на возможность оспаривания банковских операций, совершенных в рамках обычной хо-

зяйственной деятельности, если размер оспариваемого платежа превышает 1% балансовой стоимости активов кредитной организации. Указанная норма права позволяет, при нынешнем толковании, признать любую банковскую операцию недействительной, если ее размер превышает 1% от активов несостоятельной кредитной организации.

Данное толкование вышеуказанной нормы статьи 61.4 Закона о банкротстве (применительно к оспариванию сделок в банкротстве кредитных организаций) получило свое широкое распространение в период с 2014-2018. При этом, этот правовой подход оставлял в больше степени контрагентов несостоятельных кредитных организаций незащищёнными. Если допустить, что совершение физическим лицом банковской операции, размер которой превышает 1% от балансовой стоимости активов этой кредитной организации – маловероятен, то, для юридических лиц (особенно предприятий крупного бизнеса) совершение банковских операций на десятки и сотни миллионов может являться обычной хозяйственной деятельности.

«Презюмировать» факт совершения банковской операции за пределами обычной хозяйственной деятельность основываясь только на размере данной операции безусловно не отвечает принципам и целям гражданского судопроизводство. Особенно, если опровергнуть данное обстоятельство фактически невозможно, так как законодатель не относит положения пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве к опровержимым презумпциям. К примеру, Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд, в своем судебном акте от 16.07.2021 [7], отмечает, что факт совершения оспариваемой банковское операции в размере, превышающем 1% от балансовой стоимости банка, уже самостоятельно свидетельствует о выходе оспариваемой операции за пределы обычной хозяйственной деятельности. Аналогичной правовой позиции придерживался Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд при рассмотрении аналогичных споро [8].

Арбитражный суд Московского округа в судебном акте от 12.04.2014 [9], в свою очередь, в рамках другого обособленного спора, отразил противоположную позицию, указал на то, что превышение размера оспариваемой банковской операции 1% балансовой стоимости активов кредитной организации не является основанием для признания данной операции недействительной на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве (в отсутствии иных доказательств). Примечательно, что в рамках данного обособленного спора ВС РФ[10] не согласился с позицией, изложенной Арбитражным судом Московского округа, и отменил постановление суда кассационной инстанции.

Как мы видим, в текущий реалиях 2022 года, ВС РФ решил изменить свой подход в части обстоятельств, которые подлежат исследованию при оспаривании банковских операций, размер которых превышает 1% от балансовой стоимости активов несостоятельной кредитной организации. Прослеживается динамика ВС РФ, направленная на защиту не только кредиторов несостоятельной кредитной организации, но и на защиту контрагентов, которым не повезло использовать в рамках собственной хозяйственной деятельности неблагонадежный банк.

Вышеуказанный правовой дуализм в подходе судей разных субъектов создавал дестабилизирующий фактов для нормальной хозяйственной деятельности. Одни и те же оспариваемые банковские операции могли бы быть признаны недействительными в одном субъекте, когда в другом – конкурсному управляющему было бы отказано в удовлетворении заявленных требований. Текущий правовой подход ВС РФ поможет наиболее полно и всестороннее рассматривать аналогичные обособленные споры, и положительно скажется на динамике защиты интересов добросовестных контрагентов несостоятельных кредитных организаций.

Несмотря на данные обстоятельства, необходимо отметить, что судебные акты ВС РФ по отдельным спорам не являются источником права по смыслу положения действующего гражданского законодательства в Российской Федерации. Следующим шагом ВС РФ возможно захочет воспользоваться своим правом законодательством инициативы для внесения изменений действующее законодательства. Целесообразным было бы вынести вопрос о внесении изменений в положения специальной нормы – статьи 189.40 Закона о банкротстве. Дополнить данную норму отдельной частью, которая определила бы предмет доказывая при оспаривании банковских операций, размер которых превышает 1% от балансовой стоимости активов несостоятельной кредитной организации.

Вывод

Вопрос о статусе и правовой природе безналичных денежных средств остается открытым и актуальным и в настоящее время. Отнесение безналичных денежных средств к вещным или обязательственным правам влияет на множество правовых конструкций, в том числе это затронуло законодательство о несостоятельности (банкротстве) в части оспаривания сделок. Выводы ВС РФ, отражённые в определении от 10.03.2022, из которых следует, что к безналичным денежным средствам применимы гражданско-правовые нормы о вещных правах, неоднозначны и требуют дополнительного изучения. В настоящее время отсутствуют четкие гражданско-правовые механизмы и критерии, которые позволяли бы разграничивать в правоотношени-

ях, возникающих при обороте безналичных денежных средств, какие из элементов конструкций относятся к вещным, а какие к обязательственным правам.

При этом, нельзя не отметить важность позиции ВС РФ, которой он фактически поставил точку в вопросе о необходимости исследования на «типичность» оспариваемые банковские операции, размер которых превышает 1% от балансовой стоимости активов кредитной организации. Указанный судебный акт положительно отразится на добросовестных контрагентов кредитных организаций, которым предстоит пройти процедуру несостоятельности (банкротства) в обозримом будущем.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // СПС Консультант плюс

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 N 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» // СПС Консультант Плюс

3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС Консультант плюс

4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 10.03.2022 305-ЭС20-5289 (8) по делу № А40-15546/2019 // СПС Консультант Плюс

5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари: в 5 т. М.: Статут, 2006. Т. 2.

6. Правовое регулирование банковской деятельности / Под ред. проф. Е.А. Суханова; К. Гавальда, Ж. Стуфле. Банковское право.

7. Ефимова Л.Г. Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. N N 1, 2; Трофимов К.Т. Кредитные организации в банковской системе России. М., 2004; Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екб.: Налоги и финансовое право, 2005.

8 Мазаева А.В. О правовой природе договора доверительного управления денежными средствами в сравнении с договором банковского вклада // «Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики)». Вып. 24 /«ИЗиСП»/ «КОНТРАКТ»/ 2018.

9. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.07.2021 N 16АП-2937/2016 по делу N А15-4745/2014 // СПС Консультант Плюс

10. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.04.2020 N 15АП-23640/2019, 15АП-23811/2019, 15АП-918/17 по делу N А53-11457/2016 // СПС Консультант Плюс

11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.08.2014 N Ф05-4475/13 по делу N А40-74090/12-160-197 // СПС Консультант Плюс

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.03.2015 N 305-ЭС14-4539 // СПС Консультант Плюс

References

1. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii» ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 11.06.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.08.2021). SPS Konsul'tant pljus

2. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10.12.2014 N 31-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chastej shestoj i sed'moj stat'i 115 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj zakrytogo akcionernogo obshhestva «Glorija». SPS Konsul'tant Pljus

3. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. ot 24.04.2020) «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)». SPS Konsul'tant pljus

4. Opredelenie Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 10.03.2022 305-JeS20-5289 (8) po delu № A40-15546/2019. SPS Konsul'tant Pljus

5. Braginskij M.I., Vitrjanskij V.V. Dogovornoe pravo. Dogovory o bankovskom vklade, bankovskom schete; bankovskie raschety. Konkurs, dogovory ob igrah i pari: v 5 t. M.: Statut, 2006. T. 2.

6. Pravovoe regulirovanie bankovskoj dejatel'nosti. Pod red. prof. E.A. Suhanova; K. Gaval'da, Zh. Stufle. Bankovskoe pravo.

7. Efimova L.G. Pravovye problemy beznalichnyh deneg. Hozjajstvo i pravo. 1997. N N 1, 2; Tro-fimov K.T. Kreditnye organizacii v bankovskoj sisteme Rossii. M., 2004; Pahomova N.N. Civilisticheskaja teorija korporativnyh otnoshenij. Ekb.: Nalogi i finansovoe pravo, 2005.

8 Mazaeva A.V. O pravovoj prirode dogovora doveritel'nogo upravlenija denezhnymi sredstvami v sravnenii s dogovorom bankovskogo vklada. «Kommentarij praktiki rassmotrenija jekonomicheskih sporov (sudebno-arbitrazhnoj praktiki)». Vyp. 24 /«IZiSP»/ «KONTRAKT»/ 2018.

9. Postanovlenie Shestnadcatogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 16.07.2021 N 16AP-2937/2016 po delu N A15-4745/2014. SPS Konsul'tant Pljus

10. Postanovlenie Pjatnadcatogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 03.04.2020 N 15AP-23640/2019, 15AP-23811/2019, 15AP-918/17 po delu N A53-11457/2016. SPS Konsul'tant Pljus

11. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 12.08.2014 N F05-4475/13 po delu N A40-74090/12-160-197. SPS Konsul'tant Pljus

12. Opredelenie Sudebnoj kollegii po jekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 10.03.2015 N 305-JeS14-4539. SPS Konsul'tant Pljus

АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сорока Э.Ю., аспирант,
Ермаков А.В., кандидат юридических наук, доцент,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности

***Аннотация**: в данной статье рассматривается текущее правовое положение цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты, приводятся примеры изменений и противоречий в законодательстве, в связи с введением новых норм права, регулирующих правоотношения в сфере цифровой экономики, напрямую связанных с цифровыми правами, ЦФА и технологиями распределенных реестров. Проводится анализ понятий цифровое право и цифровых финансовых активов, с учетом внесения изменений и дополнений в законодательные акты. Анализируются мнения и статьи различных авторов, по поводу реализации прав в использовании ЦФА российскими компаниями из различных секторов экономики, операторами платформ, выпускающих цифровые финансовые активы, правового регулирования цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав для расчетов в качестве средства платежа.*

Выводом данной статьи является мнение о том, что в настоящее время происходит активное движение на законодательном уровне в части процессов регистрации первых операторов в сфере оборота ЦФА, а также формирование комплексных решений по обороту цифровых прав, однако принимаются также и ограничительные меры на использование ЦФА в качестве платежного средства.

***Ключевые слова:** цифровое право, цифровой оборот, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровой рубль, ценные бумаги, информационные системы, электронные данные, операторы платформ, гражданские права, имущественные права, эмиссия, технологии распределенных реестров*

CURRENT PROSPECTS FOR THE TURNOVER OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Soroka E.Yu., Postgraduate,
Ermakov A.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Russian State Academy of Intellectual Property

***Abstract:** this article examines the current legal status of digital financial assets (DFA) and digital currency, provides examples of changes and contradictions in legislation due to the introduction of new legal norms regulating legal relations in the field of digital economy, directly related to digital rights, DFA and distributed ledger technologies. The analysis of the concepts of digital law and digital financial assets is carried out, taking into account amendments and additions to legislative acts. The opinions and articles of various authors are analyzed regarding the exercise of rights in the use of DFA by Russian companies from various sectors of the economy, operators of platforms issuing digital financial assets, legal regulation of digital financial assets and utilitarian digital rights for settlements as a means of payment.*

The conclusion of this article is the opinion that currently there is an active movement at the legislative level regarding the registration processes of the first operators in the sphere of DFA turnover, as well as the formation of comprehensive solutions for the turnover of digital rights, but restrictive measures are also being taken to use DFA as a means of payment.

***Keywords:** digital law, digital turnover, digital financial assets, digital currency, digital ruble, securities, information systems, electronic data, platform operators, civil rights, property rights, issue, distributed registry technologies*

Современная цифровая экономика Российской Федерации динамично развивается согласно тенденциям и возможностям текущих обстоятельств. Принятые и действующие в настоящий период курсоры развития регулирования цифрового права, такие как: «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» от 9 мая 2017 г. №203 [1]; Указ Президента РФ от 07.05.2018 №204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Распоряжение от 31 октября 2020 года №2846-р в котором Правительство России утвердило проект соглашения об информационном взаимодействии стран – участниц СНГ в области развития цифрового общества по совместной выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области цифрового развития общества и цифровой экономики; Федеральный закон от 18 марта 2019

года №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], которым была введена в Гражданский кодекс РФ статья 141.1 «Цифровые права» [3], давшая понятие цифровым правам и отнесшая их к «иному имуществу»; Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]; Федеральный закон от 02.08.2019 №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]; статья 128 "Объекты гражданских прав" ГК РФ, в которой также упоминаются и цифровые права, отнесённые к имущественным правам [6], включение Банком России в 2022 году первой организации – ООО «Атомайз» (холдинг «Интеррос» Потанина Владимира является инвестором) – в реестр операторов информационных систем, цель деятельности которых, выпуск цифровых финансовых активов (ЦФА) для совершенствования и актуализирования правового регулирования и построения полноценной цифровой инфраструктуры для оборота ЦФА.

На сегодняшний день список реестров операторов информационных систем Российской Федерации пополняется.

Так, Центральным Банком 17 марта 2022 годы были согласованы Правила информационной системы, где должен осуществляться выпуск цифровых финансовых активов. Кроме того, в реестр операторов информационных систем, в которых может осуществляться выпуск цифровых финансовых активов, включены сведения об ООО «Лайтхаус» и ПАО Сбербанк.

Согласно заявлению Финтех компании «Лайтхаус» и ВТБ Факторинг (ГК) от 28 июня 2022 года, между указанными организациями была совершена первая в России сделка по размещению цифровых финансовых активов. Обеспечение денежных требований эмитента с целью привлечения ликвидности для операционной деятельности эмитента в рамках первого выпуска цифровых финансовых активов, осуществила процедуру, при которой, сделка предусмотрела токенизацию коммерческой задолженности эмитента на платформе оператора информационной системы «Лайтхаус» (партнер «Трансмашхолдинга»), в результате данной сделке ВТБ Факторинг был осуществлен выкуп выпуска ЦФА.

Первая сделка «Сбер» была проведена на собственной платформе по выпуску цифровых финансовых активов «СберФакторинг». «Обязательства эмитента были обеспечены дебиторской задолженностью, переданной на факторинговое обслуживание. Объём выпуска – 1 млрд рублей, срок размещения – 3 месяца», – сообщила компания. Так как цифровые финансовые активы – это цифровые права, которые включают требования денег, с возможностью права участвовать в капитале непубличных акционерных обществ, а также права по ценным бумагам и передаче права их требования, их выпуск осуществлен на платформе по технологии блокчейн с помощью смарт-контракта. Этот алгоритм контролирует соблюдение заложенных в решении о выпуске ЦФА условий – в частности, суммы, срока и доходности выпуска. Платформа работает в пилотном режиме, воспользоваться ею пока может ограниченное число пользователей, но скоро она будет доступна всем корпоративным клиентам, добавили в банке [7].

Компании получают возможность осуществить выпуск ЦФА на собственной платформе и достигнуть реализации различных продуктов в «токенизированной» форме благодаря внесению в реестр операторов информационных систем. Правила таких информационных систем содержат также правила обмена ЦФА, что и позволяет организациям вести операции на базе таких платформ самостоятельно. В долгосрочной перспективе прогнозируется усиление финансовой поддержки рынка, так как снижается порог доступности участия и расширяется перечень возможных продуктов, но расчет пока ведется на востребованность среди юридических лиц. По мнению экспертов, толчок для развития и расширения отрасли может предоставить специальное налогообложение, а до этого времени новый сегмент рассматривается как тестовый и пробный.

Центральный Банк России в своих разработках опирается на два реестра, связанных с ЦФА, это операторы информационных систем и операторы их обмена. Обмен ЦФА внутри системы производится через включенных в реестр операторов информационных систем, а между системами, также включенными в реестр, операторов обмена.

Использование в системе цифрового рубля в настоящее время относится к перспективным ожиданиям. По мнению юриста Михаила Успенского, специализирующегося в правовых вопросах блокчейн-технологий, весьма сомнительной представляется практическая применимость режима ЦФА в ближайшем обозримом будущем. Виды активов, которые могут быть «токенизированы», по мнению эксперта, существенно ограничены, а инвесторы из западных стран в существующей ситуации вряд ли станут активно вкладывать средства в российские проекты. Вместе с тем, по словам Дениса Иорданцева, изменения налогового законодательства могли бы дать необходимый импульс для дальнейшего развития рынка цифровых финансовых активов. В настоящее же время налоговый режим для ЦФА в законодательстве Российской

Федерации не урегулирован, однако самым ожидаемым является такое изменение налогового законодательства, которое исключит риск применения НДС при обороте ЦФА.

Предложения по совершенствованию регулирования ЦФА, их дальнейшего развития, а также о налогообложении в указанной сфере, сформированы Банком России и, в случае их принятия, могут повысить как привлекательность ЦФА, так и надёжность их применения.

В Федеральный закон от 14.07.2022 N 324-ФЗ "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" внесены поправки для урегулирования порядка налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами. Базовый закон о ЦФА начал своё действие в 2021 году, но на тот момент не регламентировались вопросы налогообложения и к таким активам применялись действующие нормы, что тормозило развитие данного рынка.

Новый порядок регулирует уплату налога на прибыль организаций, НДФЛ и НДС в отношении операций с цифровыми инструментами. Так, предусмотрено, что российские компании, обладающие ЦФА должны будут платить налог в размере 13% от дохода, полученного от эмитента ЦФА, а в случае превышения налогооблагаемой базы более 5 млн рублей в год налоговая ставка составит 15%. При этом, к доходам иностранных компаний должны применяться ставка налога на прибыль в 15%, вне зависимости от размера налогооблагаемой базы. Ставка налога на доходы физических лиц остаётся в размере 13%.

Важным моментом является тот факт, что операции с ЦФА, равно как и операции с ценными бумагами, исключены из налогообложения НДС. Однако, сделки с гибридными цифровыми правами подлежат обложению НДС, с учетом предусмотренных в законодательстве исключений [8].

В последнее полугодие правительством Российской Федерации вводятся разнообразные ограничительные меры в сфере ЦФА:

- Федеральный закон от 01.04.2022 N 90-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [9], обязывает кандидатов на выборах раскрывать информацию о своих расходах на приобретение цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Данный закон обязывает всех, кто принимает решение участвовать в выборах, предоставлять данные о своих расходах, расходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению цифровых финансовых активов и цифровой валюты за три года, если сумма сделки превышает общий доход кандидата и его супруги (супруга) за этот срок. Также необходимо подавать и сведения об источниках средств на упомянутые сделки.

- Федеральный закон от 14.07.2022 №331-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5-1 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" [10], запрещает использовать любые цифровые финансовые активы в качестве оплаты за товары, услуги, работы. Их можно будет использовать как средство оплаты, если это будет продиктовано федеральными законами, уточняется в документе. Кроме того, вступивший в силу закон причисляет операторов платформ, которые выпускают цифровые финансовые активы, к субъектам национальной платежной системы, тем самым подводя их под контроль со стороны регулятора. В комментарии к данному закону делается оговорка, что запрет может быть снят в исключительных случаях, предусмотренных федеральными законами.

По мнению Алевтины Камельковой, члена экспертного совета при координационном совете РСПП по вопросам цифровизации, прозвучавшем на Петербургском международном юридическом форуме 30 июня 2022, возникновение цифровых прав прогнозируется не возникновением ещё одной формы предложения инвесторам классических финансовых инструментов, а кросс-отраслевым витком нового финансового рынка: мира без финансовых посредников с прямым доступом на рынок заемщиков и оригинаторов ликвидности. Организация торгового финансирования – логичное использование всего функционала, предоставляемого этим инструментом [11].

В статье Николая Подорванюка «ЦФА: территория осторожного оптимизма» [12] от 14 апреля 2022 года приводится также мнение Алевтины Камельковой, что финансовый рынок заинтересован в большей цифровизации, а крупный бизнес активно рассматривает перспективы выпуска «регулируемого стейблокоина» и с появлением первых «лицензируемых» регулятором компаний, имеющих право выпускать и обращать ЦФА, возможность конкретизации оборота данных активов актуализировалась.

Законы, позволяющие регулировать рынок цифровых токенов, призваны координировать тенденцию развития цифрового финансового сектора в Российской Федерации с возможностью использования технологий распределенных реестров. Появление новых законодательных инициатив лишь подчеркивает необходимость тщательного и корректного регулирования инфраструктуры, в которой происходит размещение и оборот ЦФА, так как права, которыми наделены обладатели цифровых активов как схожи, так и различны с уже существующими инструментами финансового рынка.

Согласно «Плану подготовки нормативных актов Банка России в 2022 году» планируется внесение в акты формулировок о:

- введении запрета на инвестирование имущества паевого инвестиционного фонда в цифровые валюты и финансовые инструменты, стоимость которых зависит от курсов цифровых валют;

- внесении уточнений в Указание Банка России «О внесении изменений в Указание Банка России от 25 ноября 2020 года №5635-У «О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов», а именно, дополнения перечня признаков цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться лицом, не являющимся квалифицированным инвестором;

- внесение в Указание Банка России «О внесении изменений в пункт 1 Указания Банка России от 16 февраля 2015 года №3565-У «О видах производных финансовых инструментов», предусматривающим расширение перечня базисных активов для расчетных ПФИ путем включения в перечень отдельных базисных активов, в частности, иностранных финансовых инструментов, работ (услуг), показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности, углеродных единиц, цифровых прав и др.;

- внесение в Указание Банка России от 15 июня 2022 г. №6159-У "О внесении изменений в Указание Банка России от 25 ноября 2020 года №5635-У" о расширении перечня признаков цифровых финансовых активов, приобретаемых квалифицированными и неквалифицированным инвесторами. С 5 августа цифровые финансовые активы, включающие денежные требования, размер выплат по которым поставлен в зависимость от наступления, ненаступления или изменения значений отдельных показателей и обстоятельств, смогут приобретать только лица, являющиеся квалифицированными инвесторами. Кроме того, появится ограничение на приобретение неквалифицированными инвесторами цифровых финансовых активов, включающих денежные требования, размер которых равен стоимости акций или стоимости акций и размеру дивидендов по ним при выполнении определенных условий. В свою очередь, неквалифицированные инвесторы дополнительно смогут приобретать цифровые финансовые активы через обеспечивающего заключение сделок с цифровыми финансовыми активами оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

- добавление в Указание Банка России «О внесении изменений в Указание Банка России от 30.07.2019 №5220-У «О требованиях, с соблюдением которых прекращаются обязательства по депозитарным договорам организацией, в отношении которой Банком России принято решение об аннулировании лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг на осуществление депозитарной деятельности, и требованиях к осуществлению депозитарной деятельности и деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг при прекращении обязательств по депозитарным договорам» положений о механизмах прекращения депозитарием обязательств по депозитарным договорам в отношении цифровых прав и цифровых свидетельств, учитываемых на счетах депо его депонентов.

Обсуждаются перспективы создания организованных торгов цифровыми финансовыми активами на биржах, и в альтернативе заменить рынок криптовалют. Участники финансового рынка обсуждают концепцию проведения организованных торгов ЦФА и утилитарными цифровыми правами (УЦП). Ключевое предложение концепции – допуск на этот рынок фондовых бирж и центральных контрагентов (ЦК, фактически гарантов сделок). По мнению Генерального директора ООО «Лайтхаус» Дениса Иорданиди, в действующей редакции закона о ЦФА содержится риск того, что, в случае сопоставления заявок на обмен, к деятельности организатора торгов может быть приравнена и деятельность оператора. Это, в свою очередь, может повлечь за собой необходимость оформления лицензии и как результат, в рассматриваемой сфере установится избыточное правовое регулирование [13]. Также существует противоречивое мнение операторов информационных систем, что допуск бирж подвергнет риску развитие бизнеса цифровых платформ, которое указывает на желание операторов сохранить статус локальных монополистов, а главную идею концепции — с потребностью в дополнительной ликвидности.

По мнению юристов, в сфере ЦФА, Центральный Банк осуществляет деятельность, направленную на получение полного контроля за оборотом ЦФА и интегрируется в создание правового поля, регулирующего цифровые права и активы. В том числе направленную на создание платформы, построенной на механизме уже существующего фондового рынка, включающего рыночные котировки, налогообложение и согласованным реестром держателей. 28 июня 2022 года в России впервые была совершена сделка с использованием токенов. Подобный выпуск цифровых финансовых активов имеет схожие черты с эмиссией краткосроч-

ных коммерческих облигаций, с денежными требованиями в качестве обеспечения. В рамках совершения сделки изначально на платформе оператора информационной системы «Лайтхаус» была «токенизирована» коммерческая задолженность эмитента, и уже данный выпуск цифрового финансового актива был выкуплен компанией «ВТБ Факторинг». Так в Российской Федерации были осуществлены первая эмиссия и первое размещение цифровых финансовых активов, обеспеченных денежными требованиями [14]. «Подобная сделка с ЦФА, открывает в России новый рынок цифрового коммерческого финансирования» – прокомментировал указанную сделку генеральный директор «ВТБ Факторинг» Антон Мусатов, – «Мы рады принять непосредственное участие в ее реализации как первый инвестор в цифровые финансовые активы. Новая технология финансирования коммерческой задолженности значительно упрощает российскому бизнесу доступ к капиталу для решения операционных задач. В отличие от стандартной факторинговой процедуры для уступки коммерческой задолженности клиенту не нужно заключать договор на обслуживание. Достаточно решения эмитента выпустить актив на цифровой платформе и согласия фактора на его приобретение».

Прогнозируется, что выпуск ЦФА на денежные требования, поспособствует привлечению инвестиций и развитию вкладов временно свободных средств с целью получения дохода. Активы будут ориентированы на крупный бизнес, одним из их свойств будет возможность представлять собой право денежного требования, а также будут иметь срок погашения, возможно появление ЦФА с правом на поставки товара. Запланированный выпуск ЦФА простимулирует привлечение финансирования и сравним с корпоративными облигациями, однако приобретение через операторов расширит номенклатуру и создаст более низкий порог входа для эмитентов.

Представленная в октябре 2022 года Центральным Банком концепция цифрового рубля развивается в тестовом режиме. Согласно концепции, дополнительная форма национальной валюты, которую будет эмитировать ЦБ, должна сочетать свойства наличных и безналичных рублей, которые можно будет использовать для оплаты товаров и услуг, проведения платежей организациям и государству, денежных переводов, оплаты сделок с финансовыми инструментами, а также с цифровыми финансовыми активами.

Участники рынка, 2 банка, подключились к платформе и осуществили весь цикл операций, необходимых для перевода цифровых рублей через мобильные приложения. Отрабатываются процедуры перевода между физическим лицами. Разрабатывается создание бесшовной системы взаимодействия с цифровыми платформами и экосистемами, с созданием и внедрением дорожной карты по платформе цифрового рубля. На данном этапе тестируется выпуск цифрового рубля, открытие цифровых кошельков банками и гражданами, а также C2C-переводы (между физлицами) и C2B-переводы (от физлица бизнесу – оплата физлицами товаров и услуг). В апреле 2023 г. ЦБ планирует начать тестирование цифрового рубля на реальных деньгах и клиентах, а также запустить пилот использования смарт-контрактов. Цифровой рубль рассматривается Банком России как альтернатива частным стейблкоинам, «сочетающую все преимущества цифрового средства платежа и надежность полноценной валюты».

Министерство финансов также разрабатывает альтернативные решения по созданию рынка цифровых валют с установлением правил их оборота и круга участников с созданием реестра операторов, осуществляющих деятельность по организации оборота ЦФА. Возможности ЦФА в форме денежного требования, подразумевают собой инструмент, способный предполагать распределение прибыли с проекта без вхождения в капитал организации, становясь аналогами коллективных инвестиций. По мнению юристов, смысл утилитарных цифровых прав направлен на удостоверение права на будущие товары и услуги, из чего следует необходимость регламентации порядка их предоставления.

Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "О национальной платежной системе" [15] включило и дает определение электронным денежным средствам. При этом указывает что, не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность, деятельность оператора финансовой платформы, деятельность по организации привлечения инвестиций, деятельность по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами, деятельность операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и (или) деятельность операторов обмена цифровых финансовых активов и осуществляющими учет информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность указанных организаций.

Государственные регламенты в отношении ЦФА строятся на формировании прозрачного механизма расчетов. Внедрение цифровых, с одной стороны, несет за собой преимущества для пользователей рынка, но, с другой стороны, имеет различные макроэкономические последствия. Такие последствия, в свою очередь, оказывают влияние на банки и на их роль, в качестве эмитента денег. Оценивая глобальный уровень

принятия цифровой валюты, можно увидеть, что такие валюты имеют все возможности к тому, чтобы изменить с той или иной степенью существенности положение валют национальных. Не в одной стране, после прихода глобальной цифровой валюты, есть высокий риск того, что спрос на национальную валюту упадёт, уйдёт капитал уйдет, а новая цифровая валюта будет иметь такие же макроэкономические последствия, как и «долларизация». Таким образом, при непродуманной и неправильной организации процесса, последствия для финансового посредничества и стабильности могут быть негативными.

Выпуск цифрового рубля, в большей степени будет и должен отражать эмиссию национальной валюты Российской Федерации, не допуская пересечений с принципами выпуска криптовалюты.

Так, в отличие от эмиссии криптовалют, эмиссия цифрового рубля будет централизованной, с возможностью дополнительной эмиссии. Выпуск в обращение криптовалют осуществляется на платформах технологии блокчейн, тогда как на платформе технологии распределенного реестра выпускаются централизованные цифровые виртуальные валюты.

Можно сделать предварительный вывод о том, что в процессе становления к цифровых валют Центробанка, риски могут быть выше, чем предполагается. Не в последнюю очередь влияние на это может быть оказано со стороны отсутствия стабильной макроэкономической и структурной политики, включая надежность нормативно-правовой базы, которая должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь возможность распознавания финансовых рисков, а главное, своевременно и адекватно реагировать на них, в случае их возникновения. Внедрение ЦФА открывает большие возможности для расширения инноваций, а также возможностей Центробанка по внедрению новых рычагов финансовой политики. Кроме того, у регулирующих органов появится возможность создавать валюту с ограничениями по срокам или другим условиями расходов, для создания целенаправленных монетарных интервенций в национальной экономике [16].

Подводя итог сказанному, из положений действующего законодательства следует, что цифровые финансовые активы интенсивно развиваются в практическом направлении. Активно формируется инфраструктура по выпуску и обороту ЦФА, создаются новые финансовые инструменты, происходит инновационное взаимодействие с крупными участниками бизнеса и капиталом.

Государство совершенствует законодательство в области ЦФА, законодательства, регулирующего создание, эмиссию и гражданский оборот цифровой валюты, взаимодействует со всеми участниками финансового рынка, возрастает интерес к выпуску ЦФА, как альтернативе биржевым облигациям, с преимуществами для эмитентов и инвесторов.

Вероятность упрощения процедур по обороту электронных денежных средств на платформе ЦФА стимулирует разработку операционных решений в этой сфере, и несмотря на то, что на законодательном уровне запрещено передавать или принимать цифровые финансовые активы или цифровые утилитарные права в качестве средства платежа или встречного представления за товары и услуги, а также существуют обязанность платформ отказывать в проведении операций, активация использования цифровых активов уже открывает возможности по обороту и находится в стадии запуска.

Несмотря на то, что происходят закономерные процессы по этапам оформления юридического статуса ЦФА, приоритетными целями финансового сектора, является повышение инвестиционной привлекательности и устойчивого развития использования цифровых прав бизнесом. Разногласия продолжаются в том, какой именно путь требуется для усовершенствования порядка и контроля оборота ЦФА и УЦП, однако уже есть определенная ясность в понимании, что существует явный посыл и движение в сторону сегмента, аналогичного рынку цифровых бумаг.

Литература

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 60, 20.03.2019

3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // «Российская газета», № 238-239, 08.12.1994.

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», № 173, 06.08.2020.

5. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», № 172, 07.08.2019.

6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // «Российская газета», № 238-239, 08.12.1994.

7. Статья Sber Press по актуальным новостям экосистемы Сбера «Сбер провел первую сделку по выпуску ЦФА на собственной платформе». // 09.07.2022 URL: https://press.sber.ru/publications/sber-provel-pervuiu-sdelku-po-vypusku-tsfa-na-sobstvennoi-platforme.

8. Федеральный закон от 14.07.2022 N 324-ФЗ "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" // "Российская газета", N 159, 21.07.2022.

9. Федеральный закон от 01.04.2022 N 90-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Российская газета", N 72, 05.04.2022.

10. Федеральный закон от 14.07.2022 № 331-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5-1 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 14.07.2022.

11. «На полях ПМЮФ-2022 состоялась деловая сессия под эгидой РСПП на тему: «Цифровые активы: цифровая альтернатива финансирования», 01.07.2022. URL: https://rspp.ru/events/news/na-polyakh-pmyuf-2022-sostoyalas-delovaya-sessiya-pod-egidoy-rspp-na-temu-tsifrovye-aktivy-tsifrovaya-62bf13f5e0064/

12. Подорванюк Н. «ЦФА: территория осторожного оптимизма», 14.04.2022. URL: https://indicator.ru/engineering-science/cfa-territoriya-ostorozhnogo-optimizma.htm

13. Куликова Ксения, статья «К цифровым активам подключат биржи», Коммерсант, 24.07.2022. URL:https://www.kommersant.ru/doc/5328568?query

14. Редакция деловая повестка, статья «В России состоялась первая сделка с токенами», 01.07.2022. URL: https://www.forbes.ru/forbes-agenda/470377-v-rossii-sostoalas-pervaa-sdelka-s-tokenami

15. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "О национальной платежной системе" // "Российская газета", N 139, 30.06.2011

16. Жигас М.К., Кузьмина С.Н., «Движущие силы развития цифровых валют Центральных банков в системе денежных отношений», Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес», 02.02.2022, Baical Research Journal, Учредители: Байкальский государственный университет // eISSN: 2411-6262

17. Ермаков Н.С., Галкина Е.А. Оптимизация портфеля в эпоху цифровой финансиализации с использованием криптовалют // Modern Economy Success. 2021. № 2. С. 164 – 169.

18. Мартынюк Э.Г., Шибанова А.А. Криптобиржи, блокчейн-кошельки и обменники цифровой валюты как предмет мошенничества // Современный ученый. 2021. № 5. С. 287 – 293.

References

1. O Strategii razvitija informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017-2030 gody: Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2017. № 20. St. 2901.

2. Federal'nyj zakon ot 18.03.2019 № 34-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuju, vtoruju i stat'ju 1124 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii». «Rossijskaja gazeta», № 60, 20.03.2019

3. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja)» ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.07.2020). «Rossijskaja gazeta», № 238-239, 08.12.1994.

4. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyh finansovyh aktivah, cifrovoj valjute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». «Rossijskaja gazeta», № 173, 06.08.2020.

5. Federal'nyj zakon ot 02.08.2019 № 259-FZ (red. ot 20.07.2020) «O privlechenii investicij s ispol'zovaniem investicionnyh platform i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». «Rossijskaja gazeta», № 172, 07.08.2019.

6. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja)» ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.07.2020). «Rossijskaja gazeta», № 238-239, 08.12.1994.

7. Stat'ja Sber Press po aktual'nym novostjam jekosistemy Sbera «Sber provel pervuju sdelku po vypusku CFA na sobstvennoj platforme». 09.07.2022 URL: https://press.sber.ru/publications/sber-provel-pervuiu-sdelku-po-vypusku-tsfa-na-sobstvennoi-platforme.

8. Federal'nyj zakon ot 14.07.2022 N 324-FZ "O vnesenii izmenenij v chast' vtoruju Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii". "Rossijskaja gazeta", N 159, 21.07.2022.

9. Federal'nyj zakon ot 01.04.2022 N 90-FZ "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii". "Rossijskaja gazeta", N 72, 05.04.2022.

10. Federal'nyj zakon ot 14.07.2022 № 331-FZ "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii i o priostanovlenii dejstvija otdel'nyh polozhenij stat'i 5-1 Federal'nogo zakona "O bankah i bankovskoj dejatel'nosti". Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://pravo.gov.ru, 14.07.2022.

11. «Na poljah PMJuF-2022 sostojalas' delovaja sessija pod jegidoj RSPP na temu: «Cifrovye aktivy: cifrovaja al'ternativa finansirovanija», 01.07.2022. URL: https://rspp.ru/events/news/na-polyakh-pmyuf-2022-sostoyalas-delovaya-sessiya-pod-egidoy-rspp-na-temu-tsifrovye-aktivy-tsifrovaya-62bf13f5e0064/

12. Podorvanjuk N. «CFA: territorija ostorozhnogo optimizma», 14.04.2022. URL: https://indicator.ru/engineering-science/cfa-territoriya-ostorozhnogo-optimizma.htm

13. Kulikova Ksenija, stat'ja «K cifrovym aktivam podkljuchat birzhi», Kommersant, 24.07.2022. URL:https://www.kommersant.ru/doc/5328568?query

14. Redakcija delovaja povestka, stat'ja «V Rossii sostojalas' pervaja sdelka s tokenami», 01.07.2022. URL: https://www.forbes.ru/forbes-agenda/470377-v-rossii-sostoalas-pervaa-sdelka-s-tokenami

15. Federal'nyj zakon ot 27.06.2011 N 161-FZ (red. ot 14.07.2022) "O nacional'noj platezhnoj sisteme". "Rossijskaja gazeta", N 139, 30.06.2011

16. Zhigas M.K., Kuz'mina S.N., «Dvizhushhie sily razvitija cifrovyh valjut Central'nyh bankov v sisteme denezhnyh otnoshenij», Tekst nauchnoj stat'i po special'nosti «Jekonomika i biznes», 02.02.2022, Baical Research Journal, Uchrediteli: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet. eISSN: 2411-6262

17. Ermakov N.S., Galkina E.A. Optimizaciya portfelya v epohu cifrovoj finansializacii s ispol'zovaniem kriptovalyut. Modern Economy Success. 2021. № 2. S. 164 – 169.

18. Martynyuk E.G., SHibanova A.A. Kriptobirzhi, blokchejn-koshel'ki i obmenniki cifrovoj valyuty kak predmet moshennichestva. Sovremennyj uchenyj. 2021. № 5. S. 287 – 293.

ПОСТКРИМИНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ДИСТАНЦИОННОЕ ХИЩЕНИЕ

Цветков В.А., старший лейтенант полиции,
Ростовский юридический институт МВД России

Аннотация*: сегодня все более актуальным является вопрос функционирования максимально эффективной системы расследования и раскрытия преступлений, как следствие, привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления. Задачей государства является поддержание разумного баланса между основополагающим принципом неотвратимости ответственности и осуществлением поощрительных мер для лиц, которые обвиняются в совершении преступления с целью достижения целей уголовного права и процесса и минимизации негативных социальных последствий для осужденного, государства и общества в целом. Путем решения проблемы является уголовно-правовой компромисс, весомой составляющей которого является положительное посткриминальное поведение.*

Исследование криминалистических аспектов посткриминального поведения позволяет определить ситуации, когда такое поведение может сыграть роль косвенных доказательств, а информация по нему сможет включаться в систему доказательств по уголовному делу. Такое пополнение доказательной базы по уголовным делам должно способствовать применению тактических приемов доказывания отдельных обстоятельств и повышению эффективности расследования преступления в целом.

Целью данной статьи является выяснение содержания и структуры посткриминального поведения лица, совершающего дистанционные кражи, факторов, ее обусловливающих и направлений ее использования.

Ключевые слова*: дистанционные хищения, посткриминальное поведение, постпреступная деятельность, инсценировка*

POST-CRIMINAL ACTIVITY OF A PERSON WHO COMMITTED REMOTE THEFT

Tsvetkov V.A., Senior Police Lieutenant,
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: *today, the issue of functioning of the most effective system of investigation and disclosure of crimes, as a result, bringing to criminal responsibility of persons guilty of committing a crime, is becoming more and more urgent. The task of the State is to maintain a reasonable balance between the fundamental principle of the inevitability of responsibility and the implementation of incentive measures for persons who are accused of committing a crime in order to achieve the goals of criminal law and process and minimize negative social consequences for the convicted person, the State and society as a whole. The way to solve the problem is a criminal law compromise, a significant component of which is positive post-criminal behavior.*

The study of the criminalistic aspects of post-criminal behavior allows us to identify situations when such behavior can play the role of indirect evidence, and information on it can be included in the system of evidence in a criminal case. Such replenishment of the evidence base in criminal cases should contribute to the use of tactical methods of proving individual circumstances and increase the effectiveness of the investigation of the crime as a whole.

The purpose of this article is to clarify the content and structure of the post-criminal behavior of a person committing remote thefts, the factors that determine it and the directions of its use.

Keywords: *remote theft, post-criminal behavior, post-criminal activity, staging*

Неотъемлемой составной частью криминалистической характеристики преступлений являются сведения о посткриминальном поведении подозреваемого.

Посткриминальное поведение – это осознанные или неосознанные действия, совершаемые виновным лицом после совершения преступления и определенным образом связанные с ним.

После совершения преступления виновное лицо анализирует последствия своих преступных действий, моделирует свои последующие поступки, продумывает действия, направленные на сокрытие совершенного ранее преступления с целью невозможности привлечения его к уголовной ответственности, уничтожает какие-либо следы, улики, с помощью которых можно будет изобличить данное лицо, а также продумывает план по использованию добытого в процессе совершения преступления имущества и претворяет его в жизнь.

По мнению С.А. Сафронова, посткриминальную деятельность лица можно рассматривать в двух аспектах: как поведение лица, совершившего преступный деликт до момента начала деятельности правоохранительных органов, которая направлена на привлечение данного лица к установленной российским законодательством ответственности, то есть в латентный период, и как поведение лица, совершившего преступление, уже после момента начала деятельности органов правопорядка, направленной на установление признаков преступления, в том числе лица, виновного в его совершении. Двухаспектность рассмотрения постпреступной деятельности имеет существенное значение. Например, с момента начала деятельности правоохранительных органов способ сокрытия преступления следует рассматривать уже как противодействие (потому что личность осуществляет свою деятельность, направленную на сокрытие преступления, вопреки противодействию правоохранительных органов), а это требует разработки соответствующей следственной тактики [1].

Также надо принимать во внимание значение установления постпреступной деятельности лица в период латентности совершенного им правонарушения. Как отмечает Б.Я. Петелин, постпреступное поведение лица имеет познавательное и доказательное значение для выявления субъективной стороны преступления. Субъективная сторона преступления нематериальна по своей природе, но она может обнаруживать себя снаружи (оставляя следы) и после совершения (окончания) преступления. Это обусловливает необходимость устанавливать постпреступную деятельность лица, совершившего противоправное деяние, в ходе следствия.

По нашему мнению, важное значение в изучении посткриминальной деятельности подозреваемого имеют такие аспекты его поведения, которые приобретают доказательное значение. Как раз на то, чтобы помешать процессу отыскания этих доказательств, которыми могут выступать различные факты, предметы, служащие подтверждением события преступления, и направлено постпреступное поведения и постпреступная деятельность лица, совершившего преступление.

В посткриминальном поведении можно обнаружить такие признаки, которые не являются исчерпывающими: а) обман свидетелей относительно времени нахождения виновного вместе с ними (ложное алиби); б) склонение свидетелей к даче ложных показаний, не совпадающих с действительными; в) нарушение виновным обычного уклада своей жизни; г) притворное поведение виновного; г) действия, связанные с необоснованной реализацией имущества, полученного преступным путем (в результате дистанционного хищения) [1].

Постпреступная деятельность может осуществляться различными способами. Рассмотрим типичные виды постпреступной деятельности.

1. Сокрытие – представляет собой деятельность, направленную на утаивание от субъекта, осуществляющего расследование данного преступление, каких-либо обстоятельств дела или источников информации, имеющих значение для эффективного расследования преступного деликта, при этом сокрытие может выражаться как в активной форме, когда лицо, виновное в совершении преступления, совершает определенные действия, направленные, например, на укрывание предметов преступления, предметов, которые могут выступать в качестве вещественных доказательств, укрывание имущества, добытого преступным путем, в процессе совершения дистанционного хищения, искажение фактов, дача ложных показаний и даже убийство свидетелей, так и в пассивной форме. Во втором случае лицо, совершившее преступление, отказывается от совершения действий, с помощью которых можно прямо доказать, что именно это лицо виновно в совершении именно этого преступления (умалчивание каких-либо фактов, отказ от дачи показаний).

2. Уничтожение. Уничтожению могут быть подвергнуты следы преступления орудия и средства, с помощью которых данное преступление было совершено, документы и иные улики и доказательства. При этом уничтожение может быть полным и частичным. Если в первом случае предмет полностью перестает существовать, то во втором деятельность по уничтожению направлена на ту лишь часть, которая может выдать преступника и событие преступления, остальная же часть предмета, документа продолжает существовать. При дистанционных хищениях уничтожению чаще всего подвергаются электронные устройства, с помощью которых эти преступления совершались [4].

3. Маскировка. При этом способе постпреступной деятельности меняется первоначальный вид предметов, после чего он становится неузнаваемым. Также маскировка может быть направлена на самого субъекта преступления, а точнее на изменение его внешнего вида, вплоть до проведения пластической операции и операции по смене пола.

4. Фальсификация. В данном случае посткриминальное поведения лица содержит такие действия, которые направлены на искажение информации или вовсе предоставление ложных сведений, а также подделку документов и т.п. Помимо этого широко распространенным поведением при фальсификации является создание ложного, не соответствующего действительности алиби. То есть лицо, совершившее преступление,

формирует ложное представление о пребывании в определенный момент (в момент совершения преступления) в определенном месте, абсолютно никак не связанном с местом преступного события. При этом преступник может подговорить соучастников или совершенно никак не связанных с преступлением людей, чтобы те подтвердили данный факт. При этом последние также дают ложные показания, то есть их поведение можно считать тоже сфальсифицированным.

Касательно дистанционных хищений, особенность заключается в том, что данные преступления совершаются удаленным способом, в связи с чем доказывание невозможности своего пребывания в том или ином месте не требуется [2].

5. Частично все описанные выше способы посткриминального поведения субъекта преступления включает такой способ, как инсценировка. Она является комбинированным способом сокрытия преступления и предусматривает такое поведение, при котором происходит создание такой обстановки, что не соответствует событию, произошедшему в реальности. В ее основе всегда лежит искусственное создание материальных следов события.

6. Еще одним способом посткриминального поведения является препятствование. Оно заключается в создании преград, которые помешают субъекту, ведущему расследование преступления, узнать, выяснить или получить какие-либо интересующие следствие сведения или данные. Одним из ярких примеров препятствования при расследовании дистанционных хищений является создание преград для входа сотрудников правоохранительных органов в помещение, в котором необходимо проведение следственных действий – таких, как обыск, выемка и т.д., а также препятствование доступа к устройствам, с помощью которых данное преступление было совершено [2].

Говоря о роли посткриминального поведения в расследовании дистанционных хищений, его нельзя оценить однозначно, так как для конкретного случая (преступления) они будут индивидуальны. Тем не менее, в практике расследования данных видов преступлений есть определенная модель, шаблон поступков лиц, совершивших данные деяния, которые и выступают в качестве одного из элементов криминалистической характеристики и предусматривают возможность использования их в качестве доказательств в процессе раскрытия дистанционных хищений [4].

Если говорить более конкретнее, то для дистанционных воров и мошенников характерное такое поведение, как: создание мотивов оправдания, заключающихся в отрицании вины, отсутствием чувства раскаяния в содеянном, формирование чувства внутреннего освобождения от ответственности за совершенный поступок в связи с нейтрализацией барьеров нравственного контроля при нарушении норм российского уголовного законодательства. Также для данных преступников характерен комплекс «Робен Гуда», который заключается в оправдании своего поведения пороками личности потерпевшего от дистанционного хищения. В таком случае жертва преступления становится «злодеем», а сам преступник – справедливым героем, благородным мстителем. Подтверждает это исследование, проведенное учеными В.Ю. Вельским, А.И. Кравченко, С.И. Кургановым. Согласно результатом данного исследования, почти половина (45,4%) опрошенных осужденных высказали мнение, что не нужно быть справедливым с несправедливым человеком [1].

Многие из дистанционных расхитителей убеждены, что только таким (неправомерным, противоправным) способом можно заработать. По их мнению, если «воруют все», то почему же этого не могут делать они. И такое мышление выступают в качестве оправдывающего мотива их посткриминального поведения. Кроме того, в своем противоправном поведении они не видят никакого вреда для окружающего мира и, соответственно, осознание факта совершения ими преступления не повлечет каких-либо изменений для них самих.

Более тридцати процентов осужденных за совершение дистанционного хищения лиц ранее уже совершали преступление. Данный факт еще раз подтверждает все сказанное нами выше, а также дает понять, что большая часть из дистанционных расхитителей не становится на путь исправления после совершения преступного деяния, а наоборот, преумножает свои криминальные познания в сфере информационных технологий с тем, чтобы в следующий раз не уличить себя в злодеянии и получить как можно больше выгоды из совершенного дистанционного хищения.

Общий уровень раскрываемости рассматриваемых нами преступлений составляет всего 53,6%, однако в реальности лишь 10-15% дистанционных хищений попадают в поле зрения правоохранителей, основная же их масса так и остается нераскрытой. Происходит это как раз благодаря как раз описанному нами выше посткриминальному поведению лиц, совершающих данные преступления, в связи с чем можно говорить о высоком уровне латентности дистанционных краж. В основном, данные преступления являются длящимися по времени и сопровождаются отрицательным (негативным) посткриминальным поведением лиц, совершающих данные преступления [3].

Посткриминальное поведение нередко выступает в качестве доказательств, характеризующих личность подозреваемого. Например, оно может характеризовать его как жестокого, лживого человека.

Большое значение посткриминальное поведение имеет для тактики расследования. Определяя тактику проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, необходимо учитывать сознательное противодействие преступника и других заинтересованных лиц.

Познание посткриминальной деятельности часто является сложной задачей, особенно в случаях, когда действительные цели, мотивы поступков тщательно скрываются, маскируются от окружающих. Сложность познания поведения заключается в том, что его психические, интеллектуальные аспекты не всегда находятся на поверхности и очевидны. Одинаковые по внешним проявлениям поступки посткриминальной деятельности могут иметь разное содержание. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что при выдвижении версий на основе посткриминального поведения их всегда больше, чем в случае, когда в обоснование версий положены другие доказательства [1].

Доказательства посткриминальной деятельности являются дополнительным материалом для выдвижения версий о виновности подозреваемого. В то же время они могут создавать ошибочное представление о происшествии и неправильно ориентировать следственные органы.

Преступление и посткриминальное поведение, которое детерминируется им, являются диалектическими категориями «причины и следствия». Закономерное отражение причины в приведенных ею последствиях дает возможность по последующему поведению виновного лица устанавливать признаки преступления и его обстоятельства, что может рассматриваться в роли доказательной информации.

Литература

1. Андреев А.С. Детерминизм и криминалистическое познание посткриминальной деятельности лиц, совершивших преступление либо связанных с его событием // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. С. 73 – 76.

2. Беломытцев Н.Н. О лице, совершившем хищение путем использования компьютерной техники // Аллея науки. 2017. С. 1 – 17.

3. Онищенко О.Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2005. 181 с.

4. Организация расследования хищений денежных средств, совершаемых с использованием компьютерных технологий [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: http://incashwetrust.biz/organizacija_rassledovanija_hishhenij_denezhnyh_sredstv. html#2 (дата доступа: 12.06.2022)

References

1. Andreev A.S. Determinizm i kriminalisticheskoe poznanie postkriminal'noj dejatel'nosti lic, sovershivshih prestuplenie libo svjazannyh s ego sobytiem. Izvestija Tul'skogo gosudarstven-nogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. 2019. S. 73 – 76.

2. Belomytcev N.N. O lice, sovershivshem hishhenie putem ispol'zovanija komp'juternoj tehniki. Alleja nauki. 2017. S. 1 – 17.

3. Onishhenko O.R. Manipulirovanie soznaniem i povedeniem zhertv pri moshennichestve: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.06. M.: NII problem ukreplenija zakonnosti i pravoporjadka pri General'noj prokurature RF, 2005. 181 s.

4. Organizacija rassledovanija hishhenij denezhnyh sredstv, sovershaemyh s ispol'zovaniem komp'juternyh tehnologij [Jelektronnyj resurs]. 2016. Rezhim dostupa: http://incashwetrust.biz/organizacija_rassledovanija_hishhenij_denezhnyh_sredstv. html#2 (data dostupa: 12.06.2022)

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СОГЛАСНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Агафонов А.В., кандидат юридических наук,
Сибирский юридический институт МВД России

Аннотация: *в предложенной автором для текущего ознакомления настоящей статье последним осуществлено проведение сравнительного доктринально правового анализа ряда правовых норм, предусматривающих и регламентирующих в дальнейшем уголовную ответственность за наркоманиинные преступления отраженных в свою очередь в законодательстве таких двух ныне вполне суверенных государств как Российская Федерация и Республика Беларусь.*

Автор попытался сконцентрировать не только свое, ни и внимание его будущих оппонентов на анализе не только самого содержания, но и нормативно правовых признаках такого явно концептуального и, в свою очередь, законодательно закрепленного понятия как «наркотические средства». В результате чего им были выделены и в дальнейшем подвергнуты анализу, как он настаивает на этом, не только общие, но и довольно принципиально отличительные признаки наркотических средств, причем именно с точки зрения двух национальных законодателей.

На базе исследования действующей нормативно правовой базы Российской Федерации и Республики Беларусь был предпринята попытка осуществить вывод об необходимости единой оптимизации подходов законодателей современных России и Белоруссии к определению и нормативно закреплению таких, безусловно, важных категориальных и законодательно обусловленных понятий как «наркотические средства».

Ключевые слова: *наркозависимость, криминальные деликты в сфере немедицинского потребления наркотикосодержащих веществ, нормативно правовые акты*

THE CONCEPT AND SIGNS OF NARCOTIC DRUGS ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND REPUBLIC OF BELARUS

Agafonov A.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: *in the present article proposed by the author for current review, the latter carried out a comparative doctrinal and legal analysis of a number of legal norms providing for and regulating further criminal liability for drug crimes, reflected in turn in the legislation of such two now completely sovereign states as the Russian Federation and the Republic of Belarus.*

The author tried to concentrate not only his own, but also the attention of his future opponents on the analysis of not only the content itself, but also the regulatory features of such an obviously conceptual and, in turn, legislatively fixed concept as "narcotic drugs". As a result, they were identified and further analyzed, as he insists, not only general, but also quite fundamentally distinctive features of narcotic drugs, and it is from the point of view of two national legislators.

Based on the study of the current legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus, an attempt was made to draw a conclusion about the need for a unified optimization of the approaches of legislators of modern Russia and Belarus to the definition and normative consolidation of such, of course, important categorical and legally conditioned concepts as "narcotic drugs".

Keywords: *drug addiction, criminal torts in the field of non-medical consumption of narcotic substances, regulatory legal acts*

Международной научно правовой общественностью ныне общепризнано, что в качестве, безусловно, одной из довольно сущностных и явно значимых проблем международной безопасности в текущем столетии выступает именно наркотизм. Под которым современная доктринально правовая мысль весьма традиционно понимает некое социально негативное явление, проявляющееся через приобщение довольно значительной части населения какой-либо индивидуально обусловленной страны к потреблению наркотиков, а равно участие последней категории физических лиц в организации и осуществлении явно криминального, т.е. противоправного или незаконного оборота somnificus medicinae [12].

В манифесте «О руководящих принципах сокращения спроса на наркотики», однозначно зафиксировано, что в результате немедицинского использования наркотиков и их явно противоправного коммерческого оборота для всех ныне существующих государств наступают явные деструктивные последствия.

К числу которых Генеральная Ассамблея ООН относит:

- деструктивные последствия для здоровья и жизни их населения;
- довольно существенная статура преступности и коррупции;
- дефатигационем человеческих, природных и финансовых запасов государств;
- деструктуризация существующих социальных структур и связей;
- ослабление и последующая дисгармония государственных структур в целом [2].

Согласно данным имеющимся в распоряжении такого подразделения ООН как «Управление по наркотикам и преступности», свыше 200 тыс. человек погибает ежегодно немедицинского потребления различного рода наркотиков [5]. Причём в качестве группы наибольшего доминантного риска в этом случае выступает именно молодёжь.

За последние десять лет, масштабы развития наркоугрозы в нашей стране сравнялись с такими глобальными проблемами всего человечества, как международный терроризм и угроза региональных войн.

В результате чего, десятки тысяч россиян ежегодно пополняют ряды жертв наркомании. Причем в качестве последних органы здравоохранения учитывают лишь тех, кто принимает свою смерть от передозировок. Более сотни тысяч граждан современной России в результате передозировок наркотиков приобретают непоправимые деградативные изменения своего здоровья, т.е. фактически становятся инвалидами. Многие наркоманы становятся в дальнейшем и на путь совершения преступлений.

В настоящий момент Российская Федерация оказалась обладательницей довольно страшной перспективы потерять целое поколение россиян, так как около 70 процентов всех наркопотребляющих – это люди возраст которых не превышает двадцати пяти лет.

Таким образом, наркотики в последнее время стали выступать именно в качестве широкомасштабного средства деморализации всего населения нашей страны и реального уничтожения будущего развития и даже существования такого государственно подобного образования, как Российская Федерация [10, с. 3].

Далее, принимая во внимание некоторые особенности и тенденции распространения наркотиков на территории Республики Беларусь, ускоренную наркотизацию населения этой страны необходимо рассматривать как фактор, напрямую влияющий не только на рост общей преступности, на общественную безопасность этой страны, но и на здоровье белорусской нации в целом [17].

В связи, с чем не только современным российским, но и белорусским государством в последнее время осуществляется весьма определенный комплекс социально обусловленных и довольно значимых мер, обеспечивающих, в том числе и законодательно закрепленную обструкцию немедикаментозному использованию наркотических средств.

Так, еще в конце прошлого века, а если быть более точным, то в 1998 году была принята, а в последствии не только существенно переработана, но и значительно расширена законодательная база обоих этих государств. В дальнейшем национальными законодателями наших стран был ратифицирован и ряд довольно значимых международных нормативно правовых актов, на базе которых стала в дальнейшем довольно активно развиваться не только российское [13], но и уголовное законодательство Республики Беларусь [14], посвященная организации борьбы с подобным, безусловно, опасным проявлением социального бытия этих двух вполне суверенных ныне государств.

Нормативно правовая ответственность за наркоманийные преступления прямо предусмотрена в действующем ныне УК РФ. [13] В российском уголовном законодательстве нами отмечается ряд статей, [13] составы преступлений которых характеризуются таким обязательным признаком как предмет преступления. В качестве последнего выступает наркотическое вещество.

В действующем белорусском уголовном законодательстве сложилась фактически аналогичная ситуация.

Белорусский законодатель под наркотиком, в свою очередь, предлагает понимать «… средства и вещества, а также препараты, их содержащие, включенные в Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь, за исключением перечисленных в таблице 2 «Химические вещества, которые могут быть использованы в процессе изготовления, производства и переработки наркотических средств или психотропных веществ» списка прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ данного Перечня» [14].

Законодательное закрепления сути и содержания этих средств, обладает, по нашему мнению, одним весьма существенным недостатком, белорусский законодатель не выделяет каких-либо принципиальных отличий, позволяющих реально разграничить перечисленные выше средства, вещества и их предшественники, явно считая их единой фразеологической субстанцией, а ведь это, безусловно, не однотипные веще-

ства, причем как по их химическому составу, так и по способу воздействия на вполне конкретный человеческий организм.

Однако в УК РФ подобное определение наркотических веществ отсутствует полностью, что следует считать явным пробелом последнего.

Впрочем, вполне легальное их трактование в законодательстве этих двух государств все-таки имеет место быть. С этой целью национальные законодатели последних напрямую используют административную отрасль национального права.

Так, в Федеральном законе РФ от 8 января 1998 г. №3-ФЗ [15] и Законе Республики Беларусь от 13 июня 2012 г. №408-З [3] впервые в законодательной истории двух наших стран, причем именно на вполне нормативно правовом уровне, не только разрабатываются, но и закрепляются основные категориальные нормативно правовые понятия. Последние весьма активно используются двумя законодателями для конструирования соответствующих уголовно правовых норм, содержание которых направленно для регламентации правового противодействия потреблению населением России и Белоруссии «…наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, осуществляемый в нарушение законодательства…», т.е. противоправному обороту последних [15].

Аналогично последнему пытается раскрыть и в свою очередь закрепить на законодательном уровне содержание подобного оборота и современный белорусский законодатель.

Так, по мнению последнего, в качестве незаконного оборота наркотиков выступает именно «…оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов, осуществляемый в нарушение требований настоящего Закона и иных актов законодательства» [3].

Следовательно, если текстуально сравнить содержательное наполнение этих двух правовых норм, то мы вправе отметить, что в российском проекте дефиниция незаконного оборота наркотических средств предлагается явно в обобщенном виде, а в белорусском – оно почему-то распадается на две основные взаимно добавляющие части, а именно: Закон РБ «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прокурсорах и аналогах» [3] и другие законодательные акты.

В следствии чего у автора настоящей статьи возникает, по его мнению, вполне соответствующий теме вопрос, а именно по какому признаку национальный законодатель Белоруссии осуществляет предложенное им деление? Автор, какого либо, даже весьма поверхностного ответа, найти был не в силах. В связи, с чем он считает, что российский законодатель предложил наиболее оптимальное, по его мнению, нормативно правовое определение такого юридически закрепленного термина как «незаконный оборот наркотических средств».

Используя при этом, такое весьма распространенное доктринально правовое понятие как «наркотик» национальные законодатели двух наших стран при конструировании вполне конкретных правовых норм напрямую почему-то его не применяют, заменяя последний таким законодательно обусловленным термином как «наркотическое вещество».

Впрочем, согласно тексту, ныне действующего поднормативно правового документа как «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» [11] мы можем и вправе сделать вполне обоснованное, по нашему мнению, обобщение: современный российский законотворец под наркотическими средствами и психотропными веществами рассматривает только те физически субстраты которые, напрямую включены «…в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, новые потенциально опасные психоактивные вещества, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, включенные в Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации» [11].

Впрочем, изученный нами официальный документ, как было указано выше, изначально не имеет статуса именно законодательного акта, так как он вошел в законное действие в нормативно правовом поле нашей страны именно в форме Указа Президента РФ [11].

Фактически аналогично раскрывается понятие mauris и в Декрете Президента Республики Белоруссия от 28 декабря 2014 г. [7], в унисон содержанию текста, которого, в качестве наркотиков могут выступают в своей идеальной совокупности две составные части:

- или наркотические средства и психотропные вещества,
- или их предшественники или эквиваленты.

Подвергая даже поверхностному анализу настоящее определение, следует, по нашему мнению, отметить, что в отличие от российского, он не вводит в свой перечень растения и наоборот включает аналоги. Более того, российский проект явно имеет более расширительный вариант своего внутреннего изложения.

В связи, с чем мы считаем его наиболее оптимальным, причем именно с точки зрения конструирования отдельных правовых норм.

Впрочем, и белорусский вариант не имеет своего нормативно правового закрепления, так как декрет явно не обладает статусом закона, а является всего лишь поднормативно правовым актом. Следовательно, указанные нами примеры, отнюдь не умаляют и не отрицают всего нашего предыдущего вывода.

Завершая изложенное, необходимо признать и то, что сам научный термин «наркотик» в российской медицинской и нормативно правовой литературе, а также, впрочем, и при ведении официальной документации, зачастую используется явно в расширенном понимании, вбирая в себя все при этом запрещенные на уровне закона псих активные вещества вне какой-либо зависимости от фармакологической сути [6].

Таким образом, соотношение таких правовых понятий как «наркотик», и «наркотические средство», следует, по нашему мнению, рассматривать как целое и сегмент.

Причем в качестве наркотика выступают именно «…вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года» [15].

Как «… вещества природного или синтетического происхождения, включенные в Республиканский перечень» трактует понятие «наркотик» и действующее республиканское законодательство Белоруссии [3].

Текстуальное сравнение этих двух правовых норм позволяет нам сделать вывод о наличии определенного отличия последних.

Так, в качестве общего момента для них является, безусловно, то что:

1) два национальных законодателя под последними признают только вещества синтетического или естественного (белорусский законодатель при этом предпочитает использовать нормативно правовой термин «природный», который, однако выступает явно в качестве синонима российского законодательного термина «естественный») происхождения, впрочем, российский законодатель к числу составляющих наркотических веществ относит и препараты.

Более того белорусский законодатель не предлагает явной смысловой разницы между наркотическими и психотропными веществами. Содержание этих двух категориальных понятий у него четко идентичны.

Однако такие нормативно правовое понятие, как вещество на уровне действующего законодательства России и Республики Беларусь отнюдь не раскрываются. Отсутствуют по этому поводу и судебные толкования судов первой категории двух наших стран [7, 8].

В обще доктринальном порядке под веществом весьма традиционно трактуют одну из форм материи, которая состоит из фермионов. При этом она может содержать в себе фермионы совместно с бозонами.

В отличии от некоторых иных полей, таких как например, электромагнитное, вещество, безусловно, в силах обладать и массой покоя. Более того, последняя, вполне традиционно, может структурироваться из ряда элементарных частиц, среди которых имеют примат распространения электроны, протоны и нейтроны. В свою очередь на этот процесс оказывают определённое влияние низкие температуры [6].

Федеральное законодательство России, под препаратом (от лат. praeperetum – лекарственное средство), предлагает рассматривать «…смесь веществ в любом физическом состоянии, содержащая одно или несколько наркотических средств или психотропных веществ либо один или несколько прекурсоров, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [16].

Понятие препарата в национальном законодательстве РБ не раскрывается.

Настоящие легальные определения, как мы видим, фактически аналогичны, впрочем, российское законодательное определение следует признать содержательно более емким, а, следовательно, и более предметным.

2) Эти вещества и препараты внесены в специальные списки последних, имеющих вполне легальное распространение на территории двух наших стран, на основании этих списков оборот наркотических средств и подлежат в дальнейшем легальному контролю на уровне административного законодательства.

Анализируемые нами правовые нормы отличаются друг от друга тем, что:

1) в качестве сущностной части наркотического вещества законодатель России готов рассматривать и прекурсоры т.е. «…вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Кон-

венцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года» [5].

Белорусский законодатель, наоборот, прекурсоры, в качестве составной части наркотических средств не признает.

2) с легальной точки зрения признать какое-либо средство, причем как синтетического, так естественного (природного) происхождения, наркотическим следует лишь тогда, когда последнее, нашло свое закрепление в соответствующем реестре, т.е. Перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подверженных инспектированию на селитьбе двух наших стран.

Причем эти предметы материального мира обязаны быть идентифицированы в дальнейшем в качестве содержания соответствующего мониторинга со стороны двух наших держав.

Кроме того, следует признать, что многие современные доктринальные работники фокусируют собственное внимание и на необходимости более точной конкретизации самого легального понятия «наркотические средства».

Так, например, Р.О. Авакян прямо указывал, что отдельные лекарственные препараты, ряд растений и компоненты, входящий в их состав могут выступать в качестве составляющих этих средств. При этом именно немедицинское использование наркотических средств и обуславливает в дальнейшем болезнетворную зависимость от них со стороны потребителей последних. В следствии чего именно немедицинское использование наркотиков и напрямую запрещено на уровне закона [1, с. 4].

В свою очередь, С.П. Дидовская считала, именно наличие двух критериев: содержательного и формально-правового обуславливало содержательное наполнение такого нормативно правового понятия как «наркотические средства.

Так, суть содержательного критерия состоит в том, что под анализируемыми нами средствами необходимо понимать вещества, которые изначально обладают двумя социально опасными показателями:

- вызывают у потребляющего состояние эйфории;
- при наличии определённой систематики – полную психическую и биологическую зависимость, т.е. состояние наркомании.

Суть формально-правового критерия, в свою очередь, обусловлено тем обстоятельством, что в качестве наркотиков признаются только те вещества, правовое положение которых зафиксировано в определенного рода списках (Перечнях) составленных и закрепленных на уровне действующего законодательства. [4. С. 89]

Кроме выделяемых признаков, в науке уголовного и административного права России выделяются так же и следующие общепризнанные признаки (критерии):

- медицинский – т.е. средство может оказывать определенное воздействие на психику человека;
- социальный – немедикаментозное потребление данного средства, обладает существенным социально значимым вредом;
- юридический – наркотические средства официально признаны наркотическими путем включения в соответствующие Перечни.

Завершая рассмотрение правовых понятий и подобных признакам наркотических средств, обратим внимание наших оппонентов на следующие:

1. Понятие «наркотических средств» прямо закреплено и раскрыто на законодательном уровне двух наших стран.
2. Для того, что конкретное наркотическое средство было признано наркотическим именно на легальном уровне, последнее должно полностью соответствовать трем основным ее критериям, а именно: медицинскому, социальному и юридическому.
3. Более того осуществляемые в настоящий момент исследования на доктринальном уровне и правоприменительная практика таких двух ныне суверенных государств как Российская Федерация и Республика Беларусь явно указывают на существенную необходимость совершенствования двух национальных уголовных законодательств в указанной нами части.

Литература

1. Авакян Р.О. Наркомания и методы борьбы с нею. Ереван, 1990.
2. Декларация о руководящих принципах сокращения спроса на наркотики. Организация объединенных наций. URL: http: //www.un.org/ru/ documents/ decl_conv/ declarations/drugred.shtml (дата доступа: 23.02.2018)

3. Закон Республики Беларусь от 13 июня 2012 г. № 408-З (в ред. от 18.07.2016. № 404-1) «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прокурсорах и аналогах» //pravo.by›document/?guid=3961&p0=H11200408

4. Дидовская С.П., Фесенко Е.В., Гарницкий С.П. Наркомания (Уголовно-правовые и медицинские проблемы). Киев, 1989.

5. Комиссина И.Н. Усилия мирового сообщества по борьбе с распространением наркотиков не приносят желаемых результатов // Российский институт стратегических исследований. URL: https://riss.ru/ (дата доступа: 26.07.2022)

6. Общая теория национальной безопасности: учебник. 2-е изд., дополненное / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М., 2005.

7. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков. Декрет Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 // president.gov.by› О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту нар…

8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их пекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327-334 УК): Постановление Пленума ВС РБ от 26 марта 2003 г. № 1 (с изм. и доп. от 31 марта 2016 г. № 2) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 09.04.2016, 6/1534) <S21600002>

9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума ВС от 15 июня 2006. № 14 (с изм. и доп. от 16.05.2017) // pravo163.ru›…14…sudebnoj-praktike…narkoticheskimi…

10. Сергеев А.Н. О легализации наркотиков // Информационный бюллетень НЦБ Интерпола в России. 1994. № 9.С. 3.

11. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 23 ноября 2020. № 733 // publication.pravo.gov.ru›Document…0001202011230073

12. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов: СЮИ МВД России, 1999. 672 с.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // « КонсультатнтПлюс».

14. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https: // уголовный-кодекс.бел. (дата обращения 15.08.2022)

15. Федеральный закон РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 г. № 428 ФЗ) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СПС КонсультантПлюс

16. Федеральный закон от 18 июля 2009 г. N 177-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ" (с изменениями и дополнениями от 04.05.2011) // СПС КонсультантПлюс.

17. Хомич В.М., Русецкий О.В. Тенденции, причины и меры противодействия наркотизации населения республики Беларусь (социально-правовое исследование). Минск, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры республики Беларусь, 2014.

18. ru.wikipedia.org

References

1. Avakjan R.O. Narkomanija i metody bor'by s neju. Erevan, 1990.

2. Deklaracija o rukovodjashhih principah sokrashhenija sprosa na narkotiki. Organizacija ob#edinennyh nacij. URL: http: //www.un.org/ru/ documents/ decl_conv/ declarations/drugred.shtml (data do-stupa: 23.02.2018)

3. Zakon Respubliki Belarus' ot 13 ijunja 2012 g. № 408-3 (v red. ot 18.07.2016. № 404-1) «O narkoticheskih sredstvah, psihotropnyh veshhestvah, ih prokursorah i analogah». pravo.by›document/?guid=3961&p0=H11200408

4. Didovskaja S.P., Fesenko E.V., Garnickij S.P. Narkomanija (Ugolovno-pravovye i medicinskie problemy). Kiev, 1989.

5. Komissina I.N. Usilija mirovogo soobshhestva po bor'be s rasprostraneniem narkotikov ne prinosjat zhelaemyh rezul'tatov. Rossijskij institut strategicheskih issledovanij. URL: https://riss.ru/ (data dostupa: 26.07.2022)

6. Obshhaja teorija nacional'noj bezopasnosti: uchebnik. 2-e izd., dopolnennoe. Pod obshh. red. A.A. Prohozheva. M., 2005.

7. O neotlozhnyh merah po protivodejstviju nezakonnomu oborotu narkotikov. Dekret Prezidenta Respubliki Belarus' ot 28 dekabrja 2014 g. № 6. president.gov.by› O neotlozhnyh merah po protivodejstviju nezakonnomu oborotu nar…

8. O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah, svjazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psi-hottropnymi veshhestvami, ih pekursorami i analogami, sil'nodejstvujushhimi i jadovitymi veshhestvami (st.st. 327-334 UK): Postanovlenie Plenuma VS RB ot 26 marta 2003 g. № 1 (s izm. i dop. ot 31 marta 2016 g. № 2). Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus', 09.04.2016, 6/1534) <S21600002>

9. O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah, svjazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psi-hotropnymi, sil'nodejstvujushhimi i jadovitymi veshhestvami: Postanovlenie Plenuma VS ot 15 ijunja 2006. № 14 (s izm. i dop. ot 16.05.2017). pravo163.ru›…14…sudebnoj-praktike…narkoticheskimi…

10. Sergeev A.N. O legalizacii narkotikov. Informacionnyj bjulleten' NCB Interpola v Rossii. 1994. № 9.S. 3.

11. Strategija gosudarstvennoj antinarkoticheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 23 nojabrja 2020. № 733. publication.pravo.gov.ru›Document…0001202011230073

12. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaja chast': uchebnik. pod red. B.T. Razgil'dieva, A.N. Krasikova. Saratov: SJuI MVD Rossii, 1999. 672 s.

13. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 ijunja 1996 g. № 63-FZ (red. ot 25.03.2022) «Konsul'tatnt-Pljus».

14. Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus'. URL: https: // ugolovnyj-kodeks.bel (data obrashhenija 15.08.2022)

15. Federal'nyj zakon RF ot 8 janvarja 1998 g. № 3-FZ (v red. ot 08.12.2020 g. № 428 FZ) «O narkoticheskih sredstvah i psihotropnyh veshhestvah». SPS Konsul'tantPljus

16. Federal'nyj zakon ot 18 ijulja 2009 g. N 177-FZ "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s sovershenstvovaniem kontrolja za oborotom prekursorov narkoticheskih sredstv i psihotropnyh veshhestv" (s izmenenijami i dopolnenijami ot 04.05.2011). SPS Konsul'tantPljus.

17. Homich V.M., Ruseckij O.V. Tendencii, prichiny i mery protivodejstvija narkotizacii naselenija respubliki Belarus' (social'no-pravovoe issledovanie). Minsk, Nauchno-prakticheskij centr problem ukreplenija zakonnosti i pravoporjadka General'noj prokuratury respubliki Belarus', 2014.

18. ru.wikipedia.org

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ И ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ

Завгороднева Е.В., преподаватель,
Оренбургский государственный университет

Аннотация: *в представленной статье рассмотрены принципы уголовного процесса и процессуальный иммунитет отдельных категорий лиц. При подготовке статьи автор ставит цель, которая заключается в изучении и соотношении принципов уголовного процесса. Автором достигнута цель исследования, а именно проанализированы такие элементы как: принцип равенства всех перед законом и судом, процессуальный иммунитет и правовая неприкосновенность. Для достижения вышеуказанной цели автором статьи ставились и решались следующие задачи: изучить разные точки зрения ученых о процессуальном иммунитете и сравнить понятия «льгота» и «привилегия». Актуальность темы исследования заключается в том, что на современном этапе развития общества и государства особую значимость приобретают вопросы, связанные с процессуальным иммунитетом отдельных категорий лиц.*

Степень научной разработанности проблемы, поставленной автором статьи: в различные годы изучению анализируемых в статье вопросов были посвящены труды таких ученых, П.А. Лупинская, С.Б. Росинский, В.В. Кузнецов, М.С. Строгович и др.

Ключевые слова: *процессуальный иммунитет, принципы уголовного судопроизводства, льгота, привилегия, отдельные категории лиц*

CORRELATION OF PROCEDURAL IMMUNITY OF CERTAIN CATEGORIES OF PERSONS AND THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW AND THE COURT

Zavgorodneva E.V., Lecturer,
Orenburg State University

Abstract: *the article discusses the principles of criminal procedure and procedural immunity of certain categories of persons. When preparing the article, the author sets a goal, which is to study and correlate the principles of the criminal process. The author has achieved the purpose of the study, namely, analyzed such elements as: the principle of equality of all before the law and the court, procedural immunity and legal inviolability. To achieve the above goal, the author of the article set and solved the following tasks: to study the different points of view of scientists on procedural immunity and compare the concepts of "privilege" and "privilege". The relevance of the research topic lies in the fact that at the present stage of development of society and the state, issues related to procedural immunity of certain categories of persons are of particular importance.*

The degree of scientific elaboration of the problem posed by the author of the article: in various years, the works of such scientists as P.A. Lupinskaya, S.B. Rosinsky, V.V. Kuznetsov, M.S. Strogovich, etc. were devoted to the study of the issues analyzed in the article.

Keywords: *procedural immunity, principles of criminal proceedings, privilege, privilege, certain categories of persons*

Одной из идей первых народных революций стал принцип равенства граждан, их прав и свобод. В 1789 году в основу Французской декларации прав человека и гражданина были включены лозунги первых демократических революций о том, что люди рождаются свободными и равными в правах. Положения, которые были в ней закреплены фактически продекларировали стирание границ между сословием, и уравнивали всех людей в правах и свободах.

Более чем через полтора века, в 1948 году Всеобщая декларация прав человека в ст. 1 еще раз закрепила, что все люди равны в их достоинствах и правах.

В уголовно-процессуальном законе, который действует на сегодняшний день, зафиксированы правовые положения, определяющие сущность и особенности уголовного судопроизводства в России, а так же принципы уголовного процесса.

Важным принципом, закрепленным в Конституции РФ, является принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19). Данное положение применяется ко всем гражданам не зависимо от статуса и должности и других признаков. Не являются исключением и положения уголовно-процессуального закона в части, регу-

лирующей досудебное и судебное производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Применительно к данной процессуальной форме оно означает, что все участники судопроизводства наделены в силу закона равными возможностями в реализации прав и законных интересов в уголовном процессе.

Конституционный суд Российской Федерации, который имеет компетенции конституционного контроля, в своем постановлении от 27.12.1999 г. №19-П определил: «…все равны перед законом и судом; государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [2]. Данный принцип устанавливает определенный иммунитет отдельному кругу лиц, в отношении которого ведется производство по уголовному делу.

Понятие «процессуальный иммунитет» не нашло своего места в российском законодательстве. Данная терминология применяется в научной литературе, где на протяжении ни одного десятка лет ведется полемика о сущности и необходимости законодательного закрепления процессуального иммунитета как определение особого процессуального статуса у отдельных категорий лиц.

Первоначальный смысл, заложенный в понятии «иммунитет», можно позаимствовать из юридического словаря, где указано, что данное слово имеет латинское происхождение и под ним понимается «освобождение от чего либо, и означает исключительное право не подчиняться некоторым общим законам, предоставленное лицам, занимающим особое положение в государстве» [3, с. 985].

Многие ученные формулировали авторское понятие «иммунитета». Например, В.В. Кузнецов в своих трудах дает такое определение иммунитета – «это общеправовой термин, означающий освобождение определенного круга субъектов права из-под действия общих норм» [4, с. 218]. А.В. Красильников полагает, что иммунитет это «специальные нормы права, устанавливающие требования об изъятии отдельных категорий лиц, обладающих достаточной праводееспособностью для реализации общей отраслевой правосубъективности, из сферы действия соответствующей отрасли права и прекращении (разрыве) конкретного правоотношения возникшего в связи с юридическим фактом при участии указанных лиц» [5, с. 9]. Последнее определение представляется нам наиболее удачным для уголовного процесса, поскольку в нем сделан акцент на регулирование правоотношений, возникающих в производстве по отдельным категориям лиц.

В научной литературе встречается и другое словосочетание, которое отдельные авторы приравнивают по значению к понятию «иммунитет» – это «правовая неприкосновенность». Такой позиции придерживаются В.Е. Чиркин и А.Ю. Юдин [6, с. 362].

По нашему мнению «иммунитет» и «правовая неприкосновенность» не являются идентичными. Словарное определение понятия «неприкосновенность» трактуется как «сохраняемый в целости, защищённый от всякого посягательства со стороны кого-нибудь». В связи с этим можно отметить, что составной частью иммунитета является неприкосновенность, и эти два понятия не будут равными.

Для того чтобы понять сущность и происхождение иммунитета обратим свое внимание на слова как «льгота» и «привилегия». А.В. Малько утверждает то, что «иммунитет является разновидностью льгот, причем привилегии имеют воплощение в положительных льготах, тогда как иммунитет проявляет себя в виде отрицательных льгот» [7, с. 251].

«Привилегия – это преимущественное право, льгота» [8, с. 752]. Особенностью отличия привилегии от иммунитета является то, что «иммунитет» – это редкий случай, исключение из правил, а привилегия не изменяет правила, и дает возможность иметь дополнительные бонусы. В этой связи необходимо отметить, что иммунитет устанавливается только в сфере реализации юридической ответственности, а привилегии могут содержать в себе разные в том числе социально-материальные блага. «Иммунитет» содержит в себе две категории: правовая неприкосновенность и неответственность.

Под правовой неприкосновенностью понимается усложненный порядок привлечения к ответственности отдельных категорий лиц. Тогда как неответственность подразумевает освобождение отдельных категорий лиц от выполнения обязанностей или от ответственности.

При установлении процессуального иммунитета нужно полагаться только на принцип равенства всех перед законом и судом, так как иммунитет подразумевается как особый статус лица, и не распространяется на всех, а так же он дает возможность выполнения возложенных на них полномочий в полном объеме.

Уголовно-процессуальный закон в главе 52 (далее – УПК РФ) устанавливает определенный круг лиц, у которые есть дополнительный процессуальный иммунитет [1]. Лица, к которым применяются требования гл. 52 УПК РФ, названы в ст. 447 УПК РФ, и рассмотрев ее мы видим, что данная статья дает гарантии, которые помогают адекватно функционировать правовому государству и реализовывать его правоохранительные функции.

Главная роль производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц – это дополнительный иммунитет от противоречащего закону возбуждения, расследования и судебного решения уголовного дела, а так же обеспечение данных лиц возможностью соответствующе выполнять свои профессиональные компетенции или процессуальные функции.

Производство, которое мы рассматриваем в данной статье, имеет особенность и состоит в следующем:

1. Процесс возбуждения уголовного дела в отношении определенного круга лиц или привлечения его как обвиняемого отличается сложностью данного процесса. В отношении лиц указанных в ст. 447 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела или привлечение их как обвиняемых выносится если, уголовное дело было возбуждено в отношении других ли, указанных в ст. 448 УПК РФ.

Рассматривая вопрос, обратимся к ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан», в котором устанавливаются отличия по производству уголовных дел в отношении кандидата в депутаты Государственной Думы или законодательного органа РФ.

Данный закон определяет иммунитет даже лицам, к которым предъявлены требования кандидата. В 2007 г. был издан ФЗ № 64-ФЗ, который вносил изменения в ст. 447 УПК РФ, а именно увеличил список лиц, в отношении которых должен применяться особый порядок производства по уголовным делам, включив в перечень зарегистрированных кандидатов в Депутаты Государственной Думы и законодательного органа.

Таким образом мы видим, что на сегодняшний день список лиц к которому применяется особый порядок производства постепенно дополняется и данный порядок действует на все более обширный круг – «высокопоставленных лиц».

2. В ч. 1 ст. 447 УПК РФ опубликован список лиц, к которым применяется задержание. Задержание данных лиц производится с определенными отличиями. При задержании лица, по подозрению в преступлении, из приведенного списка в ст. 447 УПК РФ в соответствии со ст. 91 УПК РФ (исключение – задержание на месте происшествия) должно быть освобождено сразу после установлении личности.

Многие учены разделились во мнении о соотношении правового иммунитета и принципа равенства всех перед законом и судом. Например, В. Басков отрицательно относится к правовому иммунитету, высказываясь как о «индульгенции», целью которой является разграничение органов власти «от остальной массы трудящихся». Так же как и В. Басков негативно отзывается и Ю.И. Стецовский, говоря о иммунитете судьи как о несоблюдении принципа равенства всех перед законом и судом. Выше указанные авторы считают, что при наличии устойчивых правил не должно быть исключений, и каждый кто совершит преступление, вне зависимости от статуса должен нести ответственность в соответствии с УК РФ.

А такой автор как Н.В. Витрук считает, что правовой иммунитет – это исключение из правил, которые прописаны в Конституции РФ или в федеральных законах. «Правовой иммунитет служит гарантией осуществления государственных функций и профессиональной деятельности в интересах всех членах общества, и не может рассматриваться как противоречащие принципу равенства» [9, с. 584].

По нашему мнению иммунитет который предоставляется определенным категориям лиц определенно является отступлением от правил, предусмотренных Конституцией РФ, но данное исключение считается важным для отстаивания других конституционных правил.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 1 июля 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5122.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.1999 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В.П. Малкова и Ю.А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани».

3. Азрилиян А.Н. Юридический словарь. Москва: институт новой экономики. 2009. 1152 с.

4. Кузнецов В.В. Юридический словарь. 2-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 314 с.

5. Красильников А.В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Академия управления МВД России. Москва, 2006. 22 с.

6. Чиркин В.Е. и др. Сравнительное конституционное право. Москва: Манускрипт, 1996. 729 с.

7. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько, Москва: Проспект, 2009. 02 с.

8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с.

9. Научно-практический комментарий к Конституции РФ / отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Спарк, 2000. 793 с.

References

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: ofic. tekst: po sostojaniju na 1 ijulja 2021 g. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2021. № 27 (ch. 1). St. 5122.

2. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.12.1999 № 19-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 3 stat'i 20 Federal'nogo zakona «O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii» v svjazi s zhalobami grazhdan V.P. Malkova i Ju.A. Antropova, a takzhe zaprosom Vahitovskogo rajonnogo suda goroda Kazani».

3. Azrilijan A.N. Juridicheskij slovar'. Moskva: institut novoj jekonomiki. 2009. 1152 s.

4. Kuznecov V.V. Juridicheskij slovar'. 2-e izd. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. 314 s.

5. Krasil'nikov A.V. Ugolovno-processual'nye privilegii otdel'nyh kategorij lic: avtoref. dis. … kand. jurid. Nauk. Akademija upravlenija MVD Rossii. Moskva, 2006. 22 s.

6. Chirkin V.E. i dr. Sravnitel'noe konstitucionnoe pravo. Moskva: Manuskript, 1996. 729 s.

7. Bol'shoj juridicheskij slovar'. pod red. A.V. Mal'ko, Moskva: Prospekt, 2009. 02 s.

8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij. 4-e izd., dop. Moskva: Azbukovnik, 1999. 944 s.

9. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Konstitucii RF. otv. red. V.V. Lazarev. 2-e izd., dop. i pererab. Moskva: Spark, 2000. 793 s.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ДОЛГОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Лабазанова М.А., аспирант,
Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: *в настоящей работе рассматриваются проблемы правового регулирования процедуры реструктуризации долгов индивидуального предпринимателя, также освещаются вопросы правоприменения в указанной части, формулируются причины, способствующие низкой эффективности реализации процедуры, а также приводятся предложения, которые могут служить основой для усовершенствования нормативных правовых актов, регулирующих соответствующие отношения. В работе проанализированы позиции ученых по текущему направлению, статистические данные, судебная практика, что позволило с определенной долей объективности говорить о результатах исследования, в которых, в том числе, впервые приводится существенный признак обязательства применительно к банкротным отношениям.*

Ключевые слова: *индивидуальный предприниматель, несостоятельность (банкротство), реструктуризация долгов, эффективность процедуры банкротства*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION OF THE PROCEDURE OF DEBT RESTRUCTURING OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

Labazanova M.A., Postgraduate,
Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: *in this paper, the problems of legal regulation of the procedure for restructuring the debts of an individual entrepreneur are considered, the issues of law enforcement in this part are also highlighted, the reasons contributing to the low efficiency of the procedure are formulated, and proposals are also made that can serve as a basis for improving regulatory legal acts regulating the relevant relations. The paper analyzes the positions of scientists in the current direction, statistical data, judicial practice, which allowed us to speak with a certain degree of objectivity about the results of the study, in which, among other things, for the first time a significant sign of obligation is given in relation to bankruptcy relations.*

Keywords*: individual entrepreneur, insolvency (bankruptcy), debt restructuring, efficiency of bankruptcy procedure*

Отношения, связанные с банкротством индивидуальных предпринимателей, регулируются Федеральным законом от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [17] (далее – Закон о банкротстве). К таким отношениям применяются положения о банкротстве граждан (статья 214.1 Закона о банкротстве).

В качестве проблемного в настоящей работе нами выделен вопрос о реструктуризации долгов индивидуального предпринимателя в деле о банкротстве, учитывая тот факт, что актуальность данного вопроса возрастает с количеством судебной практики и теоретических исследований в соответствующей сфере правового регулирования. В условиях современной действительности, погруженной в сложные социально-экономические отношения, в том числе с учетом геополитической ситуации в мире, субъекты предпринимательской деятельности оказываются в наиболее уязвимом положении, многие из которых вынуждены обращаться к процедурам банкротства. Принимая во внимание, что практически в каждом деле о банкротстве индивидуального предпринимателя вводной процедурой является процедура реструктуризации долгов, высокая значимость выбранной темы становится очевидной. Тем более, что в правоприменительной практике в сфере регулирования отношений, связанных с реструктуризацией долгов индивидуального предпринимателя, возникают такие проблемы, как безусловность введения процедуры реструктуризации долгов по усмотрению суда (пункт 8 статьи 213.6 Закона о банкротстве), отсутствие промежуточной (подготовительной) процедуры, направленной на установление оснований для введения реабилитационной процедуры, невозможность реализации данной процедуры после ее введения в силу формальности регулирующих норм, что приводит к затягиванию рассмотрения дел соответствующей категории и увеличению судебных расходов.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, связанные с реализацией процедуры реструктуризации долгов индивидуального предпринимателя.

Предметом исследования выступают нормативные правовые акты в части регулирования отношений, связанных с реструктуризацией долгов индивидуального предпринимателя.

В настоящей работе мы стремимся раскрыть объективные проблемы применения реструктуризации долгов индивидуального предпринимателя на практике, объяснить их причины, выделить существенный признак обязательства, в результате неисполнения которого наступает несостоятельность (банкротство), а также сформулировать предложения по усовершенствованию действующего законодательства, что будет свидетельствовать о достижении целей настоящего исследования.

В связи с этим, представляется необходимым поставить следующие основные задачи: проанализировать нормативные правовые акты, судебную практику с учетом исторического аспекта и динамики правоприменения, изучить научную литературу, сформулировать научно обоснованные выводы и предложения посредством применения таких основных методов познания, как эмпирический, исторический, формально-юридический, логический, диалектический и другие.

С точки зрения оригинальности работы мы можем говорить о научной новизне проведенных исследований. Так, в работе впервые приведен развернутый перечень причин низкой эффективности процедуры реструктуризации долгов индивидуального предпринимателя, обращено внимание на такой существенный признак обязательства, как исполнимость обязательства на момент его возникновения, что в целях Закона о банкротстве имеет немаловажное значение, сформулированы предложения по усовершенствованию действующего правового регулирования применительно к процедуре реструктуризации долгов.

Таким образом, результаты исследования имеют как теоретическое значение, так и практическое, поскольку могут быть использованы как при дальнейшем переосмыслении отношений, связанных с банкротством индивидуальных предпринимателей в целом, так и при разработке новых редакций к Закону о банкротстве.

Теоретической основой исследования послужили научные работы Пахарукова А.А., Тюкавкина-Плотникова А.А., Шишмаревой Т.П., Жуковой Т.М., Кондратьевой К.С., Кораева К.Б., Карелиной С.А., Фролова И.В., Кочеткова Е.П.

Эмпирическую основу для настоящей работы составили нормативные правовые акты, регулирующие отношения по реструктуризации долгов индивидуального предпринимателя в деле о банкротстве, материалы судебной практики, статистические данные «Федресурса» о количестве сообщений о введении судами процедур в отношении физических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также ведомственные статистические наблюдения, утвержденные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

Раскрывая вопрос через исторический аспект, мы находим, что до введения в действие Федерального закона от 29.06.2015 №154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16] (далее – Федеральный закон от 29.06.2015 №154-ФЗ), которым, в частности, был изменен порядок банкротства индивидуальных предпринимателей, также имелись проблемные вопросы, в том числе, связанные с процедурами, применяемыми в деле о банкротстве предпринимателей, отсутствием полного правового регулирования, и восполнением отсутствующих норм распространительным судебным толкованием [11].

В соответствии с ранее действовавшей редакцией Закона о банкротстве (до 01.10.2015) в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя могли применяться такие процедуры, как наблюдение, конкурсное производство и мировое соглашение (статьи 27, 207, 219 Закона о банкротстве).

Однако, согласно разъяснению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отношении индивидуальных предпринимателей, имеющих значительное имущество, «нуждающееся в постоянном управлении и способное приносить доход», могли быть введены такие процедуры банкротства, как финансовое оздоровление или внешнее управление [13].

Неопределенность норм, регулирующих вопросы банкротства индивидуальных предпринимателей, отсутствие в Законе о банкротстве восстановительной процедуры, что приводило к необходимости вмешательства судов в решение такой проблемы, послужили причиной для реформирования законодательства, однако, это не решило всех проблем, при этом породив новые.

Актуальная редакция Закона о банкротстве является более конкретной и допускает в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя только три процедуры: реструктуризация долгов, реализация

имущества и мировое соглашение (статья 213.2, статья 214.1 Закона о банкротстве), однако, на практике такие процедуры не приводят к достижению цели, которые в них заложены.

Цель реструктуризации долгов – удовлетворение требований кредиторов путем снижения финансовой нагрузки на должника, что достигается посредством пропорционального распределения доходов должника между кредиторами согласно утвержденному плану. Также предполагается достижение таких целей, как восстановление платежеспособности должника и его социальная реабилитация [18]. Следует отметить, что идея регулятора, заложенная в данной процедуре, носит позитивный характер, но для того, чтобы говорить об успешности претворения этой идеи в жизнь, необходимо отталкиваться от результатов, достигаемых процедурой банкротства, которые на сегодняшний день весьма незначительны, что подтверждается статистическими данными [1].

Реализация имущества призвана обеспечить удовлетворение требований кредиторов за счет реализованного имущества должника при отсутствии у него доходов, достаточных для реструктуризации долгов в установленные законом сроки.

Мировое соглашение обеспечивает исполнение обязательств индивидуального предпринимателя путем достижения определенного согласия между должником, кредиторами, уполномоченным органом относительно порядка и срока погашения имеющейся задолженности. Цели данной процедуры могли быть востребованы в обществе, в котором дорожат своей репутацией. В Англии «к банкроту прилипает общественное позорное пятно» [1].

В случае с банкнотными делами, возбуждаемыми в России, нам приходится сталкиваться с другой действительностью.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 6 месяцев 2021 года [10] на начало отчетного периода в производстве было 6744 дел о банкротстве в отношении индивидуальных предпринимателей, за отчетный период поступило 2480 заявлений, количество дел по принятым к производству заявлениям – 2084. С учетом дел, имевшихся на начало отчетного периода, общее количество дел в производстве – 8828.

Рассмотрено за указанный период 1623 дела, из них: в связи с завершением конкурсного производства – 16 дел, в связи с завершением реализации имущества – 873 дела, в связи с завершением реструктуризации долгов – 13 дел, в связи с прекращением производства по делу – 655 дел, в связи с отказом в призвании должника банкротом – 5 дел, в связи с оставлением заявление без рассмотрения (статьи 48, 213.6 Закона о банкротстве) – 40 дел, в связи с передачей по подсудности – 21 дело.

Как указано в разделе 5 отчета, количество дел, в которых рассмотрено заявление об утверждении мирового соглашения, – 44.

При этом, за период с января по июнь 2021 года в результате реализации имущества (граждан и индивидуальных предпринимателей) доля удовлетворенных требований реестровых кредиторов составляет 4,4 процента [15].

Таким образом, мы видим, что более 95 процентов требований кредиторов остаются неудовлетворенными. А из 1623 рассмотренных дел лишь в отношении 13 дел завершена реструктуризация долгов, что составляет 0,8 процента.

Из представленных сведений мы можем сделать вывод, что процедуры реструктуризации долгов и мирового соглашения реализуются крайне редко, а доля удовлетворенных требований в результате реализации имущества настолько незначительна, что не приходится говорить об эффективности правового регулирования применительно к данным процедурам. Естественно, что в таком случае необходимо выявлять причины низкой результативности банкротных процедур.

Исходя из того, что тема настоящей работы ограничивает наше исследование, мы можем выделить причины, которые препятствуют достижению целей, предусмотренных процедурой реструктуризации долгов и сформулировать предложения, которые, на наш взгляд, могли бы послужить почвой для развития теоретических знаний и действующего законодательства в сфере регулирования соответствующих отношений:

1. Закон допускает введение реструктуризации долгов вопреки воле должника (негативная позиция должника относительно введения данной процедуры не всегда принимается судами [9]), что изначально обречено на нулевые результаты и затягивание процессов, со всеми вытекающими последствиями. С одной стороны такое нормативное установление объяснимо с точки зрения идеи законодателя исключить случаи злоупотребления правом со стороны должника, но с другой стороны не будет иметь результата процедура, введенная в принудительном и безусловном порядке вопреки воле должника, когда ее реализация целиком и полностью зависит от воли и действий этого должника. Для того, чтобы эта идея стала рабочей, необходим целый комплекс правовых средств, воздействующих на должника в целях формирования у него

правового представления о предпочтительности данной процедуры по сравнению с другими процедурами, для чего необходимо разработать механизмы, определяющие жизнеспособные условия реабилитации должника, более конкретные требования к должнику (в частности, обязать его принять конкретные меры по восстановлению прежнего уровня доходов, которые позволили ему принять на себя имеющиеся обязательства и т.д., представить подтверждение исполнения таких требований путем направления в суд доказательств принятых им мер, предусмотрев при этом санкции в виде неосвобождения от долгов в случае неисполнения этих требований), а также установить критерии, определяющие преимущество данной процедуры по сравнению с другими процедурами банкротства. Некоторые ученые ограничиваются выводом о том, что «введение процедуры реструктуризации долгов гражданина должно быть правом должника и не осуществляться вопреки или помимо его воли. Если должник не желает восстанавливать свою платежеспособность, то введение восстановительной процедуры само по себе не способно сделать это за него.» [6]. Согласившись с данным мнением, мы все же не можем удовлетвориться только лишь этим выводом, поскольку это упрощает на деле сложные отношения между должником и кредиторами, и позволяет недобросовестным должникам пользоваться таким лояльным правовым регулированием. Кроме того, такой подход, на наш взгляд, исключает элемент стимулирования лиц, участвующих в деле о банкротстве, на совершение позитивных или активных действий, направленных на достижение целей реструктуризации долгов. Очевидно, что отсутствие должного опыта и практики в вопросах банкротства индивидуальных предпринимателей (учитывая, что наше государство достаточно поздно пришло к правовому регулированию соответствующих отношений) не позволило законодателю разработать действенные правовые средства реабилитации данной категории должников и судебная практика вынуждена идти по пути экспериментов. В связи с чем, совершенно обоснованно задаются вопросом Карелина С.А. и Фролов И.В. о том, «Допустим ли фактический эксперимент с институтом социальной реабилитации, в результате которого судебная система будет учиться на своих ошибках?» [5].

2. Отсутствует необходимый объем требований, позволяющих заключить о наличии оснований для введения процедуры реструктуризации долгов (например, соответствие должника, требованиям статьи 213.13 Закона о банкротстве на момент введения процедуры; наличие заключения финансового управляющего о финансовом состоянии должника, позволяющем реализовать процедуру с учетом имеющихся обязательств; мотивированное мнение кредиторов и уполномоченного органа относительно введения данной процедуры). Вопрос об обоснованности введения процедуры реструктуризации долгов в отношении гражданина, когда он не соответствует требованиям для утверждения плана реструктуризации долгов, ставился также Кораевым К.Б. [6]. Таким образом, закрепление соответствующих требований в Законе о банкротстве могло уменьшить долю процедур реструктуризации долгов, нереализованных по причине несоответствия должника или иных условий требованиям для утверждения плана реструктуризации долгов, что, соответственно, увеличило бы долю успешно реализованных процедур и позволило бы говорить об эффективности данного правового средства.

3. Отсутствует подготовительная процедура (по аналогии с процедурой наблюдения в отношении юридических лиц). Подготовительный этап, который должен быть направлен на проведение анализа финансовых возможностей должника для определения оснований введения восстановительной процедуры или иных процедур, включен в процедуру реструктуризации долгов. Аналогичные критические замечания приводятся и другими авторами. Например, Качетков Е.П. указывает, что «отсутствие подготовительного этапа снижает эффективность банкротства граждан (поскольку для принятия экономически обоснованных решений в отношении должника нужно время, чтобы собрать и проанализировать необходимую информацию).» [8, 19]. Кроме того, следует учитывать, что попытка совместить в одной процедуре подготовительную (предварительную) процедуру и основную (восстановительную) процедуру ведет к необоснованному затягиванию процесса по делу о банкротстве. Как пример можно привести дело № А35-9749/2020 [14], находящееся в производстве Арбитражного суда Курской области, в рамках которого введенная судом, в том числе, в целях анализа финансового состояния должника процедура реструктуризации долгов, не могла быть реализована в связи с отсутствием достаточных доходов у должника, что можно было установить до введения указанной процедуры. В связи с такими действиями суда и с учетом правового регулирования, допускающего соответствующие действия, корректная процедура (реализация имущества должника) была введена лишь спустя девять месяцев после введения процедуры реструктуризации долгов. Таким образом, почти год потребовался суду, чтобы определить необходимость введения процедуры реализации имущества. Между тем, наличие в законодательстве подготовительной (предварительной) процедуры могло исправить ситуацию, которая для должника оборачивается дополнительной финансовой нагрузкой.

4. Безальтернативность данной процедуры на этапе возбуждения дела о банкротстве (отсутствие других вариантов потенциально вводных процедур), что изначально неверно с точки зрения гибкости общественных отношений как правовых конструкций. Как показывает практика арбитражных судов по делам о банкротстве индивидуальных предпринимателей, лишь анализ финансового состояния должника позволяет сделать объективный вывод о возможности реализации процедуры реструктуризации долгов. В таком случае, процедура реструктуризации долгов должна занимать не первое и основное место по вертикали значимости в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя, а находиться на одном уровне с другими процедурами, введение которых возможно после установления оснований, позволяющих применить определенное правовое средство в банкротных отношениях.

5. Неадекватные сроки реализации плана реструктуризации долгов (не более чем 3 года, а в случае неодобрения плана собранием кредиторов – не более чем 2 года), что закреплено в пункте 2 статьи 213.14 Закона о банкротстве. Значительную роль в эффективности процедуры играют сроки реализации плана. Очевидно, что должник, имеющий обязательства, выходящие за пределы трехлетнего срока (сроком действия три и более года), и оказавшийся неспособным их исполнять до установления его неплатежеспособности, вряд ли в рамках дела о банкротстве найдет способ исполнить план реструктуризации долгов в течение трех или двух лет. Такой недостаток в правовом регулировании, как несоразмерно ограниченные сроки исполнения плана реструктуризации долгов, которые зачастую не соответствуют срокам исполнения обязательств, установленным теми или иными актами (договор, соглашение и т.д.) до возбуждения дела о банкротстве, напрямую влияет на возможность утверждения плана реструктуризации долгов. Соответственно, нормы, устанавливающие сроки реализации плана реструктуризации долгов нуждаются в пересмотре и доработке. Представляется, что увеличение сроков исполнения плана реструктуризации долгов может способствовать увеличению реабилитационных процедур в делах о банкротстве индивидуальных предпринимателей, к чему регулятор должен стремиться с точки зрения обеспечения защиты интересов должника и кредиторов, а также сохранения социально-экономических связей в обществе на комфортном и прогрессивном уровне для участников таких отношений.

6. Определение в качестве разработчиков плана реструктуризации долгов должника, кредиторов или уполномоченного органа, которые в большинстве случаев не обладают специфическими знаниями либо необходимыми ресурсами для реализации такого права. Согласно пункту 1 статьи 213.12 Закона о банкротстве указанные лица вправе представить проект плана реструктуризации долгов в течение десяти дней после окончания двухмесячного срока, исчисляемого с даты опубликования сообщения о признании обоснованным заявления о признании индивидуального предпринимателя банкротом. В случае неполучения ни одного проекта плана реструктуризации долгов финансовый управляющий способствует инициированию процедуры реализации имущества, а арбитражный суд принимает решение о признании должника банкротом и введении реализации имущества должника (пункт 4 статьи 213.12, статья 213.24 Закона о банкротстве). Следует отметить, что должник и кредиторы малоэффективны в процессуальных вопросах, а в особенности, когда необходимо составить такой объемный (как правило) и сложный с точки зрения юридической техники документ, как план реструктуризации долгов. Уполномоченный орган, вероятно, также не всегда готов принять инициативу на себя, поскольку это требует определенных ресурсов (время, специфические знания и навыки специалистов, в том числе, с созданием специального подразделения, в компетенцию которого входит разработка проектов планов реструктуризации долгов, когда в деле о банкротстве заявлены требования уполномоченного органа), что затратно, особенно с учетом финансовой составляющей вопроса. Приведенные проблемы правового регулирования составления плана реструктуризации долгов могут объяснить ситуацию, когда за период с января по июнь 2021 года из 15576 дел, по которым была введена процедура реструктуризации долгов в делах о банкротстве индивидуального предпринимателя, в 11107 случаях должник признавался банкротом и водилась процедура реализации имущества в связи с непредставлением плана реструктуризации долгов (абзац 1 пункта 1 статьи 213.24 Закона о банкротстве) [10]. То есть более 70 процентов процедур реструктуризации долгов не реализовывались по причине непредставления проекта плана реструктуризации долгов, что является очевидным сигналом, свидетельствующим о несоответствии положений Закона о банкротстве, регулирующих требования к составлению и представлению плана реструктуризации долгов, уровню процессуальных способностей и в целом правовой грамотности должника и кредиторов, а также возможностям уполномоченного органа в плане наличия необходимых ресурсов для реализации соответствующего права. Положения любого нормативного правового акта должны соответствовать уровню развития того общества, отношения в котором, данный акт регулирует. В рассматриваемом случае, мы убеждаемся, что норма статьи 213.12 Закона о банкротстве, регулирующей порядок представления

проекта плана реструктуризации долгов, в действующей редакции неактуальна для должников и кредиторов, поскольку они не обладают специальными познаниями для составления такого документа. Как указывают Жукова Т.М. и Кондратьева К.С. [1], в американском праве суд назначает управляющего, который помогает должнику составить план регулирования долгов. Кочетков Е.П. приводит доводы о том, что «В соответствии со сложившейся практикой разработку планов восстановления платежеспособности обычно осуществляет арбитражный управляющий, который, в отличие от кредиторов и должника, обладает специальными компетенциями, навыками и знаниями, имеет беспрепятственный доступ к сведениям должника.» [8]. В этой связи, ученый полагает целесообразным законодательно установить в качестве разработчиков плана реструктуризации долгов должника и финансового управляющего.

Автор настоящей работы, частично соглашается с такой позицией, считая определение финансового управляющего наряду с должником разработчиком проекта плана реструктуризации долгов вполне обоснованным предложением. Однако, представляется, что лишение возможности кредиторов и уполномоченного органа права представить свой проект плана не отвечает принципам, обеспечивающим выражение свободы воли, совершение волевых действий, направленных на реализацию своих прав. Также, как при составлении любого иного правообразующего акта, лица, участвующие в исполнении такого документа, должны иметь возможность представить свои предложения в виде проекта соответствующего документа. Таким образом, представляется необходимым сохранить за должником, кредиторами и уполномоченным органом право представления своего варианта проекта плана реструктуризации долгов, но при этом разработчиком окончательного варианта проекта плана реструктуризации долгов определить финансового управляющего, который, в том числе, на основе представленных предложений, а также при их отсутствии, будет выполнять обязанности по составлению данного документа.

Учитывая приведенные обоснования, представляется актуальным внести соответствующие изменения в пункт 4 статьи 213.12, статью 213.24 Закона о банкротстве.

7. Отсутствие в Законе о банкротстве требований к определению существенного признака обязательств, неисполнение которых послужило основанием для возбуждения дела о банкротстве индивидуального предпринимателя, что позволяет вполне законно использовать процедуру реструктуризации долгов как трамплин для перехода к процедуре реализации имущества в целях полного списания долгов, накопленных должником посредствам принятия заведомо неисполнимых обязательств, не имея намерений восстанавливать свою платежеспособность.

Так, согласно действующему законодательству по общему правилу индивидуальный предприниматель, вступая в гражданско-правовые отношения, не обязан доказывать свою состоятельность и способность исполнять принимаемые на себя обязательства. Если в отношении юридического лица имеются определенные «пакеты гарантий» в виде уставного капитала, паевого взноса и так далее, индивидуальный предприниматель не обременен тем, что должен подтверждать свою «экономическую жизнеспособность». Определяя в законе, что индивидуальный предприниматель отвечает перед кредиторами всем принадлежащим ему как физическому лицу имуществом, законодатель не учел того факта, что такое физическое лицо может не иметь в собственности какое-либо имущество. При таких обстоятельствах, конечно же, кредиторы соответствующего должника остаются без исполнения денежных и иных требований имущественного характера.

Таким образом, не следует ли в целях Закона о банкротстве исходить из того, что обязательства индивидуальных предпринимателей на этапе их возникновения (принятия предпринимателем) должны обладать признаком исполнимости? То есть индивидуальный предприниматель, заключая кредитный договор либо иную сделку на определенную сумму и определенный срок, должен иметь подтвержденный стабильный ежемесячный доход либо имущество, стоимость которого может покрыть сумму основного долга, а также проценты по нему. В противном случае речь будет идти о злоупотреблении со стороны субъекта предпринимательской деятельности и, соответственно, о потенциальной проблеме банкротства таких лиц, с вовлечением множества кредиторов как юридических лиц (в основном кредитных организаций), так и физических лиц (как правило, потребителей).

В связи с чем, с точки зрения отношений, регулируемых Законом о банкротстве, признак исполнимости обязательства индивидуального предпринимателя на этапе его возникновения, на наш взгляд, должен лечь в основу общих требований для рассмотрения вопроса об обоснованности заявления должника о признании его банкротом.

Реализация данного вопроса возможно путем расширения списка документов, прилагаемых к заявлению индивидуального предпринимателя о признании его банкротом.

Так, пунктом 3 статьи 213.4 Закона о банкротстве предусмотрено представление индивидуальным предпринимателем при подаче заявления о признании его банкротом сведений о полученных физическим

лицом доходах и об удержанных суммах налога за трехлетний период, предшествующий дате подачи заявления о признании гражданина банкротом.

На наш взгляд, в отношении индивидуальных предпринимателей также необходимо установить требование о представлении сведений о полученных им доходах и об удержанных суммах налога за год до возникновения каждого обязательства, в результате невозможности исполнения которых должник оказался неплатежеспособным, что послужило основанием для обращения в суд, а также об имуществе, принадлежавшем должнику на момент возникновения каждого из обязательств, и составе кредиторской и дебиторской задолженности должника в моменты возникновения таких обязательств. В противном случае любое обязательство на стадии возникновения может считаться неисполнимым и в будущем послужить основанием для обращения в суд с целью банкротства и списания имеющихся долгов, что повлечет необоснованное обогащение таких зачастую недобросовестных должников.

Практика показывает, что индивидуальные предприниматели набирают кредиты в нескольких кредитных организациях и в последующем «объявляют себя банкротами». При этом обвинить их в преднамеренном фиктивном банкротстве бывает достаточно сложно, поскольку такими субъектами реализуются легальные механизмы «освоения полученных средств», в частности, посредством оплаты задолженности по договорам аренды помещений, оборудований, списания основных средств, признания дебиторской задолженности безнадежной и так далее.

Судебная практика по делу №А35-9749/2020, рассматриваемому в Арбитражном суде Курской области, показывает, что индивидуальный предприниматель, имеющий в городе Курск имущество в виде двух нежилых помещений площадью 52,7 кв.м. и 248,6 кв.м., накапливает долговые обязательства перед кредиторами в размере 403 974 013 руб. [12]

Учитывая, что среднерыночная стоимость 1 кв.м. нежилого помещения в городе Курск составляет 83 614 руб. = (101538 руб. [2] +39303 руб. [3] +110000 [4])/3, стоимость двух помещений индивидуального предпринимателя по указанному делу около 25 192 898 руб. = (52,7 кв.м. + 248,6 кв.м.)* 83 614 руб.

Указанное имущество в случае его реализации по данной стоимости может покрыть обязательства должника лишь на 6,24 процента = (25 192 898 руб./ 403 974 013 руб.)*100.

Такой случай является не единичным, о чем свидетельствует вышеприведенная статистика.

Говорить о реструктуризации таких долгов и вовсе не приходится, хотя судом в рамках указанного дела предпринималась настойчивая процессуальная попытка заставить должника найти способ получения доходов, достаточных для погашения всех долгов. Однако, отсутствие действенного механизма правового воздействия на должника посредством стимулирования возможными санкциями материального характера, не способствовало достижению успеха, суд согласился с необходимостью ввести процедуру реализации имущества.

Между тем, на наш взгляд, лицо, которое, не имея имущества и постоянных (стабильных) доходов, позволяющих в установленные сроки исполнить обязательства, принимает эти обязательства, является неплатежеспособным в момент их возникновения. Такое лицо, по сути, умышленно создает условия для своего будущего банкротства.

Таким образом, закрепление в законе требования о представлении дополнительных сведений, подтверждающих исполнимость обязательств на момент их возникновения, послужит основанием для отсеивания из числа заявителей-должников тех недобросовестных предпринимателей, которые обращаются в суд с одной целью – списать долги, возникшие в результате легального присвоения чужих денежных средств.

Данные меры могут послужить повышению эффективности процедуры реструктуризации долгов, поскольку в процедуру будут входить только те должники, которые в действительности заинтересованы в восстановлении своей платежеспособности.

В заключение необходимо отметить, что процедура реструктуризации долгов в реалиях современной экономики является необходимым правовым средством восстановления платежеспособности должника и погашения требований кредиторов и уполномоченного органа. Однако, проведенное исследование показывает низкую эффективность данной процедуры. Выявленные недостатки в правовом регулировании соответствующих отношений определяют и причины, которые препятствуют достижению целей реструктуризации долгов должника. В то же время соответствующие поиски проблемных вопросов позволяют сформулировать предложения по усовершенствованию действующего законодательства и развитию правовой мысли, которая вносит непосредственный вклад в развитие общественных отношений.

Литература

1. Жукова Т.М., Кондратьева К.С. Судебные мероприятия по восстановлению платежеспособности граждан в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 163 – 164.
2. Информация с сайта «Твой адрес» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://tvoyadres.ru/kurskaya-oblast/kursk/nedvizhimost/nezhilye-pomeshcheniya/prodazha/45770657/ (дата обращения: 08.09.2022)
3. Информация с сайта «Твой адрес» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://tvoyadres.ru/kurskaya-oblast/kursk/nedvizhimost/nezhilye-pomeshcheniya/prodazha/45589554/ (дата обращения: 08.09.2022)
4. Информация с сайта «Твой адрес» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://tvoyadres.ru/kurskaya-oblast/kursk/nedvizhimost/nezhilye-pomeshcheniya/prodazha/43013057/ (дата обращения: 08.09.2022)
5. Карелина С.А., Фролов И.В. Институт банкротства граждан в РФ: достоинства и недостатки правовой модели регулирования (под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой) // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Юридический факультет им. М.М. Сперанского. «Юстицинформ», 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/57300647/ (дата обращения: 18.09.2022)
6. Кораев К.Б. Неплатежеспособность: новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. С. 244.
7. Кораев К.Б. Правовое регулирование процедуры реструктуризации долгов гражданина (Кораев К.Б.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://juridcons.com/article/22282 (дата обращения: 18.09.2022)
8. Кочетков Е.П. Формирование методики разработки плана реструктуризации долгов как фактор повышения эффективности процедур банкротства граждан // СРРМ. 2018. №4 (107). С. 60.
9. Лабазанова М.А. Роль должника при реализации процедуры реструктуризации долгов индивидуального предпринимателя // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XXII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 сентября 2022 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 184.
10. Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве. [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browserDAEs2nIn9ofBbjV_vZOjqL37KCjUlfJUKvoztCYKfKKwD&name=1aAS_svod_1-2021_24.11.2021.xls&nosw=1 (дата обращения: 17.09.2022)
11. Пахаруков А.А., Тюкавкин-Плотников А.А. Проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Сибирский юридический вестник. 2012. №4. [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-nesostoyatelnosti-bankrotstva-individualnyh-predprinimateley (дата обращения: 15.09.2022)
12. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29.12.2021 № Ф10-5404/2021 по делу № А35-9749/2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/85dc99b7-fb44-4456-bc7e-a43c7ed473d0/fd49cea1-875b-4a6b-8969-196b326d08ca/A35-9749-2020_20211229_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.09.2022)
13. Пункт 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
14. Решение Арбитражного суда Курской области от 26.01.2022 по делу № А35-9749/2020 [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/tkP5Xo5o4xZJ/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=A35-9749%2F2020&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=АС+Курской+области&arbitral-judge=&_=1660285302974&snippet_pos=4#snippet (дата обращения: 18.09.2022)
15. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://download.fedresurs.ru/news/СтатистическийбюллетеньФедресурсбанкротство20июня202022.pdf (дата обращения: 17.09.2022)

16. Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

17. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

18. Шишмарева Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 236.

19. Горовенко В.В. Банкротство физических лиц: основные проблемы правоприменения // International Law Journal. 2021. Т. 4. № 2. С. 43 – 47.

References

1. Zhukova T.M., Kondrat'eva K.S. Sudebnye meroprijatija po vosstanovleniju platezhesposobnosti grazhdan v Rossii i za rubezhom. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. 2013. № 4 (22). S. 163 – 164.

2. Informacija s sajta «Tvoj adres» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://tvoyadres.ru/kurskaya-oblast/kursk/nedvizhimost/nezhilye-pomeshcheniya/prodazha/45770657/ (data obrashhenija: 08.09.2022)

3. Informacija s sajta «Tvoj adres» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://tvoyadres.ru/kurskaya-oblast/kursk/nedvizhimost/nezhilye-pomeshcheniya/prodazha/45589554/ (data obrashhenija: 08.09.2022)

4. Informacija s sajta «Tvoj adres» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://tvoyadres.ru/kurskaya-oblast/kursk/nedvizhimost/nezhilye-pomeshcheniya/prodazha/43013057/ (da-ta obrashhenija: 08.09.2022)

5. Karelina S.A., Frolov I.V. Institut bankrotstva grazhdan v RF: dostoinstva i nedostatki pravovoj modeli regulirovanija (pod obshh. red. S.D. Mogilevskogo, M.A. Egorovoj). Rossijskaja akademija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF. Juridicheskij fakul'tet im. M.M. Speranskogo. «Justicinform», 2016 g. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://base.garant.ru/57300647/ (data obrashhenija: 18.09.2022)

6. Koraev K.B. Neplatezhesposobnost': novyj institut pravovogo regulirovanija finansovogo ozdorovlenija i nesostojatel'nosti (bankrotstva): dis. … d-ra jurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2019. S. 244.

7. Koraev K.B. Pravovoe regulirovanie procedury restrukturizacii dolgov grazhdanina (Koraev K.B.) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://juridcons.com/article/22282 (data obrashhenija: 18.09.2022)

8. Kochetkov E.P. Formirovanie metodiki razrabotki plana restrukturizacii dolgov kak faktor povyshenija jeffektivnosti procedur bankrotstva grazhdan. SRRM. 2018. №4 (107). S. 60.

9. Labazanova M.A. Rol' dolzhnika pri realizacii procedury restrukturizacii dolgov individual'nogo predprinimatelja. Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovanija: sbornik statej XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 05 sentjabrja 2022 goda. Penza: Nauka i Prosveshhenie (IP Guljaev G.Ju.), 2022. S. 184.

10. Otchet Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii o rabote arbitrazhnyh sudov sub#ektov Rossijskoj Federacii po rassmotreniju del o bankrotstve. [jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browserD&name=1aAS_svod_1-2021_24.11.2021.xls&nosw=1 (data obrashhenija: 17.09.2022)

11. Paharukov A.A., Tjukavkin-Plotnikov A.A. Problemy pravovogo regulirovanija nesostojatel'nosti (bankrotstva) individual'nyh predprinimatelej. Sibirskij juridicheskij vestnik. 2012. №4. [jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-nesostoyatelnosti-bankrotstva-individualnyh-predprinimateley (data obrashhenija: 15.09.2022)

12. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 29.12.2021 № F10-5404/2021 po delu № A35-9749/2020 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/85dc99b7-fb44-4456-bc7e-a43c7ed473d0/fd49cea1-875b-4a6b-8969-196b326d08ca/A35-9749-2020_20211229_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (data obrashhenija: 08.09.2022)

13. Punkt 8 Postanovlenija Plenuma VAS RF ot 30.06.2011 № 51 «O rassmotrenii del o bankrotstve individual'nyh predprinimatelej». Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus»

14. Reshenie Arbitrazhnogo suda Kurskoj oblasti ot 26.01.2022 po delu № A35-9749/2020 [jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/tkP5Xo5o4xZJ/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=A35-9749%2F2020&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=AS+Kurskoj+oblasti&arbitral-judge=&_=1660285302974&snippet_pos=4#snippet (data obrashhenija: 18.09.2022)

15. Statisticheskij bjulleten' Fedresursa po bankrotstvu [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://download.fedresurs.ru/news/Statisticheskijbjulleten'Fedresursbankrotstvo20ijunja202022.pdf (data obrashhenija: 17.09.2022)

16. Federal'nyj zakon ot 29.06.2015 № 154-FZ «Ob uregulirovanii osobennostej nesostojatel'nosti (bankrotstva) na territorijah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znachenija Sevastopolja i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus»

17. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)». Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus»

18. Shishmareva T.P. Pravovye sredstva obespechenija jeffektivnosti procedur nesostojatel'nosti v Rossii i Germanii: dis. … d-ra jurid. nauk. M., 2021. S. 236.

19. Gorovenko V.V. Bankrotstvo fizicheskih lic: osnovnye problemy pravoprimeneniya. International Law Journal. 2021. T. 4. № 2. S. 43 – 47.

ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Калиниченко Д.В., аспирант,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Аннотация: *в статье проанализированы понятие и система принципов комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации. Цель работы выражена в анализе отдельных проблемных аспектов темы научного исследования, задачи представлены в характеристике сущности указанной военно-юридической категории. Обоснована точка зрения о недопустимости отождествления таких понятий как принцип и способ комплектования. Представлено авторское толкование термина «принципы комплектования вооруженных сил» и видение их системы. Внесено предложение расширить содержание указанной категории с учетом иных требований, предъявляемых к личному составу армии и флоту. В качестве обязательных принципов комплектования Вооруженных сил Российской Федерации наряду с территориальным назван принцип профессионализма. Отмечено, что основу добровольного способа формирования кадрового состава армии и флота составляет не столько проживание военнослужащих по месту своей регистрации, сколько требования к опыту и стажу. Система принципов комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации рассмотрена как совокупность принципов двух подсистем: кадрового обеспечения службы по призыву и формирования личного состава по контракту. Обоснована взаимосвязь, взаимовлияние принципов и способов комплектования армии и флота. Отмечено, что на их использование и применение в практической плоскости оказывают влияние различные политические, социально-экономические факторы, внутренняя и внешняя политика государства, национальные интересы.*

Ключевые слова: *комплектование Вооруженных Сил, принцип комплектования, способ комплектования, территориальный принцип, экстерриториальный принцип, принцип профессионализма, служба по призыву, военная служба по контракту*

PRINCIPLES OF RECRUITMENT OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kalinichenko D.V., Postgraduate,
St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

Abstract: *the article analyzes the concept and system of principles of recruitment of the Armed Forces of the Russian Federation. The purpose of the work is expressed in the analysis of certain problematic aspects of the topic of scientific research, the tasks are presented in the characterization of the essence of the specified military-legal category. The point of view on the inadmissibility of identifying such concepts as the principle and method of acquisition is substantiated. The author's interpretation of the term "principles of recruitment of the armed forces" and the vision of their system are presented. A proposal has been made to expand the content of this category, taking into account other requirements for the personnel of the army and navy. The principle of professionalism is named as the mandatory principles of manning the Armed Forces of the Russian Federation along with the territorial one. It is noted that the basis of the voluntary method of forming the personnel of the army and navy is not so much the residence of military personnel at the place of their registration, as the requirements for experience and seniority. The system of principles of recruitment of the Armed Forces of the Russian Federation is considered as a set of principles of two subsystems: staffing of conscription service and formation of personnel under contract. The interrelation, mutual influence of the principles and methods of recruitment of the army and navy is substantiated. It is noted that their use and application in the practical plane are influenced by various political, socio-economic factors, domestic and foreign policy of the state, national interests.*

Keywords: *recruitment of the Armed Forces, recruitment principle, recruitment method, territorial principle, extraterritorial principle, principle of professionalism, conscription service, military service under contract*

Вопросы обороноспособности Российской Федерации в настоящее время являются актуальными как с теоретической, так и с практической точки зрения.

25 августа 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин в целях защиты государственных интересов и суверенитета, обеспечения национальной безопасности подписал указ об увеличении с 01 января 2023 года численности Вооруженных Сил Российской Федерации [2]. На количественные и качественные показатели такого решения главы государства оказывают влияние различные факторы и обстоятельства, в том числе принципы и способы комплектования личного состава.

Каждое государство на любом этапе его развития и функционирования осуществляет правовое регулирование формирования и обеспечения национальных вооруженных сил. Обязательным неотъемлемым предметом федерального правотворческого процесса России выступает институт комплектования армии и флота. Стоит обратить внимание на то, что в науке и российском законодательстве отсутствует единая концепция к пониманию термина «комплектование вооруженных сил». Можно выделить два подхода: в широком и узком смыслах. В первом случае комплектование охватывает не только вопросы кадрового обеспечения, но и решение задач материального и технического снабжения армии и флота [6, 8, 11]. Например, на сайте электронной энциклопедии военных терминов Министерства обороны Российской Федерации в качестве обязательного элемента рассматриваемого института называют удовлетворение потребностей армии и флота не только в личном составе, но и «в транспортных средствах, предоставляемых войскам» [15]. Российский законодатель использует узкий подход к пониманию данного института, связывая его с определением на конкретном историческом этапе развития государства эффективной, рациональной и целесообразной технологии формирования личного состава российских вооруженных сил. Так в статье 12 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обороне» на легальном уровне закреплена прямая взаимосвязь термина «комплектование» с решением вопросов личного состава [1]. Основу настоящего исследования составил второй (узкий) подход к толкованию данного термина.

Стоит отметить, что в процессе научного изучения и правового регулирования данного института наряду с понятием «принципы комплектования вооруженных сил» используют термин «способы». Отдельные авторы необоснованно их отождествляют или подменяют между собой. Например, в научных работах формирование кадрового состава по призыву и на основе контрактной системы характеризуют как принципы, но не как способы пополнения личного состава вооруженных сил государства [12].

При этом российский законодатель в Федеральном законе от 31.05.1996 №61-ФЗ «Об обороне» не использует на официальном уровне понятия: «принципы» и «способы комплектования вооруженных сил», но различает их на уровне подзаконных актов нормативного характера. Так в действующем Руководстве по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации солдатами, матросами, сержантами и старшинами, утвержденном Приказом Министра обороны РФ от 16.01.2001 №30 (далее по тексту – Руководства по комплектованию) [3] указанный ведомственный федеральный орган исполнительной власти различает понятия: «принципы» и «способы комплектования вооруженных сил». В пункте 3 раздела I «Общие положения» закреплено, что основу системы комплектования российских вооруженных сил составляют принятые в государстве «принципы комплектования войск (сил) и способы привлечения граждан на военную службу». В качестве обязательного принципа названо экстерриториальное начало построения несения воинской обязанности. В отношении способов выделены обязательная и добровольная технологии формирования личного состава армии и флота. Первый способ реализуется путем призыва граждан на военную службу в рамках надлежащего исполнения ими конституционной обязанности. Второй механизм выражается в дальнейшем переходе российских вооруженных сил на контрактную систему, т.е. в принятии гражданином военной обязанности как профессиональной деятельности.

Думается, что и на научном и в целом на законодательном уровне следует признать подход Министерства обороны Российской Федерации к разграничению принципов и способов комплектования вооруженных сил обоснованным и оправданным.

Научно-прикладному исследованию понятия «принцип комплектования вооруженных сил» уделяется не достаточное внимание представителями науки административного и военного права. В большей мере ученые сосредотачивают свое внимание на историко-правовой обоснованности приоритетного выбора государством способа комплектования личного состава армии и флота в конкретную историческую эпоху становления и функционирования вооруженных сил. Имеющиеся научно-прикладные исследования основаны на одностороннем подходе к сущности понятия «принцип комплектования вооруженных сил», обосновывая его только территорией несения военной службы как по призыву, так и на добровольной основе [9, 10]. Признание такого узкого подхода в качестве базового способствуют и Руководства по комплектованию, в которых в качестве принципа формирования личного состава солдатами, матросами, сержантами и старшинами назван только один – экстерриториальный.

В тоже время рассматриваемый институт включает в себя и иные обязательные компоненты, например, требования к образованию, стажу, опыту (в зависимости от звания и должности), возрасту военнослужащих; срокам военной службы, порядку отбора контингента для службы в армии и на флоте. На систему принципов кадрового обеспечения влияют основания несения воинской службы (по призыву или по контракту). Таким образом, толкование принципа комплектования вооруженных сил не следует отождествлять только с территорией военной службы.

В теории государства и права как фундаментальной юридической науке при характеристике принципа права исходят из его понимания как базовой, основополагающей концепции формирования механизма правового регулирования определенных общественных отношений. Принципы оказывают прямое влияние на сущность и содержание военно-правовой политики, в том числе и на механизм кадрового обеспечения личного состава армии и флота. Предлагается, что под принципами комплектования вооруженных сил следует рассматривать основополагающие идеи и концепции государства по устройству Вооруженных Сил Российской Федерации, влияющие на выбор технологии кадрового обеспечения армии и флота. Следовательно, принципы являются обязательным базисом, фундаментом системы комплектования вооруженных сил. Их перечень формируется государством с учетом различных политико-правовых, исторических, социально-экономических, демографических факторов, целей и задач внутренней и внешней политики, направленной на обеспечение суверенитета и национальной безопасности. Способ комплектования личного состава вооруженных сил определяет основания и механизм возникновения отношений между гражданином и государством, связанных с несением военной службы и исполнения воинской обязанности, как в глобальном национальном масштабе, так и в каждом конкретном случае.

При этом стоит обратить внимание на взаимосвязь и взаимовлияние рассматриваемых терминов. С одной стороны, система принципов, определенных российских государством в качестве обязательных базовых начал комплектования вооруженных сил, влияет на выбор приоритетного способа формирования личного состава армии, флота, их сочетание и соотношение. Но, с другой стороны, трансформация требований к кадровому составу вооруженных сил, смена ведущего способа комплектования оказывает непосредственное влияние и на систему принципов рассматриваемого института. Так переход российского государства к созданию вооруженных сил на постоянной контрактной основе наряду с территориальными требованиями к их комплектованию обозначил необходимость выделения на законодательном уровне принципа профессионализма. Следовательно, наличие указанного базового начала подчеркивает постепенный отказ российского государства от обязательного способа формирования личного состава (по призыву) в сторону добровольного (по контракту).

В российском законодательстве не закреплена система принципа комплектования вооруженных сил. Но в научной литературе при их определении исходят из ведущей роли соотношения места жительства военнослужащих с местом несения ими службы. Традиционно выделяют три принципа комплектования вооруженных сил по данному основанию: территориальный, экстерриториальный, смешанный. На их реализацию в практической плоскости влияет, прежде всего, национальная политика в сфере обороны, определяющая главный способ формирования личного состава: по призыву или по контракту. Комплектование личного состава современных российских вооруженных сил основано на сочетании обеих моделей с постепенным переходом к профессиональной контрактной службе. В Российской Федерации для службы по призыву характерен экстерриториальный принцип (вне места жительства), по контракту – экстерриториальный и территориальный (по месту жительства), с преимуществом последнего. В целом, комплектование российских вооруженных сил основано на сочетании обоих принципов (территориального и экстерриториального), с приоритетным применением второго.

В отдельных научных исследованиях дается фрагментарная характеристика иных принципов кадрового обеспечения армии и флота, например, «принципу соответствия процесса комплектования Вооруженных Сил России целям создания профессиональной и мобильной армии» (В.Н. Старцун [13]), «назначению военнослужащих на должность в соответствии с их военно-учетной специальностью» (Д.П. Великий, А.В. Шнитенков [14]), принципу профессионализма (Н.В. Антипьева [5], П.И. Гаврюшенко [7]). Последний в большей мере характерен для формирования кадрового состава армии и флота на добровольной основе.

Принцип профессионализма применяется при назначении на должности высшего и среднего состава Вооруженных сил Российской Федерации, заключении контрактов на несение военной службы. Постепенно указанный принцип имплементируется в процесс организации военной службы по призыву. Ярким примером его реализации является создание в Российской Федерации научных рот, основу которых составляют военнослужащие по призыву, имеющие способности к ведению научных исследований в сфере обороны и обеспечения национальной безопасности [4].

Следует обратить внимание на тот факт, что на систему принципов оказывают прямое влияние способы комплектования. По сути, она (система) представляет собой обобщение принципов комплектования двух подсистем: формирования личного состава в обязательном порядке (по призыву) и кадрового обеспечения на добровольной основе (по итогам заключения контракта). Основу первой подсистемы составляет экстерриториальный принцип комплектования личного состава армии и флота, базу второй – профессионализм как требование к личному составу; сочетание территориального и экстерриториального принципов несения военной службы.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, необходимо расширить толкование военно-юридического термина «принцип комплектования вооруженных сил» за счет включения в него наряду с таким критерием как место несения военной службы, иных требований к личному составу армии и флота.

Во-вторых, следует различать понятия: принцип и способы комплектования вооруженных сил, первая военно-юридическая категория закрепляет общие базовые идеи и пожелания государства к устройству армии и флота, второй термин описывает механизм претворения принципов кадрового обеспечения в реальной практической плоскости.

В-третьих, на систему принципов комплектования вооруженных сил оказывают непосредственное влияние способы пополнения кадрового состава. Так признание контрактной системы военной службы в качестве первостепенной задачи в механизме функционирования современных российских армии и флота потребует пересмотра и расширения перечня принципов комплектования вооруженных сил путем выделения профессионализма как базового неотъемлемого элемента данного института.

Литература

1. Об обороне: федер. закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. 03.06. № 23. Ст. 2750.

2. Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации: Указ Президента РФ № 575 от 25 августа 2022г. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208250004 (дата обращения: 25.08.2022)

3. Об утверждении Руководства по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации солдатами, матросами, сержантами и старшинами: приказ Министра обороны РФ от 16.01.2001 № 30 (ред. от 20.10.2016) // Российская газета. 2001. 27.02. № 42. (п. п. 1-43).

4. Об утверждении Положения о научных ротах Вооруженных Сил Российской Федерации: Приказ Министра обороны РФ от 28.05.2013 № 404 URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=246051&dst=100057#HLfBy1TATbr1TJWy СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.03.2022)

5. Антипьева Н.В. К вопросу о понятии «военнослужащий» // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 1. – С. 107 – 112.

6. Военный энциклопедический словарь РВСН. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. 634 с.

7. Гаврюшенко П.И. Принципы и способы комплектования Вооруженных Сил и их взаимосвязь с мобилизационной работой // Военное право. 2020. № 3. С. 90 – 94.

8. Градосельский В.В. Законодательное обеспечение комплектования Вооруженных Сил СССР // Военно-исторический журнал. 2004. № 12. С 35 – 40.

9. Долгопятов Г.М. Комплектование Вооруженных Сил Союза ССР: учебное пособие. М., 1954. С. 3 – 9.

10. Мартиросян В.С. Актуальные проблемы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Вестник военного права. 2020. № 3. С. 20 – 23.

11. Митюков А. Г. Социально-политические проблемы комплектования Вооружённых Сил Российской Федерации: дис. … канд. философ. наук. М., 1994. 202с.

12. Слесарский К.И. Воинская обязанность как элемент конституционно-правового статуса гражданина Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 224с.

13. Старцун В.Н. Об уплате пенсионных страховых взносов военными пенсионерами, осуществляющими индивидуальную предпринимательскую деятельность // Право в Вооруженных Силах. 2006. № 8. https://wiselawyer.ru/poleznoe/17685-uplate-pensionnykh-strakhovykh-vznosov-voennymi-pensionerami-osushhestvlyayushhimi (дата обращения 24.08.2022).

14. Шнитенков А.В., Великий Д.П. Комментарий к Федеральному закону «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2007. 112 с.

15. Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=6566morfDictionary (дата обращения: 22.08.2022)

References

1. Ob oborone: feder. zakon ot 31.05.1996 № 61-FZ (red. ot 14.07.2022). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. 03.06. № 23. St. 2750.

2. Ob ustanovlenii shtatnoj chislennosti Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF № 575 ot 25 avgusta 2022g. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208250004 (data obrashhenija: 25.08.2022)

3. Ob utverzhdenii Rukovodstva po komplektovaniju Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii soldatami, matrosami, serzhantami i starshinami: prikaz Ministra oborony RF ot 16.01.2001 № 30 (red. ot 20.10.2016). Rossijskaja gazeta. 2001. 27.02. № 42. (p. p. 1-43).

4. Ob utverzhdenii Polozhenija o nauchnyh rotah Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii: Prikaz Ministra oborony RF ot 28.05.2013 № 404 URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=246051&dst=100057#HLfBy1TATbr1TJWy SPS Konsul'tant Pljus (data obrashhenija: 15.03.2022)

5. Antip'eva N.V. K voprosu o ponjatii «voennosluzhashhij». Pravo v Vooruzhennyh Silah. 2013. № 1. – S. 107 – 112.

6. Voennyj jenciklopedicheskij slovar' RVSN. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1999. 634 s.

7. Gavrjushenko P.I. Principy i sposoby komplektovanija Vooruzhennyh Sil i ih vzaimosvjaz' s mobilizacionnoj rabotoj. Voennoe pravo. 2020. № 3. S. 90 – 94.

8. Gradosel'skij V.V. Zakonodatel'noe obespechenie komplektovanija Vooruzhennyh Sil SSSR. Voenno-istoricheskij zhurnal. 2004. № 12. S 35 – 40.

9. Dolgopjatov G.M. Komplektovanie Vooruzhennyh Sil Sojuza SSR: uchebnoe posobie. M., 1954. S. 3 – 9.

10. Martirosjan V.S. Aktual'nye problemy komplektovanija Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii v sovremennyh uslovijah. Vestnik voennogo prava. 2020. № 3. S. 20 – 23.

11. Mitjukov A. G. Social'no-politicheskie problemy komplektovanija Vooruzhjonnyh Sil Rossijskoj Federacii: dis. … kand. filosof. nauk. M., 1994. 202c.

12. Slesarskij K.I. Voinskaja objazannost' kak jelement konstitucionno-pravovogo statusa grazhdanina Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2020. 224s.

13. Starcun V.N. Ob uplate pensionnyh strahovyh vznosov voennymi pensionerami, osushhestvljajushhimi individual'nuju predprinimatel'skuju dejatel'nost'. Pravo v Vooruzhennyh Silah. 2006. № 8. https://wiselawyer.ru/poleznoe/17685-uplate-pensionnykh-strakhovykh-vznosov-voennymi-pensionerami-osushhestvlyayushhimi (data obrashhenija 24.08.2022).

14. Shnitenkov A.V., Velikij D.P. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O gosudarstvennoj zahhite poterpevshih, svidetelej i inyh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva» (postatejnyj). M.: Justicinform, 2007. 112 s.

15. Jenciklopedija Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs] URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=6566morfDictionary (data obrashhenija: 22.08.2022)

ДОГОВОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ляпчихина Н.В., аспирант,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Аннотация: *автор данной статьи предпринимает попытку проанализировать термин «источник договорного права» в контексте древнерусского исторического периода, а также уточнить временные границы понятия «источник права Древней Руси». Анализ наиболее распространенных теоретических подходов к рассмотрению этой проблемы, а также уровня современных знаний о древнерусском праве позволил автору сделать вывод о том, что этот термин применяться как минимум в трех своих значениях: в источниковедческом контексте (древнерусские письменные источники, содержащие в себе какие-либо данные о правовой системе той эпохи), материальным и формальным (воля субъектов правовых отношений и каковы внешние признаки, отражающие эту волю). С формальной точки зрения хронологические границы возникновения письменных источников древнерусского права определяются автором с X до половины XIII столетия, на основе чего и построена типологизация этих источников во всех их значениях. Данная статья отнюдь не является попыткой кардинального изменения подходов к определению источника права. В ней лишь предложено его уточнение, основанное на теоретических подходах, применяемых в правоведении, и в первую очередь – историческое наполнение содержательной составляющей этого понятия в контексте древнерусской эпохи, для того, чтобы установить, может ли оно быть применимо в соответствующих хронологических границах и в какой мере может быть подвергнуто типологизации.*

Ключевые слова: *источники древнерусского права, внутригосударственные источники договорного права, региональные источники, договорные правовые источники*

CONTRACTUAL SOURCES OF THE LAW OF ANCIENT RUSSIA

Lyapchikhina N.V., Postgraduate,
Pushkin Leningrad State University

Abstract: *the author of this article makes an attempt to analyze the term "source of contract law" in the context of the Old Russian historical period, as well as to clarify the temporal boundaries of the concept of "source of law of Ancient Russia". An analysis of the most common theoretical approaches to the consideration of this problem, as well as the level of modern knowledge of Old Russian law, allowed the author to conclude that this term is used in at least three of its meanings: in the source context (Old Russian written sources containing any data on the legal system of that era), material and formal (the will of the subjects of legal relations and what are the external signs that reflect this will). From a formal point of view, the chronological boundaries of the emergence of written sources of Old Russian law are determined by the author from the 10th to the middle of the 13th century, on the basis of which the typology of these sources in all their meanings is built. This article is by no means an attempt to radically change approaches to determining the source of law. It only proposes its clarification, based on theoretical approaches used in jurisprudence, and, first of all, the historical filling of the content component of this concept in the context of the Old Russian era, in order to establish whether it can be applied within the appropriate chronological boundaries and in what measure can be subjected to typology.*

Keywords: *sources of ancient Russian law, domestic sources of contract law, regional sources, contract legal sources*

По мнению отечественных правоведов, изучение проблематики происхождения права необходимо начинать с рассмотрения источников права как основы для дальнейшего познания правовой науки (Марченко М.Н., Коркунов Н.М.). На актуальности и злободневности этой проблемы акцентирует внимание О.А. Иванюк, поскольку, по его мнению, без понимания этой категории невозможно приступить к описанию не только правового пространства в общемировом масштабе, но и правовую систему конкретного государственного образования. Без этого понимания также невозможно рассматривать различные аспекты истории права с максимально реалистичных позиций [10, с. 196].

Территория Древней Руси XII столетия в качестве географических рамок настоящего исследования была выбрана вполне обоснованно. Основное количество свидетельств, касающихся истории права Древней Руси, которые удалось обнаружить, географически привязаны к территориям тогдашних Ростовско-Суздальской и Новгородской земель. Однако рассмотрение региональных различий не входит в перечень задач этой работы.

Исследование охватывает собой исторический период с начала X столетия, а точнее с 911 года, когда между князем Олегом и Византией был подписан договор по итогам его похода в Константинополь, и до середины XIII столетия, которое ознаменовалось началом монгольского нашествия. Перед проведением анализа источников и типологии древнерусского права, следует выяснить, чем для истории права является «древнерусский период».

Безусловно, хронология этого периода совпадает с началом образования древнерусского государства. Анализ теперешнего состояния научных знаний об этом периоде нашей истории выходит далеко за рамки данного исследования. Не вызывает сомнения продолжительность начальной стадии формирования русской государственности, корни которые уходят гораздо ранее 862 года, упомянутого летописцем [12, с. 144].

В летописи мы встречаем упоминание договора (или «ряда»), согласно которому для правления «славенами» был приглашен заморский князь, что вызывает у современных историков вполне объяснимые сомнения, поскольку реальность этого события скорее соответствует первой половине XII столетия, то есть времени написание летописного текста. Таким образом, считать этот договор ключевым пунктом в возникновении древнерусского права можно, по нашему мнению, с большими оговорками. Первым подлинным документом древнерусского права, достоверность которого не вызывает сомнения, является договор между князем Олегом и Византией, подписанный в 911 году.

Принято считать, что период древнерусского права совпадает с хронологическими рамками существования Киевской Руси, а далее речь может идти лишь о правовых системах отдельных русских территорий (княжеств). Между тем подобный подход вызывает ряд вопросов. С ним можно было бы согласиться, если бы в Киевской Руси источником права выступала воля единой государственной власти, то есть, в условиях того времени – Киевского князя, а начиная XII столетия – властных органов отдельных земель, будь-то вече или князья [3, с. 22].

Реальность же была такова, что Киевский князь в начальные периоды существования древнерусского государства был только одним из многих носителей власти ввиду полицентричного характера этого государственного образования.

Например, рассматривая «Русскую правду» в качестве ключевого источника наших знаний о правовой системе Древней Руси, следует принимать во внимание, что первоначально этот документ предназначался для новгородцев, и остается много вопросов о том, в какой степени его положения применялись в других древнерусских землях. Церковь также издавала свои правовые акты, и согласно отдельным историческим источникам, сама «Русская правда» являлось не самостоятельным сборником законов, а лишь дополнением к церковным канонам [2, с. 100].

Считаем полностью обоснованной позицию, согласно которой завершение периода древнерусского права приходится на середину XIII столетия, когда русские земли попали под влияние Золотой Орды. Это объясняется не только фундаментальными изменениями политической ситуации, но и возникновением новых формальных источников права, включая ханские ярлыки, судные и уставные грамоты северных земель, договорные и духовные грамоты князей. Далее предлагаем детальнее рассмотреть вопросы, касающиеся источников договорного права Древней Руси.

Под материальным источником права следует рассматривать причины социально-политического характера, которые определяют его содержательную составляющую, тогда как формальным источником права являются отражающие его внешние формы, выполняющее функцию официальных правовых актов [13, с. 201].

1. Виды и значение договоров, анализ этого понятия.

В древние времена договор в качестве источника права выполняет важную функцию. С помощью договоров определялись не только основы отношений между государствами, но также устанавливались правила внутригосударственного устройства. Отдельные элементы государственного строя сохраняли свою относительную устойчивость лишь благодаря договорам. Например, вынесенные народным собранием решения могут вполне обоснованно трактоваться в качестве договора, закрепляющего единство участников вече или собрания. Выстраивание отношений и решение спорных вопросов между князем и его подданными также осуществляются на основе соглашений между ними. Зачастую частные правоотношения также строились на основе соглашения между их участниками, что во многом было обусловлено расплывчатостью и крайней бедностью имеющейся законодательной базы.

Таким образом, и в этой сфере правоотношений договор становится основой для создания новой правовой системы.

Вместе с тем древнее право, которой отражено в договорах, отнюдь не является исключительно порождением соглашений. Многие положения древнего права в своей основе имеют древние обычаи, возникшие в результате многовековой практики, который внесены в тексты договоров с тем, чтобы придать

им бесспорный характер. Более поздние договоры зачастую содержат в себе практически дословный повтор отдельных положений более ранних правовых актов. В связи с этим нередки случаи, когда при анализе древних правовых документов возникают трудности с определением того, имеем ли мы дело с договорным или с обычным правом. В некоторых случаях тексты самих договоров содержат ссылки на старинные обычаи [7, с. 109].

Отметим следующие виды договоров, практиковавшиеся в древнерусский период становления договорного права: 1) международные договоры, которые заключались между князьями и другими государствами; 2) договоры, между князьями; 3) договоры между князьями и дружинниками; 4) договоры между князьями и народом.

2. Договоры, заключенные между Киевской Русью и Византией в X столетии.

Летописные источники донесли до нашего времени сведения о четырех документах между Киевской Русью и Византией, подписанных в X веке русскими князьями Олегом, Игорем и Святославом. Эти документы до сих пор остаются объектом дискуссий среди ученых относительно их достоверности и полноты текстов, имеющихся в нашем распоряжении. Не достигнуто взаимопонимания также по другому аспекту этой проблематики, а именно: можно ли считать эти документы образцом исконно древнерусского права, либо заложенные в них правовые нормы в значительной степени основаны на византийском праве. Ряд исследователей вообще отказывается рассматривать эти документы как материал для изучения древнерусской правовой системы [5, с. 71].

Первая серьезная проблема, возникшая перед исследователями древнерусских источников заключалась в том, каким образом соотносятся между собой договора 907 и 911 годов. Договор 907 года был заключен под Константинополем, когда дружина князя Олега во избежание разорения византийской столицы согласилась на выплату побежденными дани. При этом в летописном тексте дважды упоминаются условия о выплате дани, а помимо этого в документе были закреплены условия обеспечения интересов русских купцов при осуществлении ими торговых операций в Царьграде. Перед исследователя встал закономерный вопрос: Для чего понадобилось заключение следующего договора от 911 года, если предыдущее соглашение вполне решало актуальные вопросы взаимоотношений между Киевской Русью и Византией? Точка зрения о предварительном характере договора 907 года и окончательной редакции от 911 года вполне обоснованно подвергается критике оппонентов такого подхода. Среди аргументов звучит вполне естественное возражение о том, что второй договор не содержит в себе положений о порядке торговли в столице Византии, которые были включены в первых документ, принятый в 907 году [9, с. 118].

М.А. Дьяконов по этому поводу спрашивает: Может Олегу удалось отменить во втором договоре стеснительные условия для торговли, закрепленные в предыдущем документе? Однако, как это ему удалось сделать в условиях, которые не были для него такими благоприятными, нежели в то время, когда его дружина стояла под стенами Константинополя?

При этом отмечена очевидная неполнота текста соглашения 911 года. Например, во вступительной и заключительной частях текста упоминается о том, что сам договор состоит из отдельных глав, а дошедший до нас текст лишь намеками подтверждает такую структуру документа. Этот факт, по мнению автора, может быть усугублен значительными искажениями текста, допущенные переписчиками, а также некорректным переводом подлинника, написанного на греческом языке [8, с. 506].

Также расходятся мнения исследователей о том, какова природа норм международного права, которые содержатся в документах 911 и 945 годов. Это греческие нормы, русские, или же они имеют смешанный характер? В документе ссылаются и на русский и на греческий законы. Но где и когда конкретно применялись те и другие нормы? Греки посещали русские земли крайне редко, торговые миссии были вообще запрещены. По отношению русских в Византии мы наблюдаем обратную картину, когда по торговым делам они оставались там на длительный срок, и лишь в документе от 945 года было введено ограничение, запрещающее оставаться в Константинополе на зиму.

Резюмируя, необходимо отметить, что рассмотрение древних межгосударственных договоров как источников права в Киевской Руси ставят перед исследователями ряд очень серьезных проблем, что никоим образом не умаляет значение этих документов для современных историков и правоведов.

3. Договоры русских с немцами.

Возникновение и развитие торговых отношений между отдельными древнерусскими землями и германскими городами обусловили необходимость подписания мирных договоров между ними. Со стороны древнерусского государства это были преимущественно земли, прилегающие к торговому пути, соединяющему Балтийское и Черное моря, так называемый путь «из варягов в греки». Другими сторонами этих соглашений были будущие члены Ганзейского союза, среди наиболее значимых из которых в те времена была Рига, с момента ее возникновения в 1203 года, а также остров Готланд (город Висбн).

Древнейшим таким письменным свидетельством являлась копия договора между Новгородом и его соседями, которая была включена в текст более позднего договора, датируемого приблизительно периодом между 1257 и 1263 гг. В этих документах не содержится конкретных упоминаний даты их подписания, между тем исследователи смогли по косвенным признакам определить возможные хронологические рамки составления последнего документа [11, с. 118].

Содержание этого письменного памятника достаточно сжатое, и в нем мы находим ссылки на достигнутые ранее мирные соглашения, датируемые примерно отрезком времени с 1189 по 1199 гг. Этот документ содержит в себе ряд интересных для нас частных международных правовых норм, что в контексте нашего исследования делает его более ценным, нежели договоры, подписанные Александром Невским. К сожалению, у нас нет оснований утверждать, что дошедший до нас текст является исчерпывающим, поскольку имеются явные признаки того, что переписчик не смог внести полный текст на ограниченную площадь листа, обе стороны которого он максимально использовал.

В период до начала XV столетия было подписано не менее 10 договоров между Новгородом и немецкими городами, информация о которых дошла до нашего времени. Большой интерес представляет соглашение 1270 года, отличающееся своим богатым содержанием, а также наиболее интересный и один из старейших договоров, который подписал смоленский князь Мстислав Давидович.

Русско-немецкие договоры как источники древнерусского права, представляют огромный интерес для современных историков и правоведов, поскольку обе стороны соглашений находились примерно на одном этапе развития правового сознания. Это позволяло без значительных проблем согласовывать нормы, регулирующие механизмы восстановления прав, нарушенных какой-либо из договаривающихся сторон. Между тем, при изучение этих документов исследователь должен постоянно уточнять, какова природа той или иной нормы, закрепленной в соглашении. Имеет ли она русские или немецкие корни [1, с. 189].

4. Договоры между русскими князьями.

4.1. Договоры между отдельными русскими князьями.

Договоры, которые заключали между собой русские князья, также могут быть отнесены к категории международных, поскольку они заключались между независимыми с политической точки зрения субъектами.

Таковыми они стали с того момента, когда на историческую сцену вышли князья, возглавлявшие отдельные земли. Начало этому периоду заложили сыновья Святослава, между которыми уже в X столетии возникли напряженные отношения, для разрешения которых предпринимались попытки заключения мирных соглашений. Столкновения между враждующими княжествами стали обыденным явлением этого исторического периода существования древнерусского государства, между тем и они успешно завершались соглашениями о мире.

На протяжении более чем пяти столетий между князьями было, безусловно, заключено множество договоров о мире, но первым подобным документом, дошедший до нашего времени стал договор, который заключили между собой в 1341 году сыновья Ивана Калиты. О более ранних документах достоверных свидетельств у нас нет. Исследователи убеждены в том, что первыми такими договорами были устные соглашения, однако уже начиная с XII столетия до нас доходят свидетельства о существовании так называемых крестных грамот, которые князья возвращали друг другу как знак об аннулировании достигнутых ранее мирных соглашений. Хотя подобные документы, подписанные ранее середины XIV столетия, не сохранились, в летописных источниках имеются вполне внятные указания на их содержание. Дошедшие к нам фрагментарные сведения позволяют сделать вывод о том, что основными темами таких договоров являлись два основных аспекта взаимоотношений между князьями [6, с. 76]:

1) условия разделения земель между князьями и основы «мирного сосуществования» между ними. Примером такого соглашения могут быть результаты Любечского съезда, состоявшегося в 1097 году. Подобные соглашения не только закрепляли за каждым князем его вотчину, но и гарантировали ему отсутствие каких-либо притязаний или враждебных действий со стороны других русских князей;

2) различные условия мирных соглашений, где враждующие в недавнем прошлом стороны обменивались заверениями «жить в любви и согласии», «быть неразлучными в радости и в горе», сохранять единство против общего врага («твой враг является и моим врагом»). В документах встречаются пункты, предостерегающие своих союзников от каких-либо сепаратных соглашений с общим противником. Обобщая, можно сказать, что мирные договора в значительной степени регулировали и определяли различные аспекты взаимоотношений между русскими князьями.

4.2. Договоры князей с народом.

Договоры между князьями и народом, также, как и договоры между князьями и дружиной носят несколько иной характер, поскольку они регулируют отношения между договаривающимися субъектами в

границах одного конкретного княжества. В основе первых из них лежит право народа приглашать на княжение того или иного правителя. Утверждение приглашенного князя осуществлялось посредством крестного целования. Но даже тот князь, который захватил стол вопреки воле народа, вынужден был считаться с людьми, поскольку удержать власть без поддержки местного населения было практически невозможно. Подобные соглашения (ряды), как правило заключались при вхождении во власть новых князей, но иногда и по другому поводу.

4.3. Договоры между князьями и дружиной.

О таких договоров летописные источники упоминают, как правило, одновременно с другими соглашениями, подписанными князьями. Подобные «ряды» заключались не только со всей дружиною, когда например дружина переходила в подчинение другому князю ввиду смерти предыдущего, но и с отдельными дружинниками, поступающими на службу к князю. Как представляются, заключение таких соглашений было обыденным делом во времена существования вольной службы. Судя по всему, эти договоренности носили устный характер, по крайней мере, древние источники не доносит до нашего времени каких-либо упоминаний о существовании договорных грамот между князьями и вольными слугами. Подробности таких соглашений нам известны в еще меньшей степени, нежели содержание других договоров русских князей [4, с. 25].

Подведем основные итоги настоящей статьи:

1. Становление древнерусского права происходило одновременно с возникновением древнерусской государственности. Оно включало в себя нормы, основанные на традициях и обычаях, моральных ценностях, религиозных канонах, а позднее на писанном праве. По своему характеру древнерусское право было сословным и казуальным. Исследователи источников древнерусского права отмечают достаточно высокий для того времени уровень проработанности отношений имущественного характера.

2. В состав источников древнерусского права входят: нормы обычного права, канонического права, международные договора (например, между Киевской Русью и Византией). Обычное право в качестве источника правовой системы древнерусского государства является совокупностью норм, основанных на древних обычаев славянских народов, которые санкционированы государственной властью. Русско-византийские договора также являются важными образцами договорного права древнерусского государства, поскольку содержат в себе отдельные нормы процессуального, международного, уголовного и гражданского права.

Литература

1. Ван Г., Сюй Х. Сопоставление космогонических мифов древнего Китая и древней Руси // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 4-1. С. 187 – 191.

2. Затула Е.А. Становление предпринимательского и коммерческого права Древней Руси // Вестник современных исследований. 2018. № 3.1 (18). С. 99 – 101.

3. Изместьев Д.С. Государство и право в Древней Руси // Студенческий вестник. 2021. № 6-2 (151). С. 21 – 23.

4. Изместьев Д.С. Русская правда – памятник права Древней Руси // Студенческий вестник. 2021. № 6-2 (151). С. 24 – 26.

5. Кононов П.И. Основные черты права княжеского управления и суда в Древней Руси IX-X веков // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 69 – 72.

6. Кононов П.И. Формирование основ христианского права управления и правосудия в Древней Руси XI-XII веков // Административное право и процесс. 2021. № 6. С. 73 – 78.

7. Павлов Е.В., Косынкин А.А. Предпосылки возникновения государства и права в Древней Руси // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 105 – 110.

8. Петров И.В. Государство и право Древней Руси (до эпохи русской правды). Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Информационно-технический отдел Академии Естествознания", 2021. С. 496 – 512.

9. Право Древней Руси. Практикум. Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Аверс», 2018. С. 115 – 123.

10. Пузанов В.В., Котляров Д.А. Государство и право Древней Руси. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2021. С. 194 – 208.

11. Тарасенко Ю.А. Первые торговые нормы в обычном праве Древней Руси // Вестник Юридического института МИИТ. 2018. № 4 (24). С. 115 – 121.

12. Тетюхин И.Н. Древнее Греческое и Римское право как источник церковного права // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. № 9. С. 138 – 155.

13. Юэ Ц. О происхождении права на Древней Руси в китайских исследованиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 4. С. 199 – 203.

References

1. Van G., Sjuj H. Sopostavlenie kosmogonicheskih mifov drevnego Kitaja i drevnej Rusi. Kul'tura i civilizacija. 2021. T. 11. № 4-1. S. 187 – 191.

2. Zatula E.A. Stanovlenie predprinimatel'skogo i kommercheskogo prava Drevnej Rusi. Vestnik sovremennyh issledovanij. 2018. № 3.1 (18). S. 99 – 101.

3. Izmest'ev D.S. Gosudarstvo i pravo v Drevnej Rusi. Studencheskij vestnik. 2021. № 6-2 (151). S. 21 – 23.

4. Izmest'ev D.S. Russkaja pravda – pamjatnik prava Drevnej Rusi. Studencheskij vestnik. 2021. № 6-2 (151). S. 24 – 26.

5. Kononov P.I. Osnovnye cherty prava knjazheskogo upravlenija i suda v Drevnej Rusi IX-X vekov. Administrativnoe pravo i process. 2020. № 3. S. 69 – 72.

6. Kononov P.I. Formirovanie osnov hristianskogo prava upravlenija i pravosudija v Drevnej Rusi XI-XII vekov. Administrativnoe pravo i process. 2021. № 6. S. 73 – 78.

7. Pavlov E.V., Kosynkin A.A. Predposylki vozniknovenija gosudarstva i prava v Drevnej Rusi. Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2021. № 6. S. 105 – 110.

8. Petrov I.V. Gosudarstvo i pravo Drevnej Rusi (do jepohi russkoj pravdy). Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "Informacionno-tehnicheskij otdel Akademii Estestvoznanija", 2021. S. 496 – 512.

9. Pravo Drevnej Rusi. Praktikum. Kirov: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Izdatel'stvo «Avers», 2018. S. 115 – 123.

10. Puzanov V.V., Kotljarov D.A. Gosudarstvo i pravo Drevnej Rusi. Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 194 – 208.

11. Tarasenko Ju.A. Pervye torgovye normy v obychnom prave Drevnej Rusi. Vestnik Juridicheskogo instituta MIIT. 2018. № 4 (24). S. 115 – 121.

12. Tetjuhin I.N. Drevnee Grecheskoe i Rimskoe pravo kak istochnik cerkovnogo prava. Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duhovnoj seminarii. 2019. № 9. S. 138 – 155.

13. Juje C. O proishozhdenii prava na Drevnej Rusi v kitajskih issledovanijah. Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Jekonomika i pravo. 2021. № 4. S. 199 – 203.

ПРАВОВОЙ СТАТУС АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Парёнкин А.А.,
Тюменский государственный университет

Аннотация: *статья посвящена статусу арбитражного управляющего, определению его прав и обязанностей, установленных законодательно, а также аспектам изучения статуса арбитражного управляющего в аналогии со статусом судебного попечителя в дореволюционном праве и мнений представленных в научных исследованиях современных авторов.*

Статус арбитражного управляющего предлагается рассматривать в совокупности его прав и обязанностей, с учетом целей и задач выполняемых арбитражным управляющим в отдельной конкретной процедуре банкротства.

Возникающие проблемы исполнения арбитражным управляющим своих полномочий не всегда урегулированы действующим законодательством.

Итоги разрешения таких проблем становятся предметом рассмотрения и изучения не только самими арбитражными управляющими, но и также судейским сообществом, различными профессиональными союзами и организациями, объединяющими юристов и иных специалистов в этой области права.

Раскрыты особенности полномочий арбитражного управляющего с учетом особенностей той процедуры в которой он их реализует. Приведены примеры возникновения проблем исполнения арбитражным управляющим своих полномочий с учетом сложившейся судебной практики.

Установлено что большинство конфликтных ситуаций, имеющих место в судебной практике в делах о банкротстве, связано с проблемами установления правового статуса арбитражного управляющего, недостатками в его полномочиях.

Предлагается правовой статус арбитражного управляющего совершенствовать на основе внесения изменений в действующее законодательство о банкротстве, а также иные законы и нормативные акты, которые бы позволяли обеспечивать эффективное использование возложенных на него полномочий, мотивацию его на добросовестное и разумное поведение с учетом возможного распространения на него мер социальных гарантий и материального стимулирования их труда.

Ключевые слова: *процедура банкротства, саморегулируемая организация, арбитражный управляющий, правовой статус арбитражного управляющего, полномочия, совершенствование полномочий*

LEGAL STATUS OF THE ARBITRATION GOVERNOR

Parenkin A.A.,
University of Tyumen

Abstract: *the article is devoted to the status of an arbitration governor, the definition of his rights and obligations established by law, as well as aspects of studying the status of an arbitration governor by analogy with the status of a judicial trustee in pre-revolutionary law and the opinions presented in scientific research by modern authors.*

The status of the arbitration governor is proposed to be considered in the totality of his rights and obligations, taking into account the goals and objectives performed by the arbitration governor in a separate specific bankruptcy procedure.

The arising problems of the performance of the bankruptcy trustee powers are not always regulated by the current legislation.

The results of resolving such problems become the subject of consideration and study not only by the arbitration governors themselves, but also by the judicial community, various professional unions and organizations uniting lawyers and other specialists in this field of law.

The features of the powers of the arbitration governor are disclosed, taking into account the specifics of the procedure in which he implements them. Examples of problems arising in the performance of the arbitration governor of his powers, taking into account the established judicial practice, are given.

It is established that most of the conflict situations that occur in court practice in bankruptcy cases are related to the problems of establishing the legal status of the arbitration governor, shortcomings in his powers.

It is proposed to improve the legal status of the arbitration governor on the basis of amendments to the current legislation on bankruptcy, as well as other laws and regulations that would allow ensuring the effective use of the

powers assigned to him, motivating him to conscientious and reasonable behavior, taking into account the possible extension of social security measures and material incentives for their work.

Keywords: *bankruptcy procedure, self-regulating organization, arbitration governor, legal status of the arbitration governor, powers, improvement of powers*

В настоящее время роль законодательства о несостоятельности (банкротстве) приобретает существенное значение в функционировании экономических механизмов во всех без исключения странах мира. Поэтому правительства всех стран в том числе и России должны уделять и уделяют особое внимание развитию этого вида специального законодательства, как имеющего решающее значение в развитии отечественной экономики, ее достойного места в иерархии экономик мира, во взаимосвязи ее с экономиками развитых стран, тенденциями возможного ее роста, наличием возможностей своевременного и эффективного устранения неплатежеспособного должника.

Ключевой фигурой исполнения законодательства о банкротстве в России является – арбитражный управляющий. С этой фигурой, в т.ч. с разрешением споров связанных с исполнением возложенных на арбитражного управляющего обязанностей, а также его прав в процедурах банкротства состоит, в большинстве случаев вся имеющаяся судебная практика.

В свою очередь, анализ судебной практики показывает имеющиеся пробелы и недостатки отечественного законодательства. Требует изучения правоспособности арбитражного управляющего и рассмотрению предложений по внесению изменений в действующие законы и нормативные акты (2).

Становится очевидным, что изменение правового статуса арбитражного управляющего приобретает важное значение для эффективного правоприменения законодательства о банкротстве, как специального элемента регулирующего развитие экономки. Для исследования правового статуса арбитражного управляющего необходимо уточнить то, как он представлен законом.

В действующем российском законодательстве арбитражный управляющий рассматривается как субъект профессиональной деятельности. То есть – это профессионал в своей деятельности, специалист обладающий необходимыми знаниями , имеющий определенные навыки и подготовленный к работе в своей деятельности. В то же время, если рассматривать всю сферу деятельности арбитражного управляющего, можно установить, что она касается многих отраслей права и бизнеса и там везде он должен быть специалистом- универсалом, должен «все знать и все уметь». Законодатель, позиционируя арбитражного управляющего профессионалом, не упустил возможности наделить его большим кругом обязанностей, за невыполнение или ненадлежащее выполнение которых он несет профессиональную ответственность и как специалист и как должностное лицо. Некоторые обязанности, установленные Законом, невозможно выполнить, потому что они изначально противоречат друг другу. К примеру, пунктом 4 статьи 20.3 Федерального Закона о несостоятельности (банкротстве) (1) установлено, что арбитражный управляющий должен действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

В интересах должника и кредиторов по определению заложен конфликт интересов и поэтому любое действие или бездействие арбитражного управляющего субъективно можно рассматривать как его некомпетентность как профессионала и служить основанием привлечения его к ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей. Современная судебная практика изобилует решениями о привлечении арбитражных управляющих к различным формам ответственности, наиболее распространенными из которых являются решения о взыскании убытков с арбитражных управляющих, возникших в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей в делах о банкротстве.

Как следует из исследования правового бюро «Олевинский, Буюкян и партнеры за период с 2016 года по 2021 год российскими судами рассмотрено и вынесено 511 решений о взыскании убытков на общую сумму 3.71 млрд рублей. Значительность взыскиваемых сумм и тенденции к росту рассматриваемых случаев привели к тому, что многие страховщики отказываются такого вида профессионального страхования либо выставляют заградительный тариф (9, 10).

Проблема возникновения такой ситуации, по моему мнению, кроется в представлении универсальности деятельности арбитражного управляющего. Законодатель предполагает, что арбитражный управляющий обязан иметь обширный круг знаний в таких сферах знаний как;

-экономика, в том числе финансовой отчетности юридических лиц и ИП, умение рассчитывать различные коэффициенты;

-налоговое законодательство, в том числе знание, содержание, сроков и форм сдачи бухгалтерской, статистической и иных форм отчетности;

- юриспруденция - знание материального и процессуального законодательства и непосредственно самого закона о несостоятельности;

- оценочная сфера, знание методов и стандартов оценки, умение самостоятельно проводить оценку;
- хозяйственная деятельность организаций, управление предприятиями и организациями;
- ведение переговоров и соблюдение баланса интересов кредиторов, государства в лице налогового органа, а также интересов гражданина;

Обладая широким объемом знаний в вышеуказанных сферах, он должен иметь определенное место в гражданско-правовой и экономической иерархии общества. А это его положение обеспечивается наличием определенных прав и обязанностей, установленных законодательно, то есть его правовым статусом. При этом важно отметить, что его правовой статус не ограничен только законодательством о банкротстве.

Для понимания правового статуса арбитражного управляющего можно это понятие разделить на несколько частей или разделов.

Первая часть - представительство. Согласно этой части арбитражный управляющий является представителем кредиторов или представителем должника. Но также нужно отметить, что в некоторых случаях арбитражный управляющий отстаивает не только интересы должника и кредиторов, но и собственные интересы, а также интересы государства.

Вторая часть – доверительное управление. Эта часть предполагает, что между должником-банкротом и арбитражным управляющим возникают отношения доверительного управления. Но здесь важно отметить, что доверительное управление, осуществляемое арбитражным управляющим, подчинено иным принципам. Его целью является не столько извлечение дохода от использования имущества, сколько удовлетворение за счет этого имущества требований конкурсных кредиторов. При этом отношения доверительного управления регулируются специальным законом (Закон о банкротстве).

Третья часть – трудовая функция. При проведении процедур внешнего управления и конкурсного производства арбитражный управляющий, выполняя обязанности единоличного исполнительного органа, полностью приобретает правосубъектность работодателя. Но при этом важно отметить, что в данном случае арбитражный не заключает трудовой договор и на него не распространяются правовые гарантии, установленные Трудовым кодексом РФ.

Четвертая часть – публичная. Эта часть предполагает, что арбитражный управляющий является органом принудительного исполнения, должностным лицом (судебный управляющий).

Таким образом, рассматривая понятие арбитражного управляющего, можно установить, что арбитражный управляющий, согласно действующего законодательства, на протяжении производства дела о банкротстве обладает различными правовыми статусами, зависящем от конкретной процедуры банкротства (3,4). Также на сегодня, нормами действующего законодательства не установлено и в правовой науке нет единого подхода в понимании правового статуса арбитражного управляющего, как ключевой фигуре в процедурах банкротства.

Вступая в различные правоотношения (обязательственные, трудовые, корпоративные, административные и др.), с учетом их объема, который зависит от того какие полномочия при этом арбитражный управляющий осуществляет (временный, административный, внешний, конкурсный, финансовый), он может действовать как от своего имени, так и от имени должника, его кредиторов и государства, осуществляя при этом специальные полномочия, установленные Законом о банкротстве.

При осуществлении своих прав и обязанностей положение арбитражного управляющего может изменяться в соответствии с целями процедуры банкротства, которая проводится в отношении должника.

Статус арбитражного управляющего в процедуре наблюдения выглядит следующим образом. Одна часть компетенционных прав касается контроля над деятельностью должника, т.е. включает в себя запрет на совершение им определенных действий. Другая часть затрагивает активные действия временного управляющего по оценке финансового состояния должника, возврату его имущества, оказавшегося у третьих лиц. Но в ряде случаев, выступая от своего имени, временный управляющий не реализует свой интерес и свою волю, а реализует своей дееспособностью полномочие, которое состоит из прав и интересов должника, кредиторов и государства на основе отношений представительства. Для процедуры наблюдения характерно то, что функции и полномочия временного управляющего (представительства) не влекут за собой «слома» управленческих структур должника, но так или иначе касаются последних.

Финансовое оздоровление – одна из процедур банкротства главной целью которой является восстановление финансового состояния должника. Административный управляющий реализует здесь функции и полномочия во многом сходные с полномочиями внешнего управляющего. Его контроль над деятельностью должника направлен на погашение задолженности перед кредиторами с одновременным оздоровлением его финансового состояния (ст. 82-83 Закона о банкротстве). В процедуре финансового оздоровления административный управляющий, как и в процедуре наблюдения, является представителем должника, кредиторов и государства.

В процедуре внешнего управления права внешнего управляющего в части ограничения прав должника - банкрота значительно расширяются. Его полномочиями существенно ссужают деятельность органов управления должника, а полномочия руководства должника совсем прекращаются, их исполняет внешний управляющий (ст. 94 Закона о банкротстве). Внешний управляющий приобретает права, которые в целях восстановления финансового состояния должника позволяют ему распоряжаться его имуществом, заключать от имени должника мировое соглашение, предъявлять от своего имени исковые требования о признании недействительными дело и решений, применения последствий недействительности ничтожных сделок и других действий.

Круг установленных полномочий внешнего управляющего свидетельствует о том, что исполнительская деятельность должника осуществляется внешним управляющим. По одним юридическим действиям он выступает от своего имени, а по другим - от имени должника. Но в том и другом случае он остается представителем должника, кредиторов и государства.

Особая роль отводится арбитражному управляющему в конкурсном производстве, где он именуется конкурсным управляющим. Со дня принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства прекращаются полномочия руководителя должника и иных органов управления, за отдельными предусмотренными законом исключениями. Конкурсный управляющий осуществляет полномочия руководителя должника и иных органов управления должника, а также собственника имущества должника – унитарного предприятия в порядке, пределах и условиях, установленных Законом о банкротстве (п. 1 ст. 129) Совершая юридические действия, конкурсный управляющий действует и от своего имени, и от имени должника (п. 4 ст. 129 Закона о банкротстве).

В связи с тем, что конкурсный управляющий одновременно представительствует от имени кредиторов, должника и государства, на передний план выходят полномочия того субъекта, чьи права он реализует непосредственно (3, 4). Если конкурсный управляющий предъявляет иск о взыскании дебиторской задолженности, то полномочие от должника – банкрота выдвигается на передний план, но при этом одновременно реализуются права и интересы кредиторов и государства. Поэтому в данной модели полномочий подвести отдельные юридические действия конкурсного управляющего под классический институт (доверительное управление, представительство от имени должника) не дает возможности охватить полностью правовой статус арбитражного управляющего, который содержит три группы органически взаимосвязанных полномочий, посредством которых в рамках правоотношения добровольного представительства и реализуются взаимосогласованные и, по мере возможности, сбалансированные права и интересы должника, кредиторов и государства.

При анализе прав и обязанностей арбитражного управляющего в каждой процедуре необходимо их рассматривать во взаимосвязи с возможностями их исполнения. К примеру, законодатель, декларируя права временного управляющего в процедуре наблюдения по оценке финансового состояния должника, по моему мнению, предоставил недостаточно возможностей по его исполнению.

В случаях, когда все установленные законом возможности получения необходимой для составления качественного анализа информации от должника, не привели к положительному результату, арбитражный управляющий направляет соответствующие запросы в различные органы (ФНС, ГИБДД, Ростехнадзор, ЗАГС, кредитные учреждения, департаменты имущественных отношений, Росгвардия и др.)

Вполне понятно, что целью таких запросов является своевременное получение достоверной информации для детального и качественного анализа сложившейся экономической ситуации на предприятии или у граждан и планирования и осуществления мероприятий в зависимости от этой ситуации.

Но зачастую, со ссылкой на иные законы или ведомственные нормативные акты, арбитражные управляющие получают отказы по таким запросам.

При наличии спора арбитражному управляющему приходится обращаться в Арбитражный суд с соответствующим ходатайством. Имеющаяся судебная практика свидетельствует, что рассмотрение таких ходатайств по истребованию доказательств затягивается на несколько месяцев (7).

Нужно отметить, что Верховный суд РФ неоднозначно относится к такому основополагающему полномочию арбитражного управляющего как право получения необходимой информации. Так 04.09.2020 года Верховный суд РФ по делу №А08-8368/2019 Арбитражного суда Белгородской области признал обоснованным и законным требование финансового управляющего к Управлению ЗАГС Белгородской области в предоставлении сведений: о государственной регистрации брака в отношении гражданина – банкрота, о государственной регистрации расторжения брака, о государственной регистрации рождения детей, о государственной регистрации усыновления (удочерения), о государственной регистрации отцовства, а также о государственной регистрации внесенных исправлений в записи актов гражданского состояния.

Но в аналогичной ситуации по делу № А32-31853/2020 Верховный суд РФ отменил решение Арбитражного суда Краснодарского края, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда и постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа которые поддержали позицию финансового управляющего об обязании Управления ЗАГС Краснодарского края устранить допущенный отказ в предоставлении информации и вынес решение признавшее отказ Управления ЗАГС обоснованным.

Общеизвестно, что любому праву корреспондирует обязанность, то есть обязанность соответствующих органов предоставить арбитражному управляющему необходимую информацию, а такая обязанность непосредственно у органов в нормативных актах не прописана. В этом, по моему мнению, и кроется причина неоднозначности позиции Верховного суда РФ.

Для формирования предложений по совершенствованию отечественного законодательства о банкротстве, заслуживает внимания опыт закрепления полномочий в законодательстве Украины (ст. 12 п. 8 Кодекса Украины по процедурам банкротства от 18 октября 2018 года №2597-VIII), где арбитражный управляющий во время выполнения полномочий арбитражный управляющий имеет право на непосредственный доступ к информации о должниках, их имуществе, доходах и средства, в том числе конфиденциальной, содержащаяся в государственных базах данных и реестрах, в том числе электронных (11).

В законодательстве Израиля закреплена обязанность всех органов не только незамедлительно предоставлять информацию арбитражному управляющему, но и также право управляющего на обращение в суд о наложении штрафа за отказ в предоставлении или нарушения сроков предоставления информации.

Считаю, что подобное наделение арбитражного управляющего полномочиями в российском законодательстве позволило бы обеспечить его доступ к информационным базам для беспрепятственного получения необходимой информации без обращения в суд. Вполне возможно, что такая новелла кардинально изменит правовой статус арбитражного управляющего и потребует передачи функции контроля за деятельностью арбитражных управляющих от Минэкономразвития РФ другому ведомству, но несомненно послужит действенным механизмом исполнения законодательства о банкротстве, наделения арбитражного управляющего реальными, а не формальными полномочиями.

Наделение арбитражного управляющего полномочиями должностного лица позволило бы законодателю определиться по отношению к его деятельности и возможно приравнять ее (как вариант) к трудовой. Тогда можно было бы рассматривать его вознаграждение как зависящее от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а не от результата или наличия средств в конкурсной массе. При рассмотрении деятельности арбитражного управляющего аналогично трудовой, позволило бы изменять размер фиксированной части вознаграждения во взаимосвязи с ростом потребительских цен (инфляцией).

Кроме того, заслуживают внимания нормы, закрепленные в законодательстве соседних стран относительно размера вознаграждения арбитражного управляющего. Так, к примеру, нормы в законодательстве Беларуси и Украины по вопросам банкротства предусматривают возможность изменения фиксированной части вознаграждения арбитражного управляющего в зависимости от изменения установленного государством минимального размера оплаты труда (МРОТ) (11, 12). Считаю, что такие изменения в систему вознаграждения арбитражного управляющего, оказали бы стимулирующее влияние на результаты их деятельности, были бы справедливыми и действительно отражали бы компенсацию за ту ответственность, которую несет арбитражный управляющий при исполнении своих обязанностей.

Отдельного рассмотрения требует норма не только устанавливающая обязательное членство арбитражного управляющего в саморегулируемой организации (СРО), но и возможность и обязанность таких СРО, влиять на арбитражных управляющих.

Можно предположить, что законодатель, включая в закон требование, об обязательном членстве арбитражных управляющих в СРО, преследовал благую цель – усиление контроли за их деятельностью, путем передачи контролирующих функций от государства, в лице Федеральной службы по финансовому оздоровлению (ФСФО РФ), самим СРО АУ, как контролирующему органу первого звена. Такая модель, возможно действительно была бы рабочей, если бы такими же контролирующими функциями не наделили контролирующий орган со стороны государства (Росреестр РФ).

Судебная практика по рассмотрению жалоб на действия арбитражных управляющих сложилась таким образом, что позиция СРО, если она расходится с позицией контролирующего органа, как правило рассматривается как ущербная и не поддерживается судами.

Настоящего действенного делегирования контроля от государства представителям профессионального сообщества не произошло, а имеет место двойной контроль со стороны государства. Законодатель наделил Росреестр РФ правом не только контролировать деятельность СРО АУ с возможностью привлечения их к ответственности, но и правом рассматривать жалобы на действия арбитражных управляющих, составлять

протоколы об административных правонарушениях без учета позиции СРО, которое он широко использует в своей деятельности.

Не способствует повышению авторитета СРО норма, не предполагающая обязательного объединения всех СРО АУ в единую структуру. Национальное объединение СРО АУ, упомянутое в Законе, основано на добровольной основе.

Отсутствие единой и обязательной структуры у арбитражных управляющих, по моему мнению, является причиной возникновения таких побочных последствий, как отсутствие единых профессиональных правил поведения, и, как следствие, отсутствие системы внутреннего контроля, и отсутствие выработанной системы «самоочищения», что не позволяет регулировать свою деятельность. Такая модель, не предусматривающая единой структуры или корпорации, привела к тому, что у арбитражных управляющих на сегодня нет единого представительства профессионального сообщества.

Сегодня в России существуют отдельно и действуют 52 СРО АУ. Также 2 объединения, которые, пытаясь получить статус национальных, постоянно конфликтуют как между собой, так и внутри себя, что также не добавляет им авторитета и главное не способствует совершенствованию правового статуса арбитражного управляющего.

В целях внесения изменений в действующее законодательство в рассматриваемом вопросе можно обратиться снова к опыту соседних государств Украины и Казахстана, в законодательстве которых закреплены нормы, предусматривающие обязательное членство всех арбитражных управляющих в одной, единой на всю страну СРО АУ, в которой они автоматически становятся членами, с момента регистрации в качестве профессионала в этой области.

Введение подобных изменений в отечественное законодательство позволили бы, по моему мнению, создать механизм по изменению правового положения арбитражных управляющих, придать им новый статус - статус членов федеральной корпорации, которая обязана отстаивать интересы своих членов перед иными лицами, в том числе и перед государством.

Нужно отметить, что проблемы правового положения арбитражного управляющего, которые сегодня имеют место, негативно отражаются на правоприменительной практике по совершенствованию законодательства о банкротстве в целом и не остаются без внимания государства. Проблемы законодательства о банкротстве постоянно являются предметом рассмотрения как в профильных комитетах законодательного собрания РФ, так и аппарата президента РФ. Вполне вероятно, что изменения в законодательство о банкротстве, которые уже неоднократно откладывались, будут в ближайшее время рассмотрены Государственной Думой РФ.

При рассмотрении изменений в вопросе правового статуса арбитражного управляющего, по моему мнению, законодателю нужно определить в первую очередь, в каком направлении рассматривать эти предложения. Это или предложения, связанные с делегированием полномочий государства в вопросах контроля за действиями арбитражных управляющих, или предложения, не связанные с таким нововведением. То есть, либо государство само контролирует деятельность арбитражного управляющего, как это закреплено в действующем законодательстве, либо оно действительно, а не формально, передает эти полномочия СРО АУ, а за собой оставляет полномочия лишь контроля за СРО.

В том случае, когда государство оставляет за собой право контроля, должен быть полностью установлен правовой статус должностного лица, контролируемого государством. Возможно, тогда потребуется необходимость возврата и реформирования действовавшего ранее государственного органа ФСФО РФ, либо создание иного органа, но государственного, выражающего как интересы государства в делах о банкротстве, так и интересы арбитражных управляющих перед государственными и иными органами.

В другом случае государство должно полностью передать, делегировать свои контролирующие полномочия в отношении арбитражных управляющих их профессиональному сообществу. Но в целях эффективного контроля за этим сообществом, оно должно соответствовать признакам корпорации – быть единым и быть признанным на государственном уровне.

Только тогда вышеуказанное профессиональное сообщество, обязанное выражать интересы арбитражных управляющих, наделенное правом контроля за их деятельностью, будет иметь возможность по совершенствованию правового статуса арбитражного управляющего посредством как локальных нормативных актов, так и законодательных инициатив.

Литература

1. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ // СЗ РФ.
2. "Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография" (отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов) ("Юстицинформ", 2020): §2 п. 1 Проблемы правового статуса арбитражного управляющего.
3. Статья: Обзор решений Верховного Суда РФ по вопросам банкротства за июнь-август 2019 г. ("Электронный журнал "Финансовые и бухгалтерские консультации", 2019, NN 9, 10): III. Статус арбитражного управляющего и вопросы, обусловленные его деятельностью в рамках процедур банкротства
4. Статья: Обзор решений Верховного Суда РФ по вопросам банкротства за январь 2019 г. (Баландина М.А., Родионова С.М.) ("Электронный журнал "Финансовые и бухгалтерские консультации", 2019, N 3): II. Статус арбитражного управляющего.
5. Статья: Конкуренция судебных актов, принятых в рамках дела о банкротстве и за его пределами. (Ноздрачева А.Ю., Скутин Г.А.) // "Арбитражные споры", 2019, N 4.
6. "Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа", N 6, ноябрь-декабрь 2004 г. (С.А. Зинченко, зав. кафедрой гражданского и предпринимательского права Ростовского юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы, профессор, доктор юрид. наук, заслуженный юрист Российской Федерации В.В. Галов, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Ростовского юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы, кандидат юрид. наук).
7. Статья: «О праве арбитражного управляющего на получение информации от государственных органов напрямую. Lex specialis derogat generali» (Павел Замалаев), 13.04.2022, Блог: https://zakon.ru/blog/2022/04/13/o_prave_arbitrazhnogo_upravlyayuschego_na_poluchenie_informacii_ot_gosudarstvennyh_organov_napryamuy
8. Статья: «К вопросу о правовом статусе арбитражного управляющего» **(**Андрей Шафранов), 03.10.2020 Блог: https://zakon.ru/blog/2020/10/3/k_voprosu_o_pravovom_statuse_arbitrazhnogo_upravlyayuschego
9. Статья: «Апокалипсис страхования ответственности арбитражных управляющих» (Игорь Коняев), 19.05.2021 г., Блог: «https://zakon.ru/blog/2021/05/19/apokalipsis_strahovaniya_otvetstvennosti_arbitrazhnyh_upravlyayuschih
10. Статья: «Страховщики доведут арбитражных управляющих до банкротства?» (Юрий Тюрин, управляющий партнер АО «ЮРЭНЕРГОКОНСАЛТ»), 29 сентября 2021г., https://pravo.ru/opinion/235200/
11. Кодекс Украины по процедурам банкротства от 18 октября 2018 года № 2597-VIII
12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26.01.2013 N 60 (ред. от 30.06.2014) "Об утверждении Положения о размере и порядке выплаты заработной платы временным (антикризисным) управляющим, осуществляющим деятельность на основании контракта"

References

1. Federal'nyj zakon "O nesostojatel'nosti (bankrotstve)" ot 26.10.2002 N 127-FZ. SZ RF.
2. "Institut nesostojatel'nosti (bankrotstva) v pravovoj sisteme Rossii i zarubezhnyh stran: teorija i praktika pravoprimenenija: monografija" (otv. red. S.A. Karelina, I.V. Frolov) ("Justicinform", 2020): §2 p. 1 Problemy pravovogo statusa arbitrazhnogo upravljajushhego.
3. Stat'ja: Obzor reshenij Verhovnogo Suda RF po voprosam bankrotstva za ijun'-avgust 2019 g. ("Jelektronnyj zhurnal "Finansovye i buhgalterskie konsul'tacii", 2019, NN 9, 10): III. Status arbitrazhnogo upravljajushhego i voprosy, obuslovlennye ego dejatel'nost'ju v ramkah procedur bankrotstva
4. Stat'ja: Obzor reshenij Verhovnogo Suda RF po voprosam bankrotstva za janvar' 2019 g. (Balandina M.A., Rodionova S.M.) ("Jelektronnyj zhurnal "Finansovye i buhgalterskie konsul'tacii", 2019, N 3): II. Status arbitrazhnogo upravljajushhego.
5. Stat'ja: Konkurencija sudebnyh aktov, prinjatyh v ramkah dela o bankrotstve i za ego predelami. (Nozdracheva A.Ju., Skutin G.A.). "Arbitrazhnye spory", 2019, N 4.
6. "Vestnik Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga", N 6, nojabr'-dekabr' 2004 g. (S.A. Zinchenko, zav. kafedroj grazhdanskogo i predprinimatel'skogo prava Rostovskogo juridicheskogo instituta Severo-Kavkazskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby, professor, doktor jurid. nauk, zasluzhennyj jurist Rossijskoj Federacii V.V. Galov, docent kafedry grazhdanskogo i predprinimatel'skogo prava Rostovskogo juridicheskogo instituta Severo-Kavkazskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby, kandidat jurid. nauk).

7. Stat'ja: «O prave arbitrazhnogo upravljajushhego na poluchenie informacii ot gosudarstvennyh organov naprjamuju. Lex specialis derogat generali» (Pavel Zamalaev), 13.04.2022, Blog: https://zakon.ru/blog/2022/04/13/o_prave_arbitrazhnogo_upravlyayuschego_na_poluchenie_informacii_ot_gosudarstvennyh_organov_napryamuy

8. Stat'ja: «K voprosu o pravovom statuse arbitrazhnogo upravljajushhego» (Andrej Shafranov), 03.10.2020 Blog: https://zakon.ru/blog/2020/10/3/k_voprosu_o_pravovom_statuse_arbitrazhnogo_upravlyayuschego

9. Stat'ja: «Apokalipsis strahovanija otvetstvennosti arbitrazhnyh upravljajushhih» (Igor' Konjaev), 19.05.2021 g., Blog: «https://zakon.ru/blog/2021/05/19/apokalipsis_strahovaniya_otvetstvennosti_arbitrazhnyh_upravlyayuschih

10. Stat'ja: «Strahovshhiki dovedut arbitrazhnyh upravljajushhih do bankrotstva?» (Jurij Tjurin, upravljajushhij partner AO «JuRJeNERGOKONSALT»), 29 sentjabrja 2021g., https://pravo.ru/opinion/235200/

11. Kodeks Ukrainy po proceduram bankrotstva ot 18 oktjabrja 2018 goda № 2597-VIII

12. Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus' ot 26.01.2013 N 60 (red. ot 30.06.2014) "Ob utverzhdenii Polozhenija o razmere i porjadke vyplaty zarabotnoj platy vremennym (antikrizisnym) upravljajushhim, osushhestvljajushhim dejatel'nost' na osnovanii kontrakta"

НЕСОВЕРШЕНСТВО ПРОЦЕДУРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Тимофеев Д.Ф.,
Томский государственный университет

Аннотация: *данная работа посвящена анализу процедуры формирования коллегии присяжных заседателей в России на современном этапе и выработке предложений по её совершенствованию на практике, в том числе с использованием положительного опыта деятельности суда присяжных на дореволюционном этапе. Актуальность исследования видится в том, что процедура укомплектования скамьи присяжных заседателей до сих пор имеет недостатки, последствия которых проявляются как на подготовительной части судебного заседания, так и в процессе судебного разбирательства. В завершении автор отмечает необходимость в ближайшие время внести указанные в работе изменения в уголовно-процессуальное законодательство и федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ», что повлечет существенное ускорение процедуры формирования коллегии присяжных заседателей, обеспечит повышение роли сторон на этапе комплектования коллегии и уменьшение нагрузки на суды.*

Ключевые слова: *суд присяжных, формирование коллегии присяжных заседателей, кандидат в присяжные заседатели, отводы, присутствие присяжных заседателей*

IMPERFECTION OF THE PROCEDURE FOR THE FORMATION OF A JURY

Timofeev D.F.,
Tomsk State University

Abstract: *this work is devoted to the analysis of the procedure for the formation of the jury in Russia at the present stage and the development of proposals for its improvement in practice, including using the positive experience of the jury at the pre-revolutionary stage. The relevance of the study is seen in the fact that the procedure for staffing the jury bench still has shortcomings, the consequences of which are manifested both at the preparatory part of the court session and during the trial. In conclusion, the author notes the need in the near future to make the changes indicated in the work to the criminal procedure legislation and the federal law "On jurors of federal courts of general jurisdiction in the Russian Federation", which will entail a significant acceleration of the procedure for forming a panel of jurors, will ensure an increase in the role of the parties at the stage of recruitment of the board and reduce the burden on the courts.*

Keywords*: jury trial; formation of a jury panel; candidate for jurors; recusals; presence of jurors*

Становление института присяжных заседателей в России началось во второй половине XIX столетия в результате принятия Судебных уставов, закрепивших положения о возможности проведения судебного разбирательства в составе судьи и присутствия (коллегии) присяжных заседателей. Однако функционирование суда присяжных завершилось в 1917 году, когда советская власть упразднила данный институт, посчитав его чуждым элементом социалистического общества.

Возрождение суда присяжных в России произошло уже в 1990-х годах, первое десятилетие деятельности которого вошло в историю как «эксперимент суда присяжных в России» [1]. Создав к 2004 году суд присяжных заседателей в большинстве субъектов РФ, в процессе формирования коллегии стали выявляться определенные проблемы. Процедуры составления списков кандидатов в присяжные заседатели, отбора кандидатов и окончательного образования коллегии присяжных заседателей до сих пор имеют недостатки, последствия которых проявляются как на самой стадии её формирования, так и в процессе судебного разбирательства, что на практике приводит к необходимости начинать судебный процесс с самого начала.

Разрешение выявленных проблем образования коллегии присяжных заседателей видится с помощью рассмотренных в данной работе предложений, часть из которых предполагает заимствование положительного опыта деятельности института присяжных заседателей на дореволюционном этапе.

Процесс формирования коллегии присяжных заседателей в современной России, как и в XIX веке, начинается вне зданий судов. Первоначальным этапом является составление списков присяжных заседателей: общего и запасного. Данная процедура начинается не позднее 3-х месяцев до истечения четырех лет, в течение которых действовал предыдущий список, с внесения председателем суда областного уровня представления в высший исполнительный орган власти субъекта РФ о необходимом числе кандидатов в присяжные заседатели. Получив данное представление, высший исполнительный орган государственной вла-

сти субъекта РФ устанавливает сроки и порядок формирования списков присяжных в муниципальных образованиях, в которые включают кандидатов, постоянно проживающих в рамках данного административно-территориального образования. Составленные списки доводятся до сведения населения с помощью СМИ с целью предоставления возможности людям в течение двух недель направить заявления об исправлении списков.

Уточненные списки подписываются главой муниципального образования и направляются в высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ для составления общего и запасного списков субъекта РФ и образованных округов из нескольких муниципальных образований в случае нехватки численности населения одного муниципального образования для формирования списков, а также в районный суд.

Необходимо отметить, что первые недостатки системы формирования коллегии присяжных заседателей выявляются уже на стадии составления исполнительно-распорядительными органами муниципального образования списков кандидатов. Таковыми являются факты: повторного включения одного и того же лица в списки; появления в них умерших людей, и лиц, не соответствующих требованиям закона, предъявляемых к присяжным заседателям [2].

Такая ситуация, образующаяся в силу выполнения местными администрациями не типичной для них функции, зачастую приводит к затягиванию подготовительной стадии судебного процесса. Представляется, что решение данной проблемы возможно найти, обратившись к историческому опыту функционирования института присяжных заседателей.

Так, в XIX веке составлением списков кандидатов в присяжные заседатели занимались специально создаваемые временные комиссии, состав которых формировали уездные земские собрания, а в столичных городах – совместные заседания общей городской думы и местных уездных земских собраний. Функционирование временных комиссий предполагалось ежегодно в связи с их обязанностью проведения проверки и дополнения списков кандидатов в присяжные заседатели, исключая из них умерших людей; лиц, потерявших право быть присяжным и включая в них лиц, достигших 25-летнего возраста. Завершив процедуру обновления списков, комиссии опубликовывали их для всеобщего обозрения не позднее 1 сентября, с целью предоставления в течение одного месяца возможности населению заявить о не включении в список, либо внесенным уже в эти списки лицам заявить о неправильности представленной информации [3].

Таким образом, решение проблемы с составлением списков кандидатов в присяжные заседатели видится именно в создании ежегодно действующих специализированных комиссий (комитетов) по формированию, изменению списков кандидатов в присяжные заседатели.

Дальнейшая процедура образования коллегии присяжных заседателей происходит уже в здании суда в соответствии с главой 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ [4]. Необходимо заметить, что рассмотрение дела судом в составе профессионального судьи и коллегии присяжных заседателей является результатом выбора обвиняемого по определенным составам преступлений, выражаемого в ходатайстве о рассмотрении дела в таком составе суда.

Одним из результатов предварительного слушания по делу является вынесение судьей постановления о назначении уголовного дела к слушанию с участием присяжных заседателей, в котором также указывается количество вызываемых в суд кандидатов для участия в отборе формировании скамьи присяжных заседателей. Однако до сих пор остается проблемным вопросом обеспечение явки кандидатов в присяжные заседатели в суд, так как многие кандидаты по уважительным или неуважительным причинам стараются отказаться от явки в судебное заседание. Такая ситуация приводит к тому, что судам приходится проводить колоссальную работу для обеспечения необходимого количества лиц, из которых впоследствии будет укомплектована коллегия присяжных. Например, явка кандидатов для участия в первоначальном отборе в Московском областном суде в 2015 году составила 0,27% или 928 человек из 361 523 направленных приглашений [5]. Улучшение данной ситуации видится юристами в ведении ответственности за неявку в суд не только лица, имеющего статус присяжного заседателя, как это установлено в части 3 статьи 333 УПК РФ, но и кандидата в присяжные заседатели, неявившегося в суд без уважительной причины, как это практиковалось в дореволюционной России.

Так, согласно Уставу уголовного судопроизводства, получив объяснение от неявившегося кандидата в присяжные заседатели, суд выслушивал заключение прокурора по данной ситуации, и если в рамках этого заключения устанавливалась незаконность отсутствия лица, то на него налагалось одно из установленных в ст. 651, 652 УУС взыскание. Первая неявка в суд наказывалась штрафом в размере от 10 до 100 рублей, повторная – от 20 до 200 рублей. В случае же незаконной неявки в суд трижды к нему применялись несколько наказаний: штраф – от 30 до 300 рублей, а также лишение права участвовать в выборах и запрет быть избираемым в должности, требующие общественного доверия [6].

Представляется, что обеспечение явки кандидатов в суд штрафными санкциями не даст положительного эффекта для суда присяжных в силу формирования коллегии присяжных заседателей из лиц, которые совершенно не заинтересованы в справедливом разрешении дела. В связи с этим наилучший выход из данной проблемы видится в вызове большого количества кандидатов для отбора, например от 100 и более человек, что в подавляющем большинстве случаев точно обеспечит явку 14 лиц в суды областного уровня и 12 кандидатов в районных (городских) судах.

Кроме того, вызов в суд такого количества кандидатов в присяжные заседатели будет способствовать при рассмотрении сложных дел сохранению судебного процесса. Так, явка в суд такого количества кандидатов обеспечит реализацию права судьи при рассмотрении сложных, много эпизодных уголовных дел на избрание дополнительных запасных присяжных заседателей. В длительных судебных процессах не редкость ситуация, при которой основные присяжные по уважительным или даже неуважительным причинам не являются в суд для дальнейшего участия в отправлении правосудия, что соответственно при выбытии больше 2-х присяжных заседателей ведет к признанию судебного разбирательства недействительным, роспуску коллегии присяжных и назначению нового отбора. Все это затягивает рассмотрение уголовного дела, делает его очень дорогостоящим, и ведет к признанию работы всех участников процесса напрасной и бессмысленной [7]. Обеспечение достаточной явки в суд позволит судье оставлять 5-10 запасных присяжных заседателей при разбирательстве особо сложных уголовных дел. Более того, вызов большего количества кандидатов в присяжные заседатели на подготовительной стадии обеспечит возможность сторонам воспользоваться правом на дополнительный немотивированный отвод.

Следующая немаловажная проблема формирования коллегии присяжных заседателей, нерешенность которой ставит в каждом конкретном случае вопрос об объективности сформированной коллегии, появляется на подготовительной стадии судебного разбирательства. Таковой является выполнение кандидатами обязанности по предоставлению правдивой информации о себе в ходе опроса председательствующим и сторонами. Так, в практике судов можно встретить ситуации сокрытия лицом сведений о своей судимости [8] или судимости близких родственников [9], несообщении информации о работе в правоохранительных органах, о привлечении лица к административной ответственности, последствием чего становится лишение права сторон на мотивированный и немотивированный отводы в отношении данного кандидата и основанием в дальнейшем для отмены приговора в силу его вынесения незаконным составом суда [10]. Стоит отметить, что разрешению данной проблемы будет способствовать уже вышеупомянутая процедура составления списков присяжных заседателей специализированными комиссиями, которые необходимо наделить полномочиями по направлению запросов в различные органы и организации с целью установления достоверных сведений о человеке.

Дальнейший этап формирования коллегии присяжных заседателей заключается в отводах кандидатов в присяжные заседатели, которые на сегодняшний день могут быть отстранены от рассмотрения дела несколькими способами. Первый из них - заявление самоотвода, причинами которого могут различные обстоятельства: преклонный возраст, неудовлетворительное состояние здоровья, религиозные убеждения и даже в рамках судебной практики встречаются ситуации освобождения от исполнения обязанностей присяжного заседателя по делу о преступлении ч. 2 ст. 105 УК РФ лица, который в аналогичном преступлении потерял своих близких, с целью обеспечения устойчивой психологической обстановки в коллегии присяжных заседателей.

Рассмотрев заявленные самоотводы, председательствующий предлагает сторонам воспользоваться правом на мотивированный отвод, причинами которого могут быть выясненные при опросе кандидатов обстоятельства, препятствующие участию лица в качестве присяжного. Необходимо отметить, что «пригодность» лица для отправления правосудия основываются на выводах сторон и председательствующего, что не исключает возможности злоупотребления правом на отвод кандидата и соответственно создание организационных препятствий. Однако, установление точных рамок для мотивированного отвода в законе не представляется уместным в силу того, что законодатель не сможет предусмотреть все случаи мотивированности отводов.

Третьим способом отстранения кандидата является заявление сторонами немотивированных отводов. Именно в процедуре заявления немотивированного отвода со стороны обвинения видится упущение законодателя. Так, согласно УПК РФ немотивированный отвод на стороне обвинения может заявить только государственный обвинитель, который прежде согласовал свою позицию с другими участниками стороны обвинения. Законодатель не учел, формирование такой ситуации, при которой не будет достигнуто согласие между потерпевшим и государственным обвинителем. В связи с этим стоит либо предусмотреть право потерпевшего заявлять немотивированный отвод кандидату в присяжные заседатели, тем самым он в полном объеме бы реализовывал свое право на участие в судебном разбирательстве, либо производить немоти-

вированный отвод со стороны обвинения по жребию, если отсутствует согласие потерпевшего с мнением государственного обвинителя.

Таким образом, анализ процедуры формирования коллегии присяжных заседателей показал, что на практике до сих пор имеются проблемы функционирования суда присяжных. Реализация вышеизложенных положений об организации процесса укомплектования коллегии присяжных заседателей потребует провести законодательную работу по внесению определенных изменений в уголовно-процессуальное законодательство и федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ». Однако на практике воплощение предложений, рассмотренных в данной работе, позволит улучшить качество соответствия кандидатов в присяжные заседатели предъявляемых к ним требованиям, что повлечет существенное ускорение процедуры формирования коллегии в части определения допустимости участия лица в качестве присяжного заседателя, обеспечит повышение роли сторон при формировании коллегии присяжных заседателей при заявлении немотивированных отводов, и уменьшение нагрузки на суды.

Литература

1. Загайнова Г.Г. Реформа суда присяжных в Российской Федерации как вид публично-структурного конституционно-правового эксперимента [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-suda-prisyazhnyh-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vid-publichno-strukturnogo-konstitutsionno-pravovogo-eksperimenta

2. Лепешева О.Е. Суд присяжных в России: порядок формирования и состав [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-v-rossii-poryadok-formirovaniya-i-sostav;

3. Учреждение судебных установлений [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/

4. УПК РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/5260a9be3791598f4e62a5d6fd99f34969ea001c/

5. Венев Д.А. Подсудность суда с участием присяжных заседателей в уголовном процессе России – вопросы и перспективы // Российская юстиция. 2016. N 10. С. 51.

6. Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/

7. Джабраилов М.А. Проблемы совершенствования механизма формирования коллегии присяжных заседателей [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: доступ из локальной сети Науч. Б-ки Том. Гос. ун-та

8. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.11.2012 №82-О12-39сп [Электронный ресурс] // Банк судебных решений Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=515286

9. Апелляционное определение Верховного Суда Республика Саха (Якутия) от 12.03.2019 по делу № 22-361/2019 [Электронный ресурс] // Верховный суд Республики Саха (Якутия). URL:https://vs--jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21628509&delo_id=4&new=4&text_number=1

10. Насонов С.А. Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kollegii-prisyazhnyh-zasedateley-problemy-zakonodatelnogo-regulirovaniya-i-sudebnoy-praktiki

References

1. Zagajnova G.G. Reforma suda prisjazhnyh v Rossijskoj Federacii kak vid publichno-strukturnogo konstitucionno-pravovogo jeksperimenta [Jelektronnyj resurs]. CYBERLENINKA. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-suda-prisyazhnyh-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vid-publichno-strukturnogo-konstitutsionno-pravovogo-eksperimenta

2. Lepesheva O.E. Sud prisjazhnyh v Rossii: porjadok formirovanija i sostav [Jelektronnyj resurs]. CYBERLENINKA. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-v-rossii-poryadok-formirovaniya-i-sostav;

3. Uchrezhdenie sudebnyh ustanovlenij [Jelektronnyj resurs]. Sajt Konstitucii Rossijskoj Federacii. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/

4. UPK RF ot 18.12.2001 №174-FZ [Jelektronnyj resurs]. SPS Konsul'tantPljus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/5260a9be3791598f4e62a5d6fd99f34969ea001c/

5. Venev D.A. Podsudnost' suda s uchastiem prisjazhnyh zasedatelej v ugolovnom processe Rossii – voprosy i perspektivy. Rossijskaja justicija. 2016. N 10. S. 51.

6. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva [Jelektronnyj resurs]. Sajt Konstitucii Rossijskoj Federacii. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/

7. Dzhabrailov M.A. Problemy sovershenstvovanija mehanizma formirovanija kollegii prisjazhnyh zasedatelej [Jelektronnyj resurs]. SPS Konsul'tantPljus. URL: dostup iz lokal'noj seti Nauch. B-ki Tom. Gos. un-ta

8. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 29.11.2012 №82-O12-39sp [Jelektronnyj resurs]. Bank sudebnyh reshenij Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=515286

9. Apelljacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respublika Saha (Jakutija) ot 12.03.2019 po delu № 22-361/2019 [Jelektronnyj resurs]. Verhovnyj sud Respubliki Saha (Jakutija). URL:https://vs--jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21628509&delo_id=4&new=4&text_number=1

10. Nasonov S.A. Formirovanie kollegii prisjazhnyh zasedatelej: problemy zakonodatel'nogo regulirovanija i sudebnoj praktiki [Jelektronnyj resurs]. CYBERLENINKA. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kollegii-prisyazhnyh-zasedateley-problemy-zakonodatelnogo-regulirovaniya-i-sudebnoy-praktiki

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Занозина Ю.В.,
Бюро переводов АКЦЕНТ

Аннотация: *в данной статье автором производится комплексный теоретико-исследовательский анализ вопросов обеспечения эффективности восприятия нормативно-правовой (юридической) документации широкими слоями населения. Затрагиваются некоторые философско-юридические основы доступности и ясности формулировок юридической документации. В дополнение к этому, приводятся примеры основных элементов, усложняющих восприятие юридического текста – все они, так или иначе, заложены в сформированный авторский концептуальный механизм проведения анализа нормативно-правовой документации с точки зрения упрощения её понимания. Представленный алгоритм же позволяет эффективно анализировать и упрощать документацию, становится полезным инструментом для обывателя.*

Ключевые слова: *ясность законодательства, формулировки законодательства, восприятие, юридические тексты, понимание, сложности восприятия документации*

ON THE ISSUE OF IMPROVING COMPREHENSION EFFICIENCY OF LEGAL DOCUMENTATION

Zanozina Yu.V.,
ACCENT Translation Agency

Abstract: *in this article, the author makes a comprehensive theoretical and research analysis of the issues related to efficiency of comprehension of legal documentation by people at large. The questions being covered include some philosophical and legal issues related to the process of accessibility and clarity of legal documentation. In addition, the examples of the main elements that complicate the comprehension of legal texts are given - all of them, one way or another, are embedded in the author's conceptual mechanism for analyzing legal documentation in terms of simplifying its comprehension. The presented algorithm allows us to analyze and simplify the understanding of legal documentation, thus it is a useful tool for the man in the street and a practicing lawyer.*

Keywords: *clarity of legislation, wording of legislation, perception, legal texts, understanding, legal documents comprehension*

Введение

На современном этапе вопросы трактовки юридического языка приобретают особую актуальность, что обусловлено рядом обстоятельств:

Во-первых, за счет активного распространения практики применения цифровых технологий с целью поиска информации, вопросы, связанные с пониманием найденных юридических текстов стали особенно значимыми. Каждый пользователь имеет к информации доступ, однако умение понимать, воспринимать, и анализировать юридические тексты требует особых знаний и умений, внимательности от читающего. Нормативно-правовые акты и юридическая документация, с точки зрения их восприятия человеком без специального образования, являются достаточно сложными и формализованными, что вызвано широким применением оборотов и необходимости восприятия тонкостей повествования, фокусировании на типе нормативно-правовой (правотворческой или правоприменительной) документации [3].

Во-вторых, в условиях достаточно высокого потока информации, постоянного обмена данными, а также роста значимости проблемы распространения "фейков", обращение к первоисточникам и их верное толкование также попросту становятся необходимостью.

В-третьих, происходит постоянный прирост объема нормативно-правовой базы. Так, например, если в РФ в 1994 году было принято 80 законов, то в 2014, на который пришелся пик законотворчества, было принято 558 законов. С тех пор количество принимаемых законов стабильно держится на высоких отметках: в 2020 принято 553 закона, в 2021 – 505 федеральных законов. Нормативно-правовая база не только постоянно растет, но и изменяется, не существует какой-либо «стабильности» юридического текста, постоянно вносятся правки в уже принятые законы и нормативно-правовые акты.

В-четвертых, население всё больше и активнее пользуется деловыми инструментами. Например, начиная с 2014 года в РФ количество регистрируемых в год индивидуальных предпринимателей, (которые, как правило, не имеют своего юротдела), стабильно превышает количество регистрируемых юридических лиц (у которых профессиональные юристы, бывает, состоят в штате). Указанные деловые инструменты в осно-

ве своей имеют нормативно-правовую базу, а значит понимание языка текста, например,заключаемых договоров требует от населения понимания юридического текста.

Таким образом, цель статьи – произвести комплексный анализ вопросов обеспечения эффективности восприятия юридических текстов и сформировать авторский алгоритм анализа текста с точки зрения его структурных элементов, опора на которые позволяет упростить восприятие содержащейся в нем информации.

Методология исследования

В рамках данной статьи автором задействуются методы теоретического анализа, синтеза, обобщения, наблюдения, сравнения, абстрагирования, а также индуктивные и дедуктивные методы. Кроме того, особое значение в исследовании занимают вопросы анализа нормативно-правовой документации на пересечении лингвистики, юриспруденции, а также с точки зрения восприятия человеком содержащихся в юридических документах сведений.

Результаты и их обсуждение

Публикация ряда нормативно-правовых актов является доступной широкой аудитории, что фактически означает обеспечение их доступности с целью организации обсуждения и выявления противоречий, возможности формирования на этой почве открытой дискуссии. Однако, для полной детализации данных процессов, необходимым становится обеспечение доступности восприятия юридических текстов при их прочтении рядовым гражданином, не имеющим юридических знаний, умений, навыков или компетенций. Иначе говоря, вопросы восприятия ложатся в концептуальную основу не только обсуждения законодательных актов до их вступления в юридическую силу, и понимания их специфических особенностей с точки зрения отдельных структурных элементов, значимости тех или иных оборотов, уточнений и так далее, но и после их вступления в юридическую силу, уже на этапе правоприменения.

Хотя современное законодательство и исходит из принципа всеобщности, фактически диктующего необходимость составления понятных для простого обывателя нормативно-правовых документов, но на практике соблюдение этого принципа носит достаточно формальный характер. Через призму сложившейся ситуации становится очевидно, что хотя «незнание закона не освобождает от ответственности», вопросы его соблюдения становится скорее случайностью, нежели целенаправленным деянием. Здесь стоит также учитывать и факт того, что для разных групп населения может быть непонятным даже оптимизированный с точки зрения восприятия текст; однако, как минимум, он должен ориентироваться на широкую массу населения и не быть чрезмерно загруженным со стороны всевозможных образований и юридических дефиниций [1].

Кроме того, сущность обеспечения правильного (с точки зрения закладываемых в него смыслов) восприятия юридического текста требует от законодательства дополнительного разъяснения его основ в упрощенной форме, например, посредством ясных, лаконичных и исчерпывающих определений, которые будут вносить логику в строки закона при прочтении обывателем. В то же время, в юриспруденции достаточно часто встречаются всевозможные «двойные» формулировки, которые характеризуются неточностью и возможностью интерпретации под определенную ситуацию. И хотя законодательство стремится к постоянному развитию и совершенствованию (с позиции устранения таковых), вопросы внесения ясности в документацию со стороны законотворцев, могут стать основой преодоления подобных «двойных» трактовок закона.

Главная сложность восприятия юридических текстов сводится именно к необходимости вычленения из множества «обязательных» формулировок общего смысла и посыла, диктуемого законодательством. Причем, стоит также заметить, вопросы интерпретации одних законов против других также достаточно сильно варьируются. Во-первых, это зависит от редакции нормативно-правового акта; с течением времени некоторые неточности и формулировки могут исключаться/изменяться или, наоборот, усиливаться с точки зрения негативного эффекта, препятствующего пониманию смысла. Во-вторых, сложность восприятия юридического текста может быть обусловлена применением множества неоднозначных терминов, синонимов к ним, словосочетаний, а также использования «громоздких» конструкций, прочитывая которые человек теряет нить повествования; если же закон небольшой, он может и не содержать в себе данные аспекты [2]. В-третьих, в текстах может быть нарушена логика повествования, резко обрываться смыслы высказываний и фраз, наблюдаться неполнота текста. Все это, так или иначе, усложняет восприятие юридических текстов и не позволяет наиболее точно интерпретировать их смысл.

По нашему мнению, единственно верными способами избегания ситуаций неверного толкования законодательства являются:

1. Обращение к проверенным, достоверным открытым источникам, в которых осуществляется разъяснение соответствующих законов. Как правило, объяснительные тексты на таких платформах и ресурсах

(зачастую, к тому же, размещенных в сети Интернет) пишутся специалистами в сфере юриспруденции. Следовательно, это позволяет учитывать опыт интерпретации законодательства со стороны правоведов; однако, у данного подхода имеется несколько существенных недостатков:

- возможным становится устаревание законодательного акта (внесение в него дополнительных правок), которые могут не быть учтены на разъясняющем сайте, что приводит к необходимости его своевременного обновления (чего может и не произойти);
- толкование юридического текста может быть искажено в случае некомпетентности сотрудника, занимающегося написанием данного разъяснения, а также могут быть опущены значимые детали;
- объяснение может быть неинформативным, что фактически делает его несущественным и нецелесообразным [5].

2. В связи с вышеизложенным, значимым становится подход, связанный с фактической сверкой нескольких источников и оригинала нормативно-правового акта, что позволяет, во-первых, учесть сохранение единого смысла на каждом из ресурсов; во-вторых, проверить актуальность содержащихся в разъяснении сведений; в-третьих, убедиться в достоверности толкования, учете всех особенностей и информативности каждого из ресурсов. На этой основе также возможен и учет особенностей каждого из представленных ресурсов, что фактически означает соблюдение ими единых правил при разъяснении документации. Ко всему прочему, немаловажной является информация и о том, кто является непосредственным автором-составителем текста-разъяснения; в случае, если это достаточно квалифицированный эксперт, к тому же имеющий некоторую известность, уровень доверия к разъяснению увеличивается. Однако, так или иначе, данный подход все еще не обеспечивает достоверности интерпретации текстов в той степени, в случае которой можно быть уверенным в качестве полученной информации.

3. Самостоятельный анализ. Предполагает проведение процедуры сложного самостоятельного анализа текста, что фактически означает его прочтение, вычленение смысловых сегментов, а также учет тех моментов, которые актуальны для читающего. Так или иначе, эффективность и достоверность данного способа зависит от того, как производится анализ, на какие детали обращается внимание и так далее. Тем не менее, в таком случае субъект будет уверен, что информация является качественной и достоверной [4].

4. Обращение за консультацией к действующему юристу из данной области. Является одной из самых достоверных мер, однако, главным её недостатком становится необходимость оплаты консультационных услуг, что фактически, при проведении «домашнего» анализа нормативно-правовой документации становится попросту нецелесообразным.

Таким образом, учитывая вышеизложенное можно подчеркнуть, что самым значимым способом становится фактическое применение всех трех методов (за исключением обращения за консультацией к юристу), что обеспечит учет всех тонкостей и особенностей юридического текста, восприятия ключевой информации. В то же время, осуществление самостоятельного анализа при предварительной подготовке может стать источником большего искажения смысла; в связи с этим, автор предлагает соблюдение следующего алгоритма при построении самостоятельного анализа нормативно-правовой документации (рис. 1.):

Рис. 1. Концептуальные основы проведения анализа нормативно-правовой документации в целях упрощения её интерпретации

Обращаясь к рис. 1. можно подчеркнуть, что он отражает специфические наиболее сложные с точки зрения восприятия элементы юридического текста:

- структура;
- основные определения (терминология);
- положения законодательства, ссылки на другие акты;
- наличие сложных оборотов;
- громоздкие пункты без разграничения на предложения;
- неясность (двойственность/неисключительность) формулировок [2].

Необходимо произвести разъяснение каждого из представленных этапов:

1. Прочтение текста. На данном этапе происходит полное предварительное изучение текста; анализ структуры, а также учет общего количества слов, от которого напрямую зависит возможность его восприятия, а также последующие факторы (поскольку чем, зачастую, меньше текст, тем меньше его показатели сложности восприятия) оценки. Фактически, производится обобщенная оценка текста и выявляется целесообразность интерпретации.
2. Поиск неясностей. Предполагает организацию целенаправленного выделения и выявления всех тех моментов, которые являются сложными с точки зрения их восприятия конкретным лицом.
3. Исключение сложных оборотов. На данном этапе в тексте выделяются все сложные обороты и, если они не несут в себе никакой смысловой нагрузки они исключаются; в случае же, если они содержат в себе смысл, однако, «нагромождены», то целесообразно произвести их переопределение на более простые и сжатые формулировки. В дополнение к этому, «громоздкие» предложения и обороты предполагается разбивать на несколько частей, что позволит интерпретировать их независимо и в дальнейшем синтезировать закладываемые смыслы.
4. Дополнительное разъяснение. Данный этап не является обязательным, однако, при помощи него становится возможным дополнительный анализ текста с выявлением его характерных особенностей, смыслов и их переводом в систему понятных формулировок, наделенных простотой интерпретации. Обязательно также произвести дополнительную проверку на достоверность, которая обеспечит уверенность в правильной интерпретации.

Таким образом, концептуальная схема построения, представленная нами в данном исследовании, действительно может перспективно использоваться при построении анализа и упрощении документации с точки зрения обеспечения её восприятия со стороны широких слоев населения (обывателей). Так или иначе, данный алгоритм может применяться и непосредственно самими юристами, что повысит эффективность изучения новых законодательных актов.

Заключение

Таким образом, как показывают результаты проведенного анализа, сегодня вопросы обеспечения доступности и ясности формулировок нормативно-правового актов (и в целом, юридических текстов) имеют особую актуальность. Кроме того, в современных условиях, значение данной проблемы усиливается за счет воздействия «фейковых» источников информации, что фактически требует организации и проведения дополнительного анализа законодательных первоисточников. Так, в основу данных процессов может быть заложен представленный авторский концептуальный механизм оценки и интерпретации (упрощения) юридических текстов в целях их разъяснения. Сущность алгоритма сводится к поэтапному анализу юридического текста, вычленению из него основных значимых и незначимых моментов и элементов (в зависимости от потребности конкретного лица), упрощением формулировок путем замещения сложных оборотов на более простые, исключения лишних по смыслу слов и предложений, а также декомпозиции сложных речевых оборотов на несколько более простых. В результате, полученный текст будет (по сравнению с первоисточником) понятнее и яснее для читателя. Кроме того, важно подчеркнуть, что организация дальнейших исследований по применению данного алгоритма может стать источником накопления дополнительного и значимого опыта организации исследований и упрощений нормативно-правовых актов и юридически-значимой документации в целом.

Литература

1. Белов С.А., Гулида В.Б. Язык юридических документов: сложности понимания // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. № XV. С. 56 – 103.

2. Зуга О.В. Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами и, или в законодательных актах Российской Федерации // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 189 – 197.

3. Кнутов А.В., Плаксин С.М. и др. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.

4. Суетина О.Г. Реализация принципов сегментации и архитектоники в текстах судебных решений верховных судов стран англо-саксонской правовой системы // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №1. С. 204 – 210.

5. Didikin A.B. Speech acts and actions in legal language: conceptual analysis // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 1. P. 12 – 26.

References

1. Belov S.A., Gulida V.B. Jazyk juridicheskih dokumentov: slozhnosti ponimanija. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskih issledovanij. 2019. № XV. S. 56 – 103.

2. Zuga O.V. Problemy vosprijatija i interpretacii sochinitel'nyh konstrukcij s sojuzami i, ili v zakonodatel'nyh aktah Rossijskoj Federacii. Politicheskaja lingvistika. 2020. № 3 (81). S. 189 – 197.

3. Knutov A.V., Plaksin S.M. i dr. Slozhnost' rossijskih zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza. Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2020. 311 s.

4. Suetina O.G. Realizacija principov segmentacii i arhitektoniki v tekstah sudebnyh reshenij verhovnyh sudov stran anglo-saksonskoj pravovoj sistemy. Gumanitarnye i juridicheskie issledo-vanija. 2021. №1. S. 204 – 210.

5. Didikin A.B. Speech acts and actions in legal language: conceptual analysis. Trudy Instituta gosu-darstva i prava RAN. 2020. № 1. P. 12 – 26.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ДОБЫЧЕ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ В МОРСКОЙ ЗОНЕ

Янике Е.А., старший преподаватель,
Российский государственный университет нефти и газа им. Губкина

Аннотация: *в статье предлагается сравнение применения договоров о совместной деятельности и соглашений о разделе продукции, на примере отрасли добычи нефти и газа. Освещаются преимущества и недостатки соответствующих правовых режимов. Сектор добычи нефти и газа (а вместе – углеводородов) на территории России трудно назвать таким, что успешно развивается. Отрасль, которая должна была бы давать серьезную прибыль и (или хотя бы) серьезное количество углеводородов по цене себестоимости, приносит государству мизер. Безусловно, такая ситуация объясняется и объективными причинами, однако существенная проблема представляется в недостатках государственного регулирования, или правового режима для сектора. Очевидно, такая ситуация не слишком устраивает новое правительство, следовательно была высказана инициатива ввести серьезные изменения в нормативное регулирование. В статье попробуем разобраться, которой является текущая юридическая модель (режим) в секторе добычи углеводородов, какие недостатки и практикуются злоупотребления, основные аспекты соглашений о разделе продукции в сравнении с режимом договоров о совместной деятельности.*

Ключевые слова: *договор, деятельность, структура, сырье, право*

INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN THE EXTRACTION OF MINERALS IN THE MARINE ZONE

Yanike E.A., Senior Lecturer,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas

Abstract: *the article offers a comparison of the application of joint activity agreements and production sharing agreements, using the example of the oil and gas production industry. The advantages and disadvantages of the relevant legal regimes are highlighted. The sector of oil and gas production (and together – hydrocarbons) in Russia can hardly be called such that it is successfully developing. An industry that should have made a serious profit and (or at least) a serious amount of hydrocarbons at the cost price brings the state a meager amount. Of course, this situation is also explained by objective reasons, but a significant problem appears to be the shortcomings of state regulation, or the legal regime for the sector. Obviously, this situation does not suit the new government too much, therefore, an initiative was expressed to introduce serious changes in regulatory regulation. In the article we will try to figure out what the current legal model (regime) in the hydrocarbon production sector is, what shortcomings and abuses are practiced, the main aspects of production sharing agreements in comparison with the regime of joint activity agreements.*

Keywords: *contract, activity, structure, raw materials, law*

В нефтегазодобывающем секторе работает около сотни частных компаний. Основной юридической моделью отношений государство-инвестор сложилась такая, в основе которой лежит договор о совместной деятельности (ДСД). Правовое регулирование совместной деятельности предусмотрено главой Гражданского кодекса РФ. По договору о совместной деятельности стороны (участники) обязуются совместно действовать без создания юридического лица для достижения определенной цели, что не противоречит закону. Совместная деятельность может осуществляться на основе объединения вкладов участников (простое товарищество) или без объединения вкладов участников. Сторонами таких договоров обычно являются дочерние предприятия Росгеология и частные компании. Предметом ДСД является создание совместной деятельности, которая обеспечивает разведку и освоение месторождения, добывает углеводороды и получает прибыль от их продажи. Инвестор вносит основную часть финансирования такой деятельности, обычно является Оператором (то есть исполнительным директором), однако лицензии на скважины (месторождения) могут принадлежать и дочерней компании, и инвестору. Каждая сторона получает право приобрести в совместной деятельности определенную договором (теоретически – пропорционально вкладам) долю углеводородов по рыночной цене.

Платятся налоги с дохода, НДС и рентные платежи, при этом и объект налогообложения, и администрирования налогообложения не является четко понятны, что подтверждается в частности отдельными документами.

Необходимо отметить, что договоры о совместной деятельности обычно незначительные по объему, не содержат детальных положений о совместной деятельности сторон по проекту. В результате ДСД делают возможным ряд злоупотреблений, например завладение инвестором правами на месторождение на основании решений суда по результатам невыполнения государством ряда обязательств, в частности по внесению дополнительных инвестиций. Следует отметить, что такие обязательства могут быть заведомо невыполнимыми, и даваться с целью создать инвестору основания для обращения в суд. Также, практикуется безосновательный отъем / предоставление лицензий на разработку месторождений, заведомо невыгодные условия распределения доходов совместной деятельности, и еще некоторые другие схемы. Итоговые поступления в бюджет государства от такого сотрудничества измеряется, если не брать во внимание ПАО «Газпром», несколькими миллионами долларов на год [5].

Таким образом, вряд ли можно удивляться инициативе введения такой юридической модели государственно-частных отношений, которые бы по крайней мере уменьшили пространство для злоупотреблений, а именно соглашений о разделе продукции (СРП), предусмотренных законодательством.

Концепция государственно-частного партнерства по соглашениям о разделе продукции заключается в следующем. В соответствии с соглашением о разделе продукции одна сторона поручает другой стороне – инвестору на определенный срок проведение поиска, разведки и добычи полезных ископаемых на определенном участке (участках) недр и ведение связанных с соглашением работ, а инвестор обязуется выполнить порученные работы за свой счет и на свой риск с последующей компенсацией затрат и получением платы (вознаграждения) в виде части прибыльной продукции. То есть, государство получает долю углеводородов, добытых преимущественно за счет инвестора. Отношения сторон регулируются Соглашением о разделе продукции. Риски и управление закрепляются за оператором, которым обычно является инвестор, а государство может контролировать разработку объектов [1].

Заметим, что для сферы нефте- и газодобычи положительной оценки заслуживает более узкая сфера действия (scope) закона об СРП. Так, он является более узким и приближенным к специфике нефтегазовой отрасли, позволяет точнее и полнее учесть интересы сторон: Отношения, возникающие в процессе выполнения поисковых работ, разведки и добычи полезных ископаемых, распределения произведенной продукции, ее транспортировки, обработки, хранения, переработки, использования, реализации или распоряжения им иным образом, а также строительства и эксплуатации связанных с этим промышленных объектов, трубопроводов и других объектов, регулируются соглашением о разделе продукции, заключаемым в соответствии с настоящим Законом. Права и обязанности сторон соглашения о разделе продукции определяются согласно гражданскому законодательству, с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Законом. Кроме того, в этой сфере закон об СРП имеет приоритет над другими законами.

Также, режим СРП имеет стабилизационное положение. В частности, государство гарантирует, что к правам и обязанностям инвестора, определенным соглашением о разделе продукции, в течение срока ее действия будет применяться законодательство, действующее на момент заключения соглашения, кроме законодательства, которое уменьшает размер налогов или сборов или отменяет их, упрощает регулирование хозяйственной деятельности по поиску, разведке и добыче полезных ископаемых, ослабляет процедуры государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности. В то же время стабилизационная оговорка не действует в отношении изменений законодательства по вопросам обороны, национальной безопасности, обеспечения общественного порядка и охраны окружающей среды [8].

Важно также, что на инвестора не распространяется действие нормативно-правовых актов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, если эти акты ограничивают права инвестора, определенные соглашением о разделе продукции, за исключением предписаний органов государственного контроля и надзора, которые выдаются в соответствии с законодательством с целью создания условий для безопасного ведения работ, охраны недр, окружающей среды, сохранения здоровья населения.

Существенно отличается режим СРП и в аспекте сторон договоров. По режиму СРП, стороной со стороны государства предусматривается Кабинет министров. Кроме того, предусматривается дополнительный контроль общества через межведомственную комиссию. Впрочем, нельзя не отметить, что представители общества участия в такой Комиссии не берут. Инвестор избирается на конкурсе, в то же время сохраняется возможность не проводить конкурс в частности по инициативе текущего недропользователя. В любом случае, сторона договора в лице Правительства выглядит более солидной, чем

региональные дочерние компании ПАО «Газпром», а также более доступной для общественного контроля [2].

Дополнительным способом обеспечения соблюдения рыночных условий и прозрачности проведения конкурса для выбора инвестора-стороны соглашения о разделе продукции, а также экспертиза и согласование проекта такого соглашения. Во время конкурса, учитываются программа работ на участке недр; технологические решения; мероприятия по охране окружающей среды; финансовая обеспеченность и международный опыт участника для выполнения программы работ и инвестирования. Впрочем, вряд ли можно потребляться на чрезвычайную эффективность таких критериев, в частности такого, как привлекательность условий инвестирования. Кроме того, проекты соглашений о разделе продукции подлежат обязательной государственной экспертизе по финансовым, правовым, природоохранным и другим вопросам, и должны быть согласованы с органом местного самоуправления, на территории которого расположен участок недр, который в соответствии с соглашением передается в пользование Безусловно, вот это согласование может составить немалую проблему для инвестора, история согласования СРП с Росгеологией тому пример. В то же время, такое положение представляется уместным в перспективе декларируемой децентрализации публичной власти [4].

Срок действия ДСД обычно привязывался к срокам действия соответствующих лицензий, что создавало потенциально непредсказуемую для инвестора привязку к решениям органов государственной власти. Вряд ли можно было назвать такую привязку такой, что поощряла инвестора к ответственному длительному планированию. В то же время, сейчас массовая отмена лицензий может стать способом расторгнуть значительную часть невыгодные для государства ДСД для высвобождения пространства соглашениям о разделе продукции. Отметим, что закон СРП не содержит минимальных сроков действия СРП, однако в международной практике такой срок составляет обычно более 10 лет. При этом, для СРП характерно этапирование срока действия, то есть установление временных рамок для отдельных этапов (поиск, разведка и добыча полезных ископаемых), что безусловно добавляет гибкости сторонам. А вот привязка срока действия СРП к сроку действия лицензии-отсутствует, наоборот, лицензии и другие разрешения привязываются к СРП. Таким образом, инвестор получает значительно больше стимула для долгосрочного планирования, при этом государство сохраняет все предусмотренные соглашением возможности для ее прекращения в нормальный способ, а не через спорные перетасовки лицензий [6].

В отличие от ДСД, для СРП предусмотрен существенный перечень существенных условий, что, по нашему мнению, способствует более тщательной защите интересов сторон, а также отражает интересы общества. Следует отметить частности, что в соглашении о разделе продукции определяются перечень видов деятельности инвестора и программа обязательных работ с определением сроков исполнения, объемов и видов финансирования; проект рекультивации земель; перечень, объемы и сроки выполнения предусмотренных соглашением работ; требования к качеству выполняемых в соответствии с соглашением работ; порядок согласования сторонами бюджетов и программ работ; порядок определения стоимости добытых полезных ископаемых, в том числе валюта, в которой будет выражено такую стоимость, в сделке с участием иностранного инвестора; состав затрат, подлежащих возмещению компенсационной продукцией. Также, обязательно определяется порядок и срок передачи государству принадлежащей ему части прибыльной продукции. При этом, законом допускается, что соглашением может предусматриваться передача государству денежного эквивалента части прибыльной продукции, принадлежащей государству. Уместность такой свободы пока представляется сомнительной.

Зато, положительной оценки, по сравнению с ДСД, заслуживают такие существенные условия, как порядок контроля за выполнением соглашения о распределении продукции; требования о возврате участков недр и земельных участков после окончания действия соглашения в случае досрочного прекращения или окончания отдельных этапов работ, а также сроки и порядок возврата этих участков; условия переуступке инвестором прав и обязанностей, предусмотренных соглашением. Такие обязательные положения добавляют существенной предсказуемости отношениям сторон по каждому отдельному проекту, и очевидно сужают пространство для злоупотреблений. В продолжение возможен прокомментированных более, чем 30 существенных условий, соглашения должны содержать еще и положение о декларировании добычных характеристик; порядок пользования геологической, геофизической и другой информации; порядок и особенности учета расходов на промышленные и технологические нужды; порядок согласования и утверждения программ, в частности программ проведения нефтяных операций; условия страхования имущественных рисков, включая утрату добытых полезных ископаемых вследствие разлива, наводнения, пожары; передачи другому инвестору (другим инвесторам) в многостороннем соглашении принадлежащей ему (им) части прибыльной и/или компенсационной продукции или их денежного эквивалента, если это предусмотрено соглашением. Таким

образом, нетрудно понять, почему объем СРП обычно измеряется сотнями страниц. Безусловно, достижения и выписки соглашения в такой детальный образ может составлять трудности для сторон, особенно в малых проектах. В то же время, каждая сторона получает максимум возможностей для защиты собственных прав и интересов [3].

Очередным бонусом СРП считаем наличие условий о local content и best practices compliance. Речь идет об обязанностях инвестора по предоставлению преимуществ продукции, товарам, работам, услугам российского происхождения (при равных условиях относительно цены, срока выполнения, качества, соответствия международным стандартам); прием (наем) на работу работников преимущественно из числа граждан РФ, а также их обучение. В то же время, помня примеры недовольства органов местного самоуправления низким уровнем local content за СРП (Shell, Chevron), целесообразным представляется расширение закона СРП в этой части.

По режиму СРП, государство обязуется предоставлять все необходимые разрешения и лицензии на срок действия соглашения одновременно с его заключением, а не наоборот, как предусмотрено ДСД. Лицензии и разрешения предоставляются инвестору, причем вместе с заключением СРП, что является дополнительной для него гарантией. Государство обеспечивает предоставления инвесторам, и способствует приданию их подрядным, субподрядным и иным организациям (лицам) согласований, квот, специальных разрешений на пользование недрами и лицензий на осуществление деятельности по поиску (разведке) и эксплуатации месторождений полезных ископаемых, актов о предоставлении горного отвода, документов, удостоверяющих право пользования землей и других разрешений, документов разрешительного характера, лицензий, связанных с пользованием недрами, выполнением работ, строительством сооружений, предусмотренных соглашением о распределении продукции [7].

В то же время, государство сохраняет право ограничить или прекратить действие специального разрешения на пользование недрами на условиях соглашений о разделе продукции в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью людей или окружающей среде в порядке, предусмотренном таким соглашением [12].

Вклад государства в общий проект (Партнерство) осуществляется, в целом, через деятельность органов государственной власти: предоставление объекта для разработки, обеспечение надлежащих условий для добычи углеводородов, содействие деятельности инвестора. Возможны (но необязательны) также денежные взносы. На самом деле, эти аспекты не слишком отличаются от режима ДСД, однако такие условия и не могут существенно отличаться.

Основная выгода государства по режиму СРП заключается в получении доли добытой продукции. При этом, вполне возможен вариант, когда эта доля продукции не будет стоить государству никаких денег. Кроме того, за режимом СРП возможно предусмотреть обязанность инвестора продать часть продукции на территории РФ (по ценам не ниже обычных), что также способствует удовлетворению внутреннего спроса. Таким образом, по сравнению с ДСД, государству не приходится искупать добытые углеводороды по рыночным ценам (какими бы они ни были) в совместной деятельности.

СРП предусматривает возможности для осуществления государством контроля за выполнением соглашения. Государственный контроль за выполнением соглашения о разделе продукции осуществляет Правительство или уполномоченный им центральный орган исполнительной власти. Комплексная проверка выполнения условий, предусмотренных Соглашением о разделе продукции, осуществляется раз в пять лет. При выявлении существенных нарушений условий соглашения, предусмотренных таким соглашением, Правительство имеет право обратиться в суд (или иного предусмотренного соглашением органа разрешения споров) с требованием о досрочном расторжении договора с возмещением убытков с одновременной остановкой или без остановки выполнения работ, предусмотренных соглашением о распределении продукции.

В то же время, нельзя не заметить, что и СРП содержит пространство для злоупотреблений. В частности, это переуступка участия в СРП, по которой инвестор имеет право передать полностью или частично свои права и обязанности, определенные соглашением о разделе продукции, любому юридическому или физическому лицу. Однако, порядок осуществления такой переуступки может предусматриваться соглашением, поэтому каждая сторона имеет равные возможности для предотвращения нарушений собственных прав и интересов. Широкие возможности открывает такое и положения Закона СРП по поощрению иностранных инвесторов, за которым на инвестора и всех его подрядчиков не распространяется режим лицензирования и квотирования во время ввоза в РФ принадлежащего им или арендованного оборудования, материалов, оборудования и другого имущества, необходимого для производства работ, определенных соглашением о распределении продукции [9].

В конце концов, характер СРП вроде как надстройки над многими органами публичной власти с разными интересами и компетенцией имеет тот недостаток, что благородно берется за очень многие аспекты, поэтому вряд ли можно рассчитывать на стопроцентно эффективную их реализацию, особенно в небольших проектах.

Итогово, отметим следующее. Применение договоров о совместной деятельности в секторе добычи углеводородов в РФ выглядит несколько искусственным. Режим ДСД не содержит достаточных гарантий для сторон государственно-частного партнерства, зато простор для злоупотреблений. В отличие от РФ, в мировой практике применение Joint operation agreements имеет широкое распространение, однако по своим детальным содержанию такие договоры являются гораздо ближе к соглашениям о разделе продукции. В то же время, в российском правовом поле режим СРП имеет ряд существенных преимуществ, причем не только для государства, но и для инвесторов. При этом, в значительной степени такое преимущество зависит от эффективности сторон в договорном процессе по заключению СРП.

Литература

1. Антюшина Н.М., Говорова Н.В. Перспективы хозяйственного освоения арктической зоны России // Современная Европа. 2014. № 4 (60). С. 48 – 60. DOI 10.15211/soveurope420144860

2. Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К., Кац Е.С. Современный международно-правовой режим Северного Ледовитого океана // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 38 – 51.

3. Вартанов А.З., Петров И.В., Федаш А.В. Развитие институтов евразийского технико-экономического сотрудничества в области разведки, добычи и переработки твердых полезных ископаемых // Горный журнал. 2017. № 11. С. 14 – 17. DOI 10.17580/gzh.2017.11.02

4. Кирилина Е. Арктика – актуальный вопрос международных отношений XXI в. // Collegium linguisticum – 2017: тезисы докладов ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ, Москва, 01-15 марта 2017 года. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2017. С. 162 – 163.

5. Кичигина И.М. Проблемы и перспективы сотрудничества Китая и России в области добычи полезных ископаемых // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Революции 1917 года, 80-летию со дня образования Читинской области, 50-летию атомной промышленности в Забайкалье: в 3 ч. Чита, 22 сентября 2017 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. С. 113 – 115.

6. Кокорев В.М. Перспективы развития российско-аргентинских торгово-экономических связей // Латинская Америка. 2013. № 8. С. 18 – 36.

7. Курмазов А.А. Морская ресурсная политика Канады на тихоокеанском направлении // Рыбное хозяйство. 2010. № 4. С. 9 – 11.

8. Мендагазиев А.Е. Россия и Китай в Арктике: столкновение или сотрудничество? // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2018. Т. 9. № 2 (34). С. 94 – 99.

9. Осипова И.А. Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа: проблемы и перспективы // Nauka-Rastudent.ru. 2015. № 12. С. 16.

10. Николаев Д.А. Основания возникновения предпринимательских правоотношений в сфере добычи общераспространенных полезных ископаемых // International Law Journal. 2021. Т. 4. № 6. С. 42 – 46.

11. Леонидова Ю.А. Методический подход к оценке бюджетной эффективности при освоении труднодоступных месторождений полезных ископаемых // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 4. С. 249 – 255.

12. Dikariev O.I., Shostak L.B. China's Arctic geostrategies in political and economic processes // Market Relationship Development in Ukraine. 2019. № 3 (214). P. 7 – 18. DOI 10.5281/zenodo.2677988

References

1. Antjushina N.M., Govorova N.V. Perspektivy hozjajstvennogo osvoenija arkticheskoj zony Rossii. Sovremennaja Evropa. 2014. № 4 (60). S. 48 – 60. DOI 10.15211/soveurope420144860

2. Bekjashev K.A., Bekjashev D.K., Kac E.S. Sovremennyj mezhdunarodno-pravovoj rezhim Severnogo Ledovitogo okeana. Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2019. № 2 (129). S. 38 – 51.

3. Vartanov A.Z., Petrov I.V., Fedash A.V. Razvitie institutov evrazijskogo tehniko-jekonomicheskogo sotrudnichestva v oblasti razvedki, dobychi i pererabotki tverdyh poleznyh iskopaemyh. Gornyj zhurnal. 2017. № 11. S. 14 – 17. DOI 10.17580/gzh.2017.11.02

4. Kirilina E. Arktika – aktual'nyj vopros mezhdunarodnyh otnoshenij XXI v. Collegium linguisticum – 2017: tezisy dokladov ezhegodnoj konferencii Studencheskogo nauchnogo obshhestva MGLU, Moskva, 01-15 marta 2017 goda. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2017. S. 162 – 163.

5. Kichigina I.M. Problemy i perspektivy sotrudnichestva Kitaja i Rossii v oblasti dobychi poleznyh iskopaemyh. Prigranichnyj region v istoricheskom razvitii: partnjorstvo i sotrudnichestvo: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju Revoljucii 1917 goda, 80-letiju so dnja obrazovanija Chitinskoj oblasti, 50-letiju atomnoj promyshlennosti v Zabajkal'e: v 3 ch. Chita, 22 sentjabrja 2017 goda. Chita: Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 2017. S. 113 – 115.

6. Kokorev V.M. Perspektivy razvitija rossijsko-argentinskih torgovo-jekonomicheskih svjazej. Latinskaja Amerika. 2013. № 8. S. 18 – 36.

7. Kurmazov A.A. Morskaja resursnaja politika Kanady na tihookeanskom napravlenii. Rybnoe hozjajstvo. 2010. № 4. S. 9 – 11.

8. Mendagaziev A.E. Rossija i Kitaj v Arktike: stolknovenie ili sotrudnichestvo? Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravlenija RANHiGS. 2018. T. 9. № 2 (34). S. 94 – 99.

9. Osipova I.A. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga: problemy i perspektivy. Nauka-Rastudent.ru. 2015. № 12. S. 16.

10. Nikolaev D.A. Osnovaniya vozniknoveniya predprinimatel'skih pravootnoshenij v sfere dobychi obshcherasprostranennyh poleznyh iskopaemyh. International Law Journal. 2021. T. 4. № 6. S. 42 – 46.

11. Leonidova YU.A. Metodicheskij podhod k ocenke byudzhetnoj effektivnosti pri osvoenii trudnodostupnyh mestorozhdenij poleznyh iskopaemyh. Russian Economic Bulletin. 2021. T. 4. № 4. S. 249 – 255.

12. Dikariev O.I., Shostak L.B. China's Arctic geostrategies in political and economic processes. Market Relationship Development in Ukraine. 2019. № 3 (214). P. 7 – 18. DOI 10.5281/zenodo.2677988

СУДЕБНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Джебраилов Лятиф Гурбанали оглы, аспирант,
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Аннотация: *актуальность темы заключается в том, что на современном этапе преступность представляет собой значительную угрозу. Данные вопросы отражаются на многоаспектном уровне, в нормативных актах различных материальных и процессуальных отраслей российской правовой системы. Не является исключением и уголовно-процессуальное законодательство, которое столкнулось с неоднозначными и весьма противоречивыми аспектами разбирательства в особом порядке. Кроме того, ситуация существенно усложняется неоднозначным подходом правоприменителя к процедурным вопросам заключения досудебных соглашений о сотрудничестве.*

В представленной статье проанализированы судебные правовые позиции, которые отражают специфику разбирательства по уголовным делам в упрощенном порядке. Осуществленный критический анализ ряда важнейших позиций Верховного Суда РФ позволил автору утверждать, что судебные правовые позиции формируются в целях единообразного рассмотрения и разрешения в Российской Федерации уголовных дел с применением законоположений гл. 40.1 УПК РФ, и представляют собой важные правовые идеи, сформулированные по итогам того или иного дела. Отмечено, что судебные правовые позиции по отдельным вопросам судебного разбирательства в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, формулируемые Верховным Судом РФ, характеризуются предметно-целевой направленностью и едиными доктринальными началами.

Ключевые слова: *судебная правовая позиция, преступление, досудебное соглашение о сотрудничестве, право, суд, уголовный процесс*

JUDICIAL LEGAL POSITIONS ON CERTAIN ISSUES OF THE APPLICATION OF A SPECIAL PROCEDURE FOR THE TRIAL OF CRIMINAL CASES WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Dzhebrailov Lyatif Gurbanali ogly, Postgraduate,
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov

Abstract: *the relevance of the topic lies in the fact that at the present stage crime is a significant threat. These issues are reflected at a multidimensional level, in the normative acts of various material and procedural branches of the Russian legal system. The criminal procedure legislation is no exception, which has encountered ambiguous and very contradictory aspects of the proceedings in a special order. In addition, the situation is significantly complicated by the ambiguous approach of the law enforcement officer to the procedural issues of concluding pre-trial cooperation agreements.*

The article analyzes judicial legal positions that reflect the specifics of criminal proceedings in a simplified manner. The carried out critical analysis of a number of the most important positions of the Supreme Court of the Russian Federation allowed the author to assert that judicial legal positions are formed for the purpose of uniform consideration and resolution of criminal cases in the Russian Federation using the provisions of Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and represent important legal ideas formulated following the results of a particular case. It is noted that judicial legal positions on certain issues of judicial proceedings in a special order when concluding a pre-trial cooperation agreement, formulated by the Supreme Court of the Russian Federation, are characterized by a subject-oriented orientation and unified doctrinal principles.

Keywords: *judicial legal position, crime, pre-trial cooperation agreement, law, court, criminal process*

Современный период российской государственности характеризуется весьма новаторским подходом к регулированию тех или иных отношений. В частности, в течение последних лет отчетливо наблюдаются тенденции по упрощению отдельных видов производств. Для настоящей научной статьи особый интерес представляет институт особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам при непосредственном заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с положениями гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – УПК РФ) [17].

Значительная часть современных правоведов положительным образом оценивают данный институт [10]. Следует полагать, что подобное восприятие особого порядка обусловлено рядом весомых обстоятельств. Так, прежде всего, особый порядок является средством оптимизации, ускорения и упрощения процедуры судебного разбирательства уголовных дел, однако, при условии своевременного поиска и определения допустимых пределов его применения судебными инстанциями. В то же время, до сих пор значимой и фактически неразрешенной остается проблема достижения компромисса интересов между участниками процессуальных отношений в условиях широкого распространения судебного разбирательства по упрощенной процедуре. Официальные данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствуют о том, что в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве было осуждено в 2017 г. – 4391, в 2018 г. – 3614, в 2019 г. – 3009, в 2020 г. – 3132, в 2021 г. – 3111 лиц [16]. Представленные сведения подтверждаются и весьма тревожными заявлениями бывшего Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки, по мнению которого профессиональные навыки следственных работников существенно ослабли, российские органы предварительного следствия деградируют, поскольку упрощенная форма не нуждается в активном сборе доказательств [9].

Преследуя цель обеспечения законности и поддержания правопорядка на государственном уровне, органы прокуратуры приступили к стратегической борьбе с упрощенными формами судебного разбирательства путем возражения против ходатайств обвиняемых, настаивающих на рассмотрении и последующем разрешении дел в особом порядке. Учитывая обозначенные аспекты Л.В. Головко весьма обоснованно утверждает, что уголовный процесс базируется не на интересах участников судопроизводства публичной направленности, а непосредственно на интересах правосудия [4, с. 35, 36].

Критически по отношению к институту особого порядка высказывался В.А. Давыдов ещё в ходе парламентских слушаний 2014 г., ссылаясь на то, что упрощенный подход удобен не только следственным органам, но и судам. В частности, судьям нет необходимости оценивать и анализировать доказательства; допустимо вынести приговор без основательной мотивировки. Подобные тенденции идут вразрез с нормами ч. 1 ст. 49 Конституции РФ [8], поскольку особые производства не должны использоваться для освобождения государства от обязанности по доказыванию виновности обвиняемых лиц.

Аналогичную точку зрения высказывала ранее и О.В. Качалова, утверждая, что в сокращенных производствах в достаточной степени не реализуются все задачи уголовного судопроизводства. Именно общая форма судебного разбирательства позволяет в полной мере исследовать и объективно оценить все собранные по делу доказательства, благодаря чему гарантируется справедливость уголовного судопроизводства [6, с. 9].

Не оспаривая представленные выше точки зрения, хотелось бы отметить также, что в большей степени именно особый порядок при заключении досудебных соглашений о сотрудничестве способствовал возникновению новой формы правосудия, нашедшей свое отражение в гл. 40.1 УПК РФ. Следует полагать, что инициируя заключение досудебного соглашения, суд сознательно устраняется от решения важнейшего вопроса судебного разбирательства, который касается определения виновности подсудимого.

Иными словами, суд сосредоточен исключительно на выяснении фактов того, как и в каком объеме подсудимым было оказано содействие органам предварительного расследования. Подобная система координат в правовой плоскости приводит к тому, что в уголовном судопроизводстве суд выступает в качестве формального участника, поскольку непосредственное разрешение уголовного дела происходим в рамках досудебного производства. Судебная инстанция устраняется от осуществления правосудия, от объективного и достаточного исследования доказательств, выполняя лишь контрольную функцию за деятельностью следователя. Подтверждение своим рассуждениям автор находит в трудах отечественных правоведов [1, с. 21], что отрицательно отзываются о существующих пределах судебного разбирательства, ограничивающих возможности доказывания в суде, не позволяющих глубоко и основательно оценить имеющийся предмет доказывания. Следует полагать, что признание обвиняемым своей виновности в контексте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в настоящее время расценивается российским законодателем как прямое и достаточно веское доказательство. В этой связи автор убежден, что принцип непосредственности в судебном разбирательстве по уголовным делам, а также принцип презумпции невиновности, состязательность и осуществление правосудия только судом в уголовном процессе утратили свои фундаментальные характеристики, так как продолжают существовать в ограниченном виде.

Не преследуя цель умаления тех положительных качеств, которыми обладает особый порядок судебного разбирательства по уголовным делам при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, хотелось бы подчеркнуть, что всегда существует вероятность подвергнуть наказанию невиновное лицо. Следовательно, упрощенная форма судебного разбирательства обладает весьма сомнительными признаками социальной ценности, и не всегда способна обеспечить уменьшение материально-психологических затрат, свя-

занных с разбирательством по уголовному делу. Уместной в данном контексте представляется точка зрения Д.Р. Гимазетдинова и З.З. Зинатуллина, утверждающих, что «любые упрощения допустимы лишь при условии отсутствия у них негативного влияния на разрешение человеческих судеб» [3, с. 31]. Весьма категорично об особом порядке отзывается В.Н. Григорьев, по мнению которого его следует заменить на общий порядок для достижения целей «отражения общественных потребностей гражданского общества в справедливом правосудии» [5, с. 48].

Представленные научным сообществом мнения, во многом, характеризуются достаточно неоднозначным отношением к институту особого порядка. Аналогичное отношение наблюдается и по отношению к досудебным соглашениям. Несмотря на отчетливую убежденность юридической общественности в ущербности идеи упрощенного судебного разбирательства, а также наблюдающиеся в механизме реализации особого порядка принятия судебных решений противоречия базовым принципам уголовного судопроизводства, институт упрощенной уголовно-процессуальной формы продолжает существовать. Более того, процедурные аспекты рассмотрения уголовных дел в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве продолжают нуждаться в повышении их качества.

Во избежание формирования негативной практики заключения досудебных соглашений в ущерб правам и законным интересам сторон обвинения и защиты, представляется целесообразным обратиться к судебным правовым позициям, занимающим особое место в вопросах особого правового регулирования и последующей реализации разбирательства. По справедливому утверждению Г.А. Гаджиева, возникновение правовых позиций обусловлено «постоянно усложняющимся процессом дифференциации форм объективирования юридических норм» [2, с. 22]. Учитывая множество сложностей, связанных с рассмотрением уголовных дел в особом порядке и преследующих цель заключения досудебных соглашений о сотрудничестве, по мнению автора, имеются все основания обратиться к правовым позициям как формам судейского права. Подтверждение своим рассуждениям находим также у Т.В. Кашаниной, которая признает позиции высших судов ориентиром для судопроизводства [7, с. 44].

В современном российском обществе, соответственно, увеличивается влияние правовой позиции Верховного Суда РФ на резолюции нижестоящих судов, что объясняется принятием в 2021 г. Верховным Судом РФ двух Постановлений Пленума Верховного Суда РФ (№16 и №17), в которых констатировано: национальные органы суда высших инстанций обладают, посредством применения правовых технологий, правом осуществлять правотворчество, формируя в процессе анализа единообразной судебной практики резолюции, признанные правовыми нормами, которые должны быть учтены нижестоящими судами при формировании резолюций [11, 12].

Верховный Суд РФ, преследуя цель обеспечения единообразия судебно-следственной практики принял еще в 2012 году Постановление «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (далее – Постановление №16) [13]. В документе отмечается, что применение досудебного соглашения невозможно без соблюдения общих принципов реализации национального правосудия и положений, отраженных в гл.40.1 УПК РФ. Только при соблюдении таких принципов возможно вынесение законного, обоснованного, а также – справедливого судебного приговора.

Верховный Суд в Постановлении №16, разъяснил российским судам, что при анализе содействия лица, который сотрудничает со следствием в рамках досудебного соглашения, необходимо принимать во внимание позицию подозреваемого/обвиняемого в следующих направлениях:

- полнота и достоверность показаний в отношении фактов совершенного деяния;
- предоставление информации о возможных соучастниках преступления с подтверждением роли каждого из соучастников в совершении преступления;
- информирование о фактах совершения других посягательств, запрещенных уголовным законом;
- указание очевидцев преступления, мест, в которых осуществлено сокрытия трупа, а также мест хранения, уничтожения орудий преступления, похищенных материальных благ;
- непосредственная выдача, как предметов, так и документов, аудио-, видеозаписей, представляющих интерес для расследования уголовного дела;
- активное способствование эффективной реализации оперативно-розыскных мероприятий.

Верховный Суд РФ сформировал также следующую правовую позицию: законодатель, отражая в гл. 40.1 УПК РФ положения о правилах заключения досудебного соглашения о взаимодействии с органами правосудия, не ограничивает возможность его заключения одновременно с более, чем одним физическим лицом (обвиняемый либо подозреваемый), привлекаемым к уголовной ответственности по одному делу.

Представляется важной правовая позиция Верховного Суда РФ, в соответствии с которой уголовное дело выделяется в отдельное производство, если данному событию предшествовало заключение соглашения

о сотрудничестве. Если же этого не произошло на досудебных стадиях, суд в порядке предварительного слушания призван решить вопрос в отношении возвращения уголовного дела в соответствии со ст. 237 УПК РФ прокурору. Суд, рассматривая уголовное дело анализируемой категории, может провести закрытое заседание [19, с. 111]. Отметим, что подобного рода решение суд может принять и в целях обеспечения личной безопасности подсудимых, их родственников, близких лиц, в т.ч. – в случаях, когда в отношении таких лиц меры безопасности не были предприняты ранее. Считаем это совершенно правильным, поскольку личная безопасность, как элемент безопасности, в целом [18], – важнейшее для каждого индивида состояние индивидуальной (физической, моральной) защищенности от возможных многоаспектных угроз и внешнего, и внутреннего свойства, посредством которого обеспечивается защита конституционных прав и свобод [15, с. 172].

Верховный Суд РФ в Постановлении №16 подчеркивает важность обеспечения личной безопасности тех лиц, которые заключили досудебное соглашение. Опираясь на положения ст. 11, 317.9 УПК РФ, высшей судебной инстанцией отмечается, что в соответствии с такими ведущими конституционными принципами, как, во-первых, независимость судей, во-вторых, их объективность, и, в-третьих, беспристрастность, признанными императивными для всей российской правовой системы [14, с. 84], судья, который рассматривает соответствующее дело лица, с которым было заключено соглашение о сотрудничестве, не вправе принимать участие в рассмотрении дела с его соучастниками, включая лиц, с которыми заключено подобное соглашение (п. 6 Постановления №16).

При этом особое значение имеет правовая позиция, в соответствии с которой в процессе проверки соблюдения требований п. 1 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ российские суды должны принимать во внимание следующее. Участники уголовного процесса (прокурор, государственный обвинитель) обладают правомочием на подтверждение факта эффективного содействия следствию в раскрытии уголовного дела, как иных соучастников деяния, в котором обвиняется данное лицо, так и субъектов другого преступления, которое подлежало совершению без непосредственного участия такого лица, как подсудимый.

Суд на основании ходатайства участников процесса либо в силу собственного волеизъявления обладает правом на возврат уголовного дела прокурору, если речь идет о прекращении разбирательства в особом порядке. В подобного рода ситуациях, если все условия досудебного соглашения подсудимым были выполнены суд обязан применить правила смягчения уголовного наказания и назначить его в соответствии с ч. ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ.

Верховным Судом РФ отмечается, что досудебное соглашение с подозреваемым, обвиняемым может быть заключено только в случае добровольного принятого им решения о сотрудничестве со следствием. В рамках судебного разбирательства не исключается рассмотрение гражданского иска вместе с делом лица, заключившим досудебное соглашение. Постановляя обвинительный приговор, суд полномочен отказать в удовлетворении подобного иска, а также – выразить согласие посредством его удовлетворения полностью или в какой-либо части. Необходимо пояснить, что в гл. 40.1 УПК РФ нет упоминаний таких терминологических категорий как «гражданский истец» или «потерпевший». Для осуществления судебного заседания участие подсудимого и защитника являются обязательными. При этом ч. 1 ст. 314 УПК РФ к настоящему времени уже не требует получения согласия от потерпевшего по уголовным делам в контексте осуществления производства в особом порядке по преступлениям небольшой или средней тяжести. Также утратила свою силу ч. 4 ст. 314 УПК РФ, согласно которой против ходатайства обвиняемого ранее мог возражать потерпевший или обвинитель, чтобы добиться рассмотрения дела в общем порядке.

Принимая во внимание сказанное выше, хотелось бы отметить, что действующее законодательство позволяет не учитывать мнение потерпевшего лица в ситуации, когда с обвиняемым заключается досудебное соглашение. Автора статьи полагает, что подобное положение дел свидетельствует о несовершенстве уголовно-процессуального закона, а также может стать причиной вынесения несправедливого приговора.

Следует полагать, что недопустимо пренебрегать ключевым назначением уголовного судопроизводства, которое стремится, прежде всего, к защите прав субъектов, которые пострадали от преступных деяний (ст. 6 УПК РФ). Учитывая сказанное, представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить нормы о том, что без соответствующих показаний потерпевших, касающихся участия обвиняемого в совершенном преступлении, а также учета мнения о применении особого порядка к рассмотрению уголовных дел, невозможно принять обоснованное решение о заключении досудебного соглашения. Данный аспект в достаточной степени должен найти свое отражение и в правовых позициях Верховного Суда РФ.

Подводя итоги сказанному выше, хотелось бы подчеркнуть, что при рассмотрении и разрешении уголовных дел в порядке особого производства требования материального и процессуального законодательства должны неукоснительно и точно соблюдаться, что позволит обоснованно и на законных основаниях заключать досудебные соглашения. Особое судебное разбирательство в механизме его последовательной реализации не может существовать в отрыве от мнения потерпевшего, гражданского истца и обвинителя.

Литература

1. Безруков С.С. Пределы упрощения уголовно-процессуальной формы // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / науч. ред.: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова. Томск: Томский гос. ун-т, 2018. Ч. 79. С. 17 – 26.

2. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как новый источник российского гражданского права // Закон. 2006. № 11. С. 22 – 32.

3. Гимазетдинов Д.Р., Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная форма: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.

4. Головко Л.В. Справедливость выше любых теоретических установок // Уголовный процесс. 2020. № 2. С. 32 – 41.

5. Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестн. С.-Петербург. гос. унта. Серия: Право. 2018. Т. 9. № 1. С. 42 – 51.

6. Качалова О.В. Гарантированного права на особый порядок нет ни у одного обвиняемого // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 9.

7. Кашанина Т.В. Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 44 – 53.

8. Конституция Российской Федерации (прин. всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общеросс. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.08.2022)

9. О состоянии законности и правопорядка в 2014 г. и о проделанной работе по их укреплению: доклад Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ 29 апреля 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-723864/ (дата обращения: 19.08.2022)

10. Овчинников Ю.Г. Реализация института особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: pro et contra // Российский судья. 2022. № 5. С. 25 – 31.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2021. 2 июля.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. 2 июля.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131884/ (дата обращения: 18.08.2022)

14. Семенов А.В. Беспристрастность судьи // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 4. С. 84-88.

15. Слышалов И.В., Огородников М.А. О понятии, правовом регулировании и тенденциях обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2020. № 3 (94). С. 169 – 175.

16. Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017-2021 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 19.08.2022)

17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.07.2022) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

18. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 20.11.2020) «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

19. Хатуаева В.В., Кудинова В.В. Гласность: правовая природа и механизм её реализации в уголовном судопроизводстве // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. № 1 (99). С. 110 – 115.

References

1. Bezrukov S.S. Predely uproshhenija ugolovno-processual'noj formy. Pravovye problemy ukreplenija rossijskoj gosudarstvennosti: sb. Statej. nauch. red.: O.I. Andreeva, T.V. Trubnikova. Tomsk: Tomskij gos. un-t, 2018. Ch. 79. S. 17 – 26.

2. Gadzhiev G.A. Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda RF kak novyj istochnik rossijskogo grazhdanskogo prava. Zakon. 2006. № 11. S. 22 – 32.

3. Gimazetdinov D.R., Zinatullin Z.Z. Ugolovno-processual'naja forma: monografija. M.: Jurlitinform, 2014. 184 s.

4. Golovko L.V. Spravedlivost' vyshe ljubyh teoreticheskih ustanovok. Ugolovnyj process. 2020. № 2. S. 32 – 41.

5. Grigor'ev V.N. Ugolovno-processual'naja forma ili administrativnyj reglament: sovremennye trendy. Vestn. S.-Peterburg. gos. unta. Serija: Pravo. 2018. T. 9. № 1. S. 42 – 51.

6. Kachalova O.V. Garantirovannogo prava na osobyj porjadok net ni u odnogo obvinjaemogo. Ugolovnyj process. 2020. № 9. S. 9.

7. Kashanina T.V. Jevoljucionnye zakonomernosti prava. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 12 (85). S. 44 – 53.

8. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prin. vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izm., odobrennymi v hode obshheross. golosovanija 01.07.2020) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru (data obrashhenija: 19.08.2022)

9. O sostojanii zakonnosti i pravoporjadka v 2014 g. i o prodelannoj rabote po ih ukrepleniju: doklad General'nogo prokurora RF Ju.Ja. Chajki na zasedanii Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija RF 29 aprelja 2015 g. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-723864/ (data obrashhenija: 19.08.2022)

10. Ovchinnikov Ju.G. Realizacija instituta osobogo porjadka prinjatija sudebnogo reshenija pri soglasii obvinjaemogo s pred#javlennym emu obvineniem: pro et contra. Rossijskij sud'ja. 2022. № 5. S. 25 – 31.

11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22.06.2021 № 17 «O primenenii sudami norm grazhdanskogo processual'nogo zakonodatel'stva, regulirujushhih proizvodstvo v sude kassacionnoj instancii». Rossijskaja gazeta. 2021. 2 ijulja.

12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22.06.2021 № 16 «O primenenii sudami norm grazhdanskogo processual'nogo zakonodatel'stva, reglamentirujushhih proizvodstvo v sude apelljacionnoj instancii». Rossijskaja gazeta. 2021. 2 ijulja.

13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2012 № 16 (red. ot 29.06.2021) «O praktike primenenija sudami osobogo porjadka sudebnogo razbiratel'stva ugolovnyh del pri zakljuchenii dosudebnogo soglashenija o sotrudnichestve» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131884/ (data obrashhenija: 18.08.2022)

14. Semenov A.V. Bespristrastnost' sud'i. Sudebnaja vlast' i ugolovnyj process. 2016. № 4. S. 84 – 88.

15. Slyshalov I.V., Ogorodnikov M.A. O ponjatii, pravovom regulirovanii i tendencijah obespechenija lichnoj bezopasnosti sotrudnikov organov vnutrennih del. Vestnik Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii. 2020. № 3 (94). S. 169 – 175.

16. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF: svodnye statisticheskie svedenija o sostojanii sudimosti v Rossii za 2017-2021 gg. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.cdep.ru/?id=79 (data obrashhenija: 19.08.2022)

17. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 25.07.2022). SZ RF. 2001. № 52. St. 4921.

18. Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ (red. ot 20.11.2020) «O bezopasnosti». SZ RF. 2011. № 1. St. 2.

19. Hatuaeva V.V., Kudinova V.V. Glasnost': pravovaja priroda i mehanizm ejo realizacii v ugolovnom sudoproizvodstve. Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2019. № 1 (99). S. 110 – 115.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рустамов П.А., аспирант,
Институт права и управления,
Московский городской педагогический университет

Аннотация: ***задача:*** *сформировать виденье по развитию правового регулирования в сфере цифровых валют. В статье представлены направления развития правового регулирования цифровых валют в РФ на основе анализа определения цифровых валют в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в том числе в соответствии с международной практикой. В исследовании использовались материалы на иностранном языке, в частности, работа И. Цветковой из Балтийской Международной Академии [8].*

Модель: *в качестве методологической основы использовались следующие методы: логический, системно-структурный, познания, синтеза и другие общенаучные методы. Также при написании работы использовались частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой.*

В совокупности указанные научные методы формируют комплексный характер исследования при определении и разрешении обозначенных задач.

Выделены проблемы правового регулирования цифровой валюты центрального банка в рамках мировой практики развития данной категории ц цифровых валют.

Выводы: *сделан вывод о необходимости уточнения режима цифровых валют как особого вида имущества, в том числе для включения данной категории в Гражданский кодекс и Налоговый кодекс. Представлены недостатки законодательного определения действий по выпуску и обращению цифровых валют с точки зрения, прежде всего, субъектного состава участников.*

Ценность: *значимость работы представляется в том, что в ней формулируются решения по совершенствованию имеющегося законодательства в данной сфере.*

Ключевые слова: *цифровые валюты, цифровая экономика, цифровая валюта центрального банка, резервная валюта, выпуск цифровых валют, обращение цифровых валют, объект имущественных прав, электронные данные*

PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL CURRENCIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Rustamov P.A., Postgraduate,
Institute of Law and Management,
Moscow City Pedagogical University

Abstract: task: *to form a vision for the development of legal regulation in the field of digital currencies. The article presents the directions of development of legal regulation of digital currencies in the Russian Federation based on the analysis of the definition of digital currencies in the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", including in accordance with international practice. The study used materials in a foreign language, in particular, the work of I. Tsvetkova from the Baltic International Academy [8].*

Model: *the following methods were used as a methodological basis: logical, system-structural, cognition, synthesis and other general scientific methods. Also, when writing the work, private scientific methods were used: formal-legal, comparative-legal.*

Taken together, these scientific methods form the complex nature of research in determining and solving the designated tasks.

The problems of legal regulation of the digital currency of the central bank within the framework of the world practice of the development of this category of central digital currencies are highlighted.

Conclusions: *it is concluded that it is necessary to clarify the regime of digital currencies as a special type of property, including for the inclusion of this category in the Civil Code and the Tax Code. The shortcomings of the legislative definition of actions for the issuance and circulation of digital currencies are presented from the point of view, first of all, of the subject composition of participants.*

Value: *the significance of the work appears to be that it formulates solutions to improve existing legislation in this area.*

Keywords: *digital currencies, digital economy, digital currency of the central bank, reserve currency, issue of digital currencies, circulation of digital currencies, object of property rights, electronic data*

Введение

Цифровые валюты получили активное развитие в рамках цифровой экономики и постепенно занимают доминирующее положение в рамках расчетных операций. Цифровизация уже много лет меняет то, как работают денежные системы, но в последнее время она начала менять свою структуру более фундаментально. Развитые страны быстро снижают важность наличных денег, а в некоторых случаях предполагают полностью отказаться от наличных в обозримом будущем. Электронные версии валюты уже преобладают в финансовых системах большинства стран. В США, например, физическая валюта, находящаяся в обращении, составляет лишь около одной десятой от общей денежной массы; остальная часть хранится на различных банковских депозитах в электронной форме. Соответственно, возрастает актуальность вопросов правового регулирования данной формы денежных средств.

Правовое определение цифровых валют

В российской практике развитие законодательства о цифровых валютах началось в 2020 году с принятием Федерального закона от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон). Из п. 11 ст. 1 данного нормативного правового акта следует, что цифровые валюты не являются электронными денежными средствами, бездокументарными ценными бумагами. Также цифровые валюты не относятся к безналичным денежным средствам.

Определение цифровой валюты представлено в ч. 3 ст. 1 рассматриваемого законодательного акта. В целом, данный федеральный закон рассматривает цифровые валюты как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе» [6].

Ряд авторов [4, 5 и др.] рассматривают такое определение как устаревшее, опираясь на зарубежную практику, где вопросы правового регулирования цифровых валют были решены значительное раньше. Так, цифровые валюты в законодательстве США рассматриваются как средство обмена, которое генерируется, хранится и передается в электронном виде [7]. Кроме того, в зарубежной практике активно применяется термин «криптовалюты», который также использует в своих аналитических обзорах, в том числе опубликованных после выхода Закона [6], Банк России. Представляется, что переход к единой терминологии касательно цифровой валюты является необходимым шагом в развитии нормативного правового регулирования данной категории денежных средств.

Цифровые валюты обычно не ассоциируются с правительством какой-либо страны и не представлены в физической форме, как монеты и банкноты традиционных валют. В тоже время, Банк России обозначил наименование новой цифровой валюты, готовящейся к выпуску, как «цифровой рубль», не конкретизировав ее правовой режим и отнеся к криптовалютам, хотя данный термин отсутствует в российском законодательстве. Создание прототипа платформы цифрового рубля было завершено в декабре 2021 года.

В США принят термин «цифровая валюта центрального банка» применительно к аналогам цифрового рубля. При этом установлено разграничение данного типа цифровых валют и «частных» цифровых валют таких как биткоин. Так, в вопросах политики использования цифровых валют Центрального банка США, указано, что в случае создания «цифровой доллар разделял бы некоторые особенности этих частных цифровых валют» [7].

Согласно данным [7] более 85% центральных банков по всему миру исследуют, тестируют или находятся на продвинутой стадии разработки цифровой валюты центрального банка:

– Китай завершил несколько испытаний цифровой валюты в крупных городах по всей стране, а также трансграничные испытания с Гонконгом;

– Европейский центральный банк планирует запустить цифровой евро к 2025 году;

– Восточно-Карибский регион тестирует свою цифровую валюту (DCash) в четырех странах;

– Банк Японии объявил о «первом этапе» тестирования цифровой йены.

Вывод

Необходимо включение в ст. 1 Закона [6] термина «цифровая валюта ЦБ РФ» (согласно данному нормативному правовому акту, все операции, в том числе с иностранными цифровыми валютами, регулируются только российским законодательством), с указанием его отличий от цифровых валют в целом, описанием правового режима «резервной валюты».

Правила оборота цифровых валют регулирует ст. 14 Закона [6]. При этом проблемным моментом правового регулирования выпуска и обращения цифровых валют является то, что данные действия определены бланкетной нормой ст. 14 Закона. Фактически данные действия «регулируются в соответствии с федеральными законами», которые не конкретизированы и на момент написания данной статьи еще не приняты.

Принятие законодательных актов, регулирующих выпуск и обращение цифровых валют, является важным направлением развития законодательства. Кроме того, необходимо уточнение представленных в За-

коне терминов, так как исходя из статьи 14, не ясен субъектный состав ответственных за проведение выпуска и обращения цифровых валют.

Спорным вопросом правового регулирования цифровых валют является отнесение их к объектам имущественных прав. В принятом, и на настоящий момент единственном регулирующем цифровые валюты законодательном акте, они отнесены к платежным средствам и тем самым признан факт наличия данного особого объекта гражданских прав. В тоже самое время вопросы регулирования цифровых валют Гражданским кодексом и Налоговым кодексом потребуют уточнения их имущественного характера с учетом особенностей.

Также важным направлением развития законодательства в области регулирования цифровых валют в Российской Федерации станет унификация и дифференциация. Унификация должна затронуть терминологический аппарат данной категории денежных средств, а дифференциация требуется в области регулирования субъектного состава участников операций с цифровой валютой, их прав и обязанностей, а также выпуска и обращения цифровых валют.

Заключение

Таким образом, в перспективе развитие нормативного правового регулирования цифровых валют должно затронуть:

– унификацию терминологии касательно цифровых активов;

– отграничение цифровой валюты Банка России как резервной валюты с отличными от цифровых валют в общем их виде функциями и свойствами;

– включение в Налоговый кодекс РФ положений, регулирующих налоговые правоотношения в сфере цифровых валют с учетом их особенного характера;

– дифференциацию субъектного состава участников операций по выпуску и обращению цифровых валют с включением оптимизированных соответствующих терминов в ст. 1 Закона [6].

Литература

1. Агеева Ю.В. Проблемы правового регулирования цифровых валют // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-3 (62). С. 53 – 56.

2. Гармашев М.А. Правовой анализ регулирования цифровых финансовых активов, цифровой валюты в России с точки зрения гражданского права // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 317 – 323.

3. Косова А.А. Обзор проблем правового регулирования применения цифровой валюты, цифровых активах // Развитие современной юриспруденции: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 57 – 59.

4. Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 103 – 113.

5. Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 103 – 113.

6. Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). ст. 5018.

7. Central Bank Digital Currencies: Policy Issues [Электронный ресурс]. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46850 (дата обращения 27.06.2022).

8. Cvetkova I. Cryptocurrencies legal regulation // BRICS Law Journal. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/cryptocurrencies-legal-regulation (дата обращения: 21.09.2022)

References

1. Ageeva Ju.V. Problemy pravovogo regulirovanija cifrovyh valjut. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2021. № 11-3 (62). S. 53 – 56.

2. Garmashev M.A. Pravovoj analiz regulirovanija cifrovyh finansovyh aktivov, cifrovoj valjuty v Rossii s tochki zrenija grazhdanskogo prava. Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 33. S. 317 – 323.

3. Kosova A.A. Obzor problem pravovogo regulirovanija primenenija cifrovoj valjuty, cifrovyh aktivah. Razvitie sovremennoj jurisprudencii: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza, 2021. S. 57 – 59.

4. Sitnik A.A. Cifrovye valjuty: problemy pravovogo regulirovanija. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. T. 15. № 11 (120). S. 103 – 113.

5. Sitnik A.A. Cifrovye valjuty: problemy pravovogo regulirovanija. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. T. 15. № 11 (120). S. 103 – 113.

6. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 №259-FZ «O cifrovyh finansovyh aktivah, cifrovoj valjute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020. № 31 (chast' I). st. 5018.

7. Central Bank Digital Currencies: Policy Issues [Jelektronnyj resurs]. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46850 (data obrashhenija 27.06.2022).

8. Cvetkova I. Cryptocurrencies legal regulation. BRICS Law Journal. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/cryptocurrencies-legal-regulation (data obrashhenija: 21.09.2022)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Захарова А.П.,
Алтайский государственный университет,
Репейкова В.А.,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Стародубцева М.А.,
Печатнова Ю.В.,
Пинчук А.П.,
Алтайский государственный университет

Исследование выполнено в рамках реализации Программы поддержки научно-педагогических работников ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», проект «Организационно-правовые меры профилактики идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий в сфере образования»

Аннотация: *за последние несколько лет, возросло количество правонарушений экстремистского характера. Можно предположить, что лица до 35 лет представляются наиболее уязвимыми для вербовки различными экстремистскими и террористическими объединениями, поскольку зачастую указанная категория лиц имеет низкий уровень правовой культуры, общей информированности в указанных вопросах. В настоящее время в сфере образования нет полноценной защиты от внешних угроз, а работа по профилактике терроризма и экстремизма ведется не комплексно, без сотрудничества с сетью университетов и иных учебных заведений страны, правоохранительными органами. В данной статье описаны результаты проведенного нами опроса, в котором изучается особенности отношения молодых людей к уже проводимой работе по профилактике и предупреждению преступлений экстремистской и террористической направленности. В данной статье обосновывается необходимость реализации мероприятий, направленных на профилактику и предотвращение проявления террористических и экстремистских настроений в образовательной среде (среди молодежи). В первую очередь работа по повышению уровня информированности должна быть проведена с работниками образовательных организаций – преподавателями, во вторую очередь с обучающимися лицами – студентами высших учебных заведений. В обоснование данного тезиса авторы анализируют результаты проведенного эмпирического исследования – опроса.*

Ключевые слова: *профилактика экстремизма, профилактика терроризма, сфера образования, меры профилактики, эффективность мер противодействия, патриотическое воспитание, обучающиеся*

EFFECTIVENESS OF MEASURES AIMED AT PREVENTING TERRORIST AND EXTREMIST SENTIMENTS IN THE FIELD OF EDUCATION

Zakharova A.P.,
Altai State University,
Repeikova V.A.,
National Research Tomsk State University,
Starodubtseva M.A.,
Pechatnova Yu.V.,
Pinchuk A.P.,
Altai State University

Abstract: *over the past few years, the number of extremist offenses has increased. It can be assumed that persons under 35 years of age appear to be the most vulnerable to recruitment by various extremist and terrorist associations, since often this category of persons has a low level of legal culture and general awareness of these issues. Currently, there is no full-fledged protection from external threats in the field of education, and work on the prevention of terrorism and extremism is not carried out comprehensively, without cooperation with a network of universities and other educational institutions of the country, law enforcement agencies. This article describes the results of a survey conducted by us, which examines the peculiarities of the attitude of young people to the work already being done to prevent and prevent crimes of extremist and terrorist orientation. This article substantiates the*

need to implement measures aimed at preventing and preventing the manifestation of terrorist and extremist sentiments in the educational environment (among young people). First of all, awareness-raising work should be carried out with employees of educational organizations – teachers, and second of all with students – students of higher educational institutions. In support of this thesis, the authors analyze the results of an empirical survey.

Keywords: *prevention of extremism, prevention of terrorism, education, prevention measures, effectiveness of counteraction measures, patriotic education, students*

Введение

По недавним данным, опубликованным на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации можно отследить отрицательную динамику в виде возрастания количества правонарушений экстремистского характера. Так, в 2019 году по всей стране было совершено 585 правонарушений, связанных с проявлениями экстремизма; в 2020 году – 833; в 2021 году – 1057; за период с января по май 2022 года – уже 594.

Президент России В.В. Путин отметил, что во Всемирной паутине активно развивается молодежный (граждане от 14 до 35 лет) экстремизм, и подчеркнул, что работа с молодежью является одним из главных приоритетов государственной политики, поэтому необходимо обратить серьезное внимание на профилактику экстремизма. Одним из основных нормативных актов, регулирующих борьбу с экстремизмом на данный момент является Стратегия противодействия экстремизму до 2025 года, утвержденная Президентом России 28.11.2014. Она содержит целый комплекс задач, направленных на организацию досуга молодежи, воспитание чувства патриотизма, обучение противостоянию социально опасному поведению.

Целью данного исследования является подбор эффективных методов для реализации программы профилактики экстремистских и террористических настроений в высших учебных заведениях, анализ позиции обучающихся по вопросам, касающимся темы исследования.

Литературный обзор

Под криминологической безопасностью образования, по мнению Е.З. Сидоровой [1], следует понимать составную часть национальной безопасности Российской Федерации, выражающуюся в таком состоянии защищенности всех элементов системы образования от внутренних и внешних угроз криминального и криминогенного характера, при котором обеспечиваются целостность и устойчивое развитие института образования.

В настоящее время проблема обеспечения криминологической безопасности особенно актуальна. В России отмечается рост статистики актов применения в образовательных учреждениях огнестрельного либо холодного оружия, растет уровень тревожности среди учащихся и преподавателей образовательных организаций, не имеющих возможности либо не знающих правил поведения в подобных ситуациях. Вместе с тем научное и методическое обеспечение деятельности по противодействию идеологии терроризма не в полной мере отвечает реальным потребностям практики и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Несмотря на пристальное внимание российского законодателя к вопросам ответственности за проявления экстремизма и терроризма, по-прежнему сохраняется ряд правовых пробелов и проблем, которые негативно отражаются на масштабном распространении преступных идеологий в молодежной среде [2].

Работа по профилактике экстремизма ведется рядом специалистов. Так например, учеными правоведами уже выдвигались предложения по реализации мероприятий, направленных на раннее выявление и профилактику преступных настроений в молодежной среде именно на уровне индивидуальной профилактики [3].В данной сфере также достаточно активно ведутся разработки в области мониторинга экстремистского контента в социальных сетях в интернете. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет подготовил практический алгоритм, описывающий мероприятия, необходимые для проведения с целью искоренить проявления экстремизма в молодежной среде, который имеет, к нашему сожалению, лишь рекомендательный характер.

Особое место в работе по профилактике молодежного экстремизма занимает педагогическая профилактика. Педагоги ведут многоплановую профилактическую деятельность, которая включает: во-первых, обеспечение безопасной во всех смыслах учебной среды; во-вторых, привитие уважения к гражданским свободам и социальным нормам (правовое просвещение, изучение документов по противодействию экстремизму, например, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и локальные акты учебного заведения); в-третьих, воспитание волевого миролюбивого характера (лекции о законопослушании, толерантности, групповые и индивидуальные беседы); в-четвертых, выявление асоциального круга агрессоров, лиц с неблагополучными условиями, девиацией и индивидуальная профилактическая работа с ними; в-пятых, вовлечение в общественно полезный досуг, вовлечение родителей. Вклад учебных заведений в целом и педагогов, в частности, в решение этих труднейших вопросов является стержневым [4].

На сегодняшний день данная проблема актуальна не только в России. В европейских странах так же используются различные модели борьбы с экстремизмом и терроризмом [5]. По мнению M.Haghania E.Kuligowskib A.Rajabifardc P.Lentinid [6] в области противодействия террористической и экстремистской угрозе в значительной степени упускается из виду потенциальная роль индивидуальной психологической подготовки в виду чего исследователи предлагают включить в данную область такие переменные как (a) разработка шкалы для измерения уровня готовности населения к реагированию на террористические атаки, (б) определение наилучших стратегий реагирования на различные формы террористических атак, (в) выявление представлений общественности о непосредственной террористической угрозе, (г) изучение приемлемости образовательных программ в контексте террористической угрозы, (е) определение эффективных средств повышения осведомленности населения о террористической угрозе, (f) разрушение барьеров, препятствующих сохранению знаний.

Учитывая все вышеперечисленное, в данной работе мы рассмотрели данные, которые по нашему мнению необходимы для дальнейшей актуализации проводимых мер по профилактике и предупреждению преступлений террористической и экстремистской направленности в молодежной среде, разработке новых, эффективных стратегий, позволяющих разрешить имеющиеся проблемы данного направления государственной молодежной политики в России.

Материалы и методы

Для того, чтобы обосновать необходимость проведения работы по профилактике экстремистких и террористических настроений в образовательных организациях мы использовали в исследовании общенаучные, специально-криминологические методы, а также метод количественного анализа данных (в статистических программах JASP и Jamovi).

В период с 1 мая по 31 июля 2022 года нами проведено социологическое исследование онлайн, участие в котором приняли 148 человек (105 женщины, 43 мужчины).

Результаты исследования

Описательная статистика в отношении пола участников представлена на рис. 1.

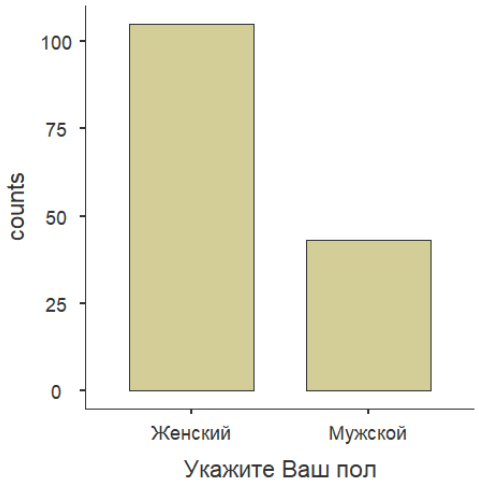

Рис. 1. Пол участников исследования

При сборе данных возраст участников исследования проранжировался на следующие категории: до 18 лет, от 18 до 25 лет, от 25 до 35, и от 35 лет и старше. Распределение участников по данным категориям представлено на рис. 2.

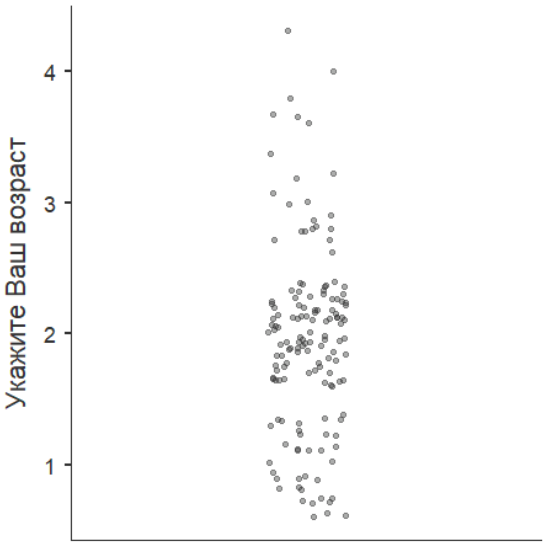

Рис. 2. Распределение участников исследования по 4 возратным группам: 1 – до 18 лет, 2 – от 18 до 25 лет, 3 – от 25 до 35 лет, 4 – от 35 лет и старше. Каждая точка на графике представляет отдельного участника

Подавляющее большинство участников исследования составили студенты (N = 121). Остальные участники отметили свой статус либо как преподаватель (N = 7), либо отметили, что занимаются иной деятельностью (N = 20). Результаты представлены на рис. 3.

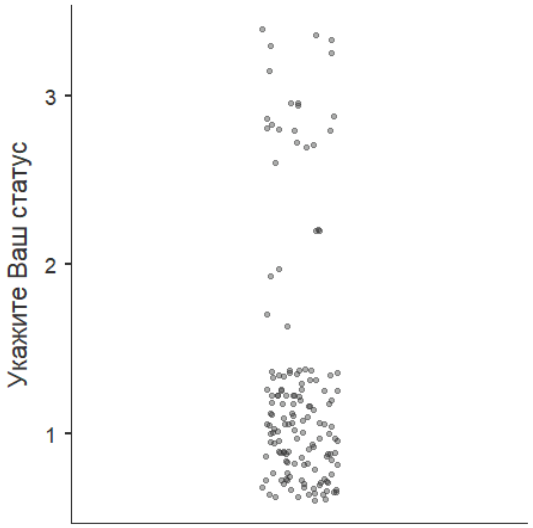

Рис. 3. Распределение участников исследования по 3 видам деятельности: 1 – студент, 2 – преподаватель, 3 – иное. Каждая точка на графике представляет отдельного участника

Был проведен корреляционный анализ для того, чтобы изучить степень взаимосвязи между тремя переменными: 1) самоощущение защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы, 2) оценка степени эффективности работы, проводимой в учебном заведении участников исследования по предотвращению терактов, террористических угроз, 3) самооценка собственного уровня информированности о действиях, которые необходимо предпринимать в случае угрозы совершения террористического акта. Все три переменные включали в себя вариант ответа «Затрудняюсь ответить». Данные ответы были перекодированы в пропущенные значения, и были исключены из последующего анализа с помощью анализа полных наблюдений. Финальная выборка для корреляционного анализа составила 96 участников. Перед проведением корреляционного анализа был проверен ряд допущений, предполагаемых данным анализом. Многомерная нормальность была проверена с помощью теста Шапиро-Уилка. Результаты представлены в табл. 1. Данное допущение было нарушено ($p < .001$), что говорит о том, что данные распределены с отклонением от нормальности.

Таблица 1

Тест Шапиро-Уилка для проверки многомерной нормальности на трех переменных*

Шапиро-Уилк	p
0.92	< .001

**1) Самоощущение защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы;*
2) Оценка степени эффективности работы, проводимой в учебном заведении участников исследования по предотвращению терактов, террористических угроз;
3) Самооценка собственного уровня информированности о действиях, которые необходимо предпринимать в случае угрозы совершения террористического акта

Поскольку данные были измерены с помощью порядковой шкалы, а также учитывая отклонение от нормальности распределения для проведения корреляционного анализа был выбран непараметрический коэффициент Кендалла Tau. Результаты представлены на рис. 4. Вместе с коэффициентом Кендала Tau также представлен уровень значимости, 95% доверительные интервалы для каждого коэффициента, которые были построены с использованием метода бутстрапа (N = 1000).

Результаты показывают, что есть положительная взаимосвязь между степенью эффективности работы, проводимой в учебном заведении участников исследования по предотвращению терактов, террористических угроз и самоощущением защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы. Размер эффекта данной взаимосвязи средний (t = .49, p < .001). Что означает, что чем выше участники исследования оценивают эффективность работы, направленной на обеспечение безопасности в месте учебы, тем больше они чувствуют себя защищенными от террористической угрозы.

Также была обнаружена положительная связь между степенью эффективности работы, проводимой в учебном заведении участников исследования по предотвращению терактов, террористических угроз и уровнем информированности о действиях, которые необходимо предпринимать в случае угрозы совершения террористического акта. Размер эффекта средний (t = .41, p < .001). Что говорит о том, что чем выше эффективность работы в учебном заведении, тем выше участники оценивают свою информированность. Связи между уровнем информированности и чувством защищенности обнаружено не было.

Стоит заметить, что данные связи не говорят о причинно-следственных отношениях, а лишь показывают размер взаимосвязи между переменными исследования.

Ограничением данного анализа является то, что все три конструкта (чувство защищенности, степень эффективности, уровень информированности) были измерены с помощью одного вопроса с порядковой шкалой. Поэтому результаты данного анализа необходимо интерпретировать с осторожностью.

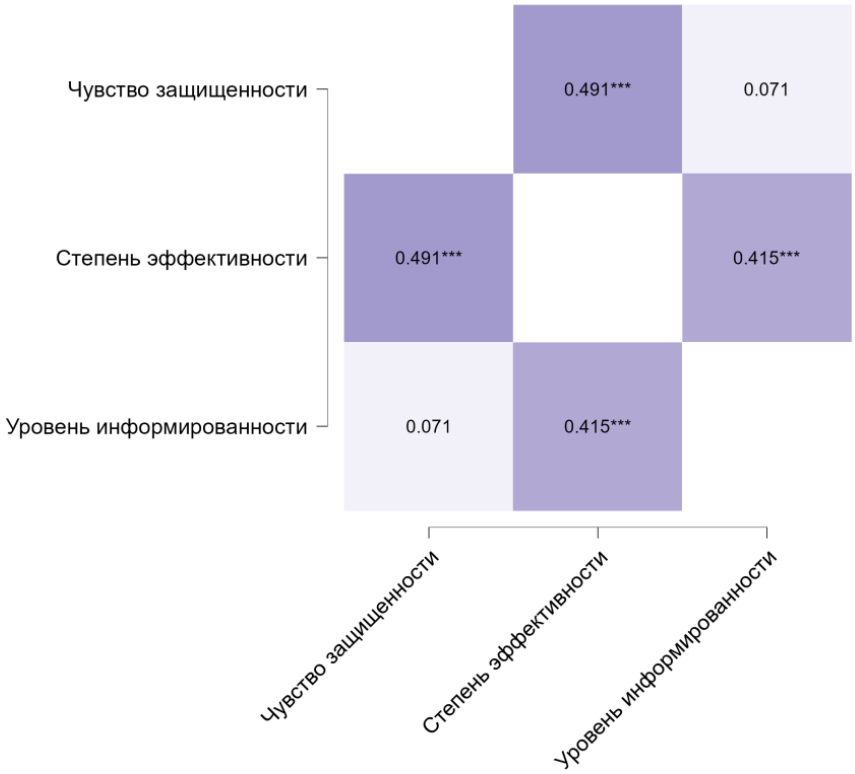

Рис. 4. Тепловая карта взаимосвязи трех переменных* с использованием непараметрического коэффициента Кендалла Tau

**1) Самоощущение защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы;*
2) Оценка степени эффективности работы, проводимой в учебном заведении участников исследования по предотвращению терактов, террористических угроз;
3) Самооценка собственного уровня информированности о действиях, которые необходимо предпринимать в случае угрозы совершения террористического акта

Для сравнения мужчин и женщин по нескольким переменным данного исследования сначала был проведен описательный анализ. Так например, в табл. 2 представлены результаты соотношения мужчин и женщин касательно их ощущения наличия или отсутствия террористической угрозы. Как можно заметить примерно один и тот же процент мужчин и женщин считает, что такая угроза отсутствует (77% и 73%, соответственно). Практически тот же самый процент мужчин и женщин распределен в ответах касательно их мнения о том, что способствует распространению террористических идей (табл. 3).

Таблица 2

Частотное распределение переменной «Наличие террористической угрозы», разделённое на мужчин и женщин

Пол	Ответ	Количество	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Женщины	Да	28	26.67	26.67	26.67
	Нет	77	73.33	73.33	100.00
	Пропущенные значения	0	0.00		
	Всего	105	100.00		
Мужчины	Да	10	23.26	23.26	23.26
	Нет	33	76.74	76.74	100.00
	Пропущенные значения	0	0.00		
	Всего	43	100.00		

Таблица 3

Частотное распределение переменной «Что, по Вашему мнению, в первую очередь способствует распространению экстремистских идей?», разделенное на мужчин и женщин

Укажите Ваш пол	Что, по Вашему мнению, в первую очередь способствует распространению экстремистских идей?	Количество	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Женщины	Недостаточное патриотическое воспитание	21	20.00	20.00	20.00
	Недостаточность профилактической работы среди молодежи	30	28.57	28.57	48.57
	Низкий уровень жизни	48	45.71	45.71	94.29
	Низкий уровень образования	6	5.71	5.71	100.00
	Missing	0	0.00		
	Missing	105	100.00		
Мужчины	Недостаточное патриотическое воспитание	7	16.28	16.28	16.28
	Недостаточность профилактической работы среди молодежи	8	18.60	18.60	34.88
	Низкий уровень жизни	20	46.51	46.51	81.40
	Низкий уровень образования	8	18.60	18.60	100.00
	Пропущенные значения	0	0.00		

В табл. 4 представлено процентное соотношение мужчин и женщин в их ответах на вопрос «Как Вы считаете, какие меры дополнительно необходимо предпринять для повышения эффективности борьбы с терроризмом?» Процентное соотношение между мужчинами и женщинами в ответах для этой переменной так же практически одинаковое.

Таблица 4

Частотное распределение переменной «Как Вы считаете, какие меры дополнительно необходимо предпринять для повышения эффективности борьбы с терроризмом?», разделенное на мужчин и женщин

Укажите Ваш пол	Как Вы считаете, какие меры дополнительно необходимо предпринять для повышения эффективности борьбы с терроризмом?	Количество	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Женщины	Затрудняюсь ответить	12	11.43	11.43	11.43
	Повысить информированность граждан	28	26.67	26.67	38.10
	Предпринимаемые меры полностью отвечают требованиям к обеспечению	16	15.24	15.24	53.33
	Проводить больше мероприятий антитеррористической направленности	14	13.33	13.33	66.67
	Ужесточить наказание за террористическую деятельность	35	33.33	33.33	100.00
	Пропущенные значения	0	0.00		
	Всего	105	100.00		
Мужчины	Затрудняюсь ответить	5	11.63	11.63	11.63
	Повысить информированность граждан	7	16.28	16.28	27.91
	Предпринимаемые меры полностью отвечают требованиям к обеспечению	11	25.58	25.58	53.49
	Проводить больше мероприятий антитеррористической направленности	5	11.63	11.63	65.12
	Ужесточить наказание за террористическую деятельность	15	34.88	34.88	100.00
	Пропущенные значения	0	0.00		
	Всего	43	100.00		

Далее для сравнения мужчин и женщин в их самоощущении уровня защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы был проведен Т-тест для независимых выборок. Перед проведением анализа был проверен ряд статистических допущений для того, чтобы удостовериться в соответствии выбранного анализа полученным данным.

Из анализа были исключены участники, которые выбрали «Затрудняюсь ответить». С помощью теста Шапиро-Уилка было проверено допущение о нормальности распределения данных. Результаты представлены в табл. 5. Тест Шапиро-Уилка показал значимый результат, что означает отклонение от нормальности распределения данных.

Таблица 5

Тест Шапиро-Уилка о нормальности распределения переменной «самоощущении уровня защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы

		W	p
Чувствуете ли Вы себя защищенным от террористических угроз в месте Вашей учебы / работы?	Женщины	0.75	< .001
	Мужчины	0.74	< .001

Значимый результат означает отклонение от нормального распределения данных

С помощью теста Левена было проверено допущение о гомогенности дисперсий группы женщин и мужчин в отношении переменной «Самоощущение уровня защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы». Результаты представлены в табл. 6. Данное допущение нарушено не было (p = .21).

Таблица 6

Тест Левена о гомогенности дисперсий для переменной переменной «самоощущении уровня защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы»

	F	df	p
Чувство защищенности	1.62	1	0.21

Учитывая нарушение допущения о нормальности распределения, и неравное количество женщин и мужчин, для проведения т-теста для независимых выборок, помимо стандартного критерия Стьюдента, были запрошены коррекция Уэлша и непараметрический коэффициент Манна-Уитни. Вместе со статистиками указаны размеры эффекта, и 95% доверительные интервалы для каждого из них. Для критерия Стьюдента и для коррекции Уэлша размер эффекта представлен через Коэн д, а для непараметрического теста Манна-Уитни, размер эффекта рассчитан с помощью ранг-бисериальной корреляции. Значимых различий между мужчинами и женщинами в «Самоощущении уровня защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы» найдено не было.

Результаты анализа также представлены на рис. 5.

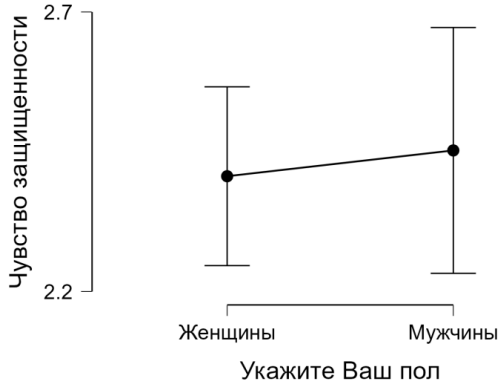

Рис. 5. Т-тест для независимых выборок для сравнения мужчин и женщин в их самоощущении уровня защищенности от террористических угроз в месте учебы / работы

Ограничением данного анализа, как и корреляционного является то, что зависимая переменная была измерена порядковой шкалой. Также все конструкты (чувство защищенности, степень эффективности, уровень информированности) были измерены с помощью одного вопроса, что не дает возможности рассуждать о результатах исследования в контексте значения этих конструктов. Более того соотношение мужчин и женщин было неравномерным, но для того, чтобы адресовать это ограничение помимо стандартного критерия Стьюдента, также использовались коррекция Уэлша и непараметрический коэффициент Манна-Уитни.

Степень эффективности работы по предотвращению террористической угрозы по месту учебы/работы 23,6% респондентов оценили как высокую, 31,8% – как среднюю, 42% – низкую и 30,4% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос.

Собственный уровень информированности о действиях, которые необходимо предпринять в случае террористической угрозы 66,2% респондентов оценили как хороший, 16,9% как очень хороший, 10,1% как плохой, 5,4% затруднились ответить, 1,4% ничего об этом не знают.

Обсуждение результатов

Анализ приведенных данных позволил прийти к выводам о том, что студенты в целом обладают некой степенью осведомленности о сущности терроризма и экстремизма. Террористическая деятельность воспринимается преимущественно как преступный акт насилия и в целом как угроза для существования общества, ведь именно молодежь является наиболее уязвимой перед воздействием идеологии терроризма и экстремизма социальной группой.

Результаты проведенного исследования наглядно показали, что уровень информированности граждан о мерах профилактики террористических настроений, действиях, которые необходимо предпринять в случае террористической угрозы невысок, что требует принятия больших мер по решению проблем профилактики и противодействию данной угрозе.

Кроме того, результаты анализа говорят о том, что чем выше участники исследования оценивают эффективность работы, направленной на обеспечение безопасности в месте учебы, тем больше они чувствуют себя защищенными от террористической угрозы. Таким образом, при должном уровне антитеррористической профилактики в учебных заведениях, студенты будут считать, что они находятся в большей безопасности, поскольку предупреждены и осведомлены о реальной угрозе.

Можно также отметить, что в целом процент мужчин и женщин при ответах на поставленные вопросы практически одинаков, за исключением того, что больший процент женщин, чем мужчин, считают, что недостаточность профилактической работы среди молодежи способствует распространению экстремистских идей. И обратно, больший процент мужчин, чем женщин считает, что низкий уровень образования способствует распространению экстремистских идей. В остальном все поставленные в опросе причины недостаточности профилактической работы среди молодежи показались важными участникам исследования, а именно низкий уровень жизни, низкий уровень образования, недостаточное патриотическое воспитание, недостаточность профилактической работы среди молодежи. Все указанные факторы требуют пристального внимания как со стороны общества, так и со стороны государства.

Данные задачи можно решить с помощью организации квалифицированной подготовки специалистов (в области образования), в том числе путем создания программы переподготовки по профилактике распространения идеологии терроризма в образовательных учреждениях. Указанная программа создана авторами исследования в рамках реализации Программы поддержки научно-педагогических работников ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», проект «Организационно-правовые меры профилактики идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий в сфере образования». Рекомендована разработка аналогичных программ на всей территории страны, с поддержкой органов исполнительной власти и правоохранительных органов.

Заключение

Подводя итог, отметим, что для роста кадрового потенциала и профилактики экстремистских и террористических настроений в среде учебных заведений важным является создание условий, которые способствуют увеличению приверженности критического подхода в восприятии информации, созиданию собственных идей и проектов. Профилактика и предотвращение преступлений экстремистской и террористической направленности является непосредственной компетенцией системы образования и должна обеспечиваться совместно с органами исполнительной власти, правоохранительными органами, используя индивидуальный подход к обучающимся, вовлекая при этом преподавательский состав. Данный подход позволит снизить распространение преступлений указанных категорий, защитить образовательную систему от непосредственной угрозы, своевременно оказывать помощь нуждающимся.

Литература

1. Сидорова Е.З. Экстремизм и терроризм в образовательной среде как угроза криминологической безопасности системы образования // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. № 4. С. 64 – 71. DOI 10.31429/20785836-13-4-64-71

2. Кумышева М.К. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в молодежной среде // Образование и право. 2022. № 1. С. 211 – 212. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya proyavleniyam-ekstremizma-i-terrorizma-v-molodezhnoy-srede (дата обращения: 16.07.2022) doi: 10.24412/2076-1503-2022-1-211-212

3. Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Актуальность воспитания молодежи в духе нравственности и патриотизма как проблема, с которой столкнулась россия на современном этапе своего развития // Образование и право. 2022. № 3. С.. 266 – 269. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-vospitaniya-molodezhi-v-duhe-nravstvennosti-i-patriotizma-kak-problema-s-kotoroy-stolknulas-rossiya-na-sovremennom-etape (дата обращения: 16.07.2022) doi:10.24412/2076-1503-2022-3-266-269

4. Маздогова З.З., Марьина Н.Н. Педагогическая профилактика молодежного экстремизма // Образование и право. 2022. № 1. С. 193 – 195. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-profilaktika-molodezhnogo-ekstremizma (дата обращения: 23.07.2022) doi:10.24412/2076-1503-2022-1-193-195

5. Фариза Рамазонова Европейский опыт профилактики экстремизма и терроризма. повышения правовой культуры среди молодёжи на современном этапе // Review of law sciences. 2020. № 2. С. 229 – 232. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-opyt-profilaktiki-ekstremizma-i-terrorizma-povysheniya-pravovoy-kultury-sredi-molodyozhi-na-sovremennom-etape (дата обращения: 23.07.2022). doi:10.24412/2181-1148-2020-2-229-232

6. Haghani M., Kuligowski E.D., Rajabifard A., Lentini P. Fifty years of scholarly research on terrorism: Intellectual progression, structural composition, trends and knowledge gaps of the field // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2021. https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2021.102714

References

1. Sidorova E.Z. Jekstremizm i terrorizm v obrazovatel'noj srede kak ugroza kriminologicheskoj bezopasnosti sistemy obrazovanija. Juridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. № 4. S. 64 – 71. DOI 10.31429/20785836-13-4-64-71

2. Kumysheva M.K. Aktual'nye voprosy ugolovno-pravovogo protivodejstvija projavlenijam jeks-tremizma i terrorizma v molodezhnoj srede. Obrazovanie i pravo. 2022. № 1. S. 211 – 212. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya proyavleniyam-ekstremizma-i-terrorizma-v-molodezhnoy-srede (data obrashhenija: 16.07.2022) doi: 10.24412/2076-1503-2022-1-211-212

3. Mashekuasheva M.H., Kochesokova Z.H. Aktual'nost' vospitanija molodezhi v duhe nravstvennosti i patriotizma kak problema, s kotoroj stolknulas' rossija na sovremennom jetape svoego razvitija. Obrazovanie i pravo. 2022. № 3. S.. 266 – 269. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-vospitaniya-molodezhi-v-duhe-nravstvennosti-i-patriotizma-kak-problema-s-kotoroy-stolknulas-rossiya-na-sovremennom-etape (data obrashhenija: 16.07.2022) doi:10.24412/2076-1503-2022-3-266-269

4. Mazdogova Z.Z., Mar'ina N.N. Pedagogicheskaja profilaktika molodezhnogo jekstremizma. Obrazovanie i pravo. 2022. № 1. S. 193 – 195. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-profilaktika-molodezhnogo-ekstremizma (data obrashhenija: 23.07.2022) doi:10.24412/2076-1503-2022-1-193-195

5. Fariza Ramazonova Evropejskij opyt profilaktiki jekstremizma i terrorizma. povyshenija pravovoj kul'tury sredi molodjozhi na sovremennom jetape. Review of law sciences. 2020. № 2. S. 229 – 232. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-opyt-profilaktiki-ekstremizma-i-terrorizma-povysheniya-pravovoy-kultury-sredi-molodyozhi-na-sovremennom-etape (data obrashhenija: 23.07.2022). doi:10.24412/2181-1148-2020-2-229-232

6. Haghani M., Kuligowski E.D., Rajabifard A., Lentini P. Fifty years of scholarly research on terrorism: Intellectual progression, structural composition, trends and knowledge gaps of the field. International Journal of Disaster Risk Reduction. 2021. https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2021.102714

НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРА СМЕШАННОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Назаров М.Ю., аспирант,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: *в настоящей статье рассматривается проблема реализации гражданско-правовой ответственности перевозчиков при осуществлении смешанной перевозки груза. В случае невозможности определения места повреждения груза, согласно действующему российскому гражданскому законодательству, перевозчик, выдающий груз грузополучателю, не имеет практической возможности реализовать право регресса к предыдущим перевозчикам. Посредством метода экономического анализа права производится исследование влияния данных обстоятельств на гражданский оборот. Делается вывод об отсутствии в данном случае эффекта превенции у механизма юридической ответственности, так как у всех перевозчиков кроме последнего отсутствует риск несения убытков из-за невозможности доказать одновременно отсутствие вины последнего перевозчика и её наличие у предыдущих. В отсутствие обеспечения обязательства возможностью применения юридической ответственности, качество осуществления перевозки груза по большей части зависит только от добросовестности самих перевозчиков. В качестве решения предлагается рассмотрение цепочки перевозчиков в качестве единого субъекта, несущего долевую ответственность, посредством теории рационального выбора обосновывается эффективность данного решения для целей повышения исполнимости обязательств по перевозке груза и их качеству.*

Ключевые слова: *гражданско-правовая ответственность, долевая ответственность, нелокализованный деликт, смешанная перевозка груза, контейнерная перевозка, экономический анализ права*

BREACH OF THE CONTRACT FOR THE MULTIMODAL CARRIAGE OF GOODS: ECONOMIC AND LEGAL ANALYSIS

Nazarov M.Yu., Postgraduate,
Perm State National Research University

Abstract: *this article deals with the issue of the implementation of civil liability of carriers in the implementation of mixed transport of goods. If it is impossible to determine the place of damage to the goods, according to the current Russian civil law, the carrier issuing the goods to the consignee does not have the practical opportunity to exercise the right of recourse to previous carriers. Through the method of economic analysis of law, the impact of these circumstances on civil circulation is investigated. It is concluded that in this case the mechanism of legal responsibility has no preventive effect, since all carriers except the latter have no risk of losses due to the inability to prove at the same time the absence of the fault of the latter carrier and its presence in the previous ones. In the absence of an obligation to apply legal liability, the quality of the carriage of goods depends for the most part only on the integrity of the carriers themselves. As a solution, it is proposed to consider the chain of carriers as a single entity with shared responsibility, through the theory of rational choice, justifies the effectiveness of this solution for the purpose of improving the enforceability of obligations for the carriage of goods and their quality.*

Keywords: *civil liability, shared liability, non-localized delict, mixed cargo transportation, container transportation, economic analysis of law*

Гражданско-правовая ответственность не может полностью компенсировать неисполненное обязательство. Да, основная функция имущественной ответственности – безусловно, компенсационная, а не карательная, однако это не позволяет полностью удовлетворить интерес потерпевшего лица. Участник гражданского оборота в первую очередь заинтересован в надлежащем исполнении должником взятого на себя обязательства в натуре, а не получении денежной компенсации в случае его нарушения. В связи с чем институт гражданско-правовой ответственности должен обеспечивать эффективную превенцию нарушения гражданско-правовых обязательств. Так, А.Г. Карапетов рассматривая функции юридической ответственности, указывает, что «с точки зрения этического подхода к частному праву … ответственность – это способ компенсировать потери кредитора …, с экономической точки – это прежде всего вопрос о стимулах к тому или иному поведению в будущем» [1, с. 500-505].

Исследуя эффективность гражданско-правовой ответственности перевозчиков в рамках смешанных перевозок грузов, эффективным методом изучения регулирующего воздействия правовых норм является экономический анализ права, как методология, основанная на объективных закономерностях экономической

сферы жизни общества. Как установлено К. Марксом, именно экономический базис определяет политическую надстройку, одной из составных частей которой является право [2, с. 6-7]. Современные исследователи отмечают «привлекательность экономического анализа права, как весьма значительного “портфеля” методологических приемов и взглядов» [3, с. 310], говорят о том, что данный метод позволяет «подняться на более высокую, приближенную к хозяйственной практике ступень» [4, с. 136], соединение права и экономики наиболее эффективно проявляет себя как в нормотворческой деятельности, так и при внедрении правовых реформ в жизнь [5, с. 112].

На основе проведённого анализа будут определены причины, по которым происходит нарушение гражданско-правовых обязательств; правовые нормы, обладающие недостаточным превентивным эффектом; а так же даны рекомендации по повышению эффективности регулирующего воздействия путём изменения отдельных норм права.

Метод экономического анализа права связан с представлением субъектов гражданского оборота, как рациональных субъектов, способных оценить выгоду и издержки всех вариантов своего поведения и избираемых из них тот, что способен принести наибольшее удовлетворение [6, с. 48; 1, с. 46-47; 7, с. 15]. Данная установка наиболее применима к субъектам предпринимательской деятельности, имеющих законодательно декларированной целью извлечение прибыли.

Исследователям экономического анализа известны исключения из теории рационального выбора, связанные с разработками в области поведенческой экономики [6, с. 48-52]. Однако в подавляющем большинстве случаев, эти исключения связаны с психологическими особенностями поведения человека и поэтому они проявляются в правоотношениях с участием физических лиц. Об этих исключениях будет упомянуто, если они оказывают влияние и на выбор юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Смешанные перевозки грузов отличаются от иных транспортных обязательств субъектным составом – наличием нескольких исполнителей-перевозчиков, а значит, встаёт вопрос об определении конкретного ответственного лица, допустившего нарушение гражданско-правового обязательства по перевозке.

Реализация юридической ответственности перевозчика при смешанной перевозке груза связана с разрешением нескольких важных вопросов – определением места нарушения обязательства и применимых норм права в соответствии с определённым видом транспорта, к которому относится конкретный перевозчик. Причём постановка второго вопроса непосредственно зависит от разрешения первого.

Как представляется, локализация деликта – то есть определением места в пространстве, где было допущено нарушение взятого на себя перевозочного обязательства, имеет первоочередное значение при реализации гражданско-правовой ответственности. Главным образом это связано с множественностью лиц на стороне исполнителя, необходимо определить, кто именно из перевозчиков должен быть привлечён к ответственности.

Ответ на поставленный вопрос с первого взгляда может показаться очевидным. Даже несмотря на множественность лиц на стороне исполнителя, всё равно осуществляет передача-приём груза от одного перевозчика к следующему на протяжении всего пути перемещения груза из пункта отправления в пункт назначения.

Возможных же ответов на поставленный вопрос существует два – место совершения правонарушения определено или локализация невозможна по объективным причинам.

Порядок привлечения перевозчика к гражданско-правовой ответственности при известности места нарушения договора не представляет затруднений, так как возможно установить весь состав гражданского правонарушения. Совершенно иная ситуация складывается, когда невозможно локализовать место совершения правонарушения. Это приводит к порокам двух элементов состава правонарушения – объективной стороне и субъекту.

Применительно к объективной характеристике самого противоправного деяния, отсутствие сведений о месте совершения правонарушения приводит к тому, что единственным знанием участников гражданского оборота о произошедшем является информация о повреждении груза во временном промежутке между моментом передачи грузоотправителем груза к перевозке в пункте отправления и моментом его выдачи грузополучателю в пункте назначения.

При простой перевозке груза (с участием только одного перевозчика) особый критерий объективной стороны правонарушения такой, как локализация, не имеет принципиального значения, так как для грузоотправителя безразлично место и время, где и когда единственный перевозчик допустил повреждение груза, поскольку эти факты не влияют на личность конкретного ответчика. Объективная сторона и субъект правонарушения в этом случае не обладают пороками.

Совершенно иная ситуация складывается, когда перевозка является смешанной и в ней участвует как минимум два перевозчика. Если применять логику простой перевозки груза, то приходим к выводу, что

правонарушение совершенно точно так же во время перемещения груза из пункта отправления в пункт назначения. Однако во время самой перевозки груз передавался так же между отдельными перевозчиками, причём данный груз потенциально уже мог быть повреждён, но исполнитель договора не мог этого знать.

Как перевозчик может не знать, что принял к перевозке уже повреждённый груз? Современная экономика, с запросом участников гражданского оборота на сокращение сроков и стоимости перевозки грузов, всё чаще использует контейнерные перевозки грузов, как наиболее адекватно отвечающие подобных запросам.

Применение контейнера предполагает, что перевозка груза осуществляется без вскрытия контейнера во время передачи груза от одного перевозчика другому, что сокращает логистические издержки. Однако ценой данной экономии является затруднение в получении сведений о состоянии груза. В случае, если контейнер не вскрывался и груз не осматривался, а контейнер или непосредственно сам груз не оборудован средствами объективного контроля за его состоянием, например устройством термометрии при перевозке скоропортящихся грузов, определить перевозчика, ответственного за повреждение груза объективно невозможно.

Итак, проблема заключается в том, что существует последовательность исполнителей, исполнение договора которыми невозможно распределить между конкретными лицами. Частичным решением является создание разрыва данной «цепочки» путём открытия контейнера и осмотра груза. Такой процесс может, в том числе, происходить во время таможенного контроля в форме досмотра (ст. 328 ТК ЕАЭС [8]). Однако данная форма контроля проводится не в отношении всех грузов, а выборочно в рамках системы управления рисков в соответствии с установленными профилями рисков (п. 16 Инструкции о действиях должностных лиц таможенных органов, совершающих таможенные операции при международной перевозке товаров железнодорожным транспортом [9]).

При передаче груза последующему перевозчику, вскрытие контейнера так же не производится, законодательством установлены обязательные требования только к проверке состояния контейнеров и исправности запорно-пломбировочных устройств (ч. 5 ст. 69 УЖТ РФ [10], п. 2 ст. 108 КВВТ РФ [11]).

Таким образом, в нормальных условиях контейнер не вскрывается с момента его формирования грузоотправителем до момента окончания перевозки и передачи его грузополучателю.

Согласно положениям ч. 5 ст. 79 УЖТ РФ требования, касающиеся несохранности груза, предъявляются перевозчику, осуществляющему выдачу груза грузополучателю в пункте назначения, последний перевозчик в свою очередь вправе предъявить регрессные требования к предыдущему перевозчику, который осуществил передачу ему повреждённого груза. Однако в этом случае истец должен доказать вину ответчика и собственную непричастность к правонарушению. Это, как было установлено ранее, практически невозможно, следовательно, исковые требования удовлетворены не будут и последний перевозчик будет нести ответственность за ненадлежащую перевозку груза всеми перевозчиками.

Проведём экономический анализ правоотношения по смешанной перевозке груза согласно правилам действующего законодательства. Минимальное количество субъектов данного правоотношения – три. Это грузовладелец, выполняющий роли грузоотправителя и грузополучателя, а также два перевозчика.

Выбирая модель поведения, сторона обязательства отнюдь не делает выбор из вариантов действовать добросовестно и соблюдать условия договора или стать недобросовестным участником гражданского оборота и нарушить взятое на себя обязательство. Теория рационального выбора указывает, что, по существу, субъект правоотношений принимает всегда единственный верный (разумный) при данных обстоятельствах выбор. Выбор обусловлен выгодой (имущественной и нематериальной), которую способен принести тот или иной вариант поведения. Сторона обязательства будет соблюдать условия договора только до тех пор, пока это приносит выгоду большую, чем нарушение обязательства. Это объективная закономерность. Так, S. Bag в данном контексте поясняет, что должник сравнивает выгоды от исполнения и неисполнения договора в каждый момент времени [7, с. 67].

Относительно к гражданско-правовой ответственности вследствие повреждения груза, условия договора и возможный риск несения ответственности за его нарушение должны стимулировать сторон обязательства принимать меры к минимизации риска повреждения груза.

В теории экономического анализа права выведена формула, которая позволяет считать лицо добросовестным, как принявшим достаточные меры по предотвращению возможных убытков. Суть данного правила в том, что лицо должно понести затраты на предотвращение убытков в размере равном сумме возможного вреда умноженного на вероятность его наступления – так называемое «правило маргинальной руки» [12, с. 214-215]. То есть если, например стоимость груза равна 100 тыс. рублей, а вероятность повреждения груза во время перевозки – 10%, то перевозчик должен понести на меры по обеспечению безопасности груза затраты в размере 10 тыс. рублей. При соблюдении данных условий перевозчик считается принявшим необходимые разумные меры по предотвращению убытков, что говорит о его добросовестности.

Кроме того, ошибочны представления о том, что в перевозочных обязательствах всю ответственность за повреждение груза несёт только перевозчик. Грузоотправитель так же является лицом, способным оказывать влияние на качество перевозки и сохранность собственного груза. Например, именно от грузоотправителя зависит соблюдение необходимых условий по упаковке груза (ст. 18 УЖТ РФ) или сообщение перевозчику необходимой информации о свойствах груза, влияющих на его перевозку (п. 4 ст. 804 ГК РФ [13]). То есть перевозчик не должен нести ответственность за повреждение груза, если оно произошло вследствие действий или бездействия самого грузоотправителя, например, нарушившего необходимые требования к упаковке.

Обратим внимание на текущее положение правовых стимулов для перевозчиков в процессе смешанной перевозке груза. Как было сказано только последний перевозчик в действительности может быть привлечён к гражданско-правовой ответственности за повреждение груза в процессе его перемещения всеми перевозчиками. Как это влияет на качество оказываемых перевозочных услуг предшествующими перевозчиками? Согласно приведённой формуле, вероятность несения убытков предшествующими перевозчиками равна нулю, следовательно, принятие каких бы то ни было мер по их предотвращению является абсолютно нецелесообразным. Единственное событие, которое перевозчик не должен допустить, – это повреждение самого контейнера, запорных устройств и пломб, чтобы не создать условия для локализации правонарушения именно на его участке пути и тем самым не повысить вероятность удовлетворения иска от последующего перевозчика.

Может ли быть перевозка качественной, если обязательства части перевозчиков не обеспечены эффектом превенции гражданско-правовой ответственности? Нет сомнений в том, что своё негативное влияние данные обстоятельства окажут. R. Cooter и T. Ulen указывают, что отсутствие ответственности не создают стимулов для эффективной предосторожности, так как принятие данных противоречит рациональности ввиду отсутствия у правонарушителя возможных убытков [12, с. 202-204].

Каким образом можно исправить данную негативную тенденцию? Необходимо исключить нулевую вероятность несения убытков данными перевозчиками. Ответственность передающих перевозчиков основывается на вине, в рамках невозможности локализации места совершения правонарушения, это представляется практически невозможным. Сложность заключается именно в рамках установления возможного субъекта правонарушения.

Исходя из этого, представляется целесообразным рассматривать цепочку перевозчиков не как состоящую из отдельных субъектов, а в качестве единого субъекта, несущего единую ответственность перед грузовладельцем.

Предложенное решение позволяет отчасти снять и проблему справедливости – к гражданско-правовой ответственности будут привлечены все лица, которые потенциально имеют отношение к нарушению. Это устранит «ощущение безответственности» у предшествующих перевозчиков и «несправедливость» по отношению к выдающему груз перевозчику, несущего все убытки, вызванные повреждение груза кем-либо из цепочки предшествующих перевозчиков.

Варианта гражданско-правовой ответственности с множественностью лиц на стороне должника два – долевая и солидарная. Первый вариант представляется наиболее целесообразным. Впрочем, солидарная ответственность так же способна решить поставленную задачу, однако следует помнить о механизме регрессных требований (п. 2 ст. 325 ГК РФ), который, потенциально ведёт к дополнительным судебных спорам, как итог – к увеличению нагрузки судов. Теория рационального выбора говорит о том, что разумный истец предъявит иск к одному перевозчику, являющемуся наиболее финансово состоятельным, во избежание возникновения дополнительных сложностей на стадии исполнения судебного решения.

Возвращаясь к долевой ответственности так же обозначим, что расчёт собственно долей, в которых отвечает каждый перевозчик, необходимо проводить по объективному критерию (например, по доле участка маршрута в общей продолжительности всего перемещения груза в пространстве).

Таким образом, применение долевой ответственности перевозчиков полностью нивелируется влияние критерия локализации на элементы состава гражданского правонарушения, что в итоге позволяет действительно реализовать механизм юридической ответственности. Ненулевой риск привлечения лица к ответственности положительно влияет на способность лица к добросовестному осуществлению своих обязанностей, так как выступает в роли стимула, обладающего эффектом превенции. Исходя из теории рационального выбора, перевозчик будет вынужден нести затраты на предотвращение возможных убытков, что положительно сказывается на сохранности грузов, а следовательно, и качестве перевозочного процесса и работает в пользу предложенной модели гражданско-правовой ответственности.

Литература

1. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13. 771 с.
3. Демиева А.Г., Туктамышова Л.Г. Активная экономическая деятельность: междисциплинарный подход к исследованию // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 305 – 315.
4. Дзарахов Р.С., Полонкоева Ф.Я. Актуальность экономического анализа права для современной российской правовой доктрины // Теоретический и практический потенциал современной науки: Сборник научных статей. Научный редактор И.В. Беседина. М., 2020. С. 136 – 138.
5. Королева Е.А. Влияние экономического анализа права на юридическое мышление // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3 (20). С. 109 – 114.
6. Malloy R.P. Law and Economics: An Introductory Toolkit for Lawyers. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press, 2019. 203 p.
7. Bag S. Economic Analysis of Contract Law: Incomplete Contracts and Asymmetric Information. Palgrave MacMillan, 2018. 203 p.
8. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019): приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза // Официальный сайт Евразийского экономического союза http://www.eaeunion.org/, 12.04.2017
9. Об утверждении Инструкции о действиях должностных лиц таможенных органов, совершающих таможенные операции при международной перевозке товаров железнодорожным транспортом: Приказ ФТС России от 01.06.2011 № 1157 (ред. от 14.04.2014) // Таможенные ведомости. № 8, август, 2011 (извлечение).
10. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 13.01.2003, № 2, ст. 170.
11. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации: Федеральный закон от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 12.03.2001, № 11, ст. 1001.
12. Cooter R. Law and Economics. 6th edition. Berkeley Law Books, 2016. 555 p.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996, № 5, ст. 410.

References

1. Karapetov A.G. Jekonomicheskij analiz prava. M.: Statut, 2016. 528 s.
2. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1959. T. 13. 771 s.
3. Demieva A.G., Tuktamyshova L.G. Aktivnaja jekonomicheskaja dejatel'nost': mezhdisciplinarnyj podhod k issledovaniju. Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij. 2022. № 4. S. 305 – 315.
4. Dzarahov R.S., Polonkoeva F.Ja. Aktual'nost' jekonomicheskogo analiza prava dlja sovremennoj rossijskoj pravovoj doktriny. Teoreticheskij i prakticheskij potencial sovremennoj nauki: Sbornik nauchnyh statej. Nauchnyj redaktor I.V. Besedina. M., 2020. S. 136 – 138.
5. Koroleva E.A. Vlijanie jekonomicheskogo analiza prava na juridicheskoe myshlenie. Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2019. T. 6. № 3 (20). S. 109 – 114.
6. Malloy R.P. Law and Economics: An Introductory Toolkit for Lawyers. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press, 2019. 203 p.
7. Bag S. Economic Analysis of Contract Law: Incomplete Contracts and Asymmetric Information. Palgrave MacMillan, 2018. 203 p.
8. Tamozhennyj kodeks Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza (red. ot 29.05.2019): prilozhenie № 1 k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza. Oficial'nyj sajt Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza http://www.eaeunion.org/, 12.04.2017
9. Ob utverzhdenii Instrukcii o dejstvijah dolzhnostnyh lic tamozhennyh organov, sovershajushhih tamozhennye operacii pri mezhdunarodnoj perevozke tovarov zheleznodorozhnym transportom: Pri-kaz FTS Rossii ot 01.06.2011 № 1157 (red. ot 14.04.2014). Tamozhennye vedomosti. № 8, avgust, 2011 (izvlechenie).
10. Ustav zheleznodorozhnogo transporta Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 10.01.2003 № 18-FZ (red. ot 11.06.2022). Sobranie zakonodatel'stva RF. 13.01.2003, № 2, st. 170.
11. Kodeks vnutrennego vodnogo transporta Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 07.03.2001 № 24-FZ (red. ot 14.03.2022). Sobranie zakonodatel'stva RF. 12.03.2001, № 11, st. 1001.
12. Cooter R. Law and Economics. 6th edition. Berkeley Law Books, 2016. 555 p.
13. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja): Federal'nyj zakon ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 08.07.2021). Sobranie zakonodatel'stva RF. 29.01.1996, № 5, st. 410.

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РАЗРАБОТКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УГЛЕВОДОРОДНОГО СЫРЬЯ

Янике Е.А., старший преподаватель,
Российский государственный университет нефти и газа
Национальный исследовательский университет им. И.М. Губкина

Аннотация: *на первый взгляд может показаться, что вопрос определения понятия нефти и нефтепродуктов как объектов хозяйственных правоотношений по поставке получил надлежащее определение как в юридической литературе, так и в актах действующего законодательства. Впрочем, детальный анализ нормативно-правовых актов и изучение научных подходов к определению сущности нефти и нефтепродуктов как объектов экономического оборота свидетельствуют о наличии противоречий как чисто теоретического, так и практического характера. Именно указанными и другими обстоятельствами предопределяется актуальность выполнения представленного исследования. В целом отдельные аспекты правового режима нефти и нефтепродуктов как объектов правоотношений по поставке нашли отражение в научных трудах ряда ученых. В то же время нерешенными и требующими углубленного освещения, остаются вопросы конкретизации правовых норм, которые определяют нефть и нефтепродукты как объект хозяйственного оборота. В связи с этим целью исследования является выявление правовых квалифицирующих признаков нефти и нефтепродуктов как объектов хозяйственных правоотношений по поставке.*

Ключевые слова: *месторождение, разработка, право, структура, развитие*

ECOLOGICAL AND LEGAL REGIME FOR THE DEVELOPMENT OF HYDROCARBON DEPOSITS

Yanike E.A., Senior Lecturer,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas

Abstract: *at first glance, it may seem that the issue of defining the concept of oil and petroleum products as objects of economic legal relations for the supply has received a proper definition both in the legal literature and in the acts of current legislation. However, a detailed analysis of regulatory legal acts and the study of scientific approaches to determining the essence of oil and petroleum products as objects of economic turnover indicate the presence of contradictions of both a purely theoretical and practical nature. It is precisely these and other circumstances that determine the relevance of the implementation of the presented study. In general, certain aspects of the legal regime of oil and petroleum products as objects of legal relations for the supply have been reflected in the scientific works of a number of scientists. At the same time, the issues of specifying the legal norms that define oil and petroleum products as an object of economic turnover remain unresolved and require in-depth coverage. In this regard, the purpose of the study is to identify the legal qualifying features of oil and petroleum products as objects of economic legal relations for the supply.*

Keywords: *deposit, development, law, structure, development*

В частности, нефть является составляющей недр и рассматривается как полезное ископаемое, которое добывается из-под земной коры. Законодательство о недрах не дает определения понятия «нефть», однако из содержания следует, что нефть принадлежит к нефтегазоносным недрам. Сегодня Россия находится на пути совершенствования отрасли использования недр и активного реформирования нормативно-правовой базы в этой сфере: осуществляются обновления устаревшего законодательства, внедрение новых реформ, программ развития, вводятся меры контроля за эффективным и рациональным использованием недр, льготы для недропользователей и тому подобное. Все эти изменения и нововведения необходимы для совершенствования государственной политики в области геологического изучения и использования недр, создания совершенного законодательства в горной отрасли и соответственно привлечения новых инвестиций. Конечно, сейчас законодательство о недрах еще не совершенно и имеет ряд недостатков, однако считаем, что, обновляя его, необходимо прежде всего усовершенствовать понимание понятия «недра» в качестве основной и системообразующим категории отрасли недропользования в целом. Понятие «недра» в правовом аспекте имеет как теоретическую, так и практическую ценность, поскольку оно является основой права недропользования и основным объектом исследования горного права. Правильное, полное и содержательное его формулировки и закрепления на законодательном уровне является залогом

прогрессивного развития административного управления в сфере использования недр, определения круга субъектов, имеющих право осуществлять деятельность в этой сфере, выявление недостатков горнодобывающего законодательства и оперативного реагирования государства на имеющиеся пробелы и их устранение.

Как можно увидеть, к числу квалифицирующих признаков нефти добавляется указание на качества этого полезного ископаемого как товарной продукции [7]. При этом содержание термина «товарная продукция» не раскрывается в тексте закона. Выяснить смысловую нагрузку этого понятия оказывается достаточно сложной задачей даже в случае осуществления попыток анализа других актов нефтегазового законодательства [5].

Исследования специального законодательства по вопросам бухгалтерского учета и финансовой отчетности также не привносит ясности в понимание понятия «товарная продукция». Принцип обеспечения участия общественности в принятии решений и надлежащего реагирования субъектов управления в сфере недропользования заключается в: допуска общественности, общественных организаций, инициативных групп к принятию решений, которые могут иметь влияние в сфере эксплуатации недр; открытости внутренних процессов принятия решений; открытом доступе принятых документов; отсутствие дискриминации; оперативном реагировании на выявленные нарушения законодательства и направлении действий по их устранению [2].

Среди общих принципов административно-правового регулирования недропользования необходимо выделить: надлежащее управление, открытость и прозрачность, обеспечение участия общественности в принятии решений и надлежащего реагирования субъектов управления в сфере недропользования.

Суть принципа надлежащего управления заключается в эффективном управлении, своевременном выявлении нарушений, учете интересов всех участников отношений в сфере недропользования, минимизации коррупционных рисков. Этот принцип реализуется введением государственных программ, стандартов и стимулов для работников органов государственной власти, направленных на обеспечение публичного интереса и повышения уровня доверия населения к таким государственным органам [6]

В экономическом словаре-справочнике предоставляется похоже с этими дефинициями определение понятия «товарная продукция» как продукции, произведенной в течение определенного времени и предназначенной для реализации за пределами предприятия, то есть подготовленной для передачи в народнохозяйственный оборот. Нефть товарная продукция должна соответствовать таким признакам [9]:

- изготовлена на предприятии;
- предназначена для продажи;
- имеет технические и качественные характеристики, предусмотренные нормативно-правовым актом или договором.

Именно с учетом этих признаков сформулировано определение понятия «товарная продукция горнодобывающего предприятия», под которым понимается минеральное сырье, добытая горнодобывающим предприятием, соответствует установленным стандартам. При этом минеральное сырье определяется как полезное ископаемое, добытое и переработанное на товарную продукцию горного производства. В связи с этим неслучайно в налоговом законодательстве углеводородным сырьем признаются нефть, природный газ (в том числе нефтяной (попутный) газ, газ (метан) угольных месторождений, газ сланцевых толщ, газ центрально-бассейнового типа, газ коллекторов плотных пород), газовый конденсат, являющиеся товарной продукцией [4, 10].

Правовая квалификация нефти как товарной продукции находит проявление в специальных подзаконных нормативно-правовых актах по исследуемой тематике. В частности, терминологический аппарат расширяется использованием понятия «товарная нефть». Дефиниция этого понятия приводится в инструкции по контролю качеству нефти и нефтепродуктов на предприятиях и организациях. Несмотря на разветвленность направлений государственного контроля и большое количество органов контроля, его основной задачей является охват всех сфер, касательных к недропользованию (экология, земельные вопросы, безопасность труда). Так, для недропользователя наличие такой системы органов контроля является обременительным, но государственный контроль направлен как на выявление допущенных нарушений, так и на их предупреждение и приостановление, поскольку недропользование – это сфера, связанная с повышенной опасностью [1].

Основываясь на вышеприведенных рассуждениях, можно было бы с определенной долей уверенности утверждать о том, что в любом случае, когда в тексте нормативно-правового акта упоминается термин «нефть», имеется в виду именно «товарная нефть» (как нефть, доведенная до состояния товарной продукции) [12]. Конечно, это предположение следует применять ко всем случаям, когда речь идет о привлечении нефти в сферу хозяйственного обращения. Ведь сам процесс добычи нефти из недр еще не

наделяет полученную нефть признаками товарной продукции, поскольку это лишь первоначальный этап в системе действий по созданию продукции, которая имеет стоимостный характер и ценовую определенность.

Возможно, именно последней сентенцией можно было бы объяснить использование в законодательстве такого термина, как «нефть сырая». Этот термин применяем в тексте законодательства, но его определение не приведено. Нормативное толкование этого термина содержится в подзаконных нормативно-правовых актах, в частности в порядке организации и проведения биржевых аукционов по продаже нефти сырой, газового конденсата собственной добычи и сжиженного газа. В частности, сырая нефть в этом документе определяется как нефть добывается из месторождений субъектом хозяйствования, который получил специальный документ [8, 11].

Вместе с тем возникает вопрос о наличии признаков товарной продукции у нефти сырой. Ведь появляются определенные сомнения относительно оборотоспособности в коммерческом обороте добытой с месторождений нефти, которые подкрепляются соответствующей информационной базой.

Прежде всего заслуживает внимания информация, которая имеет важное значение для установления правомерности отнесения нефти сырой к объектам имущественных правоотношений в нефтегазовой сфере. сфере недропользования, как и в большинстве других, которые регулируются административно-правовыми нормами, преобладает императивный метод регулирования, что предполагает обеспечение публичных интересов через деятельность специально определенных государством органов власти и должностных лиц. Этот метод выражается в юридическом неравенстве субъектов недропользования и построении законодательных норм таким образом, чтобы правовая норма в одностороннем порядке требовала от недропользователя не отклоняться от установленных ею правил. Однако не нужно рассматривать императивный метод регулирования только в плоскости принуждения и неравенства. Благодаря этому методу правового регулирования в сфере использования и эксплуатации недр, государство обеспечивает соблюдение всеми субъектами прав недропользователей. Так, предоставление субъекту хозяйствования или физическому лицу специального разрешения на пользование недрами представляет собой властно-распорядительную функцию органа государственной власти, однако специальное разрешение закрепляет права лица на конкретный участок недр, и с этого момента права недропользователя защищаются юридическими гарантиями, которые государство реализует через свои органы. Возможно, это предположение базируется на положениях международно-правовых актов, в частности Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 года. В приложении 1 к настоящей Конвенции «сырая нефть» приводится в значении любой жидкой углеводородной смеси, которая встречается в естественном виде в недрах земли, независимо от того, обработана она или нет с целью облегчения ее транспортировки, и включает: a) сырую нефть, из которой могут быть удалены некоторые фракции перегонки; и b) сырую нефть, к которой могут быть добавлены некоторые фракции перегонки (п. 28 Правила 1). Однако следует учесть, что это определение касается ограниченной сферы применения термина «нефть сырая», а именно в связи с загрязнением с судов [3].

В контексте международно-правовых положений об ущербе от загрязнения нефтью заслуживает внимания Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью от 29 ноября 1969 года. В тексте данного международно-правового акта, «нефть» означает любую стойкую углеводородную минеральную нефть, в частности сырую нефть, мазут, тяжелое дизельное топливо и смазочное масло, независимо от того, перевозятся ли они на борту судна в качестве груза или в топливных танках такого судна (п. 5 ст. 1). Как можно увидеть, международно-правовая дефиниция допускает смешивание различных правовых категорий, а именно: нефти как углеводородного сырья и, в частности, дизельного топлива и масла в качестве продуктов переработки нефти.

В связи с этим использование международно-правовой интерпретации исследуемого понятия в рамках отечественной правовой системы лишь усложняет выявление отличительных признаков как между категориями «нефть сырая», «товарная нефть», так и понятиями, обозначающими продукты переработки нефти.

Особенности, которые присущи нефти сырой и товарной в правовой и экономической плоскостях обусловлены прежде всего показателями качества нефти. Субъекты административно-правового режима недропользования: недропользователи и органы управления в сфере недропользования. В административном праве субъектами обычно определяют носителей (собственников) прав и обязанностей в сфере публичного управления, которые предусмотрены административно-правовыми нормами, способных реализовывать предоставленные им права и выполнять возложенные обязанности. Говоря о субъектах административно-правового режима недропользования, мы считаем целесообразным относить к ним недропользователей и органы управления в сфере недропользования. Кроме того, промысловая подготовка

нефти дает возможность довести до нормативно установленного уровня количество вредных компонентов. Ведь транспортировка недостаточно обессоленной, обезвоженной, с механическими примесями нефти приводит ко многим последствиям: экономическим (незапланированные расходы, связанные с перекачкой некондиционной нефти, расходы нефтеперерабатывающего завода на обезвоживание и обессоливание нефти); технических (коррозия стен нефтепроводов) также.

В связи с этим следует согласиться с мнением отдельных ученых о том, что нефтяное минеральное сырье не соответствует признакам объекта экономического оборота из-за того, что оно не соответствует требованиям качества, а следовательно, и требованиям безопасности, его добыча является промежуточным этапом нефтепроизводственного цикла.

Следовательно, товарная нефть выступает результатом промышленной подготовки сырой нефти с целью доведения ее до требований коммерческого продукта, отвечающего качественным требованиям государственных стандартов.

Именно с учетом качественных требований к нефти происходит процесс ее принятия к транспортировке по магистральным нефтепроводам. В частности, лицензионными условиями осуществления хозяйственной деятельности по транспортировке нефти по магистральным трубопроводам предусматривается право лицензиата (субъект хозяйствования, который получил лицензию на осуществление хозяйственной деятельности по транспортировке нефти магистральными трубопроводами) отказать заказчику услуг по транспортировке нефти в случае несоответствия качества нефти требованиям нормативных документов и стандартов. То есть речь идет о том, что объектом транспортировки выступает именно товарная нефть.

Следует также указать, что именно нефть как товарная продукция является объектом налоговых правоотношений, о чем уже было указано со ссылкой на положения налогового законодательстве. Аналогичный подход нашел закрепление в актах налогового законодательства стран ближнего зарубежья. Так, в налоговом законодательстве отдельных зарубежных стран отмечается, что к углеводородному сырью следует относить нефть обезвоженную, обессоленную и стабилизированную.

В то же время в законодательстве отдельных зарубежных стран не проводится отграничение понятий «нефть» («сырая нефть»), «товарная нефть». В частности, в Законе Кыргызской Республики «О нефти и газе» от 8 июня 1998 г. №77 нефть определяется как сырая нефть, а также углеводороды, полученные после очистки сырой нефти, переработки горючих сланцев и битуминозных пород. В праве других стран мира углеводородное сырье практически отождествляется по смыслу с полезными ископаемыми, что исключает необходимость в четкой правовой идентификации нефти как объекта экономического оборота. Примером этого выступает Закон Норвегии «О нефтяной деятельности» от 25 марта 1985 г. №11, что, как отмечается в научной литературе, к углеводам относят все жидкие и газообразные углеводороды, которые существуют в естественном виде в недрах, а также другие вещества, добываемые попутно с такими углеводородами (ст. 4).

В целом анализ правового поля в исследуемой сфере выявляет такой недостаток, который связан с непоследовательностью законодателя в правовой квалификации отдельных углеводородов как нефти. В частности, закон разграничивает понятия «нефть сырая» и «газовый конденсат», отдельно отмечая возможности их продажи. Так же и налоговое законодательство приводит классификацию углеводородного сырья, признавая такой, в частности, нефть и газовый конденсат. И это при том, что уровень подзаконного нормативно-правового регулирования признает за газовым конденсатом правовой режим нефти. Принцип осуществления экологического недропользования заключается в минимизации всех негативных рисков при осуществлении эксплуатации месторождений полезных ископаемых. Почти все европейские потребители минерального сырья, перед заключением контрактов на поставку того или иного сырья требуют наличие сертификатов ISO 9001 и ISO 14001, которые также подтверждают экологичность продукции, которая реализуется. В целом на протяжении последних двух лет в России вводятся четкие экологические нормы и стандарты допустимых выбросов в атмосферный воздух, недопустимости загрязнения водных объектов, вырубки лесов, что в комплексе обеспечивает экологическое недропользование.

Аналогичная правовая позиция изложена в актах зарубежного законодательства по вопросам нефти и газа. В частности, в вышеупомянутом Законе Кыргызской Республики «О нефти и газе» сырая нефть определяется как любые углеводороды вне зависимости от их удельного веса, извлекаемые из недр в жидком состоянии при нормальной атмосферной температуре и давлении, включая жидкие углеводороды, известные под названием дистиллята (газоконденсата) или конденсата, образованные из природного газа путем естественной конденсации.

Следовательно, целесообразно устранить выявленные противоречия в актах действующего законодательства. Ознакомление с зарубежным опытом правового регулирования отношений в нефтегазовой сфере свидетельствует о наличии проблем иного характера, в частности, связанных с

размыванием границ правового режима нефти и нефтепродуктов. Как следует из содержания Закона Республики Молдова «О рынке нефтепродуктов» от 30 июля 2001 г., нефтепродуктами признается нефть и продукты ее перегонки (ст. 2). Впрочем, вряд ли есть экономико-правовая основа для смешивания разнородных категорий, которые имеют особый режим правового регулирования добычи (производства), контроля качества и количества, налогообложения и бухгалтерского учета.

В российском законодательстве, в отличие от правовых актов зарубежных стран, понятие нефтепродуктов содержится в подзаконных нормативно-правовых актах. Так, дефиниция «нефтепродукты» приводится в идентичном значении в инструкциях по контролю качества нефти и нефтепродуктов на предприятиях и организациях и о порядке приема, транспортировки, хранения, отпуска и учета нефти и нефтепродуктов на предприятиях и организациях. В этих подзаконных нормативно-правовых актах термин «нефтепродукт» интерпретируется как продукт, полученный при переработке нефти, газового конденсата или их смеси, за исключением продуктов нефтехимии.

В то же время в контексте проведенного исследования и выявленных экономико-правовых различий «сырой» и товарной нефти» следует уточнить определение понятия нефтепродуктов с акцентом на то, что это продукты переработки товарной нефти (газового конденсата) или их смеси.

В целом, нефть и нефтепродукты можно рассматривать в рамках единого понятия, каким являются энергетические материалы и продукты, что непосредственно следует из содержания приложения ЭМ к европейской энергетической хартии.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу о необходимости введения в правовой оборот понятия «товарная нефть», который обозначает результат промышленной подготовки сырой нефти с целью доведения ее до требований коммерческого продукта, что соответствует качественным требованиям государственных стандартов. Изложенные в данном научном исследовании идеи могут быть развиты в направлении совершенствования правового режима нефти и нефтепродуктов как объектов хозяйственного оборота.

Литература

1. Алексеева Т.О., Брюханов А.А. Применение принципа "автономии воли" при регулировании международной поставки нефти // Современное регулирование деятельности организаций нефтегазового комплекса: сборник статей, Москва, 18-20 апреля 2017 года / Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ЭкООнис-экологически чистые технологии", 2017. С. 12 – 14.

2. Андриянов Д.В. Трансграничные нефтегазовые сделки в международном частном праве: понятие, виды, особенности регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 10 (131). С. 153 – 162. DOI 10.17803/1994-1471.2021.131.10.153-162

3. Исаханова И.Н. Ответственность сторон по договору переработки сырой нефти // Студенческий вестник. 2021. № 20-4 (165). С. 78 – 81.

4. Исаханова И.Н. Ответственность сторон по договору переработки сырой нефти // Вестник науки. 2021. Т. 1. № 6-1 (39). С. 158 – 163.

5. Карцхия А. Оцифрованное право: виртуальность в законе // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 5 – 20.

6. Мавлянова Е.Н. Формирование нормативных правовых отношений, возникших в связи с регулированием транспортировки нефти посредством системы нефтепроводов в Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2017. № 4 (49). С. 99 – 106.

7. Мильшина И.В. Административные инструменты государственного регулирования экспорта (на примере нефти и нефтепродуктов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. № 4. С. 465 – 469. DOI 10.18500/1994-2540-2017-17-4-465-469

8. Рыкова И.Н., Табуров Д.Ю. Подходы к оценке эффективности использования энергетических ресурсов: внутренний и внешний анализ // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2018. № 3 (63). С. 42 – 53.

9. Сагдиев И.З. Проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере нефти и газа // Вестник Таджикского национального университета. Серия: Социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2/2. С. 266 – 270.

10. Николаев Д.А. Особенности предпринимательских правоотношений в сфере добычи общераспространенных полезных ископаемых // International Law Journal. 2021. Т. 4. № 6. С. 109 – 112.

11. Леонидова Ю.А. Методический подход к оценке бюджетной эффективности при освоении труднодоступных месторождений полезных ископаемых // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 4. С. 249 – 255.

12. Karimov T.I. State regulation of the Kazakhstan sector structure on the world energy commodities market // Modern Science. 2017. № 4-1. P. 108 – 111.

References

1. Alekseeva T.O., Brjuhanov A.A. Primenenie principa "avtonomii voli" pri regulirovanii mezhdunarodnoj postavki nefti. Sovremennoe regulirovanie dejatel'nosti organizacij neftegazovogo kompleksa: sbornik statej, Moskva, 18-20 aprelja 2017 goda. Rossijskij gosudarstvennyj universitet nefti i gaza (nacional'nyj issledovatel'skij universitet) im. I.M. Gubkina. Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "JekOOnis-jekologicheski chistye tehnologii", 2017. S. 12 – 14.

2. Andrijanov D.V. Transgranichnye neftegazovye sdelki v mezhdunarodnom chastnom prave: ponjatie, vidy, osobennosti regulirovanija. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 10 (131). S. 153 – 162. DOI 10.17803/1994-1471.2021.131.10.153-162

3. Isahanova I.N. Otvetstvennost' storon po dogovoru pererabotki syroj nefti. Studencheskij vestnik. 2021. № 20-4 (165). S. 78 – 81.

4. Isahanova I.N. Otvetstvennost' storon po dogovoru pererabotki syroj nefti. Vestnik nauki. 2021. T. 1. № 6-1 (39). S. 158 – 163.

5. Karchija A. Ocifrovannoe pravo: virtual'nost' v zakone. Intellektual'naja sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2018. № 2. S. 5 – 20.

6. Mavljanova E.N. Formirovanie normativnyh pravovyh otnoshenij, voznikshih v svjazi s regulirovaniem transportirovki nefti posredstvom sistemy nefteprovodov v Rossijskoj Federacii. Vestnik Akademii prava i upravlenija. 2017. № 4 (49). S. 99 – 106.

7. Mil'shina I.V. Administrativnye instrumenty gosudarstvennogo regulirovanija jeksporta (na primere nefti i nefteproduktov). Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Jekonomika. Upravlenie. Pravo. 2017. T. 17. № 4. S. 465 – 469. DOI 10.18500/1994-2540-2017-17-4-465-469

8. Rykova I.N., Taburov D.Ju. Podhody k ocenke jeffektivnosti ispol'zovanija jenergeticheskih resursov: vnutrennij i vneshnij analiz. Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH). 2018. № 3 (63). S. 42 – 53.

9. Sagdiev I.Z. Problemy pravovogo regulirovanija predprinimatel'skoj dejatel'nosti v sfere nefti i gaza. Vestnik Tadzhikskogo nacional'nogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2017. № 2/2. S. 266 – 270.

10. Nikolaev D.A. Osobennosti predprinimatel'skih pravootnoshenij v sfere dobychi obshcherasprostranennyh poleznyh iskopaemyh. International Law Journal. 2021. T. 4. № 6. S. 109 – 112.

11. Leonidova YU.A. Metodicheskij podhod k ocenke byudzhetnoj effektivnosti pri osvoenii trudnodostupnyh mestorozhdenij poleznyh iskopaemyh. Russian Economic Bulletin. 2021. T. 4. № 4. S. 249 – 255.

12. Karimov T.I. State regulation of the Kazakhstan sector structure on the world energy commodities market. Modern Science. 2017. № 4-1. P. 108 – 111.

ПРОКУРОР И ЕГО ПРАВО ОБЖАЛОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Рудакова С.В., кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский государственный университет

Аннотация*: в работе рассмотрены особенности права прокурора на обжалование в досудебном производстве. В статье разрешается вопрос об определении конкретного работника, который имеет право на обжалование, а также круга возможностей реализации указанного права. При ответе на данные вопросы автор приходит к выводу, что в целом прокурор имеет право обжаловать только судебные акты. Правом на такое обжалование в досудебном производстве наделены надзирающий прокурор, вышестоящий прокурор и государственный обвинитель. Кроме этого, в работе отмечается отсутствие единообразия в использовании понятия «представление», а также определённая непоследовательность законодателя в подходе к определению рассматриваемого права. В результате анализа установлено, что представление прокурора – это не только его форма реализации уголовно-процессуального полномочия на обжалование, но и форма реализации иных как процессуальных, так и общенадзорных полномочий. Такого рода разнородные полномочия не должны иметь одноименную форму реализации. Кроме этого, автором акцентируется, что право на обжалование судебных решений реализуется прокурором единолично, инициативно (т.е. по собственному усмотрению) и независимо от иных участников уголовного судопроизводства. В заключение проводится анализ проблем, а также положительных тенденций, вызванных внедрением электронных технологий в уголовное судопроизводство по вопросу обжалования.*

Ключевые слова*: прокурор, обжалование, право на обжалование, досудебное производство*

THE PROSECUTOR AND HIS RIGHT OF APPEAL IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Rudakova S.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuban State University

Abstract: *the paper considers the features of the prosecutor's right to appeal in pre-trial proceedings. The article resolves the issue of determining a specific employee who has the right to appeal, as well as the range of possibilities for exercising this right. When answering these questions, the author comes to the conclusion that, in general, the prosecutor has the right to appeal only judicial acts. The right to such an appeal in pre-trial proceedings is vested in the supervising prosecutor, the higher prosecutor and the public prosecutor. In addition, the work notes the lack of uniformity in the use of the concept of "representation", as well as a certain inconsistency of the legislator in the approach to determining the right in question. As a result of the analysis, it was found that the presentation of the prosecutor is not only his form of exercising the criminal procedural authority to appeal, but also the form of exercising other procedural and general supervisory powers. Such heterogeneous powers should not have the same form of implementation. In addition, the author emphasizes that the right to appeal court decisions is exercised by the prosecutor alone, on his own initiative (i.e., at his own discretion) and independently of other participants in criminal proceedings. In conclusion, an analysis is made of the problems, as well as positive trends caused by the introduction of electronic technologies in criminal proceedings on the issue of appeal.*

Keywords: *prosecutor, appeal, right to appeal, pre-trial proceedings*

Одной из основополагающей функцией прокурора является надзор за деятельностью органов расследования, о чем указано в ч. 1 ст. 37 УПК РФ. Следует отметить, что данная функция является важным звеном в обеспечении правопорядка и законности в государстве, а также охране прав и законных интересов граждан и юридических лиц. С целью реализации названной функции прокурор наделен полномочиями по обжалованию действий (бездействия) и решений органов расследования. Названное право позволяет пресечь неправомерные действия и решения со стороны должностных лиц [12, с. 105-126]. Следует заметить, что использование указанного права осуществляется путем рассмотрения жалобы лица, чьи права были нарушены должностными лицами, осуществляющими расследования уголовного дела. Так, прокурор рассматривает соответствующие жалобы и принимает решения в пределах полномочий, установленных уголовно-процессуальным законом.

Однако возникает вопрос: имеет ли право сам прокурор обжаловать решения и действия (бездействия) в сфере уголовно-процессуальной деятельности и если да, то чьи и каков соответствующий этому порядок?

В ст. 37 УПК РФ, определяющей основные процессуальные полномочия, о полномочии прокурором подавать жалобы ничего не сказано. А вот обращение к федеральному законодательству позволяет сделать ряд, как представляется, интересных умозаключений.

1. В досудебных стадиях уголовного судопроизводства право на обжалование четко сформулировано только применительно к лицам, имеющим прямую (потерпевший, обвиняемый), либо косвенную (защитники, представители) заинтересованность к уголовному делу. Следует указать, что в силу ст. 127 УПК РФ решения суда, принятые в досудебном производстве, могут быть обжалованы в порядке, установленном гл. 45.1, 47.1, 48, и 49 УПК РФ. Рассматривая названые положения уголовно-процессуального законодательства, можно утверждать, что в число носителей права на обжалование включен и прокурор, но его право на обжалование распространяется исключительно на судебные решения.

На основании представленного вывода возникает вопрос: кому именно из числа работников прокуратуры принадлежит указанное право?

В положениях ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ указано, что право апелляционного обжалования имеют государственный обвинитель (далее – гособвинитель) и вышестоящий прокурор.

Из анализа п. 6 ст. 5 УПК РФ можно заключить, что гособвинителем является должностное лицо прокуратуры, который поддерживает от имени государства обвинение в рамках уголовного процесса. В тоже время, УПК РФ не содержит определения «вышестоящий прокурор». Анализ научной литературы, а также методических пособий, позволяет говорить, что под вышестоящим прокурором необходимо понимать не только вышестоящего по должности прокурора по отношению к гособвинителю, но и его заместителя, имеющего в соответствии с УПК РФ право принесения представления.

Осмысление ст. 11 Закона о прокуратуре [1] позволяет определить систему органов прокуратуры, а также иерархию ее работников. В соответствии с названой нормой, вышестоящим прокурором является Генеральный прокурор (далее – Генпрокурор) для работников Генеральной прокуратуры (далее – Генпрокуратура) и прокуроров субъектов РФ, приравненных к ним военных и иных специализированных прокуратур; прокурор субъекта РФ для работников прокуратур субъекта РФ и приравненных к ним прокуратур, прокуроров районов; прокурор города или района для работников прокуратур городов или районов и приравненных к ним прокуратур.

По мнению Р.М. Туркиева и К.С. Сефикурбанова, представительный орган власти, называя участника уголовного судопроизводства в суде апелляционной инстанции как «гособвинитель», имел ввиду прокуратура (прокурора), который осуществляет поддержку обвинения по уголовному делу. Таким образом, его основная цель заключается в суде апелляционной инстанции в поддержании законности, обоснованности и справедливости решения [13, с. 124].

Исходя из имеющихся нормативных предписаний право на обжалование судебных решений в досудебном производстве принадлежит:

– надзирающему прокурору;

– вышестоящему прокурору;

– государственному обвинителю.

2. Прокурор уполномочен обратиться в суд вышестоящей инстанции. При этом его право на обжалование отличается от аналогичного права прочих участников уголовного судопроизводства, что связано с его местом и ролью в уголовном судопроизводстве: прокурор защищает не частный, а публичный интерес. Цель внесения представления – защита охраняемых законом прав и законных интересов, как отдельно личности, так и всего общества и государства в целом путем выявления судебных ошибок, в том числе в досудебном производстве, и принятия мер к их устранению, как одно из важнейших направлений деятельности прокурора.

Не менее существенным отличием в сути права прокурора на обжалование выступает форма его процессуальной реализации – это представление, а не жалоба, как у иных лиц в рамках уголовного процесса. Следует согласиться с мнением В.Е. Горюнова и В.Н. Беленкова, которые указывает, что для реализации указанного права прокурора не имеет значения, чьи права были нарушены [9, с. 119]. В п. 27 ст. 5 УПК РФ законодателем указано, что представление прокурора является актом реагирования на судебное постановление, в связи с чем можно сделать вывод, что нормативно представление в рамках подобных правоотношений выступает жалобой.

В тоже время, необходимо обратить внимание, что анализируемый правовой акт, как процессуальное понятие, не отличается единообразием применения в тексте закона. Анализ ст. 24 Закона о прокуратуре позволяет сделать вывод, что представление выступает актом реагирования на выявленные нарушения законодательства, которое адресуется органу или должностному лицу с целью устранения допущенного нарушения, которое также содержит в себе предложения по устранению выявленного нарушения.

Необходимо согласится с мнением Е.Р. Ергашева, который указывает, что представление в уголовном судопроизводстве и общенадзорной деятельности являются разными по своему содержанию и пониманию [11, с. 111].

Например, представление об особом порядке проведения судебного слушания и вынесения решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.5 УПК РФ) не соответствует характеру жалобы, а является особым процессуальным документом, обеспечивающим иной порядок рассмотрения уголовного дела.

Можно указать и на п. 1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, где указано на представление Генпрокурора о наличии признаков преступления в действиях депутата Государственной Думы или члена Совета Федерации.

Соответственно представление прокурора – это не только его форма реализации уголовно-процессуального полномочия на обжалование, но и форма реализации иных как процессуальных, так и общенадзорных полномочий. Полагаем, что такого рода разнородные полномочия не должны иметь одноименную форму реализации, так как подобный подход порождает бессистемную реализацию полномочий прокурора, что может привести к неверному принятию решения, что в последующем не позволит обеспечить восстановление прав и законных интересов, как личности, так в целом общества и государства.

Помимо отсутствия единообразия в использовании понятия «представление», хотелось бы отметить и определенную непоследовательность законодателя в его подходе к определению права прокурора на обжалование.

Определенное противоречие видится в том, что представление рассматривается как акт прокурорского реагирования на выявленные или потенциально возможные нарушения, имеющиеся в судебном решении. Однако такого рода сомнения или прямое знание о нарушениях могут присутствовать и применительно к многочисленным процессуальным решениям следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания или подразделения дознания. Однако далеко не во всех случаях у прокурора имеются необходимые средства реагирования на негативные случаи в практике досудебного производства.

3. Особенностью представления прокурора как формы обжалования является его инициативный, самостоятельный и единоличный характер. Например, чтобы защитнику обжаловать судебное решение, необходимо согласовать позицию с подзащитным. Прокурор действует инициативно и независимо от иных участников процесса, выражая в представлении собственное отношение к вынесенному судебному решению.

Необходимо отметить, что согласно положениям п. 3.14 приказа Генпрокуратуры РФ «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» от 30 июня 2021 г. №376 (далее – приказ от 30 июня 2021 г.) [4], прокурорам необходимо уделять внимание соблюдению законом срока на подачу апелляционного представления, а в случае выявления нарушений, инициировать принесение уполномоченными прокурорами кассационных представлений. В случае несоблюдения описанных правил действия (бездействие) прокурора, следует рассматривать как ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Кроме этого, следует обратить внимание, что вышеупомянутый приказ также содержит требования к качеству и полноте апелляционных представлений. Таким образом, Генпрокуратура обращает внимание на то, что действия прокурора должны носить точечный, а не формальный характер.

В соответствии с п. 3.15 приказа от 30 июня 2021 г. в случае обжалования судебного решения иными участниками процесса и отсутствии оснований для принесения апелляционного представления либо обжалования по доводам, не совпадающим с доводами апелляционного представления, прокуроры должны выражать свою позицию по отношении к поданной жалобе посредством возражений.

Статья 389.3 УПК РФ регламентирует порядок принесения апелляционного представления, согласно которому оно подается через суд, постановившим приговор, вынесшим иное обжалуемое судебное решение.

Кассационное представление несколько отличается от апелляционного, однако несет в себе такую же смысловую нагрузку. Отличие состоит в том, что оно подается на решение, которое не вступило в законную силу, кассационное – на решения, вступившие в законную силу (ст. 401.1 УПК РФ).

Кроме анализа подачи представлений на судебные акты, необходимо обратить вменение на непосредственное участие прокурора в суде апелляционной или кассационной инстанции.

Так, участвуя в судебных заседаниях, прокурор высказывает свое мнение от государства по существу требований, которые изложены в представлении. Его позиция должна быть обоснованной и мотивированной. Основополагающая задача заключается в убеждении суда в своей позиции, в том, что судебный акт подлежит отмене, изменению, либо оставлению без изменения.

С 1 октября 2019 г. судебные решения, вступившие в законную силу, обжалуются прокурорами в форме представления в специально созданные в пределах территорий соответствующих судебных кассационных округов кассационные суды общей юрисдикции.

Следует отметить, что в законе предусмотрен дифференцированный подход к реализации полномочия по оспариванию судебных решений прокурорами различных уровней, в зависимости от того, в какой суд кассационной инстанции оно направляется (ч. 2, 2.1 и 2.2 ст. 402.1 УПК РФ).

Требования к оформлению кассационного представления изложены в ст. 401.4 УПК РФ. Кассационное представление может быть отозвано до начала его рассмотрения его в судебном заседании, но суд кассационной инстанции вправе не согласиться с его отзывом и при наличии оснований для отмены или изменения судебного решения, влекущих улучшение положения лица, в отношении которого ведется кассационное производство, продолжить судебное разбирательство и проверить законность вступившего в силу решения суда.

В ситуации, когда прокурор подал в суд представление, другие участники уголовного дела вправе заявить на него свои возражения в установленный срок, что делается в письменной форме. Такого рода право (на возражения) может быть реализовано только при наличии корреспондирующей ему обязанности уведомить заинтересованных лиц о направлении представления в вышестоящую судебную инстанцию. Если речь идет о подозреваемом, обвиняемом, находящемся под стражей, соответствующие документы должны прийти по месту исполнения меры пресечения, а когда он принудительно помещен в медицинский стационар – в администрацию медицинского учреждения. Помимо основных участников уголовного судопроизводства копия представления прокурора направляется их адвокатам и представителям, которые также имеют право подать возражение.

Возражения заинтересованных участников уголовного судопроизводства на представление прокурора оформляются в свободной форме, но необходимо указать общую информацию об уголовном деле, в рамках которого подано представление. В своей сути возражения должны содержаться доводы, опровергающие позицию прокурора, т.е. конкретное указание на то, почему прокурор не прав.

Необходимо также обратить внимание на информационное обеспечение деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.

Так, с 1 января 2017 г. прокурор праве подать представление в виде электронного документа посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (при наличии технической возможности), что стало возможно в результате дополнения УПК РФ новой нормой – ст. 474.1 [2].

На сегодняшний день представление может быть подано в суд посредством интернет-портала ГАС «Правосудие». Для реализации данного положения, приказами Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. №46-п [6] и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. №251 [7] утверждены соответствующие порядки подачи документов в электронном виде в федеральные суды общей юрисдикции и в Верховный Суд Российской Федерации.

В литературе справедливо отмечается, что внедрение в уголовный процесс электронного документооборота имеет прогрессивный характер, способствующий улучшению и совершенствованию доступа к правосудию [8, с. 57].

Об особенностях работы в прокуратуре с электронными документами идет речь в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. №450 (ред. от 29 апреля 2022 г.) «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» [5], где наряду с установленными едиными правилами делопроизводства в прокуратуре предусматривается функционирование прикладной системы информационно-документационного обеспечения надзорного производства – АИК «Надзор».

Применительно к электронному процессуальному документообороту можно отметить необходимость его расширения за счет внедрения специальной программы по рассылке заинтересованным лицам представления прокурора, для более быстрого уведомления их о поданном представлении и обеспечении их права подать свои возражения.

А теперь еще об одной особенности обжалования прокурором судебных решений, принимаемых в ходе досудебного производства по уголовному делу, в порядке, установленном гл. 49 УПК РФ, т. е. при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Вопреки требованиям ст. 127 УПК РФ (к содержанию которой мы уже обращались) решение прокурора о необходимости возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, при наличии к тому оснований, оформляется не представлением, а заключением (ч. 1 ст. 416 УПК РФ).

Несмотря на относительно небольшое количество уголовных дел, поступающих в суды с заключением прокурора для возобновления ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, этот вопрос представляется актуальным и требующим своего исследования.

Указанное подтверждается судебной статистикой. Так, в 2020 г. в суды поступило 103 заключения прокурора в порядке гл. 49 УПК РФ, тогда как в 2019 г. – только 49 [10, с. 22].

По мнению А.С. Шаталова, заключение прокурора по своей природе является специфической разновидностью его представления, в котором перед судом ставится вопрос о необходимости возобновления производства по уголовному делу» [14, с. 75].

В п. 13 постановления Пленума ВС РФ от 14 декабря 2021 г. указывается, что «заключение прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств рассматривается судом, вынесшим судебное решение, о пересмотре которого ставится вопрос в заключении прокурора, за исключением приговора и постановления мирового судьи, подлежащих пересмотру районным судом».

По смыслу уголовно-процессуального законодательства, если судебный акт являлся предметом проверки в апелляционном и (или) кассационном порядке либо в порядке надзора, то заключение прокурора рассматривается судом, вынесшим последнее судебное решение. С рассматриваемым заключением в кассационный суд вправе обратиться прокурор субъекта РФ, приравненные к нему военные и другие специализированные прокуроры и их заместители» [3].

Подводя итог исследованию вопроса о праве прокурора обжалования судебных решений, принятых в досудебном производстве, отметим главное.

1. Право прокурора на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства распространяется исключительно на судебные решения. Существует специальный круг работников прокуратуры, наделенных таким правом, и обусловленный наличием уголовно-процессуального статуса (надзирающий прокурор, вышестоящий прокурор, государственный обвинитель).

2. Процессуальной формой обжалования прокурором судебных решений, принятых в досудебном производстве, является представление, за исключением стадии возобновления ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, где форма обжалования – заключение.

3. Право на обжалование судебных решений реализуется прокурором единолично, инициативно (т. е. по собственному усмотрению) и независимо от иных участников уголовного судопроизводства.

4. С 1 января 2017 г. прокурор праве подать представление в суд в виде электронного документа. И в этой части существуют необходимость по расширению внедрения цифровых средств коммуникации между прокурором и иными участниками – потерпевшим, обвиняемым, следователем, при помощи которых существенно ускоряется процедура информирования заинтересованных и должностных лиц о предпринимаемых прокурором процессуальных шагах, включая реализацию им права на обжалование судебных решений.

Литература

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм. на 11 июня 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3889.

3. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» от 14 декабря 2021 г. № 43 // Доступ с официального сайта Верховного суда РФ: https://www.vsrf.ru/documents/own/30614/

4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» от 30 июня 2021 г. № 376 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 29 декабря 2011 г. № 450 (ред. от 29 апреля 2022 г.) «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» / Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

6. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 46-П) / Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

7. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 (ред. от 17 ноября 2021 г.) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

8. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57 – 61.

9. Горюнов В.Е., Беленков В.Н. Роль прокурора в судебных стадиях уголовного процесса // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 119 – 124.

10. Давыдов А.В. Возобновление уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Правовые позиции Пленума ВС РФ // Уголовный процесс. 2022. № 2. С. 22 – 29.

11. Ергашев Е. Представление как акт прокурорского реагирования в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2007. № 4. С. 111 – 113.

12. Рудакова С.В. Теоретическая конструкция обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве: монография / под ред. В.А. Семенцова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 105 – 126.

13. Туркиев Р.М., Сефикурбанов К.С. Прокурор в апелляционной инстанции // Закон и право. 2020. № 4. С. 124 – 126.

14. Шаталов А.С. Достоинства и недостатки правовой регламентации возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 71 – 79.

References

1. Federal'nyj zakon «O prokurature Rossijskoj Federacii» ot 17 janvarja 1992 g. № 2202-1 (s izm. na 11 ijunja 2022 g.). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 47. St. 4472.

2. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti primenenija jelektronnyh dokumentov v dejatel'nosti organov sudebnoj vlasti» ot 23 ijunja 2016 g. № 220-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2016. № 26 (chast' I). St. 3889.

3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda RF «O primenenii sudami norm glavy 49 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, regulirujushhih vozobnovlenie proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkryvshihsja obstojatel'stv po zakljucheniju prokurora» ot 14 dekabrja 2021 g. № 43. Dostup s oficial'nogo sajta Verhovnogo suda RF: https://www.vsrf.ru/documents/own/30614/

4. Prikaz General'noj prokuratury RF «Ob uchastii prokurorov v sudebnyh stadijah ugolovnogo sudoproizvodstva» ot 30 ijunja 2021 g. № 376. SPS «Konsul'tantPljus».

5. Prikaz General'noj prokuratury RF ot 29 dekabrja 2011 g. № 450 (red. ot 29 aprelja 2022 g.) «O vvedenii v dejstvie Instrukcii po deloproizvodstvu v organah i organizacijah prokuratury Rossijskoj Federacii». Dokument opublikovan ne byl. SPS «Konsul'tantPljus».

6. Porjadok podachi v Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii dokumentov v jelektronnom vide, v tom chisle v forme jelektronnogo dokumenta (utv. prikazom Predsedatelja Verhovnogo Suda RF ot 29 nojabrja 2016 g. № 46-P). Dokument opublikovan ne byl. SPS «Konsul'tantPljus».

7. Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF ot 27 dekabrja 2016 g. № 251 (red. ot 17 nojabrja 2021 g.) «Ob utverzhdenii Porjadka podachi v federal'nye sudy obshhej jurisdikcii doku-mentov v jelektronnom vide, v tom chisle v forme jelektronnogo dokumenta». Bjulleten' aktov po su-debnoj sisteme. 2017. № 2.

8. Andreeva O.I., Zajcev O.A. Perspektivy vedenija rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva v jelektronnom formate. Ugolovnaja justicija. 2018. № 12. S. 57 – 61.

9. Gorjunov V.E., Belenkov V.N. Rol' prokurora v sudebnyh stadijah ugolovnogo processa. Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika. 2021. № 3 (30). S. 119 – 124.

10. Davydov A.V. Vozobnovlenie ugolovnyh del vvidu novyh i vnov' otkryvshihsja obstojatel'stv. Pravovye pozicii Plenuma VS RF. Ugolovnyj process. 2022. № 2. S. 22 – 29.

11. Ergashev E. Predstavlenie kak akt prokurorskogo reagirovanija v ugolovnom sudoproizvodstve. Ugolovnoe pravo. 2007. № 4. S. 111 – 113.

12. Rudakova S.V. Teoreticheskaja konstrukcija obzhalovanija v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve: monografija. pod red. V.A. Semencova. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2022. S. 105 – 126.

13. Turkiev R.M., Sefikurbanov K.S. Prokuror v apelljacionnoj instancii. Zakon i pravo. 2020. № 4. S. 124 – 126.

14. Shatalov A.S. Dostoinstva i nedostatki pravovoj reglamentacii vozobnovlenija proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkryvshihsja obstojatel'stv. Ugolovnaja justicija. 2015. № 1 (5). S. 71 – 79.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА С ЦЕЛЬЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С ДОПРАШИВАЕМЫМ: ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Глоба В.В., аспирант,
Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент,
Кубанский государственный университет

Аннотация: *в работе рассмотрены некоторые особенности индивидуализации тактических приемов при производстве допроса с целью установления психологического контакта. В статье делается попытка анализа тактических приемов при производстве допроса с помощью установления типа личности допрашиваемого. За основу типологизации личности взята концепция, разработанная советским ученым, психиатром А.Е. Личко. Именно его типологизация в большей мере берётся на основу в научных исследованиях, а также является устойчивой по отношению к следственному действию в виде допроса. В работе проанализированы такие типы личности, как эпилептоидный, гипертимный, истероидный, циклоидный и конформный. Следует заметить, что существуют и другие типы личности. Однако по мнению автора именно у анализируемых типов личности имеются особенности при установлении психологического контакта. В работе выработаны рекомендации при использовании тактических приемов при производстве допроса. В заключении делается вывод, что одной из тенденций в криминалистической тактике является усовершенствование тактических приемов при допросе. Следует заметить, что в настоящее время появилась потребность в выборе определенных приемов и способов при допросе. В каждом случае необходимо установить определенный тип личности допрашиваемого для выбора модели поведения. При изучении тактических приемов установлено, что самым распространенным и эффективным для всех типов личности является повторный допрос. Именно он служит эффективным способов в борьбе с ложной информацией.*

Ключевые слова: *допрос, установления психологического контакта, тактические приемы, следственное действие*

SOME FEATURES OF THE INDIVIDUALIZATION OF TACTICS IN THE PRODUCTION OF INTERROGATION IN ORDER TO ESTABLISH PSYCHOLOGICAL CONTACT WITH THE INTERROGATED: PSYCHOLOGICAL AND FORENSIC ANALYSIS

Globa V.V., Postgraduate,
Rudenko A.V., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Kuban State University

Abstract: *the paper considers some features of the individualization of tactics in the production of interrogation in order to establish psychological contact. The article makes an attempt to analyze tactics in the course of interrogation by establishing the personality type of the person being interrogated. The concept developed by the Soviet scientist, psychiatrist A.E. Lichko. It is his typology that is largely taken as a basis in scientific research, and is also stable in relation to the investigative action in the form of interrogation. The paper analyzes such personality types as epileptoid, hyperthymic, hysteroid, cycloid and conformal. It should be noted that there are other types of personality. However, according to the author, it is the analyzed personality types that have features in establishing psychological contact. The paper developed recommendations for the use of tactics in the production of interrogation. In conclusion, it is concluded that one of the trends in forensic tactics is the improvement of tactics during interrogation. It should be noted that at present there is a need to choose certain techniques and methods during interrogation. In each case, it is necessary to establish a certain type of personality of the person being interrogated in order to choose a model of behavior. When studying tactics, it was found that the most common and effective for all types of personality is repeated interrogation. It is he who serves as an effective way to combat false information.*

Keywords: *interrogation, establishment of psychological contact, tactics, investigative action*

Рассматривая вопросы индивидуализации тактических приемов при производстве допроса следует указать, что такое следственное действие, как допрос, является важным составляющим в процессе собирания доказательств. Именно проведение правильного и своевременного допроса в большинстве случаев позволяет правоприменительному органу оперативно отреагировать по факту совершенного преступного деяния, принять надлежащие правовые меры, также осуществить сбор доказательственной базы для уголовного дела.

В рамках настоящего исследования следует указать, что допрос включает в себя не сугубо сухие нормы права. Названное действие является многоаспектным и многогранным, которое включает в себя социальные, психологические и иные свойства либо явления.

Следует заметить, что установление психологического контакта с допрашиваемым является актуальным вопросом для криминалистической тактики, о чем свидетельствует большое количество монографических и научных работ. Кроме того, с практической точки зрения установления подобного контакта имеет особое значения для органов расследования, так как позволяет достичь главную цель допроса – получить достоверные и своевременные сведения. Таким образом, установление психологического контакта при допросе включает в себя, как научный, так и прикладной характер [1, с. 156]. Анализ темы исследования актуален также тем, что в современных условиях допрашиваемые лица все чаще искажают факты о событиях преступного деяния, в связи с чем органу расследования становится сложнее получить истинную информацию [5, с. 86]. Таким образом, именно правильное применение тактических приемов, в частности, установление психологического контакта, позволяет получить правдивых показания.

Как отвечает профессор Н.Т. Ведерников в последние годы, когда совершаются преступные деяния, которые являются продуманными и многоэлементными, органы расследования должны быть вооружены различными тактическими приемами проведения следственных действий, разработка которых невозможна без учета психологических знаний [4, с. 167].

Действительно, в современном мире усложняются правоотношения, а также вся сфера жизнедеятельности. За последние несколько десятилетий произошел прорыв в технологических и бытовых сферах. В связи с совершенствованием социальной среды, преступность также усложняется, что также подтверждается систематическими изменениями уголовного законодательства.

Следует заметить, что традиционно при установлении психологического контакта исследуется личность допрашиваемого, в том числе, путем метода типологии. Во многом правильное установления типа личности позволяет выбрать верные психологические инструменты для установления контакта.

В рамках настоящего исследования рассмотрим ряд моделей поведения допрашиваемых лиц, принадлежащих к определенным психологическим типам, на предмет установления с ними психологического контакта и пресечения лжи.

Первоначально следует заметить, что в психологии существует множество классификаций типов личности. В настоящее время в психологии существует множество устойчивых теоретических положений, посвященных анализу личности и ее типам [2, с. 285]. Следует заметить, что сегодня имеется направление в психологии, которое исследует конкретно типологизацию личности. В рамках статьи будет рассматриваться ряд психологических типов личности, которые разработал советский ученый А.Е. Личко[6]. Именно его типологизация в большей мере берётся на основу в научных исследованиях, а также является устойчивой по отношению к следственному действию в виде допроса. Данным ученым предложено одиннадцать типов личности. Думается, что для рассмотрения индивидуализации тактических приемов при производстве допроса с целью установления и поддержания психологического контакта, достаточно остановится на тех типах, которые включат в себя проблемы психологических процессов, препятствующие установлению названного контакта.

Интерес вызывает эпилептоидный тип личности. Названный тип склонен к бессистемным срывам, агрессии и педантичности. Ввиду этого, особенностями поведения эпилептоида являются склонность к конфликтам, агрессивность в проявлении эмоций. Кроме того, для рассматриваемого типа личности особое значение имеет его роль, статус в обществе, мнение, которое должно быть авторитетным для всех.

На основании указанных характеристик, отметим, что лицу, который осуществляет допрос, то есть следователю, для установления психологического контакта необходимо осторожно подходить к допросу. При проведении допросу следователю рекомендуется позволить эпилептоиду «завладеть» процедурой допроса. В рамках допроса лицу, осуществляющий допрос, следует подчеркнуть высокий статус допрашиваемого, его значимость при даче объяснений.

Установить ложь в показаниях эпилептоида возможно при усидчивом понимание его личности. Зачастую при лжи рассматриваемый тип личности описывает обстоятельства, которые с ним не связаны, упуская описания конкретных деталей.

С целью разоблачения лжи следователь имеет возможность применить тактические приемы, которые включат в себя уточняющие вопросы. Кроме того, имеет место указать допрашиваемому на противоречивость показаний, что выведет его из «выдуманных» событий. При окончании допроса следователю необходимо задать повторно вопросы, на которые уже были предоставлены ответы. Кроме того, можно высказать сомнения в профессиональных навыках эпилептоида, что вызовет у него злость, которая в результате приведет к дисбалансу в показаниях.

Следующий тип, который также требует анализа, является гипертимный. К названому типу относятся люди, которые практически всегда находятся в приподнятом настроении. Они общительны, немного легкомысленны.

В психологической теории указывается, что для установления контакта с гипертимным типом личности требуется поговорить на отвлеченные темы, например, о последних новостях. Если указанные тип личности переходит на «ты», его нужно поддержать в этом. Гипертиму проще вспоминать и рассказывать о произошедшем событии через диалог, что может быть использовано следователем в случае допроса добросовестного допрашиваемого. Таким образом, с гипертимным типом следует установить дружескую беседу. При опросе названного типа возможно предложить ему чай либо кружку кофе. В психологических трудах установлено, что именно прием пище приводит к доброжелательной беседе.

Выявить ложь у указанного типа несложно. Содержание ложных показаний гипертима отличается большим объемом передаваемой информации с описанием деталей, которые не относятся к делу. Указанному типу при лжи свойственно описывать косвенную информацию, при этом подчеркивать свои правомерные действия, в то время, как вся ответственность за содеянное должна быть переложена на другого. Кроме того, одной из особенностей названного типа при лжи является импульсивность, быстрая речь и множество лишней информации.

Результативным способом установления ложных показаний рассматриваемого типа личности является также повторный допрос, а в ряде случаев проведение очной ставки.

Следующий тип личности, который также вызывает интерес при допросе, является истероидный. Названный тип характеризуется повышенным вниманием к себе, он нуждается в постоянном почитании и восхищении. Таким образом, его можно назвать нарциссом либо самовлюблённым. На допросе подобный тип личности преимущественно сообщает информацию, в которой фигурирует сам, часто забывая сообщить об обстоятельствах, где его участие минимально [3, с. 47].

Для установления психологического контакта с данным типом личности следователю надо акцентировать внимание на внешнем виде истероида, сделав комплимент или оценив выбор стиля, подчеркнуть важность его личного участия в расследуемом деле.

Если у следователя возникают подозрения в достоверности информации, то допрашиваемому необходимо дать высказаться, чтобы он убедился, что его словам доверяют, что он полностью сконцентрировал внимание на себе. В данном случае действует правило: «сначала выслушай, а потом спрашивай». Необходимо отметить, что из всех рассматриваемых выше типов личности истероидый относится к самому «лживому». Для разоблачения лжи следователю необходимо осторожно задавать повторяющиеся вопросы, которые помогут вывести истероида из «придуманной легенды».

Еще один из типов, который следует рассмотреть, является циклоидный. Подобный тип личности склонен к резким переменам настроения, переживанию сильных эмоций. Зачастую названный тип личности свойствен женщинам. Трудность при установлении психологического контакта с допрашиваемым заключается в нежелании его отвечать на поставленные вопросы. Также допрашиваемому свойственно задавать встречные вопросы на поставленный вопрос следователя.

Чтобы установить психологический контакт с допрашиваемым, следователю стоит избегать повторения вопросов или очевидной информации, которая может показаться наивной. Субъект допроса должен убедить циклоида в своей компетенции, заставить уважать себя как профессионала. Еще одним способом расположения к себе допрашиваемого данной акцентуации является уважительная позиция по отношению к независимости допрашиваемого.

Интерес также взывает конформный тип личности. Указанный тип характеризуется своей бытностью, ему привычно жить по принципу «как все», также ему важно чужое мнение, они жду общественного одобрения.

Данный тип часто ассоциирует себя с группой единомышленников, оценивает людей по результатам их деятельности [4, с. 47], поэтому следователю необходимо показать свою принципиальную позицию в расследуемом деле, убедить допрашиваемого, что для него крайне важно, чтобы преступник был привлечен к ответственности.

В этом случае сокрытия информации со стороны допрашиваемого допрос похож на противостояние двух людей, каждый из которых выполняет свою функцию: следователь – задает вопросы, допрашиваемый – коротко отвечает. Параноиды очень негативно воспринимают давление со стороны, поэтому могут замкнуться. Эффективным способом преодоления лжи в данном случае будет предъявление имеющихся доказательств по расследуемому делу, убежденность самого следователя, что он добьется справедливости.

Заключительный тип, который подлежит анализу, является шизоидный. Названный тип личности является замкнутым и необщительным, им тяжело дается социализация.

В силу своей замкнутости названный тип на психологический контакт идет, только если видит откровенность следователя. В связи с этим целесообразна доброжелательная модель поведения.

При сообщении ложной информации шизоиды прибегают к ответам на вопросы при помощи жестов. Следователь в случае допроса недобросовестного допрашиваемого должен минимизировать свои пояснения по делу, ограничившись вопросами, отслеживая жесты, мимику и психофизиологические реакции допрашиваемого.

Подводя итог анализу, посвященному индивидуализации тактических приемов при производстве допроса с целью установления психологического контакта с допрашиваемым, можно сделать вывод, что одной из тенденций в криминалистической тактике является усовершенствование тактических приемов при допросе. Следует заметить, что в настоящее время появилась потребность в выборе определенных приемов и способов при допросе. В каждом случае необходимо установить определенный тип личности допрашиваемого для выбора модели поведения. При изучении тактических приемов установлено, что самым распространенным и эффективным для всех типов личности является повторный допрос. Именно он служит эффективным способов в борьбе с ложной информацией. Установлено, что типологический подход, который описан выше, позволяет не только определить типовую модель поведения, но и установить психологический контакт с допрашиваемым. Резюмируя вышеизложенное, думается, что для улучшения процесса допроса необходима совместная работа психологов и следователей. В частности, возможно проведения учебных занятий для следователей, в которых будут изучены психологические приемы, применяемые при допросе.

Литература

1. Алексеева Т.А. Индивидуализация тактических приемов при производстве допроса: поддержание психологического контакта // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 156 – 159.

2. Асланян В.Ю. Типология личности: методика типологизации в психологии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 285 Ц 290.

3. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск, 2014. С. 47.

4. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск, 2019. С. 167.

5. Глоба В.В. Психологическое воздействие на допрашиваемого в целях получения правдивых показаний: критерии допустимости // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7 (108). С. 86 – 89.

6. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.

References

1. Alekseeva T.A. Individualizacija takticheskih priemov pri proizvodstve doprosa: podderzhanie psihologicheskogo kontakta. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 399. S. 156 – 159.

2. Aslanjan V.Ju. Tipologija lichnosti: metodika tipologizacii v psihologii. Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija. 2019. T. 8. № 2 (27). S. 285 C 290.

3. Ahmedshin R.L. Taktika kommunikativnyh sledstvennyh dejstvij. Tomsk, 2014. S. 47.

4. Vedernikov N.T. Izbrannye trudy. Tomsk, 2019. S. 167.

5. Globa V.V. Psihologicheskoe vozdejstvie na doprashivaemogo v celjah poluchenija pravdivyh pokazanij: kriterii dopustimosti. Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2022. № 7 (108). S. 86 – 89.

6. Lichko A.E. Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov. L.: Medicina, 1983.

КОНЦЕПЦИЯ VIZION ZERO КАК ОДНА ИЗ ФОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ТРУДА

Демичева Т.А.,
Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: *исследование Концепции Vizion Zero является актуальным в связи с активным развитием законодательства об охране труда на территории Российской Федерации, а также на фоне интеграции мирового сообщества по вопросам предупреждения несчастных случаев на производстве. Несчастные случаи на производстве отражают качество проводимых мероприятий по охране труда на предприятии. Vizion Zero преследует цели унификации и интеграции норм трудового права в различные правовые системы мира. Целью исследования является изучение положений Концепции Vizion Zero и её влияния на статистику несчастных случаев на производстве в Российской Федерации и иных странах мира. Во время исследования были применены такие методы, как анализ действующего законодательства, проведено сравнение норм трудового права и положений Концепции; для качественного исследования был произведён сбор статистической информации по несчастным случаям на производствах, представленный Всемирной организацией здравоохранения. Проведённый анализ Концепции позволил выявить состояние современного законодательства России, а также оценить соответствие норм трудового права Концепции Vizion Zero. Данное исследование может быть использовано в качестве академического изучения международного сотрудничества по вопросам охраны труда на предприятиях.*

Ключевые слова: *концепция «Нулевого травматизма», несчастные случаи, охрана труда, Международная организация труда, Vizion Zero, трудовое право*

THE CONCEPT OF VIZION ZERO AS ONE OF THE FORMS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF LABOR PROTECTION

Demicheva T.A.,
Far Eastern Federal University

Abstract: *the study of the Vizion Zero Concept is relevant in connection with the active development of labor protection legislation in the territory of the Russian Federation, as well as against the background of the integration of the world community on the prevention of industrial accidents. Accidents at work reflect the quality of labor protection measures taken at the enterprise. Vizion Zero pursues the goal of unification and integration of labor law norms into various legal systems of the world. The purpose of the study is to study the provisions of the Vizion Zero Concept and its impact on the statistics of industrial accidents in the Russian Federation and other countries of the world. During the study, such methods were applied as an analysis of the current legislation, a comparison of labor law norms and the provisions of the Concept; for a qualitative study, statistical information on industrial accidents was collected, presented by the World Health Organization. The analysis of the Concept made it possible to identify the state of modern Russian legislation, as well as to assess the compliance of labor law norms with the Vizion Zero Concept. This study can be used as an academic study of international cooperation on labor protection issues in enterprises.*

Keywords: *concept of "Zero Injuries", accidents, labor protection, International Labor Organization, Vizion Zero, labor law*

Трудовые отношения связывают большую часть населения нашей планеты. Из таких отношений напрямую вытекает опасность производственного травматизма, что подразумевает комплекс прав и обязанностей каждой стороны трудовых правоотношений, направленных на охрану труда. Несчастные случаи охватывают не только технически сложные профессии, но и сферы обслуживания, информационных технологий. Для определения актуальности тематики необходимо обратиться к статистическим показателям производственного травматизма на территории Российской Федерации и в целом в мировом сообществе.

Результаты мониторинга условий и охраны труда в Российской Федерации в 2020 году, утверждённые Министерством труда и социальной защиты РФ при участии ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, являются объёмным статистическим документом, который содержит не только количественную информацию, но и анализ тех или иных процессов, связанных с травматизмом на рабочем месте в РФ. За последние пять лет тенденция снижения численности пострадавших на производстве, в том числе со смертельным исходом, неизменна, хотя темп такого сокращения заметно замедляется [7]. За последние двадцать лет тен-

денция сокращения несчастных случаев на производстве в РФ является устойчивой. Изменение показателей в меньшую сторону отражает некоторые качественные изменения на рынке труда в Российской Федерации: в начале 2000 годов происходило уменьшение количества несчастных случаев на фоне социально-экономических аспектов, например, сокращение числа занятых на производствах, связанных с физическим трудом и прямой опасностью несчастного случая на производстве. Сокращение статистических показатель травматизма происходит также за счёт воздействия государственной политики на сферу трудовых правоотношений – совершенствование законодательства, введение новых стандартов, международное сотрудничество.

Обращаясь к показателям производственного травматизма по данным Росстата, можно проследить повышение денежных затрат на систему охраны труда в Российской Федерации. Так, в 2005 году на одного работающего человека было израсходовано 3197 рублей, в то время как в 2019 и 2020 годах – 14862,4 и 18825,3 рублей соответственно. Численность пострадавших с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом на 1000 работающих в 2005 году составляла 3,1, в 2019 и 2020 годах – 1,2 и 1,0. Тенденция сокращения количества пострадавших на производстве и увеличение расходов на мероприятия по охране труда являются взаимосвязанными событиями, поскольку финансирование системы управления охраной труда на предприятии позволяет внедрять новые системы предупреждения несчастных случаев, обучение кадров в сфере охраны труда, подготовка сотрудников, которые непосредственно связаны с опасной деятельностью.

Статистические данные, представленные Всемирной организацией здравоохранения на Европейском портале здравоохранения, дают возможность проследить количественные показатели лиц, получивших производственные травмы. В 2005 году показатели травматизма гораздо выше, чем в настоящее время. Так, в Испании за 2005 год 890 872 человека получили травмы, относительно суммарного количества проживающих на территории Испании на тот момент (43,97 миллиона человек) данный показатель является высоким. В 2015 году в Испании данный показатель был сокращён практически в дважды – 458 023 человека, с 2017 года количество производственных травм была выше показателя в 500 тысяч человек, что связано с политической и экономической нестабильностью системы Испании. Говоря о Германии, можно обратиться к статистике за 2005 год – 1 029 520 человек, пострадавших на рабочих местах, что является самым высоким показателем травматизма в Европейских странах. Прослеживая тенденцию изменения данного показателя, можно сказать, что Германия не является образцом качественной государственной системы охраны труда, поскольку травматизм держится на уровне от 900 000 человек, пострадавших на предприятиях.

Учету подлежат несчастные случаи во всех отраслях промышленности [1]. Конечно же система учёта несчастных случаев на производстве может иметь отличия в зависимости от страны и её правового порядка, но тенденция сокращения или увеличения травматизма явно прослеживается на графиках, представленных международной организацией.

Необходимо обратиться к истокам государственного регулирования темы охраны труда на предприятиях. Охрана труда является системным объектом, поскольку включает в себя развитие не только социальной политики государства, но и применение экономического механизма регулирования.

Стык социальной и экономической сущности прослеживается на Конституции Российской Федерации, которая в части 3 статьи 37 гарантирует право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены [2]. Данное право принято относить к социально-экономическому блоку прав гражданина.

Обращаясь к трудовому законодательству, можно проследить взаимосвязь и социальной, и экономической сфер государственного воздействия. Они выражаются в заявленных направлениях и принципах развития государственной политики в сфере охраны труда. Статья 209.1 Трудового кодекса РФ определяет основными принципами обеспечения безопасности труда:

- предупреждение и профилактику опасностей;
- минимизацию повреждения здоровья работников [8].

Данные принципы могут быть реализованы за счёт развития уровня системы управления охраной труда, который включает в себя постоянное повышение квалификации сотрудников предприятия, ознакомление их с соответствующей документацией и определение необходимых компетенций работников, которые влияют или могут влиять на безопасность производственных процессов.

Основные направления государственной политики в сфере охраны труда включают в себя следующие действия, которые можно разделить на подгруппы в зависимости от механизма реализации:

1. Совершенствование законодательной базы и обеспечение справедливой судебной практики, например принятие соответствующих законов, осуществление государственного контроля за их соблюдением, разработка мероприятий и основ оценки профессионального травматизма.

2. Повышение уровня профессиональной безопасности на предприятии, включающее в себя управление охраной труда, проведение экспертизы, предупреждение травматизма.

3. Закрепление основополагающих принципов: обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников и установление гарантий и компенсаций за работу с вредными и (или) опасными условиями труда [8].

4. Непосредственные формы воздействия на профессиональный травматизм: финансирование, координация деятельности, международное сотрудничество и внедрение международного опыта по охране труда.

Говоря о международных формах взаимодействия государств, необходимо обратиться к разработанной Международной ассоциацией социального обеспечения (МАСО) концепции Vision Zero или «Нулевой травматизм». Меморандум между Министерством труда и социальной защиты РФ и Международной ассоциацией социального обеспечения о взаимопонимании и сотрудничестве по продвижению Концепции «нулевого травматизма» был подписан 12 декабря 2017 года.

Международная ассоциация социального обеспечения (ISSA) является ведущей международной организацией учреждений социального обеспечения, государственных ведомств и агентств. ISSA была основана в 1927 году под эгидой Международной организации труда и сегодня насчитывает более 320 учреждений-членов из более чем 160 стран. Главной целью ISSA ставит осуществление мировой политики в сфере социальной защиты населения, которая направлена на усовершенствование системы такой защиты.

Концепция Vision Zero и ее семь «золотых правил» были представлены в Сингапуре 4 сентября 2017 г. на XXI Всемирном конгрессе по безопасности и гигиене труда. Документальное оформление Концепции было совершено намного позже реального опыта внедрения таких правил. В 1997 году Швеция внедрила подобные правила для регулирования безопасности дорожного движения, что было направлено на уменьшение дорожно-транспортных происшествий, связанных со смертельным исходом.

МАСО разработала ряд ресурсных материалов в поддержку кампании Vision Zero и её семи «золотых правил»:

1. Стать лидером – показать приверженность принципам.
2. Выявлять угрозы – контролировать риски.
3. Определять цели – разрабатывать программы.
4. Создать систему безопасности и гигиены труда – достичь высокого уровня организации.
5. Обеспечивать безопасность и гигиену труда на рабочих местах, при работе со станками и оборудованием.
6. Повышать квалификацию – развивать профессиональные навыки.
7. Инвестировать в кадры – мотивировать посредством участия [3].

Для ознакомления с сущностными характеристиками Концепции необходимо углубиться в каждое из правил, проследить их реализацию в рамках законодательства Российской Федерации.

Правило №1. Стать лидером – показать приверженность принципам. Работодатель является экономически сильной стороной в трудовых отношениях, на него возлагается больший комплекс обязанностей нежели на работника. Концепцией предусматривается не только законодательное определение правового статуса стороны трудовых правоотношений, а также личностные характеристики, которые способствовали развитию как самого должностного лица, так и его организации, сотрудников, которыми он управляет. В Трудовом кодексе РФ (статьи 212, 226) на работодателя возлагаются обязанности по обеспечению безопасности и охраны здоровья работников, а также руководство деятельностью по охране труда в организации. Работодатель не только выступает гарантом соблюдения прав сотрудников, но и обеспечивает финансирование мероприятий по улучшению условий и охраны. Из вышеуказанных правовых норм можно сделать выводы, что работодатель, соблюдая все обязательства перед работником, устанавливая качественную систему оценки условий труда, активно вкладывая не только финансовые, но и личностные ресурсы, формирует благоприятную среду в рабочем коллективе, располагает к соблюдению правил и норм своими подчинёнными.

Правило №2. Выявлять угрозы – контролировать риски. Управление профессиональными рисками представляет собой комплекс взаимосвязанных мероприятий и процедур, являющихся элементами системы управления охраной труда и включающих в себя выявление опасностей, оценку профессиональных рисков и применение мер по снижению уровней профессиональных рисков или недопущению повышения их уровней, контроль и пересмотр выявленных профессиональных рисков [8]. Управление профессиональными рисками, их выявление и оценка ложатся на плечи работодателя. Данное правило обязывает работодателя вырабатывать систему, которая позволит производить качественный анализ существующей в организации системы охраны труда. Для этого необходимо проводить детальное исследование каждого кейса, по-

скольку причины, последствия, вероятность повторения и факторы, которые могли бы предотвратить конкретный случай, помогут не только в конкретной ситуации, но и создадут эффективную базу превентивных мер от травматизма на предприятии. Так, в Российской Федерации издан Приказ Минтруда России от 29.10.2021 N 776н "Об утверждении Примерного положения о системе управления охраной труда", который является отправной точкой для локального регулирования охраны труда на предприятии.

Правило №3. Определять цели – разрабатывать программы. Выявление уязвимых точек в системе охраны труда позволяет работодателю стратегически планировать необходимые мероприятия для достижения комфортного уровня труда на предприятии. Планирование направлено на определение необходимого перечня мероприятий по охране труда, проводимых в рамках функционирования процессов (процедур) системы управления охраной труда [6]. Если абстрагироваться от локального понимания данного правила, то можно сказать о международном сотрудничестве или же федеральном регулировании в конкретном государстве. Так, сама Концепция Vizion Vero является неким идейным документом, который развивает управленческие кадры в сфере охраны труда, определяет идеалы. Федеральный уровень в России могут представить такие акты, как Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 12 февраля 2018 г. N 71 "Об утверждении примерного ведомственного плана мероприятий по снижению производственного травматизма", Приказ Минтруда России от 14.07.2021 N 467н "Об утверждении Правил финансового обеспечения предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний работников и санаторно-курортного лечения работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными производственными факторами" и Приказ Роструда от 05.12.2016 N 494 "Об утверждении Порядка проведения анализа состояния и причин производственного травматизма и предложений по его профилактике в Российской Федерации".

Правило №4. Создать систему безопасности и гигиены труда – достичь высокого уровня организации. Система безопасности и гигиены труда в контексте правового порядка Российской Федерации представляет собой саму систему управления охраной труда, поскольку в статье 209 Трудового кодекса прямо указано, что «охрана труда - система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия» [8]. Высокий уровень организации предполагает постоянное совершенствование системы управления охраной труда, внедрение новых технологий оценки, повышение квалификации персонала, отвечающего за охрану труда на предприятии. Безопасность на рабочем месте является наиболее важным критерием в контексте правоотношений, поскольку высшей ценностью человека является его жизнь и здоровье. Нормативно-правовое регулирование, методы административного воздействия и формирование сознательности и ответственности в работодателях являются системным комплексом, оказывающим влияние на состояние производственного травматизма.

Правило №5. Обеспечивать безопасность и гигиену труда на рабочих местах, при работе со станками и оборудованием. В соответствии со статьей 214 Трудового Кодекса на работодателя возложены следующие обязанности, отражающие данное правило:

Работодатель обязан создать безопасные условия труда исходя из комплексной оценки технического и организационного уровня рабочего места, а также исходя из оценки факторов производственной среды и трудового процесса, которые могут привести к нанесению вреда здоровью работников.

Обязан обеспечить безопасность работников при эксплуатации зданий, сооружений, оборудования, осуществлении технологических процессов, а также эксплуатации применяемых в производстве инструментов, сырья и материалов;

Обязан обеспечить соответствие каждого рабочего места государственным нормативным требованиям охраны труда.

Предупреждение несчастных случаев на производстве является ключевым моментом в системе управления охраной труда, поскольку превентивные меры могут оказать большое влияние на дальнейшие взаимоотношения работника и работодателя, выстраивание необходимой линии работы, которая будет сосредоточена на безопасности и осторожности. Работодатель, заключая трудовой договор, обязуется предоставить работнику рабочее место, которое соответствует занимаемой должности, а также всем требованиям безопасности. Приказом Минтруда России от 29.10.2021 N 774н "Об утверждении общих требований к организации безопасного рабочего места" закрепляется, что рабочее место, его оборудование и оснащение, применяемые в соответствии с особенностями выполняемых работ, должны обеспечивать сохранение жизни и здоровья занятых на нем работников при соблюдении ими положений применяемых у работодателя нормативных правовых актов по вопросам охраны труда [5].

Правило №6. Повышать квалификацию – развивать профессиональные навыки. Обучение по охране труда – процесс получения работниками, в том числе руководителями организаций, а также работодателями Ц индивидуальными предпринимателями знаний, умений, навыков, позволяющих формировать и развивать необходимые компетенции с целью обеспечения безопасности труда, сохранения жизни и здоровья. Работники, в том числе руководители организаций, и работодатели - индивидуальные предприниматели обязаны проходить обучение по охране труда и проверку знания требований охраны труда [8]. В Российской Федерации принято Постановление Минтруда России, Минобразования России от 13.01.2003 N 1/29 "Об утверждении Порядка обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций", которое утратит свою силу с 1 сентября 2022 года в связи с принятием Постановления Правительства РФ от 24.12.2021 N 2464 "О порядке обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда" (вместе с "Правилами обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда"). Оба данных акта направлены на регулирование вопросов обучения квалифицированных кадров, которые задействованы на предприятии, которое имеет повышенные риски травматизма. Сравнивая документы, можно констатировать, что Постановление Правительства РФ N 2464 года является более подробным, усовершенствованным и качественным документом, который уделяет внимание тонкостям обучения сотрудников, а также процессуальным моментам. Наличие теоретических вопросов, содержащих необходимую для проверки знаний информацию, является интересным инструментом, который ранее не был применён при издании Постановления N 1/29.

Правило №7. Инвестировать в кадры – мотивировать посредством участия. «Мотивируйте своих работников, привлекая их к решению всех вопросов охраны труда. Эти инвестиции окупаются!» [3]. Заинтересованный в своей безопасности и комфортном рабочем месте сотрудник должен иметь возможность участия в обеспечении охраны труда на предприятии. Такое право позволит не только соблюдать самому правила охраны труда, но и совершенствовать систему управления охраной труда, предупреждать травматизм. По инициативе работодателя и (или) по инициативе работников либо их уполномоченного представительного органа создаются комитеты (комиссии) по охране труда [8]. Положение о такой комиссии является локальным актом отдельной организации, однако Приказ Минтруда России от 22.09.2021 N 650н "Об утверждении примерного положения о комитете (комиссии) по охране труда" устанавливает общие принципы, права и функции Комитета.

Проведя анализ «золотых правил» Концепции Vizion Zero и положений трудового законодательства Российской Федерации, необходимо сказать, что правила являются рекомендательными, отправными началами для модернизирования законодательства каждой отдельной страны, принявшей для себя эту Концепцию. Каждое правило не предусматривает в себе обязательное включение каких-либо отдельных пунктов в нормативно-правовые акты, они дают направление законодательству в сфере охраны труда, которое связано, прежде всего, с обеспечением безопасности на рабочих местах и вовлечении сотрудников и работодателей в качественно функционирующую систему управления охраной труда. Российской законодательство с момента подписания Меморандума качественно изменило систему управления охраной труда, приняв большой блок нормативно-правовых актов, которые подробно регулируют вопросы предупреждения травматизма на работе.

Популяризация вопроса безопасности на рабочем месте является ключевым вопросом на международной арене. Среди стран, которые приняли Концепцию нулевого травматизма, являются такие страны как: Российская Федерация, Канада, Корея, Япония, Китай, Великобритания, Мексика, Перу, Соединённые Штаты Америки. Предупреждение травматизма на всемирно известных предприятиях – показатель для иных организаций, которые ещё не вступили в Концепцию.

Компании-участники Концепции являются разноплановыми. Так, в США внедрили данные правила следующие организации: Boeing, Google, Mercedes Benz U. S. International, Android Industries, LLC. Среди узнаваемых на международном рынке среди Корейских компаний принял Концепцию Samsung C&T Corporation. Excel Technology Services, Siemens PS PG – корпорации, принявшие Концепцию в Соединённом Королевстве.

В Российской Федерации несколько десятков организаций, которые внедрили в регулирование охраны труда семь ключевых правил. Среди них присутствуют и муниципальные организации, обеспечивающие жизнедеятельность отдельных населённых пунктов (детские сады, поликлиники, фонды социального страхования), так и крупные предприятия, известные каждому, например, ООО «НОВАТЭК-Автозаправочные комплексы», АО «Нива», издательский дом "БИГДАТА МЕДИА", ООО "ГАЗПРОМ 335". Говоря о субъектах, которые реализуют программу нулевого травматизма, необходимо выделить следующие: Москва и Московская область, Республика Крым, Приморский край, Хабаровский край, Ростовская и Самарские области.

Исследование Vizion Zero – актуальный вопрос не только с точки зрения содержания самой программы, но и с точки зрения её сущностного влияния на правовой режим охраны труда в отдельном государстве и предприятиях. Разработанная Концепция в большей степени является идеальной картинкой, которая вдохновляет работодателя на соблюдение принципов и правил охраны труда. Присоединяться к данной концепции начинает становиться модным, организация выглядит более престижно на рынке труда, аргументируя направленность своей производственной деятельности в том числе и на снижении производственного травматизма [4]. К сожалению, тенденция вступления в ряды организаций, которые принимают правила Концепции, означает вступление организаций, которые номинально изменяют свои локальные акты, фактически попустительски относясь к вопросам охраны труда. Зачастую, работодатели подают неверную статистическую информацию, скрывая несчастные случаи на производстве, посредством мирного разрешения ситуации с работником напрямую, без привлечения необходимых структур.

Литература

1. Европейское регионально бюро ВОЗ. Число людей, получивших производственные травмы. Путеводитель по базе данных «Здоровье для всех» [Электронный ресурс]. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_455-4061-number-of-people-injured-due-to-work-related-accidents/visualizations/#id=20034&tab=notes (дата обращения: 05.09.2022)

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

3. Концепция Vizion Zero: [Электронный ресурс]. URL: https://visionzero.global/ru (дата обращения: 09.09.2022).

4. Кузубов П. Vizion Zero – концепция нулевого травматизма: обязательна ли она для работодателя // Справочник по охране труда. 2018. № 10. [Электронный ресурс]. URL: https://journal.ecostandardgroup.ru/ot/opinion/vision-zero-obyazatelna-li-kontseptsiya-nulevogo-travmatizma-dlya-rabotodatelya/ (дата обращения: 12.09.2022)

5. Об утверждении общих требований к организации безопасного рабочего места: Приказ Минтруда России от 29.10.2021 № 774-н (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

6. Об утверждении Примерного положения о системе управления охраной труда: Приказ Минтруда России от 29.10.2021 № 776-н (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

7. Результаты мониторинга условий и охраны труда в Российской Федерации в 2020 году, утверждённые Министерством труда и социальной защиты РФ при участии ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России [Электронный ресурс]. URL: https://vniitruda.ru/uploads/researches_file/619cbdc415951343985474.pdf (дата обращения: 07.09.2022)

8. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

References

1. Evropejskoe regional'no bjuro VOZ. Chislo ljudej, poluchivshih proizvodstvennye travmy. Putevoditel' po baze dannyh «Zdorov'e dlja vseh» [Jelektronnyj resurs]. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_455-4061-number-of-people-injured-due-to-work-related-accidents/visualizations/#id=20034&tab=notes (data obrashhenija: 05.09.2022)

2. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ, ot 14.03.2020 N 1-FKZ) [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus»

3. Koncepcija Vizion Zero: [Jelektronnyj resurs]. URL: https://visionzero.global/ru (data obrashhenija: 09.09.2022).

4. Kuzubov P. Vizion Zero – koncepcija nulevogo travmatizma: objazatel'na li ona dlja rabotodatelja. Spravochnik po ohrane truda. 2018. № 10. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://journal.ecostandardgroup.ru/ot/opinion/vision-zero-obyazatelna-li-kontseptsiya-nulevogo-travmatizma-dlya-rabotodatelya/ (data obrashhenija: 12.09.2022)

5. Ob utverzhdenii obshhih trebovanij k organizacii bezopasnogo rabochego mesta: Prikaz Mintruda Rossii ot 29.10.2021 № 774-n (poslednjaja redakcija) [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus»

6. Ob utverzhdenii Primernogo polozhenija o sisteme upravlenija ohranoj truda: Prikaz Mintruda Rossii ot 29.10.2021 № 776-n (poslednjaja redakcija) [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus»

7. Rezul'taty monitoringa uslovij i ohrany truda v Rossijskoj Federacii v 2020 godu, utverzhdjonnye Ministerstvom truda i social'noj zashhity RF pri uchastii FGBU «VNII truda» Mintruda Rossii [Jelektronnyj resurs]. URL: https://vniitruda.ru/uploads/researches_file/619cbdc415951343985474.pdf (data obrashhenija: 07.09.2022)

8. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 30.12.2001 № 197-FZ (v red. ot 14.07.2022) [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus»

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Кремнев Р.Н.,
Академия управления МВД России

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности организации взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с иными субъектами противодействия незаконной миграции. Автор отмечает, что Незаконный ввоз мигрантов – это преступное деяние по внутреннему законодательству многих государств, а также по международному праву.*

При отсутствии достаточных путей легальной миграции людей, призванной снизить количество случаев нарушения прав человека, группового насилия, обеспечить продовольственную безопасность, пресечь крайнюю нищету, лица, желающие мигрировать в другую страну, могут прибегнуть к помощи контрабандистов, которые часто не имеют знаний, средств или возможностей для организации безопасной миграции.

Ведение планомерной работы в области пресечения незаконной миграции вызвано тем, что ее формы в современных условиях постоянно усложняются, и достаточно часто под прикрытием незаконных миграционных перемещений скрываются такие преступления, как торговля людьми.

Часто в качестве единственного источника информации о преступлениях в области незаконной миграции граждан выступают результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий. Проведение подобных мероприятий осуществляется в соответствии с необходимостью пресечения нелегальной миграции и инициируется руководством оперативных подразделений МВД на основе проводимых оперативных разработок.

С целью предотвращения данного правового явления необходимо разработать алгоритм четкого взаимодействия сотрудников оперативных подразделений МВД и других субъектов противодействия нелегальной миграции и осуществлять планомерную работу по его внедрению, так как именно данная работа позволит повысить уровень раскрываемости преступлений, связанных с незаконной миграцией, а также снизит объем преступлений и правонарушений, совершаемых незаконными мигрантами.

Ключевые слова*: оперативные подразделения, органы внутренних дел, противодействие, незаконная миграция*

ORGANIZATION OF INTERACTION OF THE OPERATIONAL DIVISIONS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES WITH OTHER SUBJECTS OF COUNTERING ILLEGAL MIGRATION

Kremnev R.N.,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: *the article discusses the features of the organization of interaction of operational units of internal affairs bodies with other subjects of countering illegal migration. The author notes that the illegal importation of migrants is a criminal act under the domestic legislation of many States, as well as under international law.*

In the absence of sufficient ways of legal migration of people, designed to reduce the number of cases of human rights violations, gang violence, ensure food security, and end extreme poverty, persons wishing to migrate to another country may resort to the help of smugglers, who often do not have the knowledge, means or opportunities to organize safe migration.

Conducting systematic work in the field of combating illegal migration is caused by the fact that its forms in modern conditions are constantly becoming more complicated, and quite often crimes such as human trafficking are hidden under the guise of illegal migration movements.

Often, the results of operational search activities are the only source of information about crimes in the field of illegal migration of citizens. Such events are carried out in accordance with the need to prevent illegal migration and are initiated by the leadership of the operational units of the Ministry of Internal Affairs on the basis of ongoing operational developments.

In order to prevent this legal phenomenon, it is necessary to develop an algorithm for clear interaction between employees of operational units of the Ministry of Internal Affairs and other subjects of countering illegal migration

and carry out systematic work on its implementation, since this work will increase the level of detection of crimes related to illegal migration, as well as reduce the volume of crimes and offenses committed by illegal migrants.

Keywords: *operational units, internal affairs bodies, counteraction, illegal migration*

На сегодняшний день в мире массово продолжается незаконный ввоз мигрантов через международные границы по суше, воздуху и морю. Данное явление прямо подрывает управление международной миграцией в целом и создает проблемы для организации безопасной и упорядоченной миграции [4].

Незаконный ввоз мигрантов – это преступное деяние по внутреннему законодательству многих государств, а также по международному праву. Много мигрантов (включая беженцев) в настоящее время имеют лишь ограниченные возможности доступа к обычным путям перемещения на территорию другой страны, и контрабандисты знают это и используют для получения прибыли [6].

При отсутствии достаточных путей легальной миграции людей, призванной снизить количество случаев нарушения прав человека, группового насилия, обеспечить продовольственную безопасность, пресечь крайнюю нищету, лица, желающие мигрировать в другую страну, могут прибегнуть к помощи контрабандистов, которые часто не имеют знаний, средств или возможностей для организации безопасной миграции.

В соответствии с действующим международным правом права человека незаконно ввезенных мигрантов должны быть защищены, независимо от их миграционного статуса. Вместе с другими осложняющими факторами все это подрывает управление миграцией и препятствует безопасной, упорядоченной и законной миграции. Достаточно часто мигранты расплачиваются жизнью: задыхаются в контейнерах, гибнут в пустынях или тонут в море. Только в 2019 г. во всем мире было зарегистрировано 7 495 смертей мигрантов, многие из которых были незаконно ввезены на территорию другой страны [6].

Незаконный ввоз мигрантов предполагает их согласие: те, кого незаконно ввозят на территорию другой страны, получают услугу, которую они запросили, в обмен на оплату. Тем не менее, часто со стороны контрабандистов может возникать жестокое обращение с мигрантами. Многие незаконно ввезенные мигранты, несмотря на то, что они отправились в путь добровольно, *становятся* жертвами.

В этом контексте государства подверглись серьезному испытанию в выполнении своих обязательств по защите прав человека. Противодействие незаконному ввозу мигрантов требует согласованных и скоординированных действий государств и других заинтересованных сторон, включая защиту и помощь мигрантам, устранение причин незаконного ввоза мигрантов, создание более регулярных каналов миграции, укрепляя потенциал правоохранительных органов государств по обнаружению и пресечению деятельности лиц, занимающихся незаконным ввозом мигрантов, а также расширение исследований и сбора данных. Способность оперативных подразделений МВД эффективно противодействовать незаконному ввозу мигрантов остается ключевым элементом в реализации безопасной, упорядоченной и регулярной миграции [3].

Специалисты отмечают, что нелегальная миграция в значительной степени способствует росту преступности в России. В этой связи одной из основных задач оперативных подразделений МВД России является проведение планомерной работы по противодействию незаконной миграции. В процессе проведения такой работы сотрудники оперативных подразделений МВД осуществляют взаимодействия с другими субъектами, осуществляющими рассматриваемую деятельность, поскольку именно сам процесс проведения оперативных мероприятий имеет своей целью жесткое пресечение распространения рассматриваемого явления.

Для поддержки процесса взаимодействия различных субъектов, участвующих в деятельности по пресечению незаконной миграции в целом и оперативных подразделений МВАД в частности разработана и реализована Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

Ведение указанной планомерной работы в области пресечения незаконной миграции вызвано тем, что ее формы в современных условиях постоянно усложняются, и достаточно часто под прикрытием незаконных миграционных перемещений скрываются такие преступления, как торговля людьми или продажа человеческих органов на «черном» рынке. Все вышесказанное, а также механизмы и масштабы осуществления незаконного перемещения граждан через государственные границы позволяет приравнять незаконную миграцию к организованной преступности, которая имеет место на международном уровне [2].

В литературе отмечено, что достаточно часто в качестве единственного источника информации о преступлениях в области незаконной миграции граждан выступают результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий. Проведение подобных мероприятий осуществляется в соответствии с необходимостью пресечения нелегальной миграции и инициируется руководством оперативных подразделений МВД на основе проводимых оперативных разработок. При этом, к подобным разработкам привлекаются специалисты ФМС России, Государственной инспекции труда и пр. Взаимодействие указанных выше субъектов способствует сокращению количества иностранных мигрантов, которые нелегально прибыли и про-

живают на территории России, тем самым, снижается и количество возможных преступлений и правонарушений, которые граждане из рассматриваемого контингента могли бы совершить [1].

Также важным направлением взаимодействия оперативных подразделений МВД и других субъектов в области противодействия нелегальной миграции выступает информационный обмен. В частности, сотрудничество оперативных сотрудников МВД со коллегами из стран ближнего и дальнего зарубежья позволяет оперативно получать данные о возможном нелегальном прибытии в Россию граждан других стран, чьей целью становится не только осуществление незаконной трудовой деятельности, но и совершение различных преступлений различной тяжести: распространение наркотических и психотропных веществ, преступления экстремистского и террористического характера и пр. Соответственно, на основании полученной информации специалисты оперативных подразделений РОВД имеют возможность своевременно осуществить ряд необходимых мероприятий, позволяющих предотвратить как сами преступления, так и их последствия, обеспечивая, тем самым, благополучие граждан страны и пресекая безнаказанность преступников.

Важным аспектом в процессе взаимодействия оперативных сотрудников МВД и других субъектов противодействия незаконной миграции выступает качественная и быстрая обратная связь, поскольку если запрос, направленный от одного ведомства к другому, будет рассмотрен с затягиванием времени, то существует вероятность снижения эффективности самой работы по противодействию нелегальной миграции в принципе. Так, например, сотрудники оперативных подразделений МВД, имеющие в разработке данные о применении определенным работодателем труда нелегальных мигрантов, должны своевременно получать информацию от ФМС и Инспекции труда в рамках направленных в данные ведомства запросов, поскольку если указанные субъекты противодействия нелегальной миграции подтвердят факт законного пребывания иностранных граждан, находящихся в разработке, на территории в России, а также то, что их трудоустройство осуществлено в соответствии с законодательством РФ, проведение оперативных мероприятий будет нецелесообразным а иногда – даже противозаконным [5].

Нельзя забывать и о том, что, как было сказано выше, незаконная миграция выступает одной из составляющих организованной преступности. В этой связи, сотрудники оперативных подразделений МВД также осуществляют сотрудничество с другими подразделениями ведомства, чья деятельность связана с осуществлением борьбы с организованными преступными формированиями. При этом, взаимодействие может осуществляться как на внутристрановом, так и на международном уровне, поскольку своевременно полученные данные могут способствовать сокращению времени пресечения того или иного факта нелегальной миграции посредством осуществления действий на опережение путем проведения оперативных мероприятий по задержанию как непосредственно нелегальных мигрантов, так и организаторов данного преступления.

В целом, не обходимо заключить, что процесс взаимодействия сотрудников оперативных подразделений МВД с другими субъектами противодействия незаконной миграции выступает достаточно значимым в части обеспечения результативности работы, направленной на борьбу с нелегальной миграцией в целом [5]. Работа в данном разрезе должна вестись планомерно, так как отсутствие своевременно полученной информации или не оказание любого вида помощи тому или иному субъекту, осуществляющему работу в рассматриваемой противоправной области, может повлечь за собой рост количества нелегальных мигрантов в России, а вместе с этим – увеличение количества совершаемых нелегальными мигрантами преступлений, что негативно повлияет на криминальную обстановку городов и других населенных пунктов нашей страны. По этой причине необходимо разработать алгоритм четкого взаимодействия сотрудников оперативных подразделений МВД и других субъектов противодействия нелегальной миграции и осуществлять планомерную работу по его внедрению, так как именно данная работа позволит повысить уровень раскрываемости преступлений, связанных с незаконной миграцией, а также снизит объем преступлений и правонарушений, совершаемых незаконными мигрантами.

Литература

1. Венидиктов М.И. Меры противодействия преступлениям, связанным с незаконной миграцией иностранных граждан // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 183 – 186.

2. Видлер О.М. Общеевропейский опыт борьбы с нелегальной миграцией // Инвестиции: практика и опыт. 2016. № 2 (1). С. 72 – 76.

3. Никитин А.В. Оперативно-розыскное противодействие преступности: понятие, сущность // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. 2010. № 1 (5). С. 46 – 51.

4. Пробоев О.А. Направления преодоления миграционного кризиса в странах ЕС и регулирования потоков нелегальной миграции // Экономика и общество. 2017. № 8 (1). С. 89 – 95.

5. Шамаев А.М. Взаимодействие следователя с оперативными службами в ходе расследования преступлений террористического характера // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 3. С. 72 – 77.

6. McAuliffe M. and Kozer K. Unforeseen consequences: how migrant smugglers use International Protection System, Advance / Australian National University, Winter 2015. P. 210 – 215.

References

1. Venidiktov M.I. Mery protivodejstvija prestuplenijam, svjazannym s nezakonnoj migraciej inostrannyh grazhdan. Vestnik jekonomicheskoj bezopasnosti. 2021. № 1. S. 183 – 186.

2. Vidler O.M. Obshheevropejskij opyt bor'by s nelegal'noj migraciej. Investicii: praktika i opyt. 2016. № 2 (1). S. 72 – 76.

3. Nikitin A.V. Operativno-rozysknoe protivodejstvie prestupnosti: ponjatie, sushhnost'. Vestnik Vostochno-sibirskogo instituta MVD Rossii. 2010. № 1 (5). S. 46 – 51.

4. Proboev O.A. Napravlenija preodolenija migracionnogo krizisa v stranah ES i regulirovanija potokov nelegal'noj migracii. Jekonomika i obshhestvo. 2017. № 8 (1). S. 89 – 95.

5. Shamaev A.M. Vzaimodejstvie sledovatelja s operativnymi sluzhbami v hode rassledovanija prestuplenij terroristicheskogo haraktera. Vestnik Tjumenskogo instituta povyshenija kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2014. № 3. S. 72 – 77.

6. McAuliffe M. and Kozer K. Unforeseen consequences: how migrant smugglers use International Protection System, Advance. Australian National University, Winter 2015. R. 210 – 215.

ЦЕЛЕВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАЙНЫ

Леошкевич Е.В., аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: *статья посвящена исследованию правового режима профессиональной тайны, как специального правового режима информации для определения его целевого назначения. Проанализированы положения нормативно-правовых актов, определяющих основания для установления ограничения доступа к информации и установления требования соблюдения конфиденциальности сведений, составляющих профессиональную тайну, а также позиции представителей юридической науки по рассматриваемому вопросу. Актуальность рассматриваемой тематики подтверждается тем, что необходима выработка единообразного подхода к содержанию правового режима профессиональной тайны и ее составляющих, но теоретическому осмыслению содержания правового режима информации уделяется недостаточно внимания, а также тем, что в условиях цифровой трансформации сведения, составляющие профессиональную тайну передаются посредством информационно-телекоммуникационных технологий и хранятся в различных информационных системах, что создает риск несанкционированного доступа к ним и их разглашения. Основная цель исследования состояла в том, чтобы на основе комплексного анализа научных воззрений и норм действующего законодательства Российской Федерации установить целевой назначение правового режима профессиональной тайны и представить его формулировку. На основе проведенного анализа, предпринята попытка определить целевое назначение правового режима профессиональной тайны как информационную безопасность личности, общества и государства.*

Ключевые слова: *правовой режим, профессиональная тайна, информационная безопасность, цель*

PURPOSE OF THE LEGAL REGIME OF PROFESSIONAL SECRET

Leoshkevich E.V., Postgraduate,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Abstract: *the article is devoted to the study of the legal regime of professional secrecy as a private legal regime of information to determine its intended purpose. The provisions of legal acts that define the grounds for restricting the right of access to a location and the requirements for setting thresholds imposed by professional secrecy, as well as the opinion of a representative of legal science on the issue under consideration, are analyzed. The relevance of the topic under consideration is confirmed by the fact that it is necessary to develop a uniform approach to the content of the legal regime of professional secrecy and its components, but not enough attention is paid to the theoretical understanding of the content of the legal regime of information, and also by the fact that in the context of digital transformation, information constituting professional secrecy is transmitted through informational and telecommunication technologies and are stored in various information systems, which creates the risk of unauthorized access to them and their disclosure. The main purpose of the study was to establish, on the basis of a comprehensive analysis of scientific views and the norms of the current legislation of the Russian Federation, the intended purpose of the legal regime of professional secrecy and present its formulation. Based on the analysis, an attempt was made to determine the purpose of the legal regime of professional secrecy as the information security of the individual, society and the state.*

Keywords: *legal regime, professional secrecy, information security, objective*

Законодательное закрепление и дальнейшее правовое регулирование правового режима информации должно иметь цель, иначе оно не имеет смысла. Именно цель представляет собой тот желаемый результат, достижение которого предполагается возможным при использовании определенных средств и мер воздействия, в том числе и правого характера. Указанное положение в полной мере относится к правовому режиму профессиональной тайны.

Определяя целевое назначение правового режима профессиональной тайны, в первую очередь, необходимо провести анализ нормативных актов.

Конституция Российской Федерации не закрепляет цели правового режима профессиональной тайны, но содержит в ч. 3 ст. 55 норму общего характера, предусматривающую возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в определенных целях. Принимая во внимание то, что свободный поиск, получение, передача и распространение информации является конституционным правом

(ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), то оно в полной мере отвечает критериям возможного ограничения в вышеуказанных целях.

В Перечне сведений конфиденциального характера отсутствует целеполагание [4]. В ч. 5 ст. 9 Закона об информации [6], закрепляющей легальную трактовку понятия профессиональной тайны, также отсутствует целевое назначение необходимости установления конфиденциальности информации и ее соблюдения. Но в положении ч. 1 рассматриваемой статьи закреплено положение, которое устанавливает возможность ограничения доступа к информации федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из этого следует, что целей много и все они служат обеспечению наиважнейших интересов личности, общества и государства. Необходимо конкретизировать какие именно цели характерны для правового режима профессиональной тайны.

В научной среде высказываются различные позиции в отношении целевого назначения правового режима профессиональной тайны.

Камаловой Г.Г. в роли цели указаны «интересы безопасности лиц, обращающихся за определенными видам профессиональной помощи, и системы профессиональной деятельности… » [2, с. 123] В отношении информационной безопасности, как цели правового режима профессиональной тайны, позиция представляется обоснованной, но трудно согласиться, что речь идет только об интересах лиц, обращающихся к представителям определенных профессий.

Гуниным Д.И. цель правового режима информации рассматривается с позиции предоставления определенным субъектам выгод, которых незаконный доступ к этой информации может лишить, или предотвращение возникновения ущерба тем субъектам права, субъективным правам и законным интересам которых незаконный доступ к этой информации может его нанести [1, с. 19]. Рассматриваемая точка зрения не учитывает тот момент, что ущерб может возникнуть и в том случае, когда доступ к информации получен законно, либо клиент сам предоставил информацию о себе.

Наиболее аргументированной представляется позиция Терещенко Л.К., которая определяет целью правового режима информации информационную безопасность субъектов: личности, государства, общества в целом, коммерческих и некоммерческих структур [3, с. 158].

Правовой режим профессиональной тайны, являясь специальным правовым режимом информации, призван гарантировать и защищать неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны. Следовательно, основной целью установления правового режима профессиональной тайны должна выступать информационная безопасность личности.

Правовой режим профессиональной тайны, являясь специальным правовым режимом информации всегда связан с установлением каких-либо ограничений, как отношении доступа к определенной информации, так и в отношении предоставления и распространения определенной информации. Необходимость установления подобных ограничений обусловлена тем, что нарушение требования конфиденциальности сведений, составляющих профессиональную тайну, влечет за собой или может повлечь негативные последствия для субъекта профессиональной тайны. В частности, если адвокат разгласит сведения, ставшие известными ему от подзащитного, то они, возможно, станут основой обвинения. Вместе с тем, необходимо учитывать, что наступающие или возможные последствия негативны не только для субъекта профессиональной тайны, которого они затрагивают непосредственно. Разглашение адвокатом сведений, составляющих профессиональную тайну, подрывает веру в незыблемость адвокатской тайны, авторитет адвокатского сообщества, нарушает чувство защищенности при обращении за квалифицированной юридической помощи у других членов общества.

Соответственно, поступок одного представителя профессионального сообщества адвокатов, нарушающий право на тайну конкретного клиента, оказывает влияние на общество в целом, а также затрагивает и государственные интересы, в частности, обязанность государства обеспечивать конституционные права и свободы личности, в том числе в части гарантирования права на защиту и возможность получения квалифицированной юридической помощи.

Подытоживая, следует сделать заключение о том, что цель правового режима профессиональной тайны включает в себя не только информационную безопасность личности, но и общества и государства в целом.

Безусловно, обеспечение информационной безопасности становится первоочередной задачей в эпоху цифровой трансформации, так как влияние информационно-телекоммуникационных технологий распространено на все сферы жизнедеятельности человека и общества, в том числе и на профессиональную сферу. Примерами подобного внедрения информационных технологий, затрагивающих сферу информации, составляющей профессиональную тайну могут выступать: запись к врачу посредством интернет-сервисов, которые зачастую требуют уточнить жалобы потенциального клиента и установленные диагнозы; онлайн-

сервисы банков, приложения для iOS и Android, отслеживающие состояние здоровья, профессиональные информационные автоматизированные системы и так далее. Все указанные информационные ресурсы и технологии требуют обслуживания со стороны специалистов IT сферы, которые не всегда являются работниками организаций – субъектов профессиональной тайны, что создает риск нарушения режима профессиональной тайны. Кроме того всегда возможен риск утечки информации, которая хранится в информационных системах. Но информационные технологии, на сегодняшний день, это неотъемлемая и значимая часть жизни человека и профессиональной деятельности.

Внимание государства к информационной безопасности неуклонно возрастает. Законодатель определяет её весьма широко, как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства.

Но важным остается вопрос поиска баланса между информационной безопасностью и неприкосновенностью частной жизни. Как правило, направлениям обеспечения информационной безопасности, как неотъемлемой национальной безопасности, отдается приоритет. Представляется необходимым уделять более пристальное внимание интересам личности, в частности, праву личности на тайну частной жизни, тем самым обеспечивая соблюдение национальных интересов в информационной сфере, к которым п. а. ст.8 Доктрины относит обеспечение и защиту конституционных личности, в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий [5].

Подытоживая, можно определить цель правового режима профессиональной тайны, как обеспечение информационной безопасности, в первую очередь, информационной безопасности личности, выступающей субъектом сведений, которые необходимо охранять в режиме профессиональной тайны. Правовой режим профессиональной тайны направлен на защиту интересов того лица, которое предоставило о себе информацию или о котором была получена информация из других источников, а также интересов как общества, так и государства.

Литература

1. Гунин Д.И. ранспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. … на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Урал. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2008. 31 с.

2. Камалова Г.Г. Правовой режим информации ограниченного доступа: вопросы формирования понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 118 – 125.

3. Терещенко Л.К. Правовой режим информации: дис. ... докт. юрид. наук / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. Москва, 2011. 415 с.

4. Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. N 188 "Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера"(с изменениями и дополнениями) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

5. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

References

1. Gunin D.I. ransparentnost' i tajna informacii: teoretiko-pravovoj aspekt: avtoref. dis. … na soisk. uchen. step. kand. jurid. Nauk. Ural. gos. jurid. akad. Ekaterinburg, 2008. 31 s.

2. Kamalova G.G. Pravovoj rezhim informacii ogranichennogo dostupa: voprosy formirovanija ponjatijnogo apparata. Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2016. T. 26. Vyp. 4. S. 118 – 125.

3. Tereshhenko L.K. Pravovoj rezhim informacii: dis. ... dokt. jurid. Nauk. In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedenija pri Pravitel'stve RF. Moskva, 2011. 415 s.

4. Ukaz Prezidenta RF ot 6 marta 1997 g. N 188 "Ob utverzhdenii perechnja svedenij konfidencial'nogo haraktera"(s izmenenijami i dopolnenijami). Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus»

5. Ukaz Prezidenta RF ot 5 dekabrja 2016 g. N 646 "Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii". Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus»

6. Federal'nyj zakon ot 27 ijulja 2006 g. N149-FZ "Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii". Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus»

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН КАК ОСОБЫЙ ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Майкенов А.Р.,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

Аннотация: *в статье рассматривается служба как вид человеческой деятельности и ее аспекты, а также понятие государственной службы. Приводятся различные точки зрения к пониманию института государственной службы. В публикации приведен анализ системы государственной службы, ее градация и виды, представленные в правоохранительных органах. В ходе проведенного сравнения с системой государственной службы Российской Федерации, обращено внимание на различие в систематизации данного государственного института. Рассмотрен особый вид государственной службы и ее разновидности в органах внутренних дел Республики Казахстан. Обращается внимание на выделение казахстанским законодателем понятия правоохранительной службы и четкое определение перечня правоохранительных органов. Также в публикации кратко приведены отдельные особенности правоохранительной службы, характеризующие ее как особый вид государственной службы.*

Ключевые слова: *государственная служба, правоохранительная служба, служба в органах внутренних дел, особый вид государственной службы, сотрудник органов внутренних дел, воинская служба*

LAW ENFORCEMENT SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AS A SPECIAL TYPE OF PUBLIC SERVICE

Maikenov A.R.,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot'

Abstract*: the article considers service as a type of human activity and its aspects, as well as the concept of public service. Various points of view to the understanding of the institution of public service are given. The publication provides an analysis of the civil service system, its gradation and types represented in law enforcement agencies. In the course of the comparison with the civil service system of the Russian Federation, attention is drawn to the difference in the systematization of this state institution. A special type of public service and its varieties in the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan are considered. Attention is drawn to the allocation by the Kazakh legislator of the concept of law enforcement service and a clear definition of the list of law enforcement agencies. The publication also briefly describes some features of the law enforcement service, characterizing it as a special type of public service.*

Keywords: *civil service, law enforcement service, service in the internal affairs bodies, a special type of public service, an employee of the internal affairs bodies, military service*

Проводимые в Республике Казахстан (далее – РК) реформы государственной службы направлены на улучшение функционирования механизма исполнительной власти и увеличение результативности ее деятельности и являются одним из основных направлений внутренней политики.

Политическое и правовое значение государственной службы заключается в качественной реализации и осуществлении функций государства.

Выступая неотъемлемым элементом механизма реализации государственных функций и задач государственная служба РК ориентирована на достижение общенациональных идей и целей.

Важность государственной службы в системе государственного управления обуславливает внимание исследователей к вопросу определения ее параметров.

Вместе с тем, полагаем, что для дальнейшего исследования необходимо прояснить, что из себя представляет само понятие «служба».

Под понятием «службы» могут пониматься различные структурные подразделения (такие как, кадровые, финансовые, тыловые и т.д.), либо самостоятельные ведомства (Служба экономических расследований, антикоррупционная служба и др.).

Следующее понятие службы заключается в службе, как виде деятельности, сформировавшегося в процессе развития и специализации социальной деятельности и которая осуществляется «служащими». В данном случае объектом воздействия со стороны служащего является человек [1, с. 86].

Рассматривая государственную службу как вид деятельности в разрезе складывающихся профессиональных государственно-служебных отношений между работодателем и работником, в которых уже сам служащий подвергается воздействию со стороны государства, можно также выделить несколько аспектов.

Во-первых, служба как отношения между служащим и уполномоченным руководителем с позиции работника, рассматривающего профессиональную службу как источник средств к существованию (средств для реализации биологических или социальных потребностей) и оценивается с позиции поступления на службу, элементов ее прохождения и сопутствующих ограничений прав как гражданина и приобретения прав служащего.

Во-вторых, служба рассматривается как отношения с позиции работодателя, в лице представителей кадровых служб, которые оценивают государственно-служебные отношения в качестве способа реализации интересов, целей и задач, возложенных на государственные органы.

В-третьих, служба как отношения между служащими, регулируемые кодексами чести, уставами, правилами служебного поведения.

Изучение мнений видных ученых позволяет сделать вывод, что существуют различные подходы к пониманию института государственной службы.

Наиболее часты в употреблении в юридической литературе следующие дефиниции понятия государственной службы – как вид, принимаемого гражданами участия в исполнении функций государства; как вид реализации «связи отношений государства, общества, закона и гражданина»; как механизм формирования, реализации и совершенствования институтов государственной власти и государственного управления; как единство правовых институтов, регулирующих осуществление государственной власти и государственного управления, и социального института – сообщества, профессиональной корпорации, лиц, практически исполняющих эти функции в соответствии со своим правовым статусом; как системы государственных органов, имеющих своих служащих для выполнения государственных задач и функций; как присущий государственной администрации особый вид управленческой деятельности [2, с. 78].

Г.В. Атаманчук рассматривает государственную службу как практическое и профессиональное участие граждан в осуществлении целей и задач государства посредством исполнения государственных должностей, учрежденных в государственных органах [3, с. 123].

После распада СССР и обретением суверенитета республиками, входившими в его состав, нормативное оформление института государственной службы и его дальнейшее развитие обрело важное стратегическое значение.

Первым законодательным актом, определившим статус государственной службы в РК на этапе ее становления, стал Указ Президента РК, имеющий силу Закона, от 26 декабря 1995 г. №2730 «О государственной службе» [4, с. 20].

В Казахстане законодательное определение понятия «государственной службы» подразумевает исполнение должностных полномочий государственными служащими, осуществляемое ими в государственных органах и направленное на реализацию задач и функций государственной власти. Анализ приведенного определения позволяет выделить два основных признака, характеризующих данный вид службы как государственную. Во-первых, единственная направленность данной деятельности заключается в исполнении установленных нормативными правовыми актами задач и функций государственной власти. Во-вторых, эту деятельность осуществляют граждане РК, принятые в установленном порядке на государственную службу [6, с. 510].

Одним из принципов государственной службы Казахстана, подчеркивающим ее специфику, обозначено единство системы государственной службы независимо от разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви [5].

Вместе с тем, более детальной систематизации государственной службы, представленной ее различными видами, Законом РК «О государственной службе Республики Казахстан» не установлено. При этом указано о распространении действия данного закона также и на государственных служащих, проходящих правоохранительную службу.

Обращение к отраслевому законодательству приводит к выводу, что некоторые виды (правоохранительная, воинская, служба в специальных государственных органах [7, 8, 9]) государственной службы, отнесены к категории «особых» видов и представлены в силовом блоке государственных органов. То есть, данный вид службы является доминирующим во властных структурах, деятельность которых связана с охраной общественного порядка; борьбой с преступностью; обеспечением национальной безопасности, безопасности охраняемых лиц и объектов; обеспечением военной безопасности; вооруженной охраны и защиты суверенитета, территориальной целостности РК, обеспечением неприкосновенности ее Государственной границы [7, 8, 9].

В свою очередь законодателем РК также определен перечень государственных органов, в которых предусмотрена правоохранительная служба. Это – органы прокуратуры (за исключением органов военной прокуратуры), государственная противопожарная служба, органы внутренних дел (за исключением военно-следственных органов и Национальной гвардии РК), антикоррупционная служба и служба экономических расследований [7].

Определение такого круга органов, объединенных общей правоохранительной направленностью своего функционирования, подтверждает правильность мысли о необходимости установления в одном нормативном акте подобного перечня, высказанную А.М. Артемьевым применительно к российскому законодательству [10, с. 12].

Изучение российского законодательства показывает, что в первой редакции Федерального закона от 27 мая 2003 г. №58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», правоохранительная служба определялась как «вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан, имеющих специальные звания и классные чины, на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина [11]. При этом, легитимность приведенного определения требовала принятия отдельного федерального закона о правоохранительной службе.

Однако, указанный закон принят не был, вследствие чего круг правоохранительных органов в России до настоящего времени на законодательном уровне не обозначен. Впоследствии, Федеральным законом от 13 июля 2015 г. №262-ФЗ, понятие «правоохранительная служба» заменено на «государственную службу иных видов» [12], к которой также отнесена служба в органах внутренних дел (далее – ОВД), имеющая федеральный статус [11, 13]. Вместе с тем, отдельными учеными обсуждается вопрос о возобновлении дискуссии по принятию единого закона о правоохранительной службе и имеющихся на то оснований [14, с. 62].

Возвращаясь к казахстанскому законодательству отметим, что наделив правоохранительную службу «особым» статусом и определив круг правоохранительных органов, казахстанский законодатель не связывает жестко ее прохождение с замещением соответствующей должности в правоохранительном органе, но также предусматривает несение данного вида службы и в случаях прикомандирования к государственным органам, межгосударственным организациям, и при нахождении в распоряжении правоохранительного органа.

Следует также заметить, что государственно-служебные отношения в ОВД РК представлены следующими разновидностями государственной службы:

- политико-государственной службы (министр внутренних дел РК и его заместители);
- административной государственной службы;
- правоохранительной службы;
- воинской службы.

Таким образом, в ОВД РК «особый» вид государственной службы представлен двумя ее разновидностями – воинской и правоохранительной, из которых наш научный интерес мы предпочтем сконцентрировать на правоохранительном варианте, реализуемом работниками, которым присвоены специальные звания.

Рассматривая признаки, придающие правоохранительной службе в ОВД статус «особого» вида государственной службы, отметим следующее.

В первую очередь – это специфический характер задач и функций выполняемых сотрудниками ОВД (защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение общественной безопасности и др.).

Во-вторых, характерным признаком «особенной» службы является возложенная на сотрудника обязанность пресекать противоправные деяния, оказывать помощь нуждающимся в ней, и охрана места происшествия вне зависимости от занимаемой должности, временных и территориальных параметров.

В-третьих, исполнение сотрудником своих обязанностей не только ограничивает права различных субъектов и обязывает к беспрекословному подчинению законным требованиям сотрудника, но и может быть связано с предписанием сотрудника прекратить определенные действия, выполнить его законные указания [15].

В-четвертых, – это вооруженность сотрудников, наделенных правом ношения и хранения на постоянной основе выданного в установленном порядке табельного оружия, специальных средств принуждения и правом их применения для выполнения поставленных задач.

В-пятых, осуществление должностных обязанностей в условиях, характеризуемых риском для жизни и здоровья, под воздействием экстремальных психологических факторов, что обусловило установление для

сотрудников определенных льгот и гарантий, касающихся: налогообложения; сокращенной выслуги лет для выхода на пенсию; частичной компенсации расходов на коммунальные услуги, найм жилья; медицинское и санаторно-курортное обеспечение; дополнительные отпуска и др.

По мнению О.В. Зиборова и И.С. Павличева даже реализация повседневных задач ОВД, с учетом специфического характера деятельности, может быть отнесена к «особым условиям» деятельности, т.е. в состоянии с угрозой безопасности личности, общества и государства, которые требуют от ОВД принятия необходимых и своевременных мер, направленных на нормализацию обстановки [16, с. 83].

Необходимо отметить, что статус сотрудника ОВД, наряду с наделением его служебными полномочиями, обязывает такого сотрудника не допускать нарушений законности и требований к поведению как на службе, так и в быту.

Названные характеристики правоохранительной службы обусловливают жесткие требования (состояние здоровья, соблюдение законов), а также определенные запреты (занятие предпринимательством, антикоррупционные правила) и ограничения (возраст, образование и т.п.) к лицам, поступающим на службу в ОВД и к сотрудникам, проходящим такую службу.

Важно, чтобы сотрудники были не только физически подготовленными, культурными, вежливыми, образованными, но и компетентными [17, с. 149]. В этой связи особые требования предъявляются к знанию законодательства РК, наличию необходимых личных качеств, компетенций, психологическая устойчивость и др.

Подводя итог, можно отметить, что служба в ОВД РК являющаяся особым видом государственной службы, имеет свои специфические особенности, строится на общих и специальных принципах, а ее прохождение регулируется большим количеством нормативных правовых актов.

Учитывая важность института правоохранительной службы в ОВД, административно-правовое регулирование ее прохождения следует оценивать в качестве предмета дальнейшего научного исследования.

Литература

1. Манохин В.М. К вопросу о понятии службы и служащих // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № S (87). С. 85 – 89.

2. Занина Т.М. Служба в органах внутренних дел как особый вид государственной службы: Современное состояние и перспективы развития // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сборник материалов Междунар.науч.-практ.конф. Ч. 1 Юридические науки. Воронеж, 2011. С. 210.

3. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. М. 2008. С. 311.

4. Турисбек А.З. Государственная служба в Республике Казахстан: проблемы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук: М., 2012. 521 с.

5. Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан» (ред. от 01.07.2021) // ЭКБ НПА РК. [Электронный ресурс] URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/95690/rus (ст.1, 4) (дата обращения: 20.12.2021)

6. Татарян В.Г., Абеуов Е.Т., Майкенов А.Р. К вопросу о поступлении граждан Республики Казахстан на государственную службу // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения»): сборник научных трудов V Междунар. науч.-практ.конф. Москва, 2021. С. 635.

7. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV ЗРК «О правоохранительной службе» (ред. от 12.10.2021) // ЭКБ НПА РК. [Электронный ресурс] URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/56792/rus (ст.1, 44) (дата обращения: 20.12.2021)

8. Закон Республики Казахстан от 13 февраля 2012 года № 552-IV «О специальных государственных органах Республики Казахстан» (ред. от 01.07.2021) // ЭКБ НПА РК. [Электронный ресурс] URL: http://zan.gov.kz /client/#!/doc/63315/rus (ст.1) (дата обращения: 20.12.2021)

9. Закон Республики Казахстан от 16 февраля 2012 года № 561-IV ЗРК «О воинской службе и статусе военнослужащих» (ред. от 24.11.2021) // ЭКБ НПА РК. [Электронный ресурс] URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/63612/rus (ст. 1) (дата обращения: 20.12.2021)

10. Артемьев А.М. Институт правоохранительной службы Российской Федерации. М., 2007. С. 175.

11. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // «Консультант Плюс» – законодательство РФ [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_42413/ (ст.2) (дата обращения: 10.12.2021)

12. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» [Электронный ресурс] https://docs.cntd.ru/document/420287096 (ст. 2) (дата обращения: 10.12.2021)

13. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // «Консультант Плюс» – законодательство РФ [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (ст. 1) (дата обращения: 10.12.2021)

14. Ольшевский А.В., Заяев Е.Д. Законодательные предпосылки для возвращения на современном этапе к вопросу о правоохранительной службе // Административное право и процесс. 2019. № 10. С. 59-62.

15. Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» (ред. от 24.11.2021) // ЭКБ НПА РК. [Электронный ресурс] URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/79133/rus (ст.19) (дата обращения: 20.12.2021)

16. Зиборов О.В. Павличев И.С. Нормативная основа деятельности ОВД в особых условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 82 – 85.

17. Сурцев А.В. Требования к сотруднику органов внутренних дел как защитнику правопорядка // Актуальные вопросы педагогики, психологии, социологии: материалы IV Междунар. науч.-практ.конф. Махачкала, 2019. С. 212.

References

1. Manohin V.M. K voprosu o ponjatii sluzhby i sluzhashhih. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2012. № S (87). S. 85 – 89.

2. Zanina T.M. Sluzhba v organah vnutrennih del kak osobyj vid gosudarstvennoj sluzhby: Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija. Obshhestvennaja bezopasnost', zakonnost' i pravoporjadok v III tysjacheletii: sbornik materialov Mezhdunar.nauch.-prakt.konf. Ch. 1 Juridicheskie nauki. Voronezh, 2011. S. 210.

3. Atamanchuk G.V. Sushhnost' gosudarstvennoj sluzhby: istorija, teorija, zakon, praktika. M. 2008. S. 311.

4. Turisbek A.Z. Gosudarstvennaja sluzhba v Respublike Kazahstan: problemy teorii i praktiki: dis. … d-ra jurid. nauk: M., 2012. 521 s.

5. Zakon Respubliki Kazahstan ot 23 nojabrja 2015 goda № 416-V ZRK «O gosudarstvennoj sluzhbe Respubliki Kazahstan» (red. ot 01.07.2021). JeKB NPA RK. [Jelektronnyj resurs] URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/95690/rus (st.1, 4) (data obrashhenija: 20.12.2021)

6. Tatarjan V.G., Abeuov E.T., Majkenov A.R. K voprosu o postuplenii grazhdan Respubliki Kazahstan na gosudarstvennuju sluzhbu. Aktual'nye voprosy primenenija norm administrativnogo prava («Korenevskie chtenija»): sbornik nauchnyh trudov V Mezhdunar. nauch.-prakt.konf. Moskva, 2021. S. 635.

7. Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 janvarja 2011 goda № 380-IV ZRK «O pravoohranitel'noj sluzhbe» (red. ot 12.10.2021). JeKB NPA RK. [Jelektronnyj resurs] URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/56792/rus (st.1, 44) (data obrashhenija: 20.12.2021)

8. Zakon Respubliki Kazahstan ot 13 fevralja 2012 goda № 552-IV «O special'nyh gosudarstvennyh organah Respubliki Kazahstan» (red. ot 01.07.2021). JeKB NPA RK. [Jelektronnyj resurs] URL: http://zan.gov.kz /client/#!/doc/63315/rus (st.1) (data obrashhenija: 20.12.2021)

9. Zakon Respubliki Kazahstan ot 16 fevralja 2012 goda № 561-IV ZRK «O voinskoj sluzhbe i statuse voennosluzhashhih» (red. ot 24.11.2021). JeKB NPA RK. [Jelektronnyj resurs] URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/63612/rus (st. 1) (data obrashhenija: 20.12.2021)

10. Artem'ev A.M. Institut pravoohranitel'noj sluzhby Rossijskoj Federacii. M., 2007. S. 175.

11. Federal'nyj zakon ot 27 maja 2003 g. № 58-FZ «O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii» (red. ot 02.07.2021). «Konsul'tant Pljus» – zakonodatel'stvo RF [Jelektronnyj resurs] http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_42413/ (st.2) (data obrashhenija: 10.12.2021)

12. Federal'nyj zakon ot 13 ijulja 2015 g. № 262-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti utochnenija vidov gosudarstvennoj sluzhby i priznanii utrativshej silu chasti 19 stat'i 323 Federal'nogo zakona «O tamozhennom regulirovanii v Rossijskoj Federacii». Jelektronnyj fond normativno-tehnicheskoj i normativno-pravovoj informacii Konsorciuma «Kodeks» [Jelektronnyj resurs] https://docs.cntd.ru/document/420287096 (st. 2) (data obrashhenija: 10.12.2021)

13. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 30 nojabrja 2011 g. №342-FZ «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (red. ot 08.12.2020). «Konsul'tant Pljus» – zakonodatel'stvo RF [Jelektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (st. 1) (data obrashhenija: 10.12.2021)

14. Ol'shevskij A.V., Zajaev E.D. Zakonodatel'nye predposylki dlja vozvrashhenija na sovremennom jetape k voprosu o pravoohranitel'noj sluzhbe. Administrativnoe pravo i process. 2019. № 10. S. 59-62.

15. Zakon Respubliki Kazahstan ot 23 aprelja 2014 g. № 199-V ZRK «Ob organah vnutrennih del Respubliki Kazahstan» (red. ot 24.11.2021). JeKB NPA RK. [Jelektronnyj resurs] URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/79133/rus (st.19) (data obrashhenija: 20.12.2021)

16. Ziborov O.V. Pavlichev I.S. Normativnaja osnova dejatel'nosti OVD v osobyh uslovijah. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 2. S. 82 – 85.

17. Surcev A.V. Trebovanija k sotrudniku organov vnutrennih del kak zashhitniku pravoporjadka. Aktual'nye voprosy pedagogiki, psihologii, sociologii: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt.konf. Mahachkala, 2019. S. 212.

SAAS-СОГЛАШЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В ТРАНСГРАНИЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Поляков Д.Н., аспирант, старший юрист,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
ООО «Джи Эм Ти Лигал» (GMT Legal)

Аннотация: *в настоящей статье автором рассматриваются вопросы правовой квалификации SaaS-соглашения в отношении облачных решений в трансграничных отношениях. Проводится детальный анализ наиболее корректных вариантов квалификации правовой природы SaaS-соглашения: лицензионный договор, договор возмездного оказания услуг и смешанный договор. В статье обосновывается выбор именно смешанного договора в качестве основного варианта квалификации SaaS-соглашения, подходящего для большинства отношений по поводу облачных решений. Также автором проанализирована проблема вторичной квалификации SaaS-соглашения в трансграничных спорах и сделан вывод о возможных способах решения такой проблемы при составлении SaaS-соглашения. Выявлена прямая зависимость между вариантом квалификации SaaS-соглашения и распространением действия отдельных сверхимперативных норм, в частности законодательства о защите прав потребителей, на отношения по поводу использования облачного решения на основании SaaS-соглашения.*

Ключевые слова: *программное обеспечение, компьютерная программа, SaaS-соглашение, проблема квалификации, сверхимперативные нормы, трансграничная предпринимательская деятельность*

SAAS-AGREEMENT: SPECIFIC RULES FOR USE IN CROSS-BORDER COMMERCIAL BUSINESS

Polyakov D.N., Postgraduate, Senior Lawyer,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
GMT Legal LLC

Abstract: *in this article, the author examines the issues of legal status of the SaaS agreement in relation to cloud solutions in cross-border relations. A detailed analysis of the most appropriate options for determining of status of the SaaS agreement is carried out: a license agreement, a contract for the provision of services and a mixed contract. The article substantiates the choice of a mixed contract as the main status for SaaS agreement, suitable for most relationships regarding cloud solutions. The author also analyzed the problem of secondary classification of a SaaS agreement in cross-border disputes and concluded about possible ways to solve such a problem on drafting a SaaS agreement stage. A direct correlation has been revealed between the status of SaaS agreement and the applicability of certain super-mandatory rules, in particular consumer protection legislation, to relations on use of a cloud solution under a SaaS agreement.*

Keywords: *software, computer program, SaaS agreement, qualification problem, super-mandatory rules, cross-border commercial business*

Введение

Современное коммерческое ПО для нормальной своей работы требует наличия у пользователя продвинутого аппаратного обеспечения, позволяющего проводить необходимые вычислительные процессы. При этом в связи со стоимостью такого аппаратного обеспечения и необходимостью его постоянного обновления рынок IT выработал новый способ распространения ПО, требующего значительных вычислительных мощностей для своей работы- «облачные решения» (от англ. «cloud solutions»).

В настоящем исследовании будет приведен анализ такого вида «облачных решений», как «Программное обеспечение как услуга» (Software-as-a-Service (далее – SaaS)), поскольку оно является самым распространенным в коммерческой деятельности в связи с его технической простотой для конечного пользователя и предполагает предоставление клиенту возможности использования функционала прикладного ПО, работающего в "облачной" инфраструктуре провайдера. При этом учитывая сложность отношений как технических, так и фактических в реализации правоотношений по поводу использования SaaS решений в доктрине [16, 17, 20] и практике [5, 6] существует большое количество спорных вопросов о его правовой природе и ключевых особенностях, влияющих на такую природу, особенно с учетом трансграничного характера предоставления таких решений.

Основная часть

Правоприменительная практика как РФ, так и зарубежных стран не выработала единого подхода к определению правового статуса «облачных решений» и договоров, опосредующих распространение ПО данным способом. А.И. Савельев выделяет 5 основных вариантов определения природы таких договоров:

1. «Договор аренды.
2. Лицензионный договор.
3. Договор оказания услуг.
4. Смешанный договор.
5. Непоименованный договор» [20].

Наиболее интересным видится обоснование определения правовой природы SaaS- соглашения в качестве смешанного договора.

Часть исследователей категорично настаивает на невозможности применения к SaaS-соглашению иной квалификации, чем квалификация в качестве лицензионного договора [19]. В данной ситуации важно отметить, что предоставляя «облачное решение» правообладатель не передает пользователю какой-либо экземпляр ПО, ни материальный, ни электронный, и пользователю как правило не требуется устанавливать такое «облачное решение» в память компьютера или иного электронного устройства. «Облачное решение», экземпляр ПО, лежащего в его основе, хранится на серверах продавца-правообладателя, пользователю лишь предоставляется доступ к такому ПО. В ряде случаев возможна, но не обязательна, установка в память компьютера ПО, являющегося оболочкой для конкретного «облачного решения», что уже как раз может свидетельствовать о передаче электронного экземпляра ПО и соответственно прав на него. В связи с этим говорить об использовании ПО в таком «облачном решении» в том значении, которое предлагается в ГК РФ, не совсем корректно, а в некоторых случаях и абсолютно неправильно. Подобная позиция отражена в разъяснениях Казначейства США[1], в которых установлено, что «предоставление доступа к ПО в режиме онлайн по общему правилу нельзя квалифицировать как арендные или лицензионные отношения, кроме случаев, когда пользователь имеет возможность получить и установить программу на компьютер с носителя или загрузить такую программу через Интернет» [13, с. 30], и в позициях некоторых иностранных авторов [11, p. 37].

Государственные органы США как страны, в которой сконцентрировано наибольшее количество IT компаний, многие из которых предлагают свое ПО именно по модели SaaS, сталкивались с наибольшим количеством ситуаций, при которых им требовалось проводить детальный анализ отношений по предоставлению SaaS-решения. Важной для анализа, проводимого в настоящем исследовании, является позиция относительно предоставления доступа к ПО в режиме онлайн. Так, государственные органы США, в частности казначейство и налоговые органы, считают, что сделки по предоставлению доступа к ПО не подлежат регулированию нормами, разработанными для правоотношений по передаче ПО на носителях или предоставлению права на получение электронного экземпляра ПО, например, через сайт правообладателя. В случае предоставления доступа к ПО правообладатели фактически предоставляют именно право осуществлять доступ к принадлежащему им ПО в качестве альтернативы передаче ПО в виде записанного на материальном носителе экземпляра или предоставления права скачать экземпляр ПО на носитель [2]. Из указанной позиции можно сделать вывод о том, что государственные органы США противопоставляют предоставление доступа к ПО предоставлению прав на него.

При этом, по мнению автора, полностью отрицать лицензионную природу таких договоров также нельзя. Как отмечает Р.А. Евдокимов, «из определения программы для ЭВМ в ГК РФ можно сделать вывод о том, что цель использования программы состоит в получении определенного результата (т.е. получения определенных данных или обработки данных и т.д.), и именно «возможность воспользоваться плодами этого результата есть основная цель использования компьютерной программы, а вовсе не контроль над экземпляром». Исходя из технической сущности программы, именно управление программой является ее использованием по основному назначению, а возможность использовать в дальнейшем результат ее работы – результатом, подтверждающим использование» [14, с. 102].

Более того, лицензионный характер договору придает и тот факт, что для конечного пользователя в целях большего удобства использования «облачного решения» поставщиком такого решения зачастую предоставляется ПО-оболочка такого решения, которая ускоряет взаимодействие конечного пользователя с вычислительными мощностями поставщика либо позволяет в оффлайн-режиме получить доступ к части функционала «облачного решения». Применение конструкции лицензионного договора как в российской правовой действительности, так и в трансграничной предпринимательской деятельности на практике оправдано получением правообладателем различных налоговых льгот. Судебная практика и некоторые позиции Минфина РФ [8, 9] служат подтверждением, что при правильном документальном оформлении ли-

цензионный договор может стать достойным способом квалификации договора, опосредующего распространение «облачного решения».

Однако такие юридические уловки нельзя брать за основу структурирования легального бизнеса IT-компании. В связи с тем что классические «облачные решения» предполагают не только предоставление доступа к самому «облаку», но и целый ряд дополнительных услуг: техническая поддержка, консультационные и информационные услуги и т.д., – видится наиболее правильным использование конструкции смешанного договора в качестве основной квалификации договора, опосредующего распространение «облачных решений». При этом, как справедливо отмечает А.И. Савельев, концепцию смешанного договора нельзя рассматривать как панацею, поскольку в любом случае необходимо в рамках конкретного договора разграничивать сферы, регулируемые лицензионным договором и договором возмездного оказания услуг.

В рамках данной концепции представляется возможным отнесение к лицензионным отношениям порядка взаимодействия конечного пользователя с ПО-оболочкой «облачного решения» и взаимодействия пользователя с тем ПО, содержащимся в «облачном решении», правообладателем которого является сам поставщик «облачного решения». Важно отметить, часть поставщиков «облачных решений», не являющихся правообладателями ПО, доступ к которому предоставляется конечному пользователю в «облаке», напрямую предусматривает обязанность конечного пользователя заключить лицензионный или иной договор, определенный правообладателем такого ПО. При этом нормами о договоре возмездного оказания услуг могут регламентироваться отношения по поводу качества предоставляемого доступа к «облачному решению», дополнительных услуг, статуса поставщика «облачного решения» как информационного посредника и в отношениях с самим конечным пользователем, и в отношениях с государственными органами.

Использование конструкции смешанного договора в отношениях по распространению «облачных решений» позволит поставщикам «облачных решений» максимально гибко подойти к структурированию своих отношений с конечным пользователем, при этом нивелируя недостатки каждого из отдельных поименованных договоров. Подобной позиции придерживаются и американские ученые [10, p. 367]. Безусловно, использование такой конструкции исключит возможность получения льготы по НДС [7] и возможность применения соглашений об избежании двойного налогообложения, однако даст поставщикам «облачных решений» возможность более детально регламентировать фактические отношения с конечным пользователем. Более того, учитывая складывающуюся правоприменительную практику как РФ, так и зарубежных стран, попытки скрыть истинную природу таких договоров несут высокий риск переквалификации договора в смешанный или договор возмездного оказания услуг.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что смешанный договор, объединяющий в себе лицензионный договор и договор возмездного оказания услуг, является наиболее универсальным и менее рискованным вариантом построения SaaS-соглашения. При этом в случаях, когда поставщик «облачных решений» является правообладателем на весь комплекс ПО, который предоставляется посредством «облачных решений», и в зависимости от функционала такого ПО, все же возможно построение отношений с конечным пользователем по модели лицензионного договора в целях получения налоговых льгот. Однако в этом случае рекомендуется сопутствующие услуги, например, техническую поддержку, консультационные и информационные услуги по работе с «облачным решением» оказывать по отдельному договору возмездного оказания услуг.

Проблема квалификации SaaS-соглашения в соответствии с национальным законодательством выражается не только в сложности решения вопроса о применении норм, регулирующих тот или иной вид договора, но и применительно к трансграничных спорам, вытекающим из подобного договора, в проблеме квалификации на этапе квалификации при применении избранного правопорядка и в необходимости решения вопроса о возможности применения сверхимперативных норм, а именно норм о защите прав потребителей [15, с. 11].

Квалификация при разрешении трансграничного спора происходит в два этапа: первичная сопряжена с выбором применимого права, и вторичная – с применением норм избранного права. В связи со множественностью подходов, применяемых различными государствами к определению правовой природы SaaS-соглашения возможна ситуация, при которой в результате первичной квалификации договор будет определен в качестве лицензионного и выбор права сделан на основании соответствующей коллизионной нормы (если отсутствует соглашение о выборе применимого права), однако при непосредственном применении норм избранного права договор может быть переквалифицирован в смешанный и/или договор оказания услуг. В целях избежания такой переквалификации рекомендуется при составлении SaaS-соглашения решить вопрос о применимом праве, предварительно проверив практику определения правовой природы такого договора в соответствии с выбираемым правом.

При этом из предыдущей проблемы вытекает и проблема возможности применения норм о защите прав потребителей по SaaS соглашению, которая связана с тем, что отношения, вытекающие из лицензионных договоров, не подпадают в сферу действия законодательства о защите прав потребителей большинства государств [3, 4]. Таким образом, в зависимости от правовой квалификации договора, в соответствии с применимым правом решается и вопрос о возможности применения законодательства о защите прав потребителя. Как отмечает Бирюкова Н.С., правовая квалификация на предмет определения государства, чьи императивные нормы должны учитываться при разрешении спора, и правовая квалификация таких норм в качестве императивных не будет квалификацией *для определения применимого права* (*курсив – Н.Б.*), а будет квалификацией уже на стадии применения компетентного правопорядка, по крайней мере, после того как определено применимое право и не в связи с его определением [12, с. 91-92; 18, с. 54]. При этом, безусловно, нужно отметить, что обратная ситуация (первичная квалификация в качестве договора оказания услуг и последующая в качестве лицензионного договора) также может повлечь за собой применение законодательства о защите потребителей страны суда, если, например, пользователь по SaaS-соглашению подал иск о защите собственных интересов в свой национальный суд.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что выбор правовой природы SaaS-соглашения остается во многом за правообладателем и может зависеть от фактических отношений, возникающих между правообладателем и пользователем. Прежде чем правообладателю (юристам правообладателя) готовить договор, опосредующий предоставление «облачного решения», потребуется детально изучить, какой именно объем прав будет предоставлен пользователю, кому принадлежит исключительное право на отдельное ПО, входящее в состав «облачного решения», какие гарантии в отношении него правообладатель готов дать конечному пользователю. При этом наиболее оптимальным вариант построения SaaS-соглашения является его построение по модели смешанного договора, объединяющего в себе лицензионный договор и договор возмездного оказания услуг. Такой способ правовой квалификации отношений позволит с одной стороны более детально урегулировать отношения между правообладателем «облачного решения», правообладателями ПО, которое включено в «облачное решение» или доступ к котором предоставляется с помощью «облачного решения», а с другой гарантировать определенный уровень качества «облачного решения», закрепленный в дополнительном соглашении об уровне оказания услуг (так называемое Service Level Agreement).

Важно отметить, что возникновение трансграничных отношений по поводу «облачных решений» создает для правообладателей дополнительный вызов в части необходимости ознакомления с законодательством и позициями правоприменительных органов стран, пользователям из которых будет предлагаться такое «облачное решение» в целях выявления тех сверхимперативных норм, которые могут применяться к подобному роду правоотношений. Отсутствие такого анализа может привести в том числе к менее удобному фактическому порядку разрешения возникших споров с пользователем, недействительности оговорки о выборе форума и/или применимого права, а также увеличению расходов правообладателя на исполнение решения форума.

Литература

1. Treasury Department regulation 9317, 2007-16 Internal Revenue Bulletin. 2. URL: https://www.irs.gov/irb/2007-16_IRB#TD-9317 (дата обращения: 29.02.2022)
2. Treasury Department regulation 9317, 2007-16 Internal Revenue Bulletin. 2. URL: https://www.irs.gov/irb/2007-16_IRB#TD-9317 (дата обращения: 29.02.2022)
3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей»
4. Директива ЕС 2011/83/ЕС от 25 октября 2011 г.
5. Постановление АС Московского округа от 18 июня 2015 г. по делу N А40-91072/14. Определением ВС РФ от 30 сентября 2015 г. N 305-КГ15-12154 было отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.
6. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 19 декабря 2014 г. N 04АП-4738/2014 по делу N А78-5032/2014; решение Арбитражного суда Забайкальского края от 26 января 2015 г. по делу N А78-14182/2014
7. Письмо Минфина России от 01.04.2014 N 03-07-14/14317 // СПС Консультант Плюс
8. Письмо Минфина РФ от 6 февраля 2017 г. N 03-07-14/6177 // СПС Консультант Плюс
9. Письмо Минфина РФ от 27 февраля 2017 г. N 03-07-08/10729 // СПС Консультант Плюс
10. Landy G.K. The IT / Digital Legal Companion: A Comprehensive Business Guide to Software, IT, Internet, Media and IP Law / A. Mastrobattista (ed.). Syngress Pub.; Elsevier, 2008. 1254 p.

11. Spindler G. Rechtliche Rahmenbedingungen des "Software as a Service" Konzepts // Software-as-a-Service: Anbieterstrategien, und / A. Benlian, Th. Hess, P. Buxmann (Hgs.).

12. Бирюкова Н.С. Проблема правовой квалификации в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 176 с.

13. Васильев А.О. Налогообложение "облачных" сервисов и технологий // Информационное право. 2018. № 2. С. 28 – 32.

14. Евдокимов Р.А. Правовое регулирование охраны компьютерных программ (теоретические и практические проблемы): дис. … канд. юрид. наук, 2015. 213 с.

15. Засемкова О.В. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения: дис. … канд. юрид. Наук, М. 2017. 250 с.

16. Лопатин В.Н. Интеллектуальная собственность в информационном праве // Информационное право. 2013. № 2 (33). С. 10 – 13.

17. Лопатин В.Н. Права на информационные системы при бюджетном финансировании // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015): Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 28 мая 2015 г.) Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь / под общ. ред. Е.И. Коваленко. Минск, 2015. С. 33 – 45.

18. Мажорина М.В. Трансграничные договорные обязательства: проблема правовой классификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 143 – 159.

19. Разуваев В. Софт как услуга // ЭЖ-Юрист. 2010. № 5; Интернет-интервью с И.А. Близнецом, ректором Российской государственной академии интеллектуальной собственности: "Реализация государственной политики в области интеллектуальной собственности" // СПС Консультант Плюс.

20. Савельев А.И. Правовая природа "облачных" сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 62 – 99.

References

1. Treasury Department regulation 9317, 2007-16 Internal Revenue Bulletin. 2. URL: https://www.irs.gov/irb/2007-16_IRB#TD-9317 (data obrashhenija: 29.02.2022)

2. Treasury Department regulation 9317, 2007-16 Internal Revenue Bulletin. 2. URL: https://www.irs.gov/irb/2007-16_IRB#TD-9317 (data obrashhenija: 29.02.2022)

3. Zakon RF ot 07.02.1992 N 2300-1 «O zashhite prav potrebitelej»

4. Direktiva ES 2011/83/EC ot 25 oktjabrja 2011 g.

5. Postanovlenie AS Moskovskogo okruga ot 18 ijunja 2015 g. po delu N A40-91072/14. Opredeleniem VS RF ot 30 sentjabrja 2015 g. N 305-KG15-12154 bylo otkazano v peredache kassacionnoj zhaloby dlja rassmotrenija v sudebnom zasedanii Sudebnoj kollegii po jekonomicheskim sporam VS RF.

6. Postanovlenie Chetvertogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 19 dekabrja 2014 g. N 04AP-4738/2014 po delu N A78-5032/2014; reshenie Arbitrazhnogo suda Zabajkal'skogo kraja ot 26 janvarja 2015 g. po delu N A78-14182/2014

7. Pis'mo Minfina Rossii ot 01.04.2014 N 03-07-14/14317. SPS Konsul'tant Pljus

8. Pis'mo Minfina RF ot 6 fevralja 2017 g. N 03-07-14/6177. SPS Konsul'tant Pljus

9. Pis'mo Minfina RF ot 27 fevralja 2017 g. N 03-07-08/10729. SPS Konsul'tant Pljus

10. Landy G.K. The IT. Digital Legal Companion: A Comprehensive Business Guide to Software, IT, In-ternet, Media and IP Law. A. Mastrobattista (ed.). Syngress Pub.; Elsevier, 2008. 1254 p.

11. Spindler G. Rechtliche Rahmenbedingungen des "Software as a Service" Konzepts. Software-as-a-Service: Anbieterstrategien, und. A. Benlian, Th. Hess, P. Buxmann (Hgs.).

12. Birjukova N.S. Problema pravovoj kvalifikacii v mezhdunarodnom chastnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007. 176 s.

13. Vasil'ev A.O. Nalogooblozhenie "oblachnyh" servisov i tehnologij. Informacionnoe pravo. 2018. № 2. S. 28 – 32.

14. Evdokimov R.A. Pravovoe regulirovanie ohrany komp'juternyh programm (teoreticheskie i prakticheskie problemy): dis. … kand. jurid. nauk, 2015. 213 s.

15. Zasemkova O.V. Sverhimperativnye normy mezhdunarodnogo chastnogo prava: ponjatie, priznaki, praktika primenenija: dis. … kand. jurid. Nauk, M. 2017. 250 s.

16. Lopatin V.N. Intellektual'naja sobstvennost' v informacionnom prave. Informacionnoe pravo. 2013. № 2 (33). S. 10 – 13.

17. Lopatin V.N. Prava na informacionnye sistemy pri bjudzhetnom finansirovanii. Informacionnye tehnologii i pravo (Pravovaja informatizacija – 2015): Materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 28 maja 2015 g.) Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. pod obshh. red. E.I. Kovalenko. Minsk, 2015. S. 33 – 45.

18. Mazhorina M.V. Transgranichnye dogovornye objazatel'stva: problema pravovoj klassifikacii. Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2016. № 2. S. 143 – 159.

19. Razuvaev V. Soft kak usluga. JeZh-Jurist. 2010. № 5; Internet-interv'ju s I.A. Bliznecom, rektorom Rossijskoj gosudarstvennoj akademii intellektual'noj sobstvennosti: "Realizacija gosudarstvennoj politiki v oblasti intellektual'noj sobstvennosti". SPS Konsul'tant Pljus.

20. Savel'ev A.I. Pravovaja priroda "oblachnyh" servisov: svoboda dogovora, avtorskoe pravo i vysokie tehnologii. Vestnik grazhdanskogo prava. 2015. № 5. S. 62 – 99.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОДИТЕЛЬСКИХ КОМИТЕТОВ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА С УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ

Реент Я.Ю., кандидат юридических наук,
Академия Федеральной службы исполнения наказаний России

Аннотация: *проблема взаимодействия уголовно-исполнительной системы с различными общественными формированиями по-прежнему остается актуальной ввиду того, что, несмотря на стремительно развивающееся законодательство в этой сфере и появление новых субъектов взаимодействия, в средствах массовой информации по-прежнему довольно часто появляются сообщения о фактах злостного нарушения прав осужденных отбывающих наказание в виде лишения свободы. Указанное обстоятельство свидетельствует о наличии системных проблем, которые требуют решения совместными усилиями государства и общества. Приведенное исследование посвящено теоретико-правовым и организационно-правовым аспектам деятельности родительских комитетов при отрядах осужденных в воспитательных колониях. Особое внимание уделено проблеме отсутствия единого для всей уголовно-исполнительной системы нормативного правового акта, регламентирующего порядок формирования, условия членства, формы деятельности родительских комитетов, права, обязанности и ответственность их членов. Также в работе рассматривается проблема отсутствия стабильности и малой численности составов родительских комитетов. Указанная проблема обусловлена, во-первых – отсутствием фактической возможности для участия в работе комитетов родителей и иных законных представителей проживающих в других регионах, во-вторых – отсутствием стабильности персонального состава самих отрядов осужденных ввиду периодических перемещений осужденных в отряды с иными условиями содержания, в исправительные колонии или в связи с освобождением. В работе предлагаются конкретные меры, направленные на преодоление указанных проблем.*

Ключевые слова: *родительские комитеты, уголовно-исполнительная система, гражданское общество, воспитательные колонии, общественные формирования*

ACTIVITIES OF PARENTS COMMITTEES IN EDUCATIONAL COLONIES AS A FORM OF INTERACTION OF CIVIL SOCIETY WITH THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

Reent Ya.Yu., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.)
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract: *the problem of interaction between the penitentiary system and various public formations is still relevant due to the fact that, despite the rapidly developing legislation in this area and the emergence of new subjects of interaction, the media still quite often reports on the facts of malicious violation of the rights of convicts serving sentences of imprisonment. This circumstance indicates the presence of systemic problems that need to be addressed by the joint efforts of the state and society. This study is devoted to the theoretical, legal and organizational and legal aspects of the activities of parental committees in detachments of convicts in educational colonies. Particular attention is paid to the problem of the lack of a single normative legal act for the entire penitentiary system that regulates the procedure for formation, conditions of membership, forms of activity of parent committees, the rights, duties and responsibilities of their members. The paper also considers the problem of the lack of stability and the small number of parent committees. This problem is caused, firstly, by the lack of an actual opportunity to participate in the work of committees of parents and other legal representatives living in other regions, and secondly, by the lack of stability in the personal composition of the detachments of convicts themselves due to periodic transfers of convicts to detachments with other conditions of detention, to correctional colony or in connection with release. The paper proposes specific measures aimed at overcoming these problems.*

Keywords: *parental committees, penitentiary system, civil society, educational colonies, public formations*

Вопросы взаимодействия государства и гражданского общества являются объектом многочисленных научных исследований в самых разных областях знаний, в том числе и юриспруденции. Актуальность рассматриваемой проблематики связана в первую очередь с тем, что такое взаимодействие является обязательным атрибутом демократического режима. Применительно к деятельности отечественной уголовно-исполнительной системы (далее УИС) взаимодействие с институтами гражданского общества осуществляется по вопросам содействия процессу исполнения наказаний, воспитательной, социальной и психологиче-

ской работе с осужденными, организации привлечения осужденных к труду, а также по вопросам осуществления общественного контроля за деятельностью учреждений УИС, содействия обеспечению прав, свобод и законных интересов осужденных, что закреплено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. [1].

Характерной особенностью деятельности органов и учреждений УИС в настоящее время является их открытость для общества. Проблемы исполнения уголовных наказаний получают широкое освещение в средствах массовой информации, специальные общественные формирования осуществляют контроль за обеспечением прав осужденных, силами представителей религиозных объединений осуществляется постоянная духовно-просветительская, богослужебная и пастырско-душепопечительная работа в пенитенциарных учреждениях. Заинтересованность государства в развитии общественного контроля подтверждается проводимыми в стране преобразованиями. С 2005 г. функционирует Общественная палата Российской Федерации, призванная обеспечивать согласование общественно значимых интересов общества, государственных и муниципальных органов для решения наиболее важных вопросов. Далее, во исполнение решений Президента РФ, созданы общественные советы при федеральном и территориальных органах ФСИН России. В 2008 г. был принят Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [2], в соответствии с которым в каждом регионе созданы общественные наблюдательные комиссии, а в 2014 г. – Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3], определяющий правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления.

Таким образом, некогда актуальную проблему ведомственной закрытости УИС можно считать по большей части решенной. Однако в результате возникновения целого ряда новых субъектов взаимодействия с УИС в условиях стремительно развивающегося законодательства возникают новые проблемы, связанные с дублированием полномочий, отсутствием четкого функционала отдельных общественных формирований, декоративностью, слабой эффективностью, либо излишней бюрократизацией отдельных процедур в рамках взаимодействия. Одним из субъектов, заслуживающих внимания в контексте обозначенных проблем, являются родительские комитеты при отрядах в воспитательных колониях.

Сама возможность создания родительских комитетов закреплена в ч. 2 ст. 142 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее УИК) [4]. Исходя из текста указанной нормы, можно сделать вывод о том, что родительские комитеты не являются обязательным формированием, то есть могут не создаваться. Также следует обратить внимание на то, что согласно УИК родительские комитеты создаются при отрядах осужденных, а не при воспитательной колонии. Целью создания родительских комитетов является повышение эффективности воспитательного воздействия на осужденных и оказания помощи персоналу исправительного учреждения. Их составы формируются из числа родителей или иных законных представителей осужденных, а также других близких родственников.

Указанная норма УИК имеет рамочный характер, а более подробное описание функционала родительских комитетов содержится в Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний (далее Инструкция) [5]. Инструкция содержит перечень прав родительских комитетов, который исходя из смысла п. 6.2.3 следует считать исчерпывающим. К правам комитетов отнесены:

- возможность ознакомления с жилищно-бытовыми условиями содержания несовершеннолетних осужденных;

- возможность оказывать помощь сиротам и лицам, оставшихся без родительского попечения, а также осужденных, чьи родители не поддерживают с ними связь посредствам отправки посылок и передач, обеспечение их гражданской одеждой;

- возможность совместно с администрацией обращаться в государственные органы, общественные объединения по вопросам оказания помощи воспитательной колонии в проведении воспитательной работы с осужденными.

Из состава родительского комитета избирается председатель, который является членом учебно-воспитательного совета и входит в совет воспитателей отряда. Замечания и предложения родительского комитета председатель докладывает на учебно-воспитательном совете. Родительский комитет отчитывается о проделанной работе перед учебно-воспитательным советом колонии.

Информация о порядке формирования, сроках полномочий, формах деятельности, ответственности и иных существенных организационно-правовых вопросах деятельности родительских комитетов ни в Инструкции, ни в других ведомственных нормативных правовых актах не содержится. Вместе с тем, в статье 142 УИК определено, что порядок функционирования родительских комитетов определяется уставами, ко-

торые утверждаются начальником исправительного учреждения. Устав родительского комитета как раз и является тем документом, который должен урегулировать основные организационные аспекты их функционирования, но проблема заключается в том, что отсутствует единый стандарт уставов. Так, по результатам исследований проведенных Е.В. Храбровой и Е.В. Чернышенко можно сделать вывод об отсутствии типовых сроков полномочий родительских комитетов: родительские комитеты в 47,1% воспитательных колониях избираются на один год, в 17,6% – на шесть месяцев, в 5,9% – на два года, в 5,9% – на три месяца, в 23,5% – состав меняется по мере поступления и освобождения несовершеннолетних [6, с. 36]. Этот пример касается лишь одного из аспектов регулирования деятельности советов, а учитывая тот факт, что типовой устав родительских комитетов отсутствует, мы можем предположить, что организация деятельность этих общественных формирований может кардинально отличаться от учреждения к учреждению.

В целях обеспечения единообразия и повышения качества функционирования родительских комитетов при отрядах в воспитательных колониях считаем целесообразным разработку и внедрение типового положения, которое бы закрепляло общие положения, основные задачи комитетов, формы их деятельности, функции, права, обязанности и ответственность комитетов, порядок формирования составов комитетов и организации их работы. При подготовке типового положения для родительских комитетов в воспитательных колониях следует обратить внимание на уже изданное Примерное положение о родительском комитете общеобразовательного учреждения [7]. Безусловно, этот документ предназначен для общеобразовательных школ и не учитывает особенностей функционирования исправительного учреждения, но многие положения касающиеся форм деятельности, порядка формирования, ответственности и некоторых других организационных аспектов могут быть переняты даже с учетом наличия режимных требований в воспитательных колониях.

Еще одним существенным недостатком в регулировании деятельности родительских комитетов по нашему мнению является то, что они создаются при отрядах осужденных, а не при воспитательной колонии. Проблема заключается в том, что родители и близкие родственники многих осужденных проживают в других регионах и фактически не имеют возможности принимать сколько-нибудь активное участие в работе комитетов, что объясняет малочисленность их составов. Кроме того состав отряда осужденных не является стабильным по причине того, что кого-то из осужденных переводят в отряды с иными условиями отбывания наказания, кого-то по достижению возраста 18 лет переводят в исправительную колонию, кто-то покидает исправительное учреждение по отбытии наказания. В связи с этим составы родительских комитетов также не могут быть стабильными, что дополнительно осложняет проблему их формирования. Для решения данной проблемы следует внести соответствующие изменения в ст. 142 УИК и в положения Инструкции указав, что родительские комитеты создаются при воспитательных колониях.

Подводя итоги изучения проблем правового регулирования деятельности родительских комитетов при отрядах осужденных, хотелось бы указать на то, что данный правовой институт, как и любой правовой механизм может эффективно работать только при наличии четкой организационно-правовой регламентации.

Литература

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства РФ, 17.05.2021, № 20, ст. 3397

2. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ", 16.06.2008, N 24, ст. 2789

3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 28.07.2014, № 30 (Часть I), ст. 4213.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 13.01.1997, № 2, ст. 198

5. Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний: Приказ Минюста России от 21.06.2005 № 91 // СПС Консультант Плюс

6. Храброва Е.В., Чернышенко Е.В. Правовое регулирование и организация деятельности родительских комитетов в воспитательных колониях ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 7 (230). С. 32 – 42.

7. Локальные акты образовательного учреждения (Рекомендовано Управлением общеобразовательных учреждений и инспектирования Минобразования России в качестве методического материала) // ОВД. Межведомственный информационный бюллетень, 2002 г., № 7, 8, 9, 10.

References

1. O Koncepcii razvitija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 № 1138-r. Sobranie zakonodatel'stva RF, 17.05.2021, № 20, st. 3397

2. Ob obshhestvennom kontrole za obespecheniem prav cheloveka v mestah prinuditel'nogo soderzhanija i o sodejstvii licam, nahodjashhimsja v mestah prinuditel'nogo soderzhanija: Federal'nyj zakon ot 10.06.2008 № 76-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF", 16.06.2008, N 24, st. 2789

3. Ob osnovah obshhestvennogo kontrolja v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 № 212-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 28.07.2014, № 30 (Chast' I), st. 4213.

4. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 08.01.1997 № 1-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 13.01.1997, № 2, st. 198

5. Ob utverzhdenii Instrukcii ob organizacii vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v vospitatel'nyh kolonijah Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij: Prikaz Minjusta Rossii ot 21.06.2005 № 91. SPS Konsul'tant Pljus

6. Hrabrova E.V., Chernyshenko E.V. Pravovoe regulirovanie i organizacija dejatel'nosti roditel'skih komitetov v vospitatel'nyh kolonijah FSIN Rossii. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2021. № 7 (230). S. 32 – 42.

7. Lokal'nye akty obrazovatel'nogo uchrezhdenija (Rekomendovano Upravleniem obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij i inspektirovanija Minobrazovanija Rossii v kachestve metodicheskogo materiala). OVD. Mezhvedomstvennyj informacionnyj bjulleten', 2002 g., № 7, 8, 9, 10.

АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПОРЯДОК ОПИСАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ КАК ОБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Назаренко Е.С.,
Махотенко М.А., кандидат юридических наук,
Южный университет ИУБиП

Аннотация: *лекарственные средства являясь социально значимым товаром, представляют особый объект государственных и муниципальных закупок. Действующие нормативные правовые акты предъявляют определенные требования к описанию лекарственных средств как объекта закупок, которые призваны обеспечить цель и принципы законодательства РФ в рамках контрактной системы. В то же время государственные и муниципальные органы и организации-заказчики помимо соблюдения этих требований, обязаны обеспечить гарантированное право граждан на своевременную и качественную медицинскую помощь. На сегодняшний день процедура описания лекарственных средств является весьма актуальной и сложной проблемой для заказчиков. Целью настоящего исследования является анализ требований действующего законодательства к порядку описания лекарственных средств при осуществлении государственных и муниципальных закупок, выявление проблемных аспектов и предложение возможных путей их решения. По результатам проведенного анализа высказаны некоторые предложения, направленные на повышение эффективности и качества оказания медицинской помощи населению за счет бюджетных средств.*

Ключевые слова: *государственные и муниципальные закупки, лекарственные средства, объекты закупок, правила описания объектов закупок*

ANALYSIS OF LEGISLATION REGULATING THE PROCEDURE FOR DESCRIBING MEDICINES AS OBJECTS OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Nazarenko E.S.,
Makhotenko M.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Southern University (IMBL)

Abstract: *medicines, being a socially significant commodity, represent a special object of state and municipal procurement. The current regulatory legal acts impose certain requirements for the description of medicines as an object of procurement, which are designed to ensure the purpose and principles of the legislation of the Russian Federation within the framework of the contract system. At the same time, state and municipal bodies and customer organizations, in addition to complying with these requirements, are obliged to ensure the guaranteed right of citizens to timely and high-quality medical care. To date, the procedure for describing medicines is a very urgent and difficult problem for customers. The purpose of this study is to analyze the requirements of the current legislation to the procedure for describing medicines in the implementation of state and municipal procurement, identify problematic aspects and propose possible ways to solve them. Based on the results of the analysis, some proposals were made aimed at improving the efficiency and quality of medical care to the population at the expense of budgetary funds.*

Keywords: *state and municipal procurement, medicines, procurement objects, rules for describing procurement objects*

Федеральное законодательство в сфере государственных и муниципальных закупок обязывает заказчика руководствоваться определенными правилами описания лекарственных средств как объектов закупок. Описание объекта обязательно включается в документацию о закупке, в том числе в извещение об осуществлении процедуры в случае проведения закупок открытыми конкурентными способами [21].

На сегодняшний день процедура описания лекарственных средств является весьма актуальной и сложной проблемой для заказчиков [2, 4, 16, 18], в действиях которых очень часто надзорные (контролирующие) органы усматривают признаки правонарушений [5, 20]. Нормы действующего законодательства РФ в сфере закупок лекарственных препаратов преследуют в первую очередь цель повышения эффективности, результативности, прозрачности, предотвращения коррупции и злоупотреблений, при этом приходится констатировать тот факт, что этим самым ограничивается законное право граждан на получение доступной, качественной медицинской помощи, включающей в себя своевременную, эффективную и безопасную лекар-

ственную терапию, гарантированное Конституцией Российской Федерации и закрепленное Федеральным закон от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Попытка разрешить существующие некоторые проблемные стороны может быть успешной только в случае объективного исследования данной сферы, требующего глубокого анализа ключевых аспектов с точки зрения совместных юридических и медицинских (фармацевтических) профессиональных взглядов.

Целью настоящего исследования является анализ требований действующего законодательства к порядку описания лекарственных средств при осуществлении государственных и муниципальных закупок, выявление проблемных аспектов и предложение возможных путей их решения.

Материалы и методы

В качестве материалов были использованы нормативные правовые акты, регламентирующие порядок описания лекарственных средств при осуществлении государственных и муниципальных закупок. Источником правовой информации являлся информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». Методологию исследования составляли структурно-функциональный, логический, сравнительный и контент-анализ.

Результаты и обсуждения

Лекарственные препараты безусловно являются особым социально значимым товаром. В силу многих важных факторов, таких как источники получения, технология производства, вид и состав лекарственной формы, дозировка, вид упаковки, способ введения в организм, показания к применению, а также других аспектов, лекарственные средства как основа лекарственной терапии имеют специфические особенности, которые необходимо учитывать при оказании медицинской помощи. Выбор лекарственного препарата должен соответствовать современным принципам рациональной фармакотерапии для эффективного и безопасного лечения с целью достижения выздоровления, повышения качества жизни пациента [9], а также недопущения увеличения сроков болезни, которые приводят к росту расходов, связанных с использованием большего количества лекарств, проведением дополнительных исследований и медицинских процедур и операций, превышением сроков пребывания пациента в больнице при госпитализации, а также затрат работодателя по листам нетрудоспособности сотрудников, находящимся на амбулаторном лечении [17].

Государственные и муниципальные органы и организации-заказчики лекарственных средств обязаны обеспечить гарантированное право граждан на бесплатную, своевременную и качественную медицинскую помощь [7, 22]. Осуществляя закупки лекарственных препаратов заказчики должны соблюдать требования, установленные действующим законодательством, в том числе правила описания лекарственных средств, являющихся объектом государственных и муниципальных закупок [14, 21].

Федеральный закон о контрактной системе определяет, что при описании лекарственных средств требуется указывать их международное непатентованное наименование, а при отсутствии – химические или группировочные наименования. Часть 5 статьи 33 Закона о контрактной системе предусматривает наличие особенностей описания отдельных видов товаров, в том числе и лекарственных средств, которые устанавливаются Правительством РФ [21]. Так, кроме вида лекарственной формы, необходимо указывать эквивалентные лекарственные формы, при этом не допускается описание характеристик лекарственной формы, например, вкуса. Требуется обозначать дозировку лекарственного препарата с возможностью поставки препарата в кратной дозировке и двойном количестве (например, при закупке капсулы с дозировкой 200 мг указывается: 1 капсула с дозировкой 200 мг или 2 капсулы с дозировкой 100 мг). В случае закупки комбинированных лекарственных средств, заказчик обязан прописать возможность поставки однокомпонентных препаратов, составляющих желаемую комбинацию (например, при закупке комбинированного лекарственного препарата в виде таблеток, содержащих амлодипин 10 мг. + индапамид 2,5 мг. + периндоприл 8 мг., поставщик имеет право поставить три разных препарата, каждый из которых включает в себя по одному необходимому компоненту). При описании лекарственных средств запрещается указывать наличие или отсутствие вспомогательных веществ, форму выпуска (первичной упаковки) лекарственного препарата (например, "ампула", "флакон", "блистер" и др.), объем наполнения первичной упаковки, характеристические данные фармакокинетики и фармакодинамики препарата и др. [14].

Введение указанных норм, очевидно, преследует одну из целей законодательства в сфере закупок, которая заключается в соблюдении принципа обеспечения конкуренции между участниками закупок, поскольку их выполнение приводит к обезличиванию объекта закупки и призваны минимизировать вероятность указания на лекарственный препарат конкретного производителя лекарственного средства.

Однако, теоретические знания фармакологии и практический опыт фармакотерапии, показывают, что в большинстве случаев для эффективного и безопасного лечения с целью достижения желаемых результатов терапии необходим индивидуальный подход, заключающийся в выборе лекарственного препарата для конкретного пациента исходя из уникальных особенностей организма, тяжести и сроков болезни. Современная

прогрессивная медицина должна базироваться на принципах персонифицированного подхода в лечении пациентов [12, 13, 26].

Учитывая концепцию индивидуального подхода в лекарственной терапии, не возникает сомнений в том, что назначение конкретного препарата, подобранного лечащим врачом на основании опыта применения лекарств при тех или иных патологиях, результатов обследования пациента, в том числе анамнеза, является ключом к успеху в лечении. Зачастую, в ходе терапии медикам приходится практическим путём оперативно осуществлять подбор лекарственного средства, его лекарственной формы, дозировки и т.п. с целью повышения эффективности и безопасности фармакотерапии. В данном контексте, закупки лекарственных средств для государственных и муниципальных организаций, реализующих медицинскую и лекарственную помощь населению должны отвечать современным требованиям медицины.

Анализируя вышеуказанные требования к описанию лекарственного препарата как объекта закупки, можно отметить спорные аспекты с точки зрения профессиональной медицинской теории и практики.

Запрещение указывать вкус лекарства, ограничивает возможность комфортного лечения пациента в педиатрической практике. Несмотря на, казалось бы, незначительную характеристику как «вкус», этот параметр может играть существенную роль в успехе фармакотерапии больного в детском возрасте, который не будет выполнять врачебные предписания по приему препарата по причине его вкуса.

Что касается требования о необходимости указания возможности поставки препарата в кратной дозировке и двойном количестве, то данная норма также может рассматриваться как противоречащая принципам рациональной фармакотерапии, поскольку при поставке лекарственного препарата, например, вместо 500 мг. в одной таблетке – двух таблеток с дозировкой 250 мг., пациенту для соблюдения условий лечения придётся принимать одномоментно вместо одной таблетки – две, что может привести к снижению комплаентности (приверженности) больного к курсу терапии [3, 8]. Необходимо учитывать и тот факт, что в большинстве случаев приходится сталкиваться с коморбидными состояниями, то есть когда пациент имеет не одно, а несколько заболеваний, требующих лечения и применения, соответственно, одновременно нескольких лекарственных средств [1, 10]. В данном контексте неприемлемым для современной медицины видится правило допущения поставки отдельных лекарственных средств, которые соответствуют комбинации желаемого лекарственного препарата, то есть возникает риск увеличения лекарственной нагрузки на организм пациента. В научной и практической сфере медицинской деятельности эффективность и безопасность применения комбинированных лекарственных препаратов не вызывает никаких сомнений, поскольку опыт использования подобных лекарственных форм подтверждается успешным лечением различных заболеваний. Комбинированные лекарственные препараты обладают рядом преимуществ, которые обеспечивают эффективность и безопасность фармакотерапии. С фармакологической точки зрения комбинация нескольких действующих веществ в одной лекарственной форме позволяет улучшить фармакокинетические и фармакодинамические свойства действующих веществ, тем самым повысить эффективность вследствие возникающей синергии и безопасность путем снижения риска побочных эффектов присущих одному веществу действием другого компонента, а также в результате снижения нагрузки на организм больного за счет меньшего количества вспомогательных веществ [6, 11, 24]. Ярким примером преимущественного использования комбинированных лекарственных форм в комплексной терапии заболеваний и синдромов нервной системы различного происхождения является применение витаминов группы В. Один из существующих комбинированных лекарственных препаратов для парентерального применения помимо трех витаминных веществ содержит и анестезирующее средство, которое позволяет пациенту более комфортно переносить инъекции, поскольку введение витаминных средств сопровождается выраженными болевыми ощущениями. Несложно представить себе, насколько оптимальным является однократное введение комбинированного лекарственного средства по сравнению с необходимостью осуществлять три инъекции используя три монопрепарата, каждый из которых содержит по одному действующему витаминному веществу. Как уже отмечалось, эффективность фармакотерапии повышается по причине роста приверженности пациента к приему комбинированного лекарственного препарата. Запрет на обозначение состава вспомогательных веществ также ограничивает возможность врача осуществлять индивидуальный выбор лекарственного препарата для лечения пациента. Несмотря на то, что лекарственные средства разных производителей, содержат одно и то же действующее вещество, как правило имеют различный состав и концентрацию вспомогательных веществ, которые могут оказывать неблагоприятное воздействие на организм больного в тех или иных случаях [23].

Ограничение в части указания объема наполнения первичной упаковки впоследствии может отразиться на ходе рационального выполнения назначений. Так, например, в процессе реабилитации больных с выявленными нарушениями мозгового кровообращения используют лекарственное средство Церебролизин, курсовое применение которого предусматривает введение 5 мл. препарата в течении 10 дней. В случае, ес-

ли годовая потребность препарата составляет 10000 мл., победитель аукциона может поставить товар в разных вариантах: 10000 ампул по 1 мл. или 1000 ампул по 10 мл. Таким образом, при вышеуказанном курсе лечения, медицинскому персоналу понадобится использовать 5 ампул по 1 мл. на выполнение одного назначения, либо использовать одну ампулу объемом 10 мл. для двоих пациентов (по 5 мл. каждому) [2]. Очевидно, такой подход в терапии нельзя назвать рациональным.

Законодательство в сфере закупок лекарственных средств в качестве исключительных случаев допускает поставки конкретных препаратов, а именно разрешается при описании объекта указывать его торговое наименование, когда препарат входит в специальный перечень либо в случае необходимости обеспечить пациента лекарственным средством по жизненным показаниям или при индивидуальной непереносимости. Однако, на сегодняшний день, перечень лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями так и не создан, несмотря на то, что порядок его формирования утвержден Правительством РФ ещё в 2013 году [15]. В отношении случаев закупки лекарства по торговому наименованию по жизненным показаниям, заказчик сталкивается с необходимостью выполнения ряда требований. Во-первых, такая закупка должна быть отдельной процедурой для одного конкретного больного, то есть предметом одного контракта не могут являться лекарственные препараты, предназначенные для назначения двум и более пациентам. Очевидно, в практической деятельности подобных пациентов может быть много, что приводит к увеличению объема труда работников контрактной службы заказчика. Во-вторых, необходимость закупки лекарственного препарата должна подтверждаться решением врачебной комиссии, зафиксированным в медицинской документации пациента (история болезни, амбулаторная карта) и журнале принятых на заседании врачебной комиссии решений. Указанное решение врачебной комиссии должно размещаться одновременно с контрактом в единой информационной системе. При этом, документальным основанием для принятия решения врачебной по выбору конкретного наименования лекарственного препарата (по торговому наименованию или не входящего в стандарт оказания медицинской помощи) является сообщение в Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения России о выявленных случаях побочных действий, не указанных в инструкции по применению лекарственного препарата, серьезных нежелательных реакций и непредвиденных нежелательных реакций при применении используемых лекарств [27]. Принимая во внимание указанные факторы, а также сложности при формировании закупочной документации, включающие выполнение большого количества процедур, связанных с соблюдением требований законодательства, процесс закупки лекарственного препарата по торговому наименованию не является быстрым и простым [25]. Таким образом, пациенту не гарантировано своевременное (быстрое) получение необходимого лекарственного средства. Кроме того, больной может рассчитывать на индивидуальный подход в фармакотерапии своего заболевания только если используемые лекарственные препараты вызывают у него непереносимость и другие побочные эффекты. Существующие требования Федерального законодательства и подзаконных актов (постановления Правительства РФ, приказы Минздрава РФ) не предусматривают персонифицированного выбора лекарственного средства для пациентов, в случае отсутствия или низкого уровня эффективности применяемой фармакотерапии.

Следует отметь, что нормативные правовые акты допускают в некоторых случаях не применять установленные ограничения в части описания лекарственных средств. Однако, такие закупки, в соответствии с законодательством, должны быть подтверждены огромным количеством обоснований, которые не всегда удовлетворяют взгляды надзорных (контролирующих) органов. Заказчикам в таких случаях требуется трудоемкая работа, которая в некоторых случаях не защищает их от привлечения к ответственности.

Заключение

Анализ некоторых правовых норм, установленных законодательством, регламентирующим порядок осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, показал ряд проблемных аспектов, которые обусловливают технические сложности в работе по подготовке закупочной документации для заказчиков лекарственных средств, отражающиеся в увеличении объема времени на выполнение соответствующих работ, а также вызывают противоречия по отношению реализации принципов рациональной фармакотерапии при оказании медицинской помощи гражданам.

По нашему мнению, с целью повышения возможностей государственной, а ещё актуальнее муниципальной медицины соответствовать современным требованиям, осуществлять своевременную, эффективную и безопасную медицинскую помощь населению необходимо рассмотреть возможность принятия следующих мер:

1. Внести изменения в правила описания лекарственных средств как объектов государственных и муниципальных закупок, позволяющие на усмотрение заказчика указывать необходимые с медицинской точки зрения характеристики лекарственной формы, отменять возможность поставки препарата в кратной дозировке и двойном количестве или однокомпонентных препаратов, составляющих желаемую

комбинацию (вместо комбинированных лекарственных препаратов), предъявлять требования к составу вспомогательных веществ, указывать форму выпуска лекарственного препарата, объем наполнения первичной упаковки, а также характеристические данные фармакокинетики и фармакодинамики препарата.

2. В отношении закупки лекарственного препарата по его торговому наименованию – сформировать соответствующий перечень, предусмотренный Федеральным законом о контрактной системе, в соответствии с существующим порядком его составления, утвержденным Правительством РФ, а также допустить возможность закупки лекарственного препарата по его торговому наименованию не только одному пациенту за одну процедуру, а необходимому количеству больных, при этом основанием не должно быть исключительно наличие непереносимости или по жизненным показаниям, но и отсутствие или низкий уровень эффективности применяющихся лекарственных средств.

Таким образом, действующее законодательство в сфере закупок лекарственных средств требует определенной модернизации, которая позволит синхронизировать основные цели и принципы, направленные на эффективное использование бюджетных средств, а также обеспечение граждан РФ своевременной и качественной медицинской помощью посредством эффективного и безопасного лечения, базирующегося на принципах рациональной фармакотерапии.

Литература

1. Баюшкина Л.И., Наприенко М.В., Смекалкина Л.В., Латышева Н.В. Комплексная профилактическая терапия хронической мигрени у пациентов с коморбидной тревогой и депрессией // Вестник новых медицинских технологий. 2022. № 1. С. 76 – 80.

2. Бреднева Н.Д., Угрюмова Т.А., Фирсенко Н.П., Колчанова Ж.В. Исследование регулирования процедуры закупок лекарственных препаратов для государственных и муниципальных нужд // Медицинская наука и образование Урала. 2019. № 1. С. 114 – 116.

3. Доян Ю.И., Кичерова О.А., Рейхерт А.И., Граф А.В. Комплаентность терапии как основная дефиниция успеха лечения: определение понятия и способы оценки // Академический журнал западной Сибири. 2021. № 4. С. 5 – 7.

4. Дубровина О.Н., Стратегия, тактика, практика в лекарственном обеспечении стационарного сегмента // Здравоохранение Югры: опыт и инновации. 2022. № 1. С. 3 – 9.

5. Кацуба Т.В. Юридическая ответственность за правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления: Сборник трудов конференции (г. Курск). 2022. С. 196 – 202.

6. Козловский В.Л., Попов М.Ю., Костерин Д.Н., Лепик О.В. Комбинированная терапия антипсихотиками и антидепрессантами (фармакологический подход) // Медицинский алфавит. 2022. № 10. С. 28 – 35.

7. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 07.10.2022)

8. Максимова Н.А., Гамершмидт Т.Н., Кузнецова Я.В., Орлова И.С. Комплаентность беременных к гипотензивной терапии // Университетская медицина Урала. 2020. № 3. С. 50 – 52.

9. Мартынов А.И., Ларина В.Н. Рациональная фармакотерапия. Справочник терапевта: руководство для практикующих врачей (2-е издание). М.: Литтера, 2021. 1120 с.

10. Моисеева М.В., Мордык А.В., Багишева Н.В., Викторова И.А., Руденко С.А., Ситникова С.В. Коморбидный пациент фтизиатра, пульмонолога и кардиолога: в фокусе качество жизни // Туберкулёз и болезни лёгких. 2022. № 6. С. 32 – 37.

11. Николаев С.М., Шантанова Л.Н., Хобракова В.Б., Разуваева Я.Г., Чукаев С.А., Хитрихеев В.Е. Многокомпонентные лекарственные препараты: преимущества их применения в клинической практике // Вопросы биологической, медицинской и фармацевтической химии. 2021. № 2. С. 3 – 8.

12. Овсянников Д.Ю., Бойцова Е.В., Павлинова Е.Б., Жесткова М.А., Семятов С.М. Фармакотерапия бронхолегочной дисплазии: персонифицированный подход // Педиатрия. Журнал Им. Г.Н. Сперанского. 2020. № 2. С. 216 – 222.

13. Петров В.И., Толкачев Б.Е. Количественная клиническая фармакология и пациент-ориентированные технологии здравоохранения: перспективы 2030 // Ведомости научного центра экспертизы средств медицинского применения. Регуляторные исследования и экспертиза лекарственных средств. 2022. № 2. С. 205 – 213.

14. Постановление Правительства РФ от 15 ноября 2017 г. № 1380 «Об особенностях описания лекарственных препаратов для медицинского применения, являющихся объектом закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 07.10.2022)

15. Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1086 «Об утверждении Правил формирования перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 03.10.2022)

16. Проданова Н.А., Георгадзе Н.Д., Сергеева А.Н. Объект закупки по госконтракту – лекарственные препараты // Бухучет в здравоохранении. 2019. № 12. С. 44 – 50.

17. Серпик В.Г., Куликов А.Ю., Проценко М.В. Эффективность государственных затрат на лечение спинальной мышечной атрофии с точки зрения анализа «влияния на бюджет» // Фармакоэкономика: теория и практика. 2021. № 4. С. 17 – 38.

18. Сурженко А.С. Сложный товар. Особенности осуществления закупок в сфере здравоохранения с учетом положений, регламентированных 44-ФЗ и 223-ФЗ РФ // Московская медицина. 2018. № 2. С. 56 – 59.

20. Фазлиева Л.К., Хисамутдинова Э.Н. Проблемы правового регулирования, обуславливающие наличие коррупциогенного фактора в сфере закупок для государственных нужд // Вестник уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 103 – 108.

21. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 05.10.2022)

22. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 03.10.2022)

23. Цунтимагомедова П.Н., Безусова Н.И. Изучение вспомогательных веществ в составе назальных лекарственных препаратов для детей // FORCIPE. 2019. № 1. С. 694 – 695.

24. Чугунов А.В., Камчатнов П.Р. Применение комбинированных лекарственных препаратов для лечения пациентов с острой дорсалгией // Русский медицинский журнал. 2021. № 5. С. 50 – 54.

25. Шамакова М.Ф. Правовые аспекты закупок лекарственных средств по решению врачебной комиссии // Современные проблемы медицины и естественных наук: Сборник статей Международной научной конференции (г. Йошкар-Ола). 2019. № 8. С. 76 – 77.

26. Шиирипей В.Н. Персонифицированная медицина – это медицина будущего // Экосистемы центральной Азии: исследование, сохранение, рациональное использование: Сборник трудов конференции (г. Красноярск). 2020. С. 430 – 432.

27. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 5 мая 2012 г. № 502н «Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 03.10.2022)

References

1. Bajushkina L.I., Naprienko M.V., Smekalkina L.V., Latysheva N.V. Kompleksnaja profilakticheskaja terapija hronicheskoj migreni u pacientov s komorbidnoj trevogoj i depressiej. Vestnik novyh medicinskih tehnologij. 2022. № 1. S. 76 – 80.

2. Bredneva N.D., Ugrjumova T.A., Firsenko N.P., Kolchanova Zh.V. Issledovanie regulirovanija procedury zakupok lekarstvennyh preparatov dlja gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd. Medicinskaja nauka i obrazovanie Urala. 2019. № 1. S. 114 – 116.

3. Dojan Ju.I., Kicherova O.A., Rejhert A.I., Graf A.V. Komplaentnost' terapii kak osnovnaja definicija uspeha lechenija: opredelenie ponjatija i sposoby ocenki. Akademicheskij zhurnal zapadnoj Sibiri. 2021. № 4. S. 5 – 7.

4. Dubrovina O.N., Strategija, taktika, praktika v lekarstvennom obespechenii stacionarnogo segmenta. Zdravoohranenie Jugry: opyt i innovacii. 2022. № 1. S. 3 – 9.

5. Kacuba T.V. Juridicheskaja otvetstvennost' za pravonarushenija v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok. Teorija i praktika jeffektivnosti gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija: Sbornik trudov konferencii (g. Kursk). 2022. S. 196 – 202.

6. Kozlovskij V.L., Popov M.Ju., Kosterin D.N., Lepik O.V. Kombinirovannaja terapija antipsihotikami i antidepressantami (farmakologicheskij podhod). Medicinskij alfavit. 2022. № 10. S. 28 – 35.

7. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrja 1993 g.) (s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 1 ijulja 2020 g.) [Jelektronnyj resurs] URL: https://www.garant.ru/ (data obrashhenija: 07.10.2022)

8. Maksimova N.A., Gamershmidt T.N., Kuznecova Ja.V., Orlova I.S. Komplaentnost' beremennyh k gipotenzivnoj terapii. Universitetskaja medicina Urala. 2020. № 3. S. 50 – 52.

9. Martynov A.I., Larina V.N. Racional'naja farmakoterapija. Spravochnik terapevta: rukovodstvo dlja praktikujushhih vrachej (2-e izdanie). M.: Littera, 2021. 1120 s.

10. Moiseeva M.V., Mordyk A.V., Bagisheva N.V., Viktorova I.A., Rudenko S.A., Sitnikova S.V. Komorbidnyj pacient ftiziatra, pul'monologa i kardiologa: v fokuse kachestvo zhizni. Tuberkuljoz i bolezni ljogkih. 2022. № 6. S. 32 – 37.

11. Nikolaev S.M., Shantanova L.N., Hobrakova V.B., Razuvaeva Ja.G., Chukaev S.A., Hitriheev V.E. Mnogokomponentnye lekarstvennye preparaty: preimushhestva ih primenenija v klinicheskoj praktike. Voprosy biologicheskoj, medicinskoj i farmacevticheskoj himii. 2021. № 2. S. 3 – 8.

12. Ovsjannikov D.Ju., Bojcova E.V., Pavlinova E.B., Zhestkova M.A., Semjatov S.M. Farmakoterapija bronholegochnoj displazii: personificirovannyj podhod. Pediatrija. Zhurnal Im. G.N. Speranskogo. 2020. № 2. S. 216 – 222.

13. Petrov V.I., Tolkachev B.E. Kolichestvennaja klinicheskaja farmakologija i pacient-orientirovannye tehnologii zdravoohranenija: perspektivy 2030. Vedomosti nauchnogo centra jekspertizy sredstv medicinskogo primenenija. Reguljatornye issledovanija i jekspertiza lekarstvennyh sredstv. 2022. № 2. S. 205 – 213.

14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 nojabrja 2017 g. № 1380 «Ob osobennostjah opisanija lekarstvennyh preparatov dlja medicinskogo primenenija, javljajushhihsja ob#ektom zakupki dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» [Jelektronnyj resurs] URL: https://www.garant.ru/ (data obrashhenija: 07.10.2022)

15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28 nojabrja 2013 g. № 1086 «Ob utverzhdenii Pravil formirovanija perechnja lekarstvennyh sredstv, zakupka kotoryh osushhestvljaetsja v sootvetstvii s ih torgovymi naimenovanijami» [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.garant.ru/ (data obrashhenija: 03.10.2022)

16. Prodanova N.A., Georgadze N.D., Sergeeva A.N. Ob#ekt zakupki po goskontraktu – lekarstvennye preparaty. Buhuchet v zdravoohranenii. 2019. № 12. S. 44 – 50.

17. Serpik V.G., Kulikov A.Ju., Procenko M.V. Jeffektivnost' gosudarstvennyh zatrat na lechenie spinal'noj myshechnoj atrofii s tochki zrenija analiza «vlijanija na bjudzhet». Farmakojekonomika: teorija i praktika. 2021. № 4. S. 17 – 38.

18. Surzhenko A.S. Slozhnyj tovar. Osobennosti osushhestvlenija zakupok v sfere zdravoohranenija s uchetom polozhenij, reglamentirovannyh 44-FZ i 223-FZ RF. Moskovskaja medicina. 2018. № 2. S. 56 – 59.

20. Fazlieva L.K., Hisamutdinova Je.N. Problemy pravovogo regulirovanija, obuslavlivajushhie nalichie korrupciogennogo faktora v sfere zakupok dlja gosudarstvennyh nuzhd. Vestnik ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2. S. 103 – 108.

21. Federal'nyj zakon ot 5 aprelja 2013 g. №44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.garant.ru/ (data obrashhenija: 05.10.2022)

22. Federal'nyj zakon ot 21 nojabrja 2011 g. № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii» [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.garant.ru/ (data obrashhenija: 03.10.2022)

23. Cuntimagomedova P.N., Bezusova N.I. Izuchenie vspomogatel'nyh veshhestv v sostave nazal'-nyh lekarstvennyh preparatov dlja detej. FORCIPE. 2019. № 1. S. 694 – 695.

24. Chugunov A.V., Kamchatnov P.R. Primenenie kombinirovannyh lekarstvennyh preparatov dlja lechenija pacientov s ostroj dorsalgiej. Russkij medicinskij zhurnal. 2021. № 5. S. 50 – 54.

25. Shamakova M.F. Pravovye aspekty zakupok lekarstvennyh sredstv po resheniju vrachebnoj komissii. Sovremennye problemy mediciny i estestvennyh nauk: Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Joshkar-Ola). 2019. № 8. S. 76 – 77.

26. Shiiripej V.N. Personificirovannaja medicina – jeto medicina budushhego. Jekosistemy central'noj Azii: issledovanie, sohranenie, racional'noe ispol'zovanie: Sbornik trudov konferencii (g. Krasnojarsk). 2020. S. 430 – 432.

27. Prikaz Ministerstva zdravoohranenija i social'nogo razvitija RF ot 5 maja 2012 g. № 502n «Ob utverzhdenii porjadka sozdanija i dejatel'nosti vrachebnoj komissii medicinskoj organizacii» [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.garant.ru/ (data obrashhenija: 03.10.2022)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫМИ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

Суходолов А.П., профессор,
Ковальчук Л.Б., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
заместитель руководителя Департамента по развитию
муниципальных образований Забайкальского края,
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Суходолов Я.А., кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Колесникова А.В., аспирант,
Сибирский федеральный университет

Аннотация: *сохранение окружающей природной среды, благоприятной для жизни человека и устойчивого развития экономики, является целю государственной политики России в сфере обеспечения экологической безопасности, закреплённой в Стратегии экологической безопасности на период до 2025 г. Достижение этой цели и основных задач природоохранной деятельности связано, в том числе, с необходимостью охраны и рационального использования трансграничных природных ресурсов, требует эффективного и четкого управления ими со стороны соответствующих компетентных структур. В настоящей статье авторы представили некоторые результаты исследования теоретических и практических вопросов государственного управления трансграничными природными ресурсами России, местонахождение или местообитание которых связано с пересечением межгосударственных границ или границ между территориями международных пространств.*

Ключевые слова: *государственное управление, трансграничные природные ресурсы, международное сотрудничество, охрана окружающей среды, рациональное природопользование, экологическая безопасность*

PUBLIC ADMINISTRATION CROSS-BORDER NATURAL RESOURCES

Sukhodolov A.P., Professor,
Kovalchuk L.B., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Senior Research Officer,
Deputy Head of the Department for the Development of Municipalities of the Trans-Baikal Territory,
Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Sukhodolov Ya.A., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Senior Research Officer,
Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Kolesnikova A.V., Postgraduate,
Siberian Federal University

Abstract: *the preservation of the natural environment favorable for human life and sustainable economic development is the goal of Russia's state policy in the field of environmental safety, enshrined in the Environmental Safety Strategy for the period up to 2025. The achievement of this goal and the main objectives of environmental protection activities is connected, inter alia, with the need to protect and rationalize the use of transboundary natural resources, requires effective and clear management of them by the relevant competent structures. In this article, the authors presented some results of the study of theoretical and practical issues of state management of transboundary natural resources of Russia, the location or habitat of which is associated with the intersection of interstate borders or borders between the territories of international spaces.*

Keywords: *public administration, transboundary natural resources, international cooperation, environmental protection, rational use of natural resources, environmental safety,*

Российская Федерация имеет самую большую протяженность государственной границы, значительная часть которой свыше 46 000 км проходит по морям, озерам и рекам, другая часть – разделяет природные ландшафты и экосистемы с их уникальным биоразнообразием. Кроме того, в пределах обширной приграничной территории Российской Федерации располагаются природные ресурсы мирового значения, и вопросы государственного управления сферой рационального использования и охраны этих уникальных и зачастую экономически значимых для соседних стран трансграничных природных ресурсов представляют особую важность в рамках проводимой национальной политики.

Вместе с тем, возникающие задачи эффективного управления трансграничными природными ресурсами осложнены рядом политико-правовых обстоятельств: во-первых, государственный суверенитет оказывает существенное влияние на эффективность достижения согласий в сфере трансграничного сотрудничества, поскольку каждое суверенное государство осуществляет управление в рамках собственных национальных организационно-правовых основ; во-вторых, интересы и цели использования природных ресурсов в разных странах не всегда совпадают (степень зависимости экологической обстановки в приграничных районах одной страны от форм и уровня хозяйственной деятельности в приграничных районах другой страны высока), а разрешение конфликтов на основе распределения природных ресурсов с процессуальной точки зрения является сложной международно-политической задачей. При этом возможные экологические угрозы, распространяющиеся за национальные границы, могут приобретать качество региональных, межрегиональных и даже глобальных эколого-правовых и эколого-экономических проблем.

В этой связи эффективное управление трансграничными природными ресурсами в значительной мере определяется путями и способами сотрудничества государств, имеющих общие границы, проходящие по значимым для этих стран природным объектам, а также с обеспечением реализации принципов, относящихся к использованию и охране приграничных природных ресурсов, разрешением вопросов взаимной ответственности стран за их состояние и совместное использование.

В механизме охраны окружающей среды важное место отводится институтам управления в сфере экологии и природопользования, а также правовым основам его обеспеченья. При этом формирование эффективной системы органов государственного управления именно трансграничными природными ресурсами дополняет уже существующий арсенал средств, направленных на успешную реализацию государственной природоохранной политики в соответствии со Стратегией экологической безопасности Российской Федерации.

Рассмотрим подробней некоторые теоретико-правовые аспекты государственного управления природоохранной сферой в контексте режима трансграничности природных объектов. С позиции системного подхода под *управлением* понимается определенное воздействие на объект (систему) с целью достижения желаемых свойств его поведения [1, с. 108].

В мире существуют различные способы и механизмы решения указанных вопросов, можно даже предположить, что их число соотносится с количеством трансграничных природных ресурсов планеты. Определенные подходы сложились также и в отношении конкретных видов трансграничных ресурсов – (минеральных, водных, биологических). В настоящей статье термин «управление» рассматривается в рамках национальной политики РФ.

В целом понимание этого термина в российской научной литературе, связанной с охраной и эффективным использованием природных ресурсов, развивалось исходя из их классификации по видам или природному происхождению.

Ф.Ф. Мартене понимал международное управление как «международную деятельность – законодательную, административную и судебную, направленную на обеспечение условий, чтобы их подданные могли бы находить удовлетворение своим потребностям в пределах других государств» [2, с. 24-25]. И.И. Лукашук под международным управлением понимал «управление международными отношениями и совместные усилия государств» [3, с. 67].

Стоит отметить, что термин «управление» в международном праве используется достаточно широко и повсеместно. Однако он до сих пор не получил устойчивого понимания в рассматриваемой нами сфере. Как правило, смысл его полностью не раскрывается в природоохранном контексте. Так, в некоторых статьях Конвенции ООН (1982 г.) по морскому праву «охрана», «управление» и «сохранение» употребляются отдельно друг от друга. Это свидетельствует о том, что термин «управление» природными ресурсами не подразумевает деятельности по охране (сохранению, поддержанию) природных ресурсов.

В Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков под управлением понимается «планирование устойчивого освоения международного водотока, обеспечение осуществления любых принятых планов, иное содействие рациональному использованию, защите водотока и контролю за ним» [4].

Прослеживается также некая непоследовательность в том, что понятие охраны разграничивается с управлением, на эту особенность обратила внимание М.А. Косарева: «даже если понимать управление как деятельность, направленную на создание определенных механизмов взаимодействия государств, то эта деятельность имеет одинаковое отношение как к использованию, так и охране ресурсов, учитывая поставленные цели устойчивого развития» [5, с. 147].

Конечно, значение термина управление в международном праве не всегда тождественно его пониманию в национальном праве. В целом, понятие «управление» в международном праве требует отдельного це-

лостного исследования. В общепринятом понимании под управлением трансграничными природными ресурсами подразумевается деятельность государства по установлению и использованию механизма и охраны трансграничных природных ресурсов в условиях международного взаимодействия.

Классический подход в теории административного права рассматривает понятие «государственное управление» в узком и широком смыслах:

В *узком* понимании – это административная деятельность исполнительных органов государственной власти на уровне как Российской Федерации, так и ее субъектов [6, с. 31].

В *широком* смысле государственное управление рассматривается как вся регулирующая и организационная деятельность государства, его представительных и исполнительных органов власти, прокуратуры, судов и т.д. [6, с. 31].

Таким образом, растущая необходимость использования в законодательстве понятия «управление в области охраны окружающей среды», при отсутствии его общепринятого в правовой сфере определения, становятся причинами дискуссий, в том числе научных, связанных с содержанием данного понятия и кругом его субъектов.

Некоторые авторы предлагают узкую трактовку, вкладывая в понятие управление «деятельность государственных органов и экономических субъектов, главным образом направленную на соблюдение обязательных требований природоохранительного законодательства, а также на разработку и реализацию соответствующих целей, проектов и программ» [7, с. 69].

Другие рассматривают это понятие шире, определяя управление природоохранной сферой как целенаправленную, основанную на законе деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также граждан и их объединений по охране окружающей среды от негативного на нее воздействия для обеспечения ее сохранности и экологической безопасности.

Проиллюстрируем сказанное примерами. В.А. Власов предлагает под управлением природоохранной сферой понимать «нормативно-определенную деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ в правоустановительной, правоприменительной, регулятивной и правоохранительной формах в целях обеспечения права каждого на благоприятную окружающую среду, охраны, воспроизводства и рационального использования природных ресурсов» [8, с. 6-7].

И.С. Суркова управление в области использования и охраны природных объектов рассматривает как «организационно-правовую деятельность исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, направленную на оптимизацию рационального природопользования и на охрану окружающей среды» [9, с. 102].

Т.И. Макарова определяет управление данной сферой как «деятельность государства по организации рационального использования, воспроизводства природных ресурсов, охраны и защиты окружающей среды, достижению экологической безопасности, а также по обеспечению режима законности и конституционных гарантий прав граждан на благоприятную окружающую среду» [10, с. 160].

В свою очередь мы полагаем, что принятый в экологическом законодательстве подход к определению государственного управления в сфере рационального природопользования неоправданно сужает суть термина «управление». Представляется, что было бы неверным ограничиваться исключительно деятельностью, осуществляемой органами исполнительной власти, поскольку природоресурсное и природоохранное внутригосударственное право тесно взаимодействует с международным правом. При этом общепризнанные принципы и нормы международного права и межгосударственные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы, а решение о ратификации международных соглашений осуществляется Государственной Думой РФ после предварительного обсуждения в соответствующих комитетах и комиссиях.

Также, учитывая закрепленную в ст. 11 ФЗ «Об охране окружающей среды» дефиницию охраны окружающей среды как вида деятельности органов государственной региональной власти РФ, органов местного самоуправления и общественных объединений, некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, направленной на сохранение, восстановление, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и человека, ликвидацию ее последствий, а также анализ содержания данного Закона, можно прийти к выводам о том, что деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по охране окружающей среды заключается в осуществлении ими своих полномочий по управлению в области ее охраны.

В ст. 5 Закона об охране окружающей среды («Полномочия органов государственной власти Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды») речь идет именно о полномочиях органов государственной власти по осуществлению государственного управления в области охраны окружающей среды. Из абзаца 12 данной статьи следует, что к одному из таких полномочий, принадлежа-

щих органам государственной власти РФ, относится полномочие по установлению федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление в области охраны окружающей среды. Не вызывает сомнений, что в данной норме речь идет о специальных органах исполнительной власти, для которых осуществление полномочий по государственному управлению в области охраны окружающей среды является основной функцией.

Анализ вышеперечисленных норм позволяет согласиться с предложенным в юридической литературе делением органов, осуществляющих экологическое управление, на органы общей компетенции, специально уполномоченные органы в рассматриваемой сфере и иные органы, на которые возложены отдельные функции по управлению природопользованием и охраной окружающей среды [11].

Таким образом, государственное управление трансграничными ресурсами *в широком смысле* представляет собой комплекс мер, предпринимаемых всеми ветвями государственной власти, направленных на рациональное и безопасное использование и эффективную охрану природных ресурсов России, местонахождение или местообитание которых связано с пересечением межгосударственных границ или границ между территориями международных пространств.

Говоря об управлении обозначенной сферой, следует отметить, что оно осуществляется как представительными, так и исполнительно-распорядительными органами власти, наделенными соответствующими властными полномочиями.

Главными задачами государственного управления сферами использования и охраны трансграничных природных ресурсов являются обеспечение их охраны, создание условия их рационального использования, гармонизация взаимодействия с сопредельными государствами по вопросам предотвращения трансграничного ущерба окружающей природной среде от опасных видов деятельности.

При этом управление трансграничными природными ресурсами является неотъемлемой составной частью управленческой деятельности государства в целом. Вместе с тем, оно носит самостоятельный характер и имеет свои особенности, обусловленные спецификой объекта управления.

Особенности государственного управления в сфере охраны и использования трансграничных природных ресурсов:

1. Правовым основанием управления является территориальный суверенитет, выражающий исключительность государственной власти в пределах данного государства, а также право государственной собственности на природные ресурсы. При этом права на трансграничные ресурсы отличаются от прав государств на природные ресурсы, находящиеся в пределах государственных границ. Принципиальное отличие заключается в «невозможности управления такими ресурсами без сотрудничества с другими государствами, которые имеют аналогичные права на такие ресурсы» [5, с. 55]. Иное привело бы к нарушению прав других государств. Сохранение и эффективное управление трансграничными ресурсами зависит от совместных усилий заинтересованных государств.

2. Территориальный принцип экологического управления трансграничными ресурсами основывается не только на административно-территориальном делении, но и учитывает природно-географическую, и бассейновую принадлежности, а также экологическое зонирование территории, представляющей собой единое целое с точки зрения сохранения биотического и ландшафтного разнообразия, что подтверждается необходимостью создания международных заповедников. Например, Международного заповедника «Даурия», куда входят заповедники Даурский, Монгол дагуур (Монголия) и Далайнор (КНР); Международного заповедника «Озеро Ханка», включающего заповедники Ханкайский и Озеро Ханка (КНР); Международного заповедника «Дружба», объединяющего заповедник Костомукшский и пять охраняемых природных территорий Финляндии; трансграничного резервата «Алтай», включающего Катунский заповедник и Катон-Карагайский государственный природный национальный парк (Казахстан); трансграничного резервата «Убсунур» с заповедниками Убсунурская котловина и Убсунур (Монголия) и других трансграничных особо охраняемых природных территорий.

3. Единство природы, взаимосвязанность и взаимообусловленность ресурсов и природных явлений предполагает согласованное, системное принятие управленческих решений. Любые действия в отношении природных ресурсов в одном регионе должны осуществляться с учетом их воздействия на природные ресурсы в другом регионе. Хозяйственная деятельность государств может повлиять на качественное состояние окружающей природной среды. Именно поэтому управление трансграничными природными ресурсами носит комплексный характер.

4. Высокая степень значимости трансграничных природных ресурсов как объекта управления, что обусловлено не только наиболее важными и ценными с точки зрения сохранения природного разнообразия участками, расположенных на границах смежных государств, но и сильной вовлеченностью приграничных территорий в хозяйственную деятельность, что создает угрозу сохранности экосистем.

Одним из ярких примеров трансграничной территории является водосборный бассейн. Байкала – крупнейшего пресноводного водоема планеты и Участка всемирного природного наследия. В оз. Байкал сосредоточена 1/5 часть мировых запасов поверхностных пресных вод и более 2/3 российских запасов. До 45% водосборного бассейна Байкала располагается в пределах Российской Федерации, в пределах Монголии – около 55%. В связи с быстрым хозяйственном освоением монгольской части водосборной территории Байкала, на которой сосредоточены почти все лесные ресурсы, более 70% сельхозугодий и 65% промышленных предприятий Монголии, а также в связи с намерениями Правительства Монголии построить на р. Селенге (основном притоке Байкала) и ее крупных притоках каскад ГЭС для покрытия дефицита электроэнергии, вопросы международно-правового управления в сфере рационального природопользования и охраны трансграничных вод, а также сбалансированного социально-экономического развития территории водосборного бассейна р. Селенги и согласованной социально-экономической, экологической и правовой политики России и Монголии в сфере природопользования и охраны водосборной территории Байкала приобрели особую актуальность [12, 13]. Ведь социально-экономическое развитие данной трансграничной территории должно учитывать национальную и всемирную значимость Байкала и его ресурсов, необходимость его сохранения как всемирного природного наследия [14]. Это актуально как для России, на территории которой расположен Байкал, так и для современной Монголии, наиболее заселенная и освоенная часть которой охватывает 2/3 водосборного бассейна Байкала.

5. Особый состав субъектов управления, участвующий в решении вопросов эффективного использования трансграничных ресурсов, обуславливается спецификой деятельности, необходимой для организации эффективной охраны таких объектов. Управление трансграничными природными ресурсами охватывает такие сферы деятельности как дипломатия, экономика, политика, наука, право и т.д., в этой связи необходимо определить круг органов государственной власти, осуществляющих управление трансграничными природными ресурсами РФ.

Таким образом, говоря об управлении трансграничными природными ресурсами, следует отметить, что оно выходит за рамки узкого понимания государственного управления в целом, осуществляемого только органами исполнительной власти, поскольку охватывает широкую сферу деятельности и осуществляется как представительными, так и исполнительно-распорядительными органами власти, наделенными соответствующими властными полномочиями. В этой связи в широком смысле *государственное управление трансграничными природными ресурсами* представляет собой комплекс мер, предпринимаемых всеми ветвями государственной власти, направленных на рациональное и безопасное использование и надлежащую охрану природных ресурсов России, местонахождение или местообитание которых связано с пересечением межгосударственных границ или границ между территориями международных пространств.

Важно отметить, что государственное управление трансграничными природными ресурсами имеет особый состав субъектов управления, что обусловлено спецификой направлений и в деятельности по организации эффективной охраны трансграничных природных ресурсов. При этом, еще раз подчеркнем, управление трансграничными природными ресурсами охватывает широкую сферу деятельности – дипломатическую, экономическую, политическую, научную, правовую и т.д., что требует определения круга органов государственной власти, осуществляющих управление трансграничными природными ресурсами РФ.

Президент РФ относится к органам общей компетенции в сфере охраны окружающей среды, среди которых в Российской Федерации ему принадлежит ведущая роль. Президент РФ полномочен определять основные направления внутренней и внешней политики государства, в том числе обладает общей компетенцией в сфере охраны окружающей среды. К направлениям деятельности Президента РФ по осуществлению государственного экологического управления относятся обеспечение реализации федеральной политики в сфере охраны окружающей среды и принятие необходимых для этого стратегических документов, обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, законодательная инициатива.

Общей компетенцией по осуществлению государственного управления сферой охраны окружающей среды обладает *Правительство РФ.* В его полномочиях проведение единой государственной политики в данной сфере; меры по реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду и комфортные условия жизни, устранению отрицательного воздействия хозяйственной и иной деятельности на человека и природу; организация деятельности по охране и рациональному использованию природных ресурсов, предотвращению стихийных бедствий и техногенных катастроф, а также ликвидации их последствий; обеспечение охраны природного многообразия страны; развитие системы экологического просвещения граждан и в воспитание их экологической культуры.

Федеральное Собрание РФ тоже относится к органам общей компетенции по государственному управлению природоохранной сферой. Учитывая общественные и экологические интересы данный орган форми-

рует экологическое законодательство, которое соответствует положениям Конституции РФ и отвечает принципам демократической, правовой и социальной сущности Российского государства, где высшей ценностью является человек. Экологическое законодательство должно обеспечивать правовую основу для эффективного природопользования, сохранения и восстановления окружающей среды [15, с. 29].

К федеральным органам специальной компетенции, причастным к осуществлению государственного управления сферой охраны окружающей среды, в частности управлению природными трансграничными ресурсами, относится *Министерство природных ресурсов РФ. В* сфере охраны и использования трансграничных природных ресурсов деятельность министерства осуществляется по нескольким направлениям: взаимодействие с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями; гармонизация российских и международных подходов к природно-ресурсной и природоохранной деятельности с учетом национальных интересов Российской Федерации; подготовка международных договоров в данной сфере с заинтересованными странами и международными организациями; выполнение обязательств, вытекающих из участия России в международных договорах и членства в международных организациях в области природопользования и охраны окружающей среды; участие в работе межправительственных комиссий по сотрудничеству России с зарубежными странами в части, относящейся к деятельности Минприроды; гармонизация направлений и содержания международных научных исследований в области экологически безопасного освоения природных ресурсов.

Минприроды России и его территориальные органы осуществляют государственный мониторинг состояния трансграничных водных объектов в соответствии с международными соглашениями, международное сотрудничество в природоохранной сфере [16, с. 827].

Министерство иностранных дел РФ. Это ведомство также участвует в вопросах управления трансграничными природными ресурсами, осуществляя разработку общей стратегии внешней политики Российской Федерации и представляя соответствующие предложения Президенту Российской Федерации. Осуществляет координацию и оказывает содействие органам государственной власти федерального и регионального уровней в их международной деятельности с учетом соблюдения принципа единства внешней политики Российской Федерации в отношениях с иностранными государствами и международными организациями.

Министерство обороны обеспечивает охрану территории Российской Федерации в воздушной и подводной среде; обеспечивает участие Вооруженных Сил России в охране Государственной границы на суше, море, пограничных реках и иных водоемах.

Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) реализует контрольно-надзорные функции в сфере природопользования, в том числе в части, касающейся ограничения негативного техногенного воздействия и обращения с отходами (за исключением радиоактивных отходов), а также государственной экологической экспертизы. В пределах своих полномочий осуществляет выполнение обязательств РФ, вытекающих из Конвенции о трансграничном воздействии техногенных аварий.

Международное сотрудничество в водной сфере по линии *Федерального агентства водных ресурсов* осуществляется в рамках межправительственных соглашений об охране и рациональном использовании трансграничных водных объектов, заключенных Российской Федерацией с сопредельными государствами. На настоящий момент заключено 9 таких соглашений: с Абхазией, Азербайджаном, Белоруссией, Казахстаном, Китаем, Монголией, Украиной, Финляндией и Эстонией. Текущая деятельность по реализации соглашений осуществляется созданными для этих целей рабочими органами (двусторонние комиссии, совещания уполномоченных, рабочие группы), проводящими регулярные встречи для обсуждения актуальных вопросов двустороннего сотрудничества.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов являются важными сферами общественных отношений, в которых активно взаимодействуют международное и внутригосударственное право. Характер подобного взаимодействия определяет эффективность государственного и международного управления трансграничными природными ресурсами. При этом следует особо отметить, что управление трансграничными ресурсами имеет ряд специфических особенностей, без учета которых также невозможно обеспечить его надлежащую эффективность и избежать противоречий и конфликтов, возникающих между Россией и сопредельными странами.

Вопросы рационального использования и охраны трансграничных природных ресурсов нуждаются в глубоком научном государственно-правовом анализе, а также в разработке соответствующей концепции и практических рекомендаций государственного управления природоохранной деятельностью, с учетом национальных интересов России при одновременном соблюдении интересов других государств, тем более что до настоящего времени комплексных исследований, посвященных вопросам государственного управления трансграничными природными ресурсами в контексте межгосударственного взаимодействия. в Российский Федерации не проводилось.

Литература

1. Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. Москва: СИНТЕГ, 2000. 108 с.
2. Мартене Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. М., 1996. Т. 1.
3. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Москва: Волтерс Клувер, 2007. 415 с.
4. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков: принята в г. Нью-Йорк 21 мая 1997 г. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Косарева М.А. Трансграничные природные ресурсы в международном праве: понятие, статус, режим: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008. 187 с.
6. Бахрах Д.Н., Российский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. Москва: Норма, 2005. 800 с.
7. Анциферова И.В. Экологический менеджмент: учебное пособие. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015. 360 с.
8. Власов В.А. Государственное управление в сфере охраны окружающей среды и природопользования: вопросы теории и практики: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 26 с.
9. Суркова И.С. Экологическое управление: проблемы теоретико-правового определения // Юридические исследования. 2013. № 1. С. 100 – 104.
10. Балашенко С.А., Макарова Т.И., Лизгаро В.Е. Экологическое право: учебник. Минск, 2015. 402 с.
11. Бринчук М.М. Экологическое право. Москва, 2007. 634 с.
12. Национальные интересы России и Монголии в треугольнике Россия – Монголия – Китай: проблемы, противоречия и сценарии / Сост. и отв. ред.: Грайворонский В.В., Кузьмин Ю.В., Суходолов А.П. Иркутск. Изд-во: «Развитие», 2021. 466 с.
13. Sukhodolov A.P., Davaasuren A., Kolesnikova A.V., Sukhodolov Ya.A. International Legal Aspects of the Russian-Mongolian Cooperation in the Field of Protection and Use of the Transboundary Waters of the Selenga River Basin // Юридическая наука. 2021. № 9. С. 65 – 70.
14. Суходолов А.П., Аношко П.А., Суходолов Я.А., Колесникова А.В. Трансграничная территория водосборного бассейна Байкала: международно-правовые аспекты управления // Трансграничные водные объекты: использование, управление, охрана. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новочеркасск, 2021. С. 349 – 354.
15. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2014. 44 с.
16. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году. Государственный доклад. Участка всемирного природного наследия. М., 2021. С. 827.

References

1. Prangishvili I.V. Sistemnyj podhod i obshhesistemnye zakonomernosti. Moskva: SINTEG, 2000. 108 s.
2. Martene F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov. M., 1996. T. 1.
3. Lukashuk I.I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshhaja chast'. Moskva: Volters Kluver, 2007. 415 s.
4. Konvencija o prave nesudohodnyh vidov ispol'zovanija mezhdunarodnyh vodotokov: prinjata v g. N'ju-Jork 21 maja 1997 g. SPS «Konsul'tantPljus».
5. Kosareva M.A. Transgranichnye prirodnye resursy v mezhdunarodnom prave: ponjatie, status, rezhim: dis. … kand. jurid. nauk. Moskva, 2008. 187 s.
6. Bahrah D.N., Rossijskij B.V., Starilov Ju.N. Administrativnoe pravo: uchebnik dlja vuzov. Moskva: Norma, 2005. 800 s.
7. Anciferova I.V. Jekologicheskij menedzhment: uchebnoe posobie. Perm': Izd-vo Perm. nac. issled. politehn. un-ta, 2015. 360 s.
8. Vlasov V.A. Gosudarstvennoe upravlenie v sfere ohrany okruzhajushhej sredy i prirodopol'zovanija: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. …kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2007. 26 s.
9. Surkova I.S. Jekologicheskoe upravlenie: problemy teoretiko-pravovogo opredelenija. Juridicheskie issledovanija. 2013. № 1. S. 100 – 104.
10. Balashenko S.A., Makarova T.I., Lizgaro V.E. Jekologicheskoe pravo: uchebnik. Minsk, 2015. 402 s.
11. Brinchuk M.M. Jekologicheskoe pravo. Moskva, 2007. 634 s.
12. Nacional'nye interesy Rossii i Mongolii v treugol'nike Rossija – Mongolija – Kitaj: problemy, protivorechija i scenario. Sost. i otv. red.: Grajvoronskij V.V., Kuz'min Ju.V., Suhodolov A.P. Irkutsk. Izd-vo: «Razvitie», 2021. 466 s.

13. Sukhodolov A.P., Davaasuren A., Kolesnikova A.V., Sukhodolov Ya.A. International Legal Aspects of the Russian-Mongolian Cooperation in the Field of Protection and Use of the Transboundary Waters of the Selenga River Basin. Juridicheskaja nauka. 2021. № 9. S. 65 – 70.

14. Suhodolov A.P., Anoshko P.A., Suhodolov Ja.A., Kolesnikova A.V. Transgranichnaja territorija vodosbornogo bassejna Bajkala: mezhdunarodno-pravovye aspekty upravlenija. Transgranichnye vodnye ob#ekty: ispol'zovanie, upravlenie, ohrana. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Novocherkassk, 2021. S. 349 – 354.

15. Gizzatullin R.H. Jekologicheskaja funkcija gosudarstva: teorija i praktika realizacii: avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. Moskva, 2014. 44 s.

16. O sostojanii i ob ohrane okruzhajushhej sredy Rossijskoj Federacii v 2020 godu. Gosudarstvennyj doklad. Uchastka vsemirnogo prirodnogo nasledija. M., 2021. S. 827.

РАЗРАБОТКА ПОЛОЖЕНИЙ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ СЕТЕВОГО ВЕЩАНИЯ В РАМКАХ ПОСТОЯННОГО КОМИТЕТА ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ И СМЕЖНЫМ ПРАВАМ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Устинова А.В., аспирант,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: *с момента своего появления вещание заняло особое место в современном обществе. Развитие технологий способствовало применению в деятельности организаций вещания спутниковых, кабельных и Интернет-платформ для предоставления потребителям широкого перечня услуг. В настоящее время международная правовая база не обеспечивает эффективную охрану прав организаций в новых вещательных средах. Необходимость разработки международного документа, охватывающего регулирование института сетевого вещания, определена с самых первых сессий Постоянного комитета по авторскому праву и смежным правам Всемирной организации интеллектуальной собственности. Вместе с тем продолжительное обсуждение на международных площадках, региональных семинарах, неофициальных консультациях вопросов правовой охраны веб-вещания до сих пор не привело к требуемому результату в виде принятия договора в сфере вещания.*

Цель: *на основании анализа проектов международного договора по охране прав организаций сетевого вещания и позиций делегаций, участвующих на сессиях Постоянного комитета ВОИС, выявить основные причины отсутствия единства к пониманию института интернет-вещания и подходы к его определению.*

Методы: *общенаучные методы, частнонаучные, в том числе формально-юридический и сравнительно-правовой.*

Результаты: *анализ проектов международного договора по охране прав организаций сетевого вещания и позиций делегаций в рамках Постоянного комитета ВОИС позволяет обосновать тезис о том, что сложность и неопределенность точек зрения к пониманию сетевого вещания являются основной причиной разделения рассматриваемых предложений на два похода.*

Выводы: *отсутствие международного признания сетевого вещания способствует разрешению данного вопроса на национальном уровне, что в результате приводит к осложнению принятия договора в будущем.*

Ключевые слова: *смежные права, вещание, Интернет, Всемирная организация интеллектуальной собственности*

DEVELOPMENT OF PROVISIONS ON CIVIL LAW PROTECTION OF NETWORK BROADCASTING WITHIN THE FRAMEWORK OF THE STANDING COMMITTEE ON COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS OF THE WORLD INTELLECTUAL PROPERTY ORGANIZATION

Ustinova A.V., Postgraduate,
Perm State National Research University

Abstract: *since its inception, broadcasting has taken a special place in modern society. The development of technologies has contributed to the use of satellite, cable and Internet platforms in the activities of broadcasting organizations to provide consumers with a wide range of services. At present, the international legal framework does not effectively protect the rights of organizations in the new broadcast environments. The need to develop an international document covering the regulation of the institution of network broadcasting has been identified since the very first sessions of the Standing Committee on Copyright and Related Rights of the World Intellectual Property Organization. At the same time, a long discussion at international platforms, regional seminars, informal consultations on the issues of legal protection of webcasting has not yet led to the desired result in the form of an agreement in the field of broadcasting.*

Purpose*: based on the analysis of the draft international treaty on the protection of the rights of network broadcasting organizations and the positions of delegations participating in the sessions of the WIPO Standing Committee, to identify the main reasons for the lack of unity in understanding the institution of Internet broadcasting and approaches to its definition.*

Methods: *general scientific methods, private scientific methods, including formal legal and comparative legal methods.*

Results: *analysis of the drafts of the international treaty on the protection of the rights of network broadcasting organizations and the positions of delegations within the WIPO Standing Committee allows us to substantiate the thesis that the complexity and uncertainty of points of view to understanding network broadcasting are the main reason for dividing the considered proposals into two approaches.*

Conclusions: *the lack of international recognition of network broadcasting contributes to the resolution of this issue at the national level, which, as a result, leads to the complication of the adoption of the treaty in the future.*

Keywords: *related rights; broadcasting; Internet; World Intellectual Property Organization*

Введение и актуальность

В условиях стремительного развития технологий возникла необходимость создания на постоянной основе международной площадки, которая позволяла бы государствам и международным организациям обсуждать вопросы, касающиеся авторского права и прав, смежных с авторскими [16]. Такой площадкой стал специальный комитет экспертов, учрежденный решением Генеральной Ассамблеи ВОИС – Постоянный комитет по авторскому праву и смежным правам ВОИС (далее – Постоянный комитет ВОИС) [4, с. 488]. С самой первой сессии Постоянного комитета ВОИС, проходившей в Женеве со 2 по 10 ноября 1998 года, и до настоящего времени, одним из рассматриваемых вопросов повестки дня является защита прав организаций вещания. Совершенно очевидно, что ни один из действующих международных договоров в сфере вещания не учитывает в полном объеме технологии, возникшие в цифровую эпоху. Поэтому в условиях принятия в 1996 году Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам [6, p. 23] правительственными и неправительственными делегациями на протяжении длительного времени предпринимались попытки обоснования необходимости охраны вещания.

Научная значимость и цель исследования

В целях анализа проектов международного договора по охране прав организаций сетевого вещания и позиций делегаций, участвующих на сессиях Постоянного комитета ВОИС, выявления основных причин отсутствия единства к пониманию института интернет-вещания и подходов к его определению, а также обобщения накопившегося в праве интеллектуальной собственности теоретического материала по проблеме [1, 3, 4, 5, 6] автор обращается к теме статьи.

Общей тенденцией, наблюдаемой с 1998 года, явилось то, что с одной стороны, некоторые государства и международные организации в рамках ВОИС приходили к выводу о необходимости дополнительного обсуждения вопросов регулирования веб-вещания (далее – веб-вещание, интернет-вещание, сетевое вещание) на международном уровне, поскольку оно «все еще было слишком новое, слишком неопределенное и слишком противоречивое» [7]; а с другой – рядом делегаций отмечалось то, что отсутствуют какие-либо основания для распространения защиты на веб-вещание, значительно отличающееся от классического вещания. В то же время нельзя не отметить предложения по обновлению положений в части предоставления правовой охраны организациям веб-вещания.

Впервые в рамках Постоянного комитета ВОИС определение вещания, охватывающее трансляции в сети Интернет, представлено в 1999 году Ассоциацией цифровых медиа (Digital Media Association) как «передача для публики звуков или изображений и звуков, а также любых связанных или дополнительных данных или текста, передаваемых организацией, осуществляющей передачу» [8]. К достоинствам данного определения можно отнести нейтральный подход, который позволяет, с одной стороны, технически рассматривать интернет-вещание так же, как и классическое вещание, а с другой – учитывать новые технологии передачи сигналов. При этом сделанный неправительственной организацией акцент на дополнительные данные (например, информация относительно исполнителей, ссылки на интернет-сайты онлайн-магазинов и т.д.) в большей степени относится к факультативно-интерактивным признакам интернет-вещания, поскольку их отсутствие не отразится на функциональном назначении собственно вещания.

До восьмой сессии Постоянного комитета ВОИС (4-8 ноября 2002) ни одно из предложений делегаций прямо не включало охрану прав веб-вещателей, в связи с чем, Соединенные Штаты Америки подготовили рабочий документ по вопросу защиты прав вещательных организаций (далее – проект договора SCCR/8/7). Важно отметить, что США – одно из государств, где наблюдался высокий уровень широкополосного доступа в сеть Интернет, следовательно, риск пиратства в компьютерных сетях и ущерба от этого мог быть сравнительно больше. Данная правительственная делегация предложила расширить сферу международного применения договорных положений в сфере вещания, распространив их действие не только на классическое вещание, но и на кабельное вещание и интернет-вещание. В ст. 2 проекта договора SCCR/8/7 представлена классификация вещания в зависимости от технологии: эфирное, спутниковое, кабельное вещание и интернет-вещание. Под последним понимается «обеспечение доступа публике через компьютерную сеть к передачам одних и тех же звуков, изображений или звуков и изображений или их отображений, передава-

емых по проводным или беспроводным средствам связи» [9]. Подобный широкий технологически нейтральный подход к определению веб-вещания позволяет относить к нему потоковое вещание, вещание по требованию и иные типы, за исключением ретрансляции.

Большинство участвующих в сессии Постоянного комитета ВОИС делегаций выразило опасения по предложенному уровню защиты, выходящему за рамки формирующегося международного консенсуса относительно обновления защиты классического вещания, указав или на отказ от идеи защиты веб-вещателей, или на необходимость отдельного рассмотрения данного вопроса на следующих сессиях Постоянного комитета ВОИС [10]. Подобные позиции делегаций можно объяснить недостаточным обоснованием охраны прав вещательных организаций в компьютерных сетях, особенно в межгосударственном масштабе, и последствий этого для классических вещателей и иных правообладателей. Также в 2002 году развитие технологий в сфере вещания во многих государствах находилось на недостаточно высоком уровне, поэтому интерес к международному правовому регулированию сетевого вещания был небольшой. Кроме того, еще одним препятствием к обсуждению защиты сетевого вещания, как и вещания в целом, являлся вопрос предоставления охраны аудиовизуальным исполнениям, неурегулирование которого на тот момент приводило к дисбалансу между исключительными правами вещательных организаций и иных правообладателей.

Учитывая комментарии делегаций на предыдущих сессиях Постоянного комитета ВОИС, необходимость соблюдения баланса интересов вещательных организаций и других правообладателей, а также более широкие политические интересы [11], к девятой сессии Постоянного комитета ВОИС делегацией США представлен обновленный вариант проекта договора в сфере вещания (далее- предложение SCCR/9/4 Rev.). Изменения коснулись, в частности, определения понятия «интернет-вещания», которое приобрело узкий смысл. Дополнительное указание на «одни и те же звуки, изображения, звуки и изображения или их отображения», «практически в одно и то же время» [12] послужило ограничением сетевого вещания потоковой передачей в режиме реального времени. Итак, представленные выше на обсуждение позиции правительственных и неправительственных делегаций относительно сетевого вещания в зависимости от объема содержания можно разделить на два подхода: широкий, в соответствии с которым к сетевому вещанию относятся потоковое вещание, вещание по требованию, одновременная трансляция и иные типы в различных комбинациях; узкий, включающий исключительно потоковую передачу в режиме реального времени.

Что касается пересмотренного предложения SCCR/9/4 Rev, то оно являлось новым шагом на пути предоставления правовой охраны организациям веб-вещания, способствовавшим более широкой дискуссии по вопросу включения интернет-вещания в новый международный договор ВОИС. Вместе с тем понимание веб-вещания в узком смысле как потоковой передачи в режиме реального времени впоследствии рассматривалось в качестве альтернативных решений по отношению к основным предложениям рабочих документов. Так, к одиннадцатой сессии Постоянного комитета ВОИС на основании поступивших от делегаций государств и Европейского сообщества предложений Секретариат и Председатель подготовили консолидированный текст договора по охране прав организаций эфирного вещания (далее – консолидированный текст SCCR/11/3) [13], в соответствии с которым, по мнению Л. Гибо, Р. Мельцер (L. Guibault, R. Melzer), защита организаций вещания похожа на защиту, предоставляемую в Европейском союзе [5, p.4-7]. Назначение данного документа состояло в определении положений будущего договора в сфере вещания, по которым позиции делегаций совпадают, а также положений, по которым имеются разногласия. В этой связи консолидированный текст SCCR/11/3 включает единственные варианты статей, а также при наличии расхождений во мнениях среди делегаций - статьи и альтернативные варианты к ним.

Как показали предыдущие обсуждения в рамках Постоянного комитета ВОИС, консенсус среди делегаций по вопросу признания сетевого вещания в качестве сферы защиты будущего договора отсутствовал, что закономерно способствовало тому, что определение сетевого вещания в узком смысле указано в качестве альтернативы «С» к ст. 2. Аналогичное место в тексте будущего договора заняло и предложение Европейского союза о включении института одновременного вещания. В свою очередь представитель делегации Замбии и вовсе предложил США отказаться от предложения об интернет-вещании в целях достижения положительных результатов при обсуждении [14]. С подобной позицией трудно согласиться. В случае принятия предложения Европейского сообщества при отсутствии потокового вещания в современной цифровой среде трудно будет провести различие между сетевым и одновременным вещанием, поскольку они представляют собой разные аспекты одного вида деятельности в Интернете. Кроме того, сохранение положений о сетевом вещании позволит проводить анализ и обсуждение в контексте иных положений, следовательно, способствовать прогрессу в принятии решений.

Также в ходе сессий уточнялось понимание «сетевого вещания». Например, собственно «сетевое вещание» доработано посредством указания на сигнал, несущий программу. Представляется, что формальное перенесение сигнального подхода на вещание в Интернете неверно как минимум с технической стороны,

поскольку оно основано на технологии передачи данных с использованием широкополосной сети по общему протоколу IP [2, с. 402-403]. Также противоречив и сам англо-американский сигнальный подход к определению охраняемого объекта проекта договора [1, с. 59-63].

В дальнейшем на сессиях Постоянного комитета ВОИС, заседаниях Генеральной Ассамблеи ВОИС, региональных семинарах, неофициальных консультациях рассматривались вопросы охраны сетевого вещания, трансляции посредством компьютерной сети. Специально проводимые для Постоянного комитета ВОИС исследования определяли, что в условиях преобразования вещания вследствие цифровых технологий, технических новшеств несанкционированный доступ к использованию сигналов способствовал появлению новых видов пиратства. Названное явление приводило и приводит к тому, что организации вещания «теряют контроль над своими программами», имеют серьезный ущерб. Подобные выводы в совокупности с вносимыми предложениями государств-членов относительно веб-вещания каждый раз способствовали новому витку затяжных обсуждений этих аспектов в ходе сессий Постоянного комитета ВОИС.

В целях принятия единого, согласованного и отвечающего современным технологиям решения среди делегаций с 2015 года Председатель Постоянного комитета ВОИС для обсуждения на сессиях подготавливал сводные тексты, включающие в т.ч. определения, положения об объекте охраны, правах (SCCR/31/3, SCCR/32/3, SCRR/33/3 и др.). Анализ данных документов, включающих альтернативные варианты, показал, что определения вещательных организаций стали ограничиваться традиционным определением организаций эфирного (кабельного) вещания: организации, осуществляющие трансляцию передач исключительно посредством компьютерных сетей, вещательными не признаются. Вместе с тем предполагалось, что защита трансляций передач классических вещательных организаций через компьютерные сети должна осуществляться на основании положений об объекте защиты. Кроме того, в сводных текстах даётся широкое определение ретрансляции, не зависящее от применяемой технологии доставки сигнала и платформы, что позволяет осуществлять трансляции через сеть Интернет. Таким образом, за последние восемь лет достигнут незначительный прогресс по вопросу трансляции передач классических вещательных организаций посредством компьютерных сетей, что нашло отражение в Пересмотренном проекте текста договора ВОИС о вещательных организациях, подготовленном к сорок второй сессии Постоянного комитета с 9 по 13 мая 2022 года [15]. При этом Постоянный комитет ВОИС отложил рассмотрение охраны собственно сетевого вещания на более поздний срок в связи с нерешённостью существенных вопросов, поэтому соответствующее решение о созыве Дипломатической конференции принято не было до сих пор.

Результаты

Рассмотрение на сессиях Постоянного комитета ВОИС вопросов вещания при отсутствии конкретного результата в виде принятия международного документа свидетельствует об отсутствии комплексного понимания интернет-вещания как среди государств и международных организаций, так среди руководящих лиц ВОИС. Представляется, что это связано с несколькими аспектами. Во-первых, расширение понятия вещания фундаментально изменило бы концепцию предоставления охраны смежным правам классических вещателей, взятую за основу при принятии Римской конвенции 1961 года. Во-вторых, регламентирование интернет-вещания требует тщательного изучения технических, экономических и юридических вопросов, национальных правовых традиций при соблюдении баланса интересов авторов, исполнителей и других правообладателей [120-121]. Одновременно, как указано выше, некоторые вопросы остаются открытыми для разрешения (объекты охраны, технология передачи, территориальность). Кроме того, необходимо учитывать имеющийся разрыв в технологической и правовой сферах между развивающимися и развитыми странами. Рассмотренные проекты международного договора по охране прав организаций сетевого вещания и позиции делегаций в рамках Постоянного комитета ВОИС позволяют выявить два подхода к определению сетевого вещания узкий и широкий.

Заключение

В завершении хотелось бы отметить, что отсутствие прогресса в анализируемой сфере заставляет государства и организации самостоятельно находить нормативные подходы к охране вещания в Интернете. Примером тому служит Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза №2019/789 от 17.04.2019, закрепившая применение принципа происхождения страны к услугам одновременной и отложенной онлайн-трансляции. Подобные обстоятельства с каждым годом ставят под сомнение актуальность вопроса необходимости принятия международного договора по охране прав организаций сетевого вещания.

Литература

1. Бузова Н.В. Международно-правовое регулирование отношений, связанных с объектами смежных прав: современное состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 51 – 67.
2. Мамчев Г.В. Цифровое телевизионное вещание: учебник. Новосибирск: СибГУТИ, 2014. 448 с.
3. Матвеев А.Г. Природа и система смежных прав: монография. Уфа: Аэтерна, 2020. 176 с.
4. Матвеев А.Г. Круг смежных прав в международном праве и национальных правовых системах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 4 (38). С. 484 – 496.
5. Guibault L., Melzer R. The Legal Protection of Broadcast Signals. Legal Observations of the European Audiovisual Observatory. 2004. № 10. P. 1 – 8.
6. Rafiei G. The Possibility of granting new legal protection and IP rights to broadcasting organizations against the unauthorized exploitation of their broadcasts / University of Neuchâtel. 2015. 322 p
7. Документ ВОИС SCCR/6/4 от 20 декабря 2001 г. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_6/sccr_6_4-main1.pdf (дата обращения: 17.10.2022).
8. Материалы неправительственных организаций ВОИС (документ ВОИС SCCR/2/6 от 7 апреля 1999 г.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_2/sccr_2_6.pdf (дата обращения: 17.10.2022)
9. Предложение Соединенных Штатов Америки в отношении защиты прав организаций вещания (документ ВОИС SCCR/8/7 от 21 октября 2002 г.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_8/sccr_8_7.pdf (дата обращения: 17.10.2022)
10. Документ ВОИС SCCR/8/9 от 8 ноября 2002 г. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_8/sccr_8_9.pdf (дата обращения: 17.10.2022)
11. Документ ВОИС SCCR/9/11 от 23 июня 2003 г. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_9/sccr_9_11.pdf (дата обращения: 17.10.2022)
12. Предложение Соединенных Штатов Америки в отношении защиты прав организаций вещания (документ ВОИС SCCR/9/4 Rev. от 1 мая 2003 г.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_9/sccr_9_4_rev.pdf (дата обращения: 17.10.2022)
13. Консолидированный текст договора по охране прав организаций эфирного вещания (документ ВОИС SCCR/11/3 от 29 февраля 2004 г.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_11/sccr_11_3.pdf (дата обращения: 17.10.2022).
14. Документ ВОИС SCCR/11/4 от 16 сентября 2004 г. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_11/sccr_11_4.pdf (дата обращения: 17.10.2022).
15. Пересмотренный проект текста договора ВОИС о вещательных организациях (документ ВОИС SCCR/42/3 от 4 марта 2022 г.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_42/sccr_42_3.pdf (дата обращения: 17.10.2022)
16. Федорцова А.С. Объекты интеллектуальной собственности // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 2. С. 287 – 290.

References

1. Buzova N.V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie otnoshenij, svjazannyh s ob#ektami smezhnyh prav: sovremennoe sostojanie i perspektivy. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2020. № 3. S. 51 – 67.
2. Mamchev G.V. Cifrovoe televizionnoe veshhanie: uchebnik. Novosibirsk: SibGUTI, 2014. 448 s.
3. Matveev A.G. Priroda i sistema smezhnyh prav: monografija. Ufa: Ajeterna, 2020. 176 s.
4. Matveev A.G. Krug smezhnyh prav v mezhdunarodnom prave i nacional'nyh pravovyh sistemah. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. 2017. № 4 (38). S. 484 – 496.
5. Guibault L., Melzer R. The Legal Protection of Broadcast Signals. Legal Observations of the European Audiovisual Observatory. 2004. № 10. R. 1 – 8.
6. Rafiei G. The Possibility of granting new legal protection and IP rights to broadcasting organizations against the unauthorized exploitation of their broadcasts. University of Neuchâtel. 2015. 322 p
7. Dokument VOIS SCCR/6/4 ot 20 dekabrja 2001 g. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_6/sccr_6_4-main1.pdf (data obrashhenija: 17.10.2022).
8. Materialy nepravitel'stvennyh organizacij VOIS (dokument VOIS SCCR/2/6 ot 7 aprelja 1999 g.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_2/sccr_2_6.pdf (data obrashhenija: 17.10.2022)
9. Predlozhenie Soedinennyh Shtatov Ameriki v otnoshenii zashhity prav organizacij veshhanija (dokument VOIS SCCR/8/7 ot 21 oktjabrja 2002 g.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_8/sccr_8_7.pdf (data obrashhenija: 17.10.2022)

10. Dokument VOIS SCCR/8/9 ot 8 nojabrja 2002 g. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_8/sccr_8_9.pdf (data obrashhenija: 17.10.2022)
11. Dokument VOIS SCCR/9/11 ot 23 ijunja 2003 g. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_9/sccr_9_11.pdf (data obrashhenija: 17.10.2022)
12. Predlozhenie Soedinennyh Shtatov Ameriki v otnoshenii zashhity prav organizacij veshhanija (dokument VOIS SCCR/9/4 Rev. ot 1 maja 2003 g.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_9/sccr_9_4_rev.pdf (data obrashhenija: 17.10.2022)
13. Konsolidirovannyj tekst dogovora po ohrane prav organizacij jefirnogo veshhanija (dokument VOIS SCCR/11/3 ot 29 fevralja 2004 g.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_11/sccr_11_3.pdf (data obrashhenija: 17.10.2022).
14. Dokument VOIS SCCR/11/4 ot 16 sentjabrja 2004 g. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_11/sccr_11_4.pdf (data obrashhenija: 17.10.2022).
15. Peresmotrennyj proekt teksta dogovora VOIS o veshhatel'nyh organizacijah (dokument VOIS SCCR/42/3 ot 4 marta 2022 g.). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_42/sccr_42_3.pdf (data obrashhenija: 17.10.2022)
16. Fedorcova A.S. Ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti. Russian Economic Bulletin. 2021. T. 4. № 2. S. 287 – 290.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Алменбетова Г.Ж.,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

Аннотация: *статья посвящена проблеме формирования новой кадровой политики в органах внутренних дел Республики Казахстан и Российской Федерации с момента распада СССР в условиях политического и социально-экономического кризиса. Показаны общие черты и основные тенденции развития, основные принципы реализации кадровой политики органов внутренних дел обеих государств за последние десятилетия. Внимание автора уделено ключевым моментам трансформации кадровой политики правоохранительных органов: проблемам подбора, удержания и подготовки кадров органов внутренних дел, препринятым попыткам проведения системных мер по стабилизации кадровой ситуации и укреплению кадрового состава.*

Ключевые слова: *кадровая политика органов внутренних дел, кадровый потенциал, человеческий ресурс, ведомственное образование, подготовка кадров, система отбора кадров, конкурсные процедуры*

SOME ASPECTS OF THE EVOLUTION OF THE PERSONEL POLICY OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION OF THE REPUBLIC OF RAZAKSTAN

Almenbetova G.Zh.,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V.Ya. Kikot'

Abstract: *the article is devoted to the problem of the formation of a new personnel policy in the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation since the collapse of the USSR in the context of the political and socio-economic crisis. The general features and main development trends, the main principles for the implementation of the personnel policy of the internal affairs bodies of both states over the past decades are shown. The author's attention is paid to the key moments of the transformation of the personnel policy of law enforcement agencies: the problems of training, retention and training of personnel of the internal affairs bodies, the attempts made to carry out systemic measures to stabilize the personnel situation and strengthen the personnel.*

Keywords: *personnel policy of internal affairs bodies, personnel potential, human resource, departmental education, personnel training, personnel selection system, competitive procedures*

В условиях трансформации политических систем, ориентации государств на демократическое развитие и вовлечение граждан в управление государством важным фактором эффективного социального управления становится кадровая политика.

Роль кадровой политики все больше возрастает вместе с ростом влияния человеческого фактора в решении социальных проблем.

В 21 столетии «высокое качество человеческого потенциала» становится «основным фактором определяющим положение и роль… государства в мире в долгосрочной перспективе» [1], а также «главным активом» и «крупнейшим завоеванием народа»[2].

Вместе с тем, любой аспект аспект социально-экономического развития может быть успешно реализован только при условии верховенства закона и гарантирования безопасности граждан.

В этой связи, предъявляются новые требования к правоохранительным органам, и в частности, к органам внутренних дел (далее - ОВД,) которые должны быть открыты запросам граждан.

За последние 15 лет в России и Казахстане происходят процессы постоянного системного реформирования ОВД, касающиеся, прежде всего, ее кадровой составляющей.

В условиях перехода к рыночной экономике меры по формированию кадрового корпуса требовали качественно иного подхода к разработке и реализации кадровой политики. И Россия, и Казахстан в новых исторических условиях вынуждены были основываться как на советское прошлое и наследие, так и учитывать зарубежный опыт ее организации и реализации. При этом в обоих странах прослеживались как общие характерные черты и особенности, так и различные тенденции ее развития.

Как мне представляется, с момента обретения независимости кадровая политика ОВД Российской Федерации и Республики Казахстан прошла следующие ключевые этапы:

1991-2000 годы – формирование правовой базы ОВД, демократизация и деполитизация правоохранительной службы, поиск путей развития правоохранительных систем в рамках судебно-правовых реформ 90 – годов XX века;

2001-2012 годы – поиск и внедрение эффективных кадровых технологий и современных методов кадровой работы, дальнейшее совершенствование системы отбора, подготовки кадров, разработка мер по повышению результативности служебной деятельности сотрудников в рамках Административной реформы 2004 года в России и Концепции правовой политики в Казахстане от 2002 года;

2012 годы-2018 год – формирование стратегического подхода к управлению персоналом, принятие новой кадровой политики ОВД в рамках Федерального Закона России «О полиции» 2011 года и Указа Президента Республики Казахстан «О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан» 2010 года;

с 2019 года – формирование сервисной модели полиции в Казахстане, усиление требований к профессиональным и личным качествам полицейских, разработка стандартов поведения полицейского, дальнейшее совершенствование системы отбора и подготовки кадров в рамках Дорожной карты по модернизации ОВД Республики Казахстан на 2019-2021 годы.

На первом этапе, в условиях развала экономических связей постсоветского пространства, обострения криминальной ситуации характерной тенденцией становится отток опытных, квалифицированных кадров. Так, в 1995 году почти 60% сотрудников ОВД России уволены со службы по собственному желанию, возрасту и выслуге лет [3, с. 4]. Аналогичная ситуация с кадровым составом складывается и в ОВД Казахстана. Так, в 1993 году уровень оттока кадров из ОВД составлял почти 40%.

Одновременно на фоне потребности органов в квалифицированных кадрах происходит резкое снижение материально-технического обеспечения сотрудников, мотивирующих их к служебной деятельности.

Низкий уровень правового регулирования социальной защиты сотрудников тех лет, основанный на остаточном принципе финансирования и материально-технического обеспечения ОВД дел, также не мог не отразиться на состоянии кадров и их текучести [4, с. 7].

Указанные обстоятельства требовали от ОВД России и Казахстана совершенствования их деятельности, реформирования и принятия мер по обеспечению кадрами.

В условиях укрепления российской и казахстанской государственности наряду с изменением подходов к государственной кадровой политике, меняется законодательная база по вопросам кадрового обеспечения ОВД. В рамках создания собственных государственно-правовых институтов в новых государствах закладываются правовые основы деятельности ОВД, закрепляются их функции и задачи.

Цели и задачи кадровой политики ОВД были направлены на приведение правовой базы в соответствие происходящим социально-политическим условиям жизнедеятельности общества и государства, укреплению законности и правопорядка, национальным традициям и менталитету общества.

С принятием нового законодательства внедряются демократические принципы на службе, устанавливающие равный доступ к службе и недопустимость дискриминации при реализации кадровой политики. Принимаются меры по снижению политизации ОВД, запрещающих создание в структуре органа политических партий. Устраняется чрезмерная бюрократизация служебных отношений, предусматривающая ответственность за нарушение требований законодательных и подзаконных актов, а также установление четкого и обоснованного разделения компетенций руководителей структурных органов. Усиливаются тенденции к децентрализации начал службы, выразившейся в расширении полномочий руководителей региональных подразделений. Обеспечивается правовая защита сотрудников, направленная на устранение нелигитимных условий и предпосылок деятельности сотрудников, установление правовых пределов действия их служебных обязанностей и прав. В сфере социальной защиты вводится система социальных выплат сотрудникам, льгот и социальных гарантий в виде надбавок, доплат, компенсационных выплат [5, с. 7-17].

Вместе с тем, возрастает роль профессиональной подготовки кадров ОВД России и Казахстана, развивается и расширяется система профессионального образования. Если на начало 1991 года ведомственная система подготовки кадров МВД России включала 18 высших школ милиции (включая академию), 35 средних специальных школ милиции, 4 школы милиции для младшего начсостава, то уже на начало 2000 годов в нее входило 32 образовательных учреждения высшего и среднего профессионального образования, 44 филиала, 2 школы служебно-розыскного законодательства, 2 суворовских военных училища и институт повышения квалификации, 106 учебных центров первоначальной подготовки [6, с. 162-187].

В МВД Казахстана также были предприняты попытки по расширению системы подготовки кадров. Так, с 1991 до 1995 года функционировало 2 высших учебных заведения, 2 специальные средние школы и 8 школ профессиональной (первоначальной) подготовки. Уже с 1996 по 2000 годы количество учебных заве-

дений увеличилось и насчитывало уже 3 высших учебных заведения, 3 средне-профессиональных образовательных учреждения и 10 училищ МВД первоначальной подготовке.

Трансформация государственно-правовых институтов вновь созданных государств осуществлялась под влиянием мировой практики. В целях интеграции в международное полицейское сообщество милиция Казахстана в 1998 году была переименована в полицию, что законодательно закрепило правовой статус органов национальной полиции. Упразднение Государственного следственного комитета позволила вернуть в органы внутренних дел функции, задачи и полномочия в сфере проведения оперативно-розыскной деятельности и предварительного следствия, создав единую систему органов по охране общественного порядка.

Таким образом, на данном этапе принимаются меры по приведению правовой базы ОВД в соответствие к реалиям времени, кадровая политика ОВД была направлена на удержание, сохранение и дальнейшее развитие кадрового потенциала органов.

На следующем этапе, начиная с 2000 годов в обоих государствах отмечается тенденция по стабилизации социально-экономической и политической обстановки, несмотря на усиление внешних и внутренних угроз со стороны международного терроризма и экстремизма, нелегальной миграции, а также межнациональных конфликтов.

Однако, вместе с развитием рыночных отношений и появлением новых оплачиваемых видов деятельности продолжается отток квалифицированных кадров, снижается эффективность работы. В России в этот период отмечается отсутствием конкурса на замещение вакантных должностей, сокращением удельного веса сотрудников с практическим стажем работы [7, с. 4].

Данная тенденция наблюдалась и в МВД Казахстана. Так, за 2003-2009 годы из казахстанской полиции в среднем ежегодно увольнялось более 5200 чел., из них 70% увольнялись по собственному желанию. Основной причиной увольнений по собственному желанию стал переход на более высокооплачиваемую работу [8, с. 312].

В рамках проводимых на данном этапе административных реформ государственного аппарата реализуются меры по повышению эффективности государственного управления, гуманизации правовой основы, а также внедрения антикоррупционного законодательства. Оптимизируется структура управления правоохранительной системы в Казахстане и ОВД России, сокращается штатная численность правоохранительных органов в Казахстане (15%) [9], ОВД России (на 20%) [10], устраняются дублирующие и несвойственные функции, проводится переаттестация сотрудников (в 2011 году – в России, в 2012 году – в Казахстане), формируется новая система социальной защиты сотрудников и членов их семей.

Параллельно с совершенствованием подходов к формированию кадровой политики ОВД возникает потребность в новой правоохранительной системе соответствующей международным стандартам правоохранительной службы в демократическом государстве.

В России ключевым моментом реформы ОВД стало переименование в 2011 году милиции в полицию, и создание новой правовой основы ее деятельности в соответствии с международными стандартами работы.

Особенностью развития правоохранительной деятельности данного периода России и Казахстана является совершенствование ее деятельности с позиций обеспечения защиты неотъемлемых прав и свобод граждан. Признается необходимость обеспечения жесткого общественного контроля, а также усовершенствование системы отчетности и оценки деятельности ОВД. В отличии от предыдущего этапа, критерием результативности выдвигаются не количественные показатели, а качество работ, где индикатором его выступает рост доверия граждан [11].

С учетом внимания на общечеловеческих, гуманистических ценностях в деятельности МВД пересматриваются все функции ОВД, связанных с реализацией как правоохранительных, так и функций обслуживания населения. Тренды мировой зарубежной практики правоохранительных органов обуславливают потребность в открытой правоохранительной системе, способной вести диалог с обществом и взаимодействовать с его институтами [12, с. 27].

Таким образом, необходимость внедрения современных стандартов организации полицейской деятельности обусловили пересмотра обновленных подходов не только к организации полиции, но и к обучению кадров полиции.

На основании чего, МВД России и Казахстана оптимизируется система ведомственных учебных заведений (в России – из 23 высших учебных заведений МВД ликвидировано – 3 [10], в Казахстане – из 14 учебных центров МВД – 4), совершенствуются технологии обучения, происходит компьютеризация учебного процесса, усиливается качество обучения, направленного на сближение профессионального образования к практической деятельности служб.

Активизируется разработка и внедрение в учебный процесс современных технологий и методик подготовки руководящего состава, владеющего навыками успешного решения управленческих задач в сфере борьбы с преступностью и охраны общественного порядка.

В целях укрепления профессионального ядра ОВД увеличиваются доплаты за специальные звания сотрудникам полиции и приравниваются к воинской службе. В среднем, денежное довольствие сотрудников в России увеличилось в 2 раза, размеры пенсий – в 1,6 раза [13]. Казахстанским полицейским доплата за специальные звания была увеличена с 2013 года в среднем, на 41% [14].

Одним из направлений реформ в сфере кадрового обеспечения стало изменение системы отбора на службу. Впервые вводится конкурсная система поступления на службу, представляющая собой оценку профессионального уровня кандидатов на службу. Следует отметить, что в Казахстане с 2017 года кандидаты на правоохранительную службу проходят конкурсные процедуры (тестирование на знание национального законодательства и оценку личных качеств) централизованно, на базе уполномоченного органа в сфере государственной службы [15].

Впервые в ОВД России и Казахстана конкурсные процедуры проводятся с приглашением наблюдателей из числа общественности, причем собеседование с казахстанскими кандидатами проводится с обязательным использованием аудио-видео записи.

В целом, на данном этапе кадровая политика ОВД направлена на гуманизацию законодательства, поиск путей и способов создания открытой обществу правоохранительной системы.

Третий этап характеризуется продолжением реформирования полицейской службы в рамках совершенствования государственного управления. В 2012 и 2013 годах в обоих государствах предпринимаются попытки принятия Концепций кадровой политики органов внутренних дел (далее – Концепция), регулирующих и устанавливающих новые принципы и подходы к кадровому обеспечению органов внутренних дел.

Однако, следует отметить, что разработанный МВД России в 2012 году проект Концепции кадровой политики МВД до 2020 года [16] так и не был утвержден, оставшись на уровне проекта, что свидетельствует об отсутствии нормативного закрепления и слабой проработанности доктринальной базы кадровой политики органов внутренних дел.

Вместе с тем, в 2013 году в Республике Казахстан Указом Президента Республики Казахстан от 31 декабря 2013 года №720 «О мерах по дальнейшему развитию правоохранительной системы Республики Казахстан» была одобрена Концепция кадровой политики правоохранительных органов Республики Казахстан.

Основополагающим моментом в Концепции являлось установление в качестве концептуальной основы стратегического подхода к управлению кадровым ресурсом.

Принцип признания человеческого ресурса становится решающим фактором повышения эффективности правоохранительной деятельности Российской Федерации и Республики Казахстан.

Отмечается, что реализация кадровой политики полицейской службы обоих государств должна строится на современных методах, процедурах, требованиях к подготовке кадров, способного своевременно и на должном уровне обеспечить защиту прав и свобод граждан, общественный порядок и безопасность.

Внедряется и развивается система оценки деятельности результатов сотрудников. Оценка деятельности казахстанских полицейских строится согласно специально разработанной методике, где критериями выступают: эффективность человеческих ресурсов, обучение сотрудников ОВД, эффективность работы по соблюдению дисциплины, законности и профилактики коррупции, а также уровень профессиональной подготовки.

В обоих государствах принимаются меры по обеспечению прозрачности полиции за счет создания системы общественных советов по рассмотрению жалоб граждан на действия полицейских, нарушающих этические нормы.

Текущая социально-экономическая ситуация обуславливает развитие и наличие у сотрудников полиции навыков в сфере трансформационного лидерства, управления изменениями, стратегического видения ситуации. Теперь совершенствование системы обучения сотрудников, повышения их квалификации направлено на расширение требований к личностным навыкам.

На настоящем этапе реформирования казахстанской полиции с 2019 года осуществляется переход на сервисную модель общественной безопасности, ориентирующую полицию на потребности гражданского общества. Внедряются новые современные форматы работы с населением, изменяются критерии оценки полиции. Продолжается оптимизация структуры полиции, сокращена численность ОВД (на 11%), упразднены излишние управленческие звенья и руководящие должности [17].

Тем самым, в сфере кадровой политики ОВД обоих государств за три десятилетия мы наблюдаем постепенный переход в политике управления кадровых служб от поддерживающей административной функции

к стратегической. Совершенствуются принципы и методы кадровой работы, активно разрабатываются и используются инновационные кадроведческие технологии, направленные на оптимизацию деятельности и развитие профессиональных качеств сотрудников.

Факт признания человеческого ресурса основным фактором эффективности любой служебной деятельности акцентировал внимание на необходимости учета прав и интересов сотрудника ОВД. Более того, эффективность реализации прав, свобод, интересов сотрудников как профессионала, гражданина и личности должна строится в неразрывной связи с интересами ОВД и государства [18, с. 11].

Как мы видим, трансформация кадровой политики ОВД в России и в Казахстане осуществляется под влиянием социально-политических и экономических преобразований государства и общества, демократических принципов, основанных на приоритете прав и свобод человека и гражданина. В результате этих преобразований ОВД из органа контроля над поведением граждан трансформируются в органы, осуществляющие защиту их прав и свобод.

Вместе с тем, учитывая изменяющиеся условия общественно-политической и социально-экономической реальности, политика органов внутренних дел по работе с кадрами требует постоянного совершенствования и пересмотра. В частности, требует научной разработки и нормативного закрепления доктринальная база кадровой политики Российской Федерации и Республики Казахстан в связи с отсутвием таковой в российских органанх внутренних дел и устареванием в Республике Казахстан.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ec97029645278dce9d199b14ea6bbf6c09ee93aa/

2. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия-2050». Астана, 2012. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstana_1339760819 (дата обращения: 25.12.2021)

3. Зыбин С.Ф. Кадровое обеспечение деятельности органов внутренних дел (историко-правовой и теоретико-правовой анализ): дис. … докт. юр. наук. Санкт-Петербург, 1997. С. 4.

4. Якушев В.А. Правовые основы материально-технического обеспечения и социальной защиты сотрудников полиции и милиции в Российском государстве, 1718-2009 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юр. наук. Москва, 2010. С.7.

5. Кондрашов Б.П., Черенков Е.А., Черников В.В. Новое законодательство о прохождении службы в органах внутренних дел. Нижний Новгород, 1993. С. 7 – 17.

6. Тихомиров С.Н. Профессиональное образование в МВД России: опыт становления, закономерности и перспективы развития: монография. Москва, МосУ МВД России, 2006. С. 162 – 187.

7. Спицына Е.А. Правовое обеспечение формирования кадровых ресурсов органов внутренних дел. авторефю дис. … канд. юр. наук. Москва, 2003. С. 24.

8. Биекенов Н.А. Национальная полиция Казахстана: конституционно-правовые основы организации и деятельности: монография. Бишкек, 2011. С. 312.

9. Указ Президента Республики Казахстан от 27 сентября 2010 года № 1072 «О мерах по оптимизации штатной численности органов, содержащихся за счет государственного бюджета и сметы (бюджета) Национального Банка Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30825918 (дата обращения: 25.12.2021)

10. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. URL: https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html (дата обращения: 25.12.2021)

11. Послание Президента Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. «Новое десятилетие – Новый экономический подъем – Новые возможности Казахстана». Астана, 29 января 2010 г. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g. (дата обращения: 25.12.2021)

12. Пашин В.М., Кобозев А.А. Основные направления и формы реализации новой кадровой политики в МВД России: учебное пособие. Домодедово. ВИПК МВД России, 2013. С. 27.

13. Футо С.Р. К 100-летию Федерального закона «О полиции»: некоторые аспекты истории создания и принятия // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 14 – 27.

14. Карабчук Т.С., Альмухаметов Р.Р. Заработная плата полицейских в Болгарии, Казахстане, Латвии и России.2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-i-nekotorye-problemy-sovremennogo-razvitiya-kadrovoy-politiki-mvd-rossii/viewer (дата обращения: 25.12.2021)

15. Закон Республики Казахстан «О правоохранительной службе». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30916594#sub_id=0 (дата обращения: 25.12.2021)

16. Проект Концепции кадровой политики МВД Российской Федерации в органах внутренних дел на период до 2020 года. Москва, 2012. URL: https://17.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovoj_politiki_Ministerstv; Указ Президента Республики Казахстан от 31 декабря 2013 года № 720 «О мерах по дальнейшему развитию правоохранительной системы Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31495101 (дата обращения: 25.12.2021)

17. Как изменилась система правоохранительных органов за годы Независимости РК. URL:https://www.inform.kz/ru/kak-izmenilas-sistema-pravoohranitel-nyh-organov-za-gody-nezavisimosti-rk_a3873964//https://www.inform.kz/ru/kak-izmenilas-sistema-pravoohranitel-nyh-organov-za-gody-nezavisimosti-rk_a3873964 (дата обращения: 25.12.2021)

18. Пашин В.М., Кобозев А.А. Основные направления и формы реализации новой кадровой политики в МВД России: учебное пособие. Домодедово. ВИПК МВД России, 2013. С. 11.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ec97029645278dce9d199b14ea6bbf6c09ee93aa/

2. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan N.A. Nazarbaeva narodu Kazahstana «Strategija-2050». Astana, 2012. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstana_1339760819 (data obrashhenija: 25.12.2021)

3. Zybin S.F. Kadrovoe obespechenie dejatel'nosti organov vnutrennih del (istoriko-pravovoj i teoretiko-pravovoj analiz): dis. … dokt. jur. nauk. Sankt-Peterburg, 1997. S. 4.

4. Jakushev V.A. Pravovye osnovy material'no-tehnicheskogo obespechenija i social'noj zashhity sotrudnikov policii i milicii v Rossijskom gosudarstve, 1718-2009 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. … kand. jur. nauk. Moskva, 2010. S.7.

5. Kondrashov B.P., Cherenkov E.A., Chernikov V.V. Novoe zakonodatel'stvo o prohozhdenii sluzhby v organah vnutrennih del. Nizhnij Novgorod, 1993. S. 7 – 17.

6. Tihomirov S.N. Professional'noe obrazovanie v MVD Rossii: opyt stanovlenija, zakonomernosti i perspektivy razvitija: monografija. Moskva, MosU MVD Rossii, 2006. S. 162 – 187.

7. Spicyna E.A. Pravovoe obespechenie formirovanija kadrovyh resursov organov vnutrennih del. avtorefju dis. … kand. jur. nauk. Moskva, 2003. S. 24.

8. Biekenov N.A. Nacional'naja policija Kazahstana: konstitucionno-pravovye osnovy organizacii i dejatel'nosti: monografija. Bishkek, 2011. S. 312.

9. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 27 sentjabrja 2010 goda № 1072 «O merah po optimizacii shtatnoj chislennosti organov, soderzhashhihsja za schet gosudarstvennogo bjudzheta i smety (bjudzheta) Nacional'nogo Banka Respubliki Kazahstan». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30825918 (data obrashhenija: 25.12.2021)

10. Dorozhnaja karta dal'nejshego reformirovanija organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html (data obrashhenija: 25.12.2021)

11. Poslanie Prezidenta Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan N. Nazarbaeva narodu Kazahstana. «Novoe desjatiletie – Novyj jekonomicheskij pod#em – Novye vozmozhnosti Kazahstana». Astana, 29 janvarja 2010 g. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g. (data obrashhenija: 25.12.2021)

12. Pashin V.M., Kobozev A.A. Osnovnye napravlenija i formy realizacii novoj kadrovoj politiki v MVD Rossii: uchebnoe posobie. Domodedovo. VIPK MVD Rossii, 2013. S. 27.

13. Futo S.R. K 100-letiju Federal'nogo zakona «O policii»: nekotorye aspekty istorii sozdanija i prinjatija. Administrativnoe pravo i process. 2021. № 5. S. 14 – 27.

14. Karabchuk T.S., Al'muhametov R.R. Zarabotnaja plata policejskih v Bolgarii, Kazahstane, Latvii i Rossii.2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-i-nekotorye-problemy-sovremennogo-razvitiya-kadrovoy-politiki-mvd-rossii/viewer (data obrashhenija: 25.12.2021)

15. Zakon Respubliki Kazahstan «O pravoohranitel'noj sluzhbe». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30916594#sub_id=0 (data obrashhenija: 25.12.2021)

16. Proekt Koncepcii kadrovoj politiki MVD Rossijskoj Federacii v organah vnutrennih del na period do 2020 goda. Moskva, 2012. URL: https://17.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovoj_politiki_Ministerstv; Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 31 dekabrja 2013 goda № 720 «O merah po dal'nejshemu razvitiju pravoohranitel'noj sistemy Respubliki Kazahstan». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31495101 (data obrashhenija: 25.12.2021)

17. Kak izmenilas' sistema pravoohranitel'nyh organov za gody Nezavisimosti RK. //URL:https://www.inform.kz/ru/kak-izmenilas-sistema-pravoohranitel-nyh-organov-za-gody-nezavisimosti-rk_a3873964//https://www.inform.kz/ru/kak-izmenilas-sistema-pravoohranitel-nyh-organov-za-gody-nezavisimosti-rk_a3873964 (data obrashhenija: 25.12.2021)

18. Pashin V.M., Kobozev A.A. Osnovnye napravlenija i formy realizacii novoj kadrovoj politiki v MVD Rossii: uchebnoe posobie. Domodedovo. VIPK MVD Rossii, 2013. S. 11.

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВАХ ПОСТУПЛЕНИЯ НА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Майкенов А.Р.,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

Аннотация: *государственная служба в Республике Казахстан, являясь важным государственным институтом, основана на положениях Конституции.*

Закрепленные конституционные основы содержат требования, направленные на обеспечение национальной безопасности. В ходе проведенного сравнительного анализа Конституций Республики Казахстан и Российской Федерации в части закрепления института гражданства и его влияния на доступ к государственной службе, обосновывается необходимость расширения видов политико-правовой связи физических лиц с государством применительно к Казахстану, путем дополнения таким видом как подданство.

В статье также указывается на целесообразность вменения в обязанности сотрудников органов внутренних дел сообщение руководству об обращении с ходатайством о получении вида на жительство или иных документов, дающих право на постоянное проживание в другом государстве.

Ключевые слова: *государственная служба, правоохранительная служба, служба в органах внутренних дел, право на доступ к государственной службе, гражданство, требования к поступающим на государственную службу*

ON THE CONSTITUTIONAL BASIS OF ADMISSION TO THE LAW ENFORCEMENT SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Maykenov A.R.,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairsof the Russian Federation named after V.Ya. Kikot'

Abstract*: the civil service in the Republic of Kazakhstan, being an important State institution, is based on the provisions of the Constitution.*

The fixed constitutional foundations contain requirements aimed at ensuring national security. In the course of the comparative analysis of the Constitutions of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation regarding the consolidation of the institution of citizenship and its impact on access to public service, the necessity of expanding the types of political and legal ties of individuals with the state in relation to Kazakhstan, by supplementing such a type as citizenship, is substantiated.

The article also points out the expediency of imputing to the duties of employees of the internal affairs bodies a message to the management about applying for a residence permit or other documents granting the right to permanent residence in another state.

Keywords: *civil service, law enforcement service, service in the internal affairs bodies, the right to access to public service, citizenship, requirements for entering the civil service*

Понятие правоохранительной службы в Республике Казахстан (далее – РК) закреплено законодательно в 2011 году с принятием Закона «О правоохранительной службе». Кроме отнесения данного вида службы к государственной и придания ему статуса «особого» вида, казахстанским законодателем также определен и перечень государственных органов, в которых предусмотрено ее прохождение. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года №380-IV ЗРК «О правоохранительной службе» «определяет исчерпывающий перечень правоохранительных органов, к которым относятся органы прокуратуры, государственной противопожарной службы, антикоррупционная служба, служба экономических расследований, а также органы внутренних дел.

Наделение правоохранительной службы особым статусом требует определения и особых требований к лицам, претендующим на замещение должностей в системе правоохранительных органов.

Согласно Конституции РК, наряду с установлением норм по вопросам правосубъектности физических и юридических лиц, налогообложения, судопроизводства, обеспечения безопасности, здравоохранения и образования в государстве, государственная служба отнесена к важнейшим общественным отношениям и определяется законом [1].

Статья 33 Конституции РК, являясь отправной точкой правовой основы института государственной службы, закрепляя равные права на доступ к государственной службе, устанавливает ряд требований.

Главным требованием, предъявляемым к физическому лицу при поступлении на государственную службу, является норма о наличии гражданства РК. Данная норма последовательна нашла свое отражение как в законодательстве о государственной службе, так и в законодательстве по вопросам поступления и прохождения правоохранительной службы в органах внутренних дел. Необходимо отметить, что в соответствии со статьей 10 Конституции РК за гражданином Казахстана не признается гражданство другого государства.

Аналогично Казахстану в России гарантируется право на равный доступ граждан Российской Федерации к государственной службе, что закреплено статьей 32 Конституции. Однако, в отличие от Казахстана статья 62 Конституции России позволяет гражданам Российской Федерации иметь иностранное гражданство. При подробном рассмотрении отметим, что освещая институт двойного гражданства, действующее законодательство России упоминает такое гражданство в связке с подданством. Раскрывая понятие гражданства в профильном законе, законодательный орган Российской Федерации относит подданство к иному гражданству, т.е. правовой связи лица с другим государством [2].

Предупреждая возникновение проблем в сфере национальной безопасности, пунктом 2 статьи 62 Конституции РФ установлена возможность ограничения прав граждан России, имеющих двойное гражданство, при наличии соответствующей нормы в федеральном законе или международном договоре, ратифицированном законодательным органом и подписанном Президентом РФ в установленном порядке. Так, статьи 14 и 82 Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2011 года №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» препятствием для поступления на службу в органы внутренних дел гражданина России или основанием для ее прекращения определяет наличие у последнего гражданства, а равно с ним и подданства иностранного государства [3]. Данная норма, в апреле 2021 года была дополнена весьма важным, на наш взгляд, положением, отнеся к обозначенным ограничениям также наличие вида на жительство на территории другого государства, или иных документов, дающих право на постоянное проживание в другом государстве гражданина России [4].

Анализируя казахстанское законодательство следует отметить некоторые моменты, не нашедшие своего отражения. Так, несмотря на непризнание за гражданами Казахстана гражданства другого государства в Конституции РК не рассмотрен вопрос возможности наличия у граждан Казахстан подданства другого государства. Тем не менее, на сегодняшний день, около трех десятков стран мира по форме правления относятся к монархиям [5] и в некоторых из них предусмотрен институт подданства. И если, к примеру, в Японии подданство утрачивается с принятием гражданства другого государства, то в Великобритании, подданные могут иметь гражданство других государств. Так, согласно статистическим данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан в 2021 году в Казахстан прибыло 6 англичан (2019 – 5, 2020 г. – 10) [6]. Вполне вероятно обращение подданных Великобритании, либо других монархий о приеме в гражданство Казахстана. И, разумеется, при этом, остается открытым вопрос об отказе ими от подданства своего государства.

Таким образом, на сегодняшний день, практически ничто не мешает физическим лицам, оставаясь подданным существующих монархий, получить гражданство Республики Казахстан, т.е. стать «квазигражданином» Казахстана и частью казахстанского народа – источника государственной власти, а также претендовать на занятие должностей государственной службы, в том числе и ее особых видов (правоохранительной, воинской, службы в специальных государственных органах), принимать участие в управлении делами государства. В целом, не может не вызывать обеспокоенность вопрос: будет ли деятельность таких лиц на государственной службе направлена на эффективность системы организации публичной власти в Казахстане или нет?

Следующий момент, который, по нашему мнению, не отражен в казахстанском законодательстве, заключается в следующем. Так, определяя условия, препятствующие поступлению граждан республики на государственную и, соответственно, на правоохранительную службу, в качестве таковых не обозначены наличие вида на жительство на территории другого государства, или иных документов, дающих право на постоянное проживание в другом государстве.

Кроме этого, представлены существенно узкие основания прекращения государственной службы политическими и административными государственным служащим, сведя лишь к наличию у гражданина Казахстана гражданства другого государства [7]. В отношении правоохранительной службы, ненамного продвинувшись, законодатель вменил в обязанность сотрудника правоохранительного органа, в том числе и сотрудника органов внутренних дел, сообщать об обращении с ходатайством о выходе из гражданства, либо за приобретением иностранного гражданства, а также подобных обращениях супруги (супруга) и выделив в

качестве основания увольнения несообщение об указанных фактах в письменной форме в установленные сроки, при этом отнеся невыполнение данной обязанности к отрицательным мотивам увольнения [8].

Вместе с тем, следует обратить внимание, что в отдельных государствах получение гражданства иностранцами предваряется определенными процедурами, такими как, получение вида на жительства, гринкарты и т.д., не требующие на этой стадии отказа от гражданства своей страны, что в случае с государственными служащими создает определенные риски национальной безопасности. Выходом в сложившейся ситуации, как видится, станет дополнение обязанностей сотрудников органов внутренних дел сообщать о своем письменном обращении с ходатайством о получении вида на жительство или иных документов, дающих право на постоянное проживание в другом государстве.

Изложенные аспекты по вопросу конституционно-правовой связи лица и государства при приеме на государственную либо правоохранительную службу в Казахстане, по мнению автора, могут послужить основанием для обсуждения вопроса внесения соответствующих изменений в Конституцию и в законодательство о государственной и правоохранительной службах.

Возвращаясь к вопросу о равных правах на доступ к государственной службе, отметим, что он вовсе не означает его автоматическую реализацию. Установленный нормой пункта 4 статьи 33 Конституции равный доступ обозначен как юридическая возможность. При этом должно обеспечиваться соответствие определенным требованиям, что, вместе с тем, не означает их произвольное установление. Эта же норма содержит другие положения, направленные на защиту прав и свобод гражданина Казахстана. Во-первых, к кандидатам на замещение должностей государственной службы могут предъявляться требования, обусловленные только характером должностных обязанностей.

Во-вторых, закрепление предъявляемых требований в законе, является условием их легитимности. Таким образом исключается возможность исполнительной власти жонглировать требованиями и предупреждаются коррупционные риски.

В целом требования к поступающим на государственную службу нашли свое закрепление в Законе Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года №416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан».

К гражданам же, поступающим на правоохранительную службу установлены более повышенные требования как к физиологическому и психологическому состояниям, так и к предшествующему поступлению на службу отношению к соблюдению законодательства. Данные требования нашли свое закрепление в Законе Республики Казахстан от 6 января 2011 года №380-IV ЗРК «О правоохранительной службе». С учетом объема предъявляемых требований, их рассмотрение будет предметом нашего дальнейшего исследования.

Подводя итог, отметим важность точного закрепления в Конституции института политико-правовой связи гражданина с государством, оказывающего непосредственное влияние на формирование правовых основ института государственной службы, необходимость дальнейшего рассмотрения обязанностей сотрудников, связанных с вступлением в политико-правовые отношения с другими государствами, их обсуждения и внесения изменений в законодательство.

Литература

1. Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30 августа 1995г. Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996, № 4, Ст. № 217. (с изменениями и дополнениями, внесенными Законами РК по состоянию на 17 сентября 2022 г.)

2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 24.09.2022) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/901819226 (дата обращения: 13.10.2022)

3. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 30.04.2021) // «Консультант Плюс» – законодательство РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 13.10.2022)

4. Федеральный закон Российской Федерации от 30 апреля 2021 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации №18 от 3 мая 2021 года, ст. 3060 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.szrf.ru/ (дата обращения: 13.10.2022)

5. Федорова-Кузнецова И.В. Монархическая система власти в современном мире и ее особенности // Общество: политика, экономика, право. 2019. №9 (74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/monarhicheskaya-sistema-vlasti-v-sovremennom-mire-i-ee-osobennosti (дата обращения: 13.10.2022)

6. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5 (дата обращения: 13.10.2022)

7. Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан» (ред. от 11.07.2022) // ЭКБ НПА РК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/ 95690/rus (дата обращения: 13.10.2022)

8. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV ЗРК «О правоохранительной службе» (ред. от 11.07.2022) // ЭКБ НПА РК. [Электронный ресурс]. URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/56792/rus (дата обращения: 13.10.2022)

References

1. Konstitucija Respubliki Kazahstan prinjata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995g. Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazahstan, 1996, № 4, St. № 217. (s izmenenijami i dopolnenijami, vnesennymi Zakonami RK po sostojaniju na 17 sentjabrja 2022 g.)

2. Federal'nyj zakon ot 31 maja 2002 g. № 62-FZ «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» (red. ot 24.09.2022). Jelektronnyj fond normativno-tehnicheskoj i normativno-pravovoj informacii Konsorciuma «Kodeks» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://docs.cntd.ru/document/901819226 (data obrashhenija: 13.10.2022)

3. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 30 nojabrja 2011 g. № 342-FZ «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (red. ot 30.04.2021). «Konsul'tant Pljus» – zakonodatel'stvo RF [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_122329/ (data obrashhenija: 13.10.2022)

4. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 30 aprelja 2021 g. № 116-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii №18 ot 3 maja 2021 goda, st. 3060 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.szrf.ru/ (data obrashhenija: 13.10.2022)

5. Fedorova-Kuznecova I.V. Monarhicheskaja sistema vlasti v sovremennom mire i ee osobennosti. Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2019. №9 (74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/monarhicheskaya-sistema-vlasti-v-sovremennom-mire-i-ee-osobennosti (data obrashhenija: 13.10.2022)

6. Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5 (data obrashhenija: 13.10.2022)

7. Zakon Respubliki Kazahstan ot 23 nojabrja 2015 goda № 416-V ZRK «O gosudarstvennoj sluzhbe Respubliki Kazahstan» (red. ot 11.07.2022). JeKB NPA RK. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/ 95690/rus (data obrashhenija: 13.10.2022)

8. Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 janvarja 2011 goda № 380-IV ZRK «O pravoohranitel'noj sluzhbe» (red. ot 11.07.2022). JeKB NPA RK. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/56792/rus (data obrashhenija: 13.10.2022)